

Министерство культуры Хабаровского края

Краевое государственное бюджетное
научное учреждение культуры
«Дальневосточная государственная
научная библиотека»

Федеральное государственное
бюджетное учреждение
«Хабаровский организационно-
методический центр
Дальневосточного отделения
Российской академии наук»

Федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Хабаровский государственный
институт культуры»

Научно-практический журнал
Издаётся с ноября 2007 года
(до сентября 2016 года
выходил под названием
«История и культура Приамурья»)
Выходит 2 раза в год

КУЛЬТУРА И НАУКА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

научно-практический журнал

№ 1 (26) / 2019

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Воронов Борис Александрович
сопредседатель
(Хабаровский организационно-методический центр ДВО РАН)

Минакир Павел Александрович
сопредседатель
(Институт экономических исследований ДВО РАН)

Федосов Александр Вячеславович
сопредседатель
(министерство культуры Хабаровского края)

Березницкий Сергей Васильевич
(Институт народов Севера Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург)

Букреев Александр Иванович
(Ленинградский областной институт развития образования, г. Санкт-Петербург)

Иванченко Сергей Николаевич
(Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск)

Флиер Андрей Яковлевич
(Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, г. Москва)

Чебанюк Татьяна Алексеевна
(Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет)

Шейкин Юрий Ильич
(Арктический государственный институт культуры и искусств, г. Якутск)

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Главный редактор
Скоринин Сергей Нестерович

Заместители главного редактора
Бляхер Леонид Ефимович
Савелова Евгения Валерьевна
Филаткина Ирина Викторовна
Якуба Татьяна Юрьевна

Руководители направлений
Байков Николай Михайлович
Готного Александр Васильевич
Ярулин Илдус Файзрахманович
(Точка зрения)

Брейтман Александр Семёнович
Качанова Елена Юрьевна
(Социокультурная реальность. Кафедра. Персона)

Алепко Александр Валентинович
Дубинина Нина Ивановна
(Историописание. Наследие)

Шхалиев Рафик Шхалиевич
Салеева Лариса Владимировна
Крюков Иван Владимирович
(Артефакт)

Завалишин Андрей Юрьевич
(Диалог культур и этносов)

Лысенко Светлана Юрьевна
Никитин Алексей Алексеевич
Шавгарова Анна Владимировна
(Художественная сфера)

Дробышевская Светлана Донатовна
Наумова Раиса Вячеславовна
(Библиография)

ПРЕДПЕЧАТНАЯ ПОДГОТОВКА
Выпускающий редактор **О. Н. Волкотрубова**
Вёрстка **Е. Е. Кравцова**
Корректор **Г. И. Казачук**
Перевод на англ. яз. **Н. С. Амплеева**

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-66926 от 25.08.2016 г.
ISSN 2542-1328 (Print)
ISSN 2541-8939 (Online), www.fessl.ru/KNDV/

Адрес редакции:
680000, г. Хабаровск,
ул. Муравьёва-Амурского, д. 1/72
Тел. (4212) 32-72-20
E-mail: ivfilat@mail.ru, volkotrubova.olga@yandex.ru

© Краевое государственное бюджетное научное учреждение культуры «Дальневосточная государственная научная библиотека»

СОДЕРЖАНИЕ:

► К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ОСНОВАНИЯ ПРИАМУРСКОГО ОТДЕЛА РГО
Роль Приамурского отдела ИРГО в развитии книжной культуры Дальнего Востока.....4
Базылева Елена Анатольевна

Академик Александр Миддендорф — первый исследователь природы Хабаровского края.....8
Антонов Александр Леонидович,
Махинов Алексей Николаевич

Источник отражения культуры своего времени14
Лютова Надежда Константиновна

► ХАБАРОВСКОМУ ХУДГРАФУ — 60
Графики и педагоги хабаровского худграфа18
Шишкина Виктория Авенировна

► К 160-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМА
Шолом-Алейхем в камне и металле.....28
Цап Владислав Абрамович

Шолом-Алейхем — душа еврейского народа.....33
Журавлёва Ольга Прохоровна

Коллекция книг Шолом-Алейхема в фондах Биробиджанской областной библиотеки39
Акименко Алла Николаевна

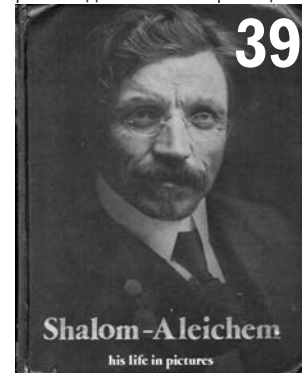
► К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ГРИГОРИЯ ХОДЖЕРА
Энциклопедия нанайского народа в произведениях дальневосточного писателя Григория Ходжера.....45
Ходжер Елена Григорьевна

«Лучший мой проводник был Вашим тёзкой...»52
Бурия Виктор Петрович

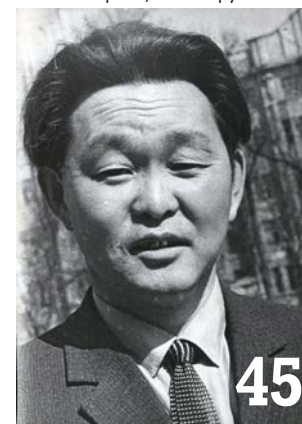
На художественно-графическом факультете Хабаровского государственного педагогического института всегда работали сильные художники-графики, прекрасно владевшие техниками печатной гравюры. Творчество каждого из них могло бы стать предметом специального исследования, но в рамках этой юбилейной статьи мы сделаем только краткий обзор творчества тех художников, кто посвятил педагогической деятельности всю жизнь.

Фонды Биробиджанской областной научной библиотеки содержат книги Шолом-Алейхема на трёх языках: на идише, русском и английском. Его сочинения на идише — наше богатство! Вряд ли есть ещё библиотека в Сибири и на Дальнем Востоке, которая обладает такими сокровищами.

Литературное наследие Григория Ходжера велико, им написано 30 книг, а общий тираж приближается к пяти миллионам экземпляров. Имя автора хорошо известно не только в нашей стране, но и за рубежом.

► ИСТОРИОПИСАНИЕ

Театры Хабаровского края в годы Великой Отечественной войны..... 57

Богданов Сергей Александрович

Хабаровский процесс 1949 года и нечеловеческие эксперименты над людьми в бактериологическом отряде № 731 японской Квантунской армии 63

Алепко Александр Валентинович

Русские переводчики из Харбина 71

Плискина Валентина Николаевна

Знаменательные и занимательные случаи из истории камчатского здравоохранения (1934–1939 гг.)..... 86

Гаврилова Наталья Сергеевна

Исторические аспекты возникновения пограничной охраны на дальневосточных и забайкальских рубежах России (XVIII – начало XX века)..... 94

Тарасов Олег Юрьевич, Шульженко Николай Владимирович

Опыт исторической реконструкции сражения за Лахасусу..... 99

Пастухов Алексей Михайлович

► ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Ещё одна типология культуры..... 110

Флиер Андрей Яковлевич

► СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Становление потребительской кооперации в России и её развитие на Дальнем Востоке России 115

Ермакова Наталья Леонидовна

Главным печатным органом Камчатки более полувека была газета «Камчатская правда». Сегодня страницы этого периодического издания могут рассказать многое о тех временах: об организации быта и общественной жизни, о достижениях в науке и технике, о школах и больницах...

86

Изобразительное искусство Хабаровского края, его многогранность и разнообразие нельзя оценить без вклада художника Андрея Иченгаевича Бельды. Трудно представить, как много ему пришлось пережить в молодости, пришедшейся на голодные послевоенные годы.

136

В Дальневосточной государственной научной библиотеке уже несколько лет ведётся работа по изучению коллекции фотодокументов. На первом этапе исследования решено было разработать форму описания фотоальбома. В последующие годы фотодокументы изучались в аспекте какой-либо определённой темы. Были рассмотрены фотографии города Хабаровска, этнографические фотографии народов Сибири и Дальнего Востока России. Затем была описана краеведческая часть коллекции фотоальбомов. А в 2018 году предпринята попытка рассмотреть всю коллекцию фотодокументов ДВГНБ конца XIX – начала XX века в её целостности.

155

Информационная культура в изучении литературы родного края: итоги научно-исследовательского эксперимента..... 124

Кавалерчик Татьяна Борисовна

► ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СФЕРА

Знакомство с произведениями Александра Солженицына в Китае 132

Чжан Сяочан (张晓强)

Нанай — «человек земли» в творчестве художника Андрея Бельды 136

Шишкина Виктория Авериевна

► ПЕРСОНА

Владислав Цап: «Мне наиболее близка еврейская тематика» 143

► БИБЛИОГРАФИЯ

Чёрный квадрат искусства 149

Павлов Владимир Николаевич

► АРТЕФАКТ

Коллекция фотоальбомов Дальневосточной государственной научной библиотеки конца XIX – начала XX века как объект хранения и исторический источник 155

Загородняя Кристина Андреевна

Документы сахалинской каторги 165

Воропаева Александра Валерьевна

Информация для авторов 175

БАЗЫЛЕВА ЕЛЕНА АНАТОЛЬЕВНА

РОЛЬ ПРИАМУРСКОГО ОТДЕЛА ИРГО В РАЗВИТИИ КНИЖНОЙ КУЛЬТУРЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

В статье основное внимание уделяется роли Приамурского отдела Императорского Русского географического общества в развитии книжной культуры дореволюционного Дальнего Востока. Проанализирован вклад ПОИРГО в формирование книжного дела региона: книгоиздание, распространение изданий и библиотечное дело. Деятельность ИРГО рассмотрена во взаимосвязи с социально-экономическими изменениями, происходившими на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX века.

Ключевые слова: Приамурский отдел Императорского Русского географического общества, издательская деятельность, распространение книжной продукции, библиотечное дело, книжная культура Дальнего Востока.

Keywords: Amur Department of the Imperial Russian Geographical Society, publishing activity, book distribution, Library management, Far East book culture.

Развитие книжной культуры дореволюционного Дальнего Востока России было взаимосвязано с изменениями, происходившими в области политики, экономики и культуры в стране. В 80–90-х годах XIX века ускорились процессы экономических, социальных и культурных преобразований, чему во многом способствовало развернувшееся строительство Транссибирской железнодорожной магистрали. В этот же период происходило интенсивное освоение восточных территорий страны, увеличился поток переселенцев на Дальний Восток, имевший, в том числе, и большое культурное значение для края. Значительное влияние на развитие книжной культуры этого региона оказали политические. За короткий исторический срок дальневосточные окраины стали неотъемлемой частью Российского государства. В 1884 году Дальний Восток выделяется из состава Восточной Сибири и становится самостоятельной административной единицей — Приамурским генерал-губернаторством. В это же время усилилась роль таких дальневосточных городов и культурных центров, как Хабаровск и Владивосток, в дальнейшем освоении восточных территорий страны [6, с. 171–174]. В начале XX века Дальний Восток уверенно вошёл в эру капитализма, распространялись новые экономические отношения. Отрицательно на развитии книжного дела Дальнего Востока сказались военные и революционные события начала XX века, явившиеся причиной ухудшения экономической конъюнктуры страны в целом [7, с. 27, 118–119, 192–193].

Государственные задачи по освоению дальневосточных территорий повлекли за собой создание отделов Императорского Русского географического общества (ИРГО), ставших впоследствии довольно крупными издающими научными организациями региона. Уже в 90-х годах XIX века сеть отделений ИРГО охватывает Дальний Восток. До 1917 года в регионе действовало пять филиалов. Приамурский отдел ИРГО (ПОИРГО) — первый дальневосточный отдел ИРГО, организовавший впоследствии собственные филиалы. Он стал культурным центром и сплотил все научные силы края. ПОИРГО был открыт в 1894 году в Хабаровске по инициативе окружного военно-медицинского инспектора В. Н. Радакова и при содействии приамурского генерал-губернатора С. М. Духовского. Первым председателем был избран генерал-лейтенант Н. И. Гродеков [3, л. 52–53].

Сотрудники ПОИРГО занимались изучением Приамурья, Охотского побережья, Амурской области, Забайкалья, Камчатки, Сахалина, Уссурийского края, а также сопредельных с ними Маньчжурии, Монголии, Китая, Кореи и Японии. Сравнивая задачи ПОИРГО и других региональных отделов ИРГО, очевидно, что его задачи изначально были гораздо шире. Исследования предполагалось проводить не только в области географии, этнографии и статистики,

но и в естественно-историческом отношении, в программу изучения изначально были включены зарубежные страны [1, л. 18, 18 (об.)].

В 1895 году в Хабаровске вышло два выпуска «Трудов» ПОИРГО. Однако в дальнейшем, когда появилась полиграфическая возможность выпуска постоянного печатного органа «Записок» в Хабаровске (с 1896 г. «Записки» издавались в местных, а не столичных типографиях), а также с созданием редакционной комиссии был изменён подход к редакционно-издательской деятельности и выпуск «Трудов» был прекращён. В целом издательской практике ПОИРГО благоприятствовала существовавшая в то время в Хабаровске ситуация: поддержка со стороны администрации, наличие специалистов и другое.

С 1894 по 1914 год ПОИРГО издавал «Записки» (всего 10 томов в 25 выпусках). Первая книга вышла в Санкт-Петербурге в типографии Академии наук, последующие — в Хабаровске в типографиях канцелярии приамурского генерал-губернатора, штаба Приамурского военного округа и в электропечатне Товарищества «Приамурье». Научно-издательская деятельность находилась в ведении Совета ПОИРГО и редакционной комиссии.

На страницах «Записок» издавались материалы по проблемам, связанным с освоением Дальнего Востока, развитием сельского хозяйства, рыболовства, пушного промысла, фабрично-заводской промышленности и судоходства. Здесь же помещались работы по различным вопросам географии, геологии, ботаники, зоологии, метеорологии, медицины, экономики и статистики. В «Записках» печатались разнообразные по жанрам и форме материалы. Среди них научные отчёты об экспедициях, дневники и описания путешествий, очерки, доклады, заслушанные на заседаниях, протоколы и т. д.

Отдел проводил многоплановые научно-практические и краеведческие исследования, следствием чего стала публикация комплексных работ. Среди них историко-этнографический очерк В. К. Арсеньева «Китайцы в Уссурийском крае» («Записки», 1914 г., т. 10, вып. 1), содержащий как этнографические материалы, так и сведения в области географии, ботаники и зоологии Уссурийского края.

ПОИРГО издавал не только научную и научно-популярную литературу, но и ведомственную. С 1897 по 1916 год ПОИРГО было напечатано десять «Отчётов». В 1894–1895 годах в качестве приложений к «Приамурским ведомостям» публиковались журналы и протоколы собраний отдела, которые в основном были незначительны по объёму (от 1 до 7 страниц). Отделом было также издано несколько уставов и положений.

ПОИРГО публиковал сведения о работе своих научно-вспомогательных учреждений — печатал каталоги

библиотеки и коллекций музея. Первый выпуск «Каталога Николаевской публичной библиотеки ПОИРГО» был издан в 1894 году в Хабаровске. В 1909 году вышли в свет «Каталог Николаевской публичной библиотеки ПОИРГО. Отдел переводной беллетристики» и «Каталог Николаевской публичной библиотеки ПОИРГО. Отдел русской беллетристики», в 1912 году — «Каталог Николаевской публичной библиотеки ПОИРГО. Вып. 1. Амурский отдел». В 1900 году издано два выпуска «Каталога музея»: первый под названием «Лесной отдел», второй — «Фауна Амурского края. Птицы».

Выпуск в свет печатных каталогов способствовал рекламе книжных фондов библиотек, в какой-то мере расширению читательской аудитории, а, следовательно, и более активному функционированию изданий в обществе. Получившие распространение печатные каталоги являются доказательством развития библиотечного дела в регионе.

Помимо каталогов библиотеки и музея в свет вышли труды, подводящие итоги деятельности за определённый период. В 1899 году в типографии канцелярии приамурского генерал-губернатора был напечатан «Краткий очерк возникновения и деятельности Николаевской публичной библиотеки ПОИРГО за первое 4-летие ее существования: с 1895 по 1898 г. и отчет за 1898 г.». В 1913 году в той же типографии вышла в свет «Краткая история Приамурского отдела ИРГО за 20 лет. 1893–1913».

Отдельными изданиями были изданы «Празднование Приамурским отделом Императорского Русского географического общества пятидесятилетия водружения русского флага на устье реки Амура» (Хабаровск, 1900) и доклад С. Н. Ванкова «О рациональном водоснабжении города Хабаровска» (Хабаровск, 1901).

Издательская практика ПОИРГО сыграла положительную роль в информационном освещении результатов новых открытий, направленных на освоение региона, в популяризации достижений сотрудников отдела среди широких кругов общественности. Приведённые выше факты из истории издательской деятельности отдела свидетельствуют о его немаловажном вкладе в развитие дальневосточного книгоиздания. Печатная продукция ПОИРГО является частным доказательством единства книжной культуры и государственности.

Книжная продукция ПОИРГО распространялась по тем же путям и каналам, как издания других филиалов сети ИРГО и в целом научных организаций дореволюционной России. Преобладали книгообмен и безвозмездная рассылка, а также имели место продажа, подписка, личный книгообмен. Издания ПОИРГО способствовали налаживанию культурно-коммуникативных связей как на территории России, так и за рубежом, благодаря имевшему место книгообмену с иностранными учреждениями.

Например, в 1896 году ПОИРГО выслал свои издания с целью книгообмена в 24 редакции газет и журналов и в 165 научных обществ и учреждений [4, с. 9]. В 1915 году, несмотря на имевшие место в стране военные действия и политические коллизии, столь явно препятствовавшие налаживанию культурно-коммуникативных контактов, ПОИРГО получил 89 журналов, «Записок» и других изданий от научных учреждений, обществ и комиссий, состоявших с ним в книгообмене [5, с. 51].

В 90-х годах XIX века на Дальнем Востоке усилилась общественная потребность в книге и чтении, назрела необходимость в распространении культурных и технических знаний среди различных слоёв населения, что, естественно, нашло своё отражение и в формировании библиотек дальневосточных филиалов ИРГО, которым зачастую были присущи одновременно функции и научных, и публичных библиотек. Так, и библиотека Приамурского отдела ИРГО несла одновременно функции научной и публичной библиотеки.

Библиотека ПОИРГО создавалась вместе с отделом и была открыта в том же 1894 году. Активное участие в организации библиотеки ПОИРГО принял будущий генерал-губернатор Н. И. Гродеков. Библиотека ПОИРГО, как и большинство библиотек сети отделов Русского географического общества, формировалась на пожертвования научных учреждений и частных лиц. Уже в второй год существования в библиотеку отдела было выписано 34 журнала и газеты. Ввиду недостатка денег у отдела председатель Н. И. Гродеков ассигновал из личных средств 250 рублей [8, л. 281]. На 1 июля 1895 года библиотека насчитывала 25 тысяч томов, не считая 3 276 дубликатов [2, с. 11]. За первые шесть лет существования (с 1894 по 1900 г.) фонд увеличился до 41,6 тысячи экземпляров, а в 1914 году было уже более 70 тысяч названий.

Первоначально предполагалось, что библиотека ПОИРГО будет научной, однако после крупного пожертвования наследником престола беллетристической и детской литературы при отделе была открыта Николаевская публичная библиотека. В 1907 году библиотека работала ежедневно, за исключением праздничных дней. В среднем ежедневная посещаемость читального зала составляла около 25 человек, а за год — свыше 8 000. Общее число читателей на 1 декабря 1907 года составило 117. В библиотеке работало два платных библиотекаря. На выписку книг и журналов было потрачено 747 рублей 45 копеек [3, л. 181 (об.) – 182, 184–185]. Однако в 1909 году из-за возникших материальных затруднений ПОИРГО временно закрыл читальню при библиотеке и прекратил выписку новых книг, журналов и газет [3, л. 250, 254–255].

В 1912–1913 годах библиотека работала регулярно, без перерывов. Наблюдался рост числа абонентов: на

ноябрь 1912 года — 190 человек. Возросло также и число посещений с 315 в декабре 1912 года до 479 в ноябре 1913 года. В целом за отчётный год посещаемость составила 3 972 человека, а книговыдача — 6 293 экземпляра, из них: беллетристика — 4 167 (66,2%), научные издания — 742 (11,8%), журналы — 1 384 (22%). Такая же картина наблюдалась и в состоящей при библиотеке читальне. За отчётный год в читальне посещаемость составила 6 075 человек, что в сравнении с предыдущим годом было больше на 1 767 человек (29,1%) [9, л. 55–57 (об.)].

Библиотека ПОИРГО, её создание и комплектование были неразрывно связаны с деятельностью учёных-энтузиастов и поддержкой общественности. Пополнение фондов библиотеки шло преимущественно за счёт пожертвований и книгообмена, в меньшей степени путём покупки изданий. В свою очередь развитие книгоиздания ПОИРГО способствовало расширению книгообменных связей, а, следовательно, было взаимосвязано и определяло рост фонда библиотеки.

Однако в целом из-за недостатка финансирования и удалённости от центра библиотека ПОИРГО не имела возможности целенаправленно и систематически пополнять фонд новейшей литературой и, естественно, далеко не

всегда могла выполнить поставленные перед ней научные задачи. С другой же стороны, открытие библиотеки при Приамурском отделе ИРГО, безусловно, способствовало повышению культурного уровня местного населения и, в целом, вело к развитию культуры Дальнего Востока.

Смена общественно-экономических формаций, военные действия и революционные волнения начала XX века не могли не повлиять как на политическое и экономическое развитие страны в целом, так и в частности на функционирование Приамурского отдела ИРГО. Негативно сказались на научно-издательской деятельности отдела и на работе его библиотеки события Русско-японской войны (1904–1905). В это время деятельность ПОИРГО почти прекратилась и несколько оживилась только после окончания войны. Однако вскоре Первая мировая война и интервенция на длительное время прервали работу отдела. Крайне отрицательно на функционировании библиотеки отдела отразились революционные волнения в преддверии 1917 года: книжные фонды не пополнялись, библиотека фактически стала «замкнутым» учреждением. И такая ситуация продолжалась до начала 20-х годов XX века. Возрождение отдела состоялось уже в советское время — в 1924 году.

Список использованных источников

1. Журнал заседаний распорядительного комитета Приамурского временного отдела Русского географического общества, положение, список учреждений, переписка и другие материалы об учреждении Приамурского отдела Русского географического общества (1894–1896) // Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 704. Оп. 7. Д. 707.
2. Краткая история Приамурского отдела Императорского Русского географического общества за 20 лет его деятельности. 1893–1903. — Хабаровск, 1913. — 30 с.
3. Об устройстве Приамурского отдела Императорского Русского географического общества // РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 225.
4. Отчет о деятельности Приамурского отдела ИРГО с 1-го января 1896 г. по 1-е мая 1897 г. — Хабаровск, 1897. — 33+XXX с. (разд. паг.).
5. Отчет о деятельности Совета Приамурского отдела Императорского Русского географического общества за 1915 год (с 1 дек. 1914 г. по 1 дек. 1915 г.). — Хабаровск, 1916. — 64 с.
6. Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока : в 5 т. — Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2000. — Т. 1. — 316 с.
7. Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока : в 5 т. — Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2001. — Т. 2. — 367 с.
8. Положение о возникновении отдела Русского географического общества в Хабаровске, журналы распорядительных комитетов, общих собраний, об открытии Троицкосавско-Кяхтинского музея и переписка с генерал-губернатором об открытии в Хабаровске музея отделения Русского географического общества (1894) // Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1.
9. Списки действительных членов общества, прошения граждан о приёме в члены, годовой отчёт о деятельности Николаевской публичной библиотеки за 1912–1913 гг. (1913 г.) // ГАХК. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 4.

Материал поступил в редакцию 03.04.2019 г.

Сведения об авторе: Базылева Елена Анатольевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории по развитию электронных ресурсов Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук (ГПНТБ СО РАН) (г. Новосибирск).

Контактные данные: e-mail: bazyleva_ea@mail.ru; тел. 8-913-924-05-40.

АНТОНОВ АЛЕКСАНДР ЛЕОНИДОВИЧ,
МАХИНОВ АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

АКАДЕМИК АЛЕКСАНДР МИДДЕНДОРФ — ПЕРВЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ПРИРОДЫ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ

В статье представлены описание и достижения экспедиции Александра Фёдоровича Миддендорфа (1815–1894), предпринятой в 1844 году с целью исследовать северную и центральную части современного Хабаровского края. Его отчёт о ней для своего времени был наиболее полным естественно-историческим описанием этой территории. Материал приурочен к 125-летию со дня основания Приамурского отдела Русского географического общества.

Ключевые слова: Миддендорф, Хабаровский край, экспедиция, маршрут, Охотское море, Шантарские острова, Становой хребет, бассейн Амура, география, животный мир.

Keywords: Middendorff, Khabarovsk Krai, expedition, route, Sea of Okhotsk, Shantar Islands, Stanovoy Range, Amur River basin, geography, animal world.

Нигде более, нежели у нас, одной из важнейших задач Академии должно быть исследование отдельных стран обширного нашего Отечества...

А. Ф. Миддендорф

Конечно, А. Ф. Миддендорф (1815–1894) не был первым исследователем природы Хабаровского края. До него некоторые сведения о реках, горных хребтах, побережье Охотского моря, растениях и животных, местных народах были известны миру от казаков-землепроходцев — И. Москвитина, В. Пояркова, Е. Хабарова, а несколько позднее — Г. А. Сарычева, участников экспедиции В. Беринга и других. Но первые систематизированные и

глубоко научные описания природы этой территории принадлежат именно Александру Фёдоровичу Миддендорфу.

На Дальний Восток его привели «жажда деятельности» и страсть к путешествиям, которая «неудержимо выгоняла вон и влекла вдаль. Кто не знает этого влечения, тот и не думай пускаться в путешествие...» [2, с. 13]. В 1844 году он с небольшой группой соратников и проводников совершил длительную и сложнейшую экспедицию через северную и центральную части Хабаровского края. Маршрут её прошёл по территории нынешних Аяно-Майского, Тугуро-Чумиканского, имени Полины Осипенко и Верхнебуреинского районов.

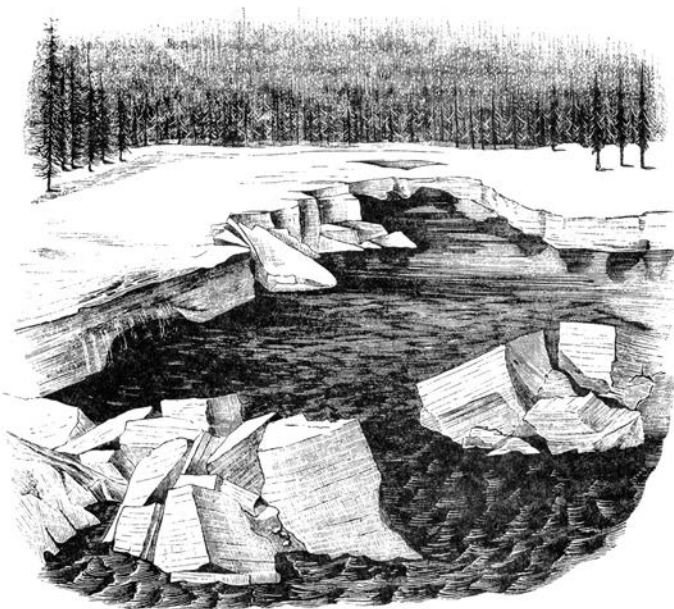
В феврале 1844 года экспедиция из Иркутска прибыла в Якутск. Здесь А. Ф. Миддендорф начал работу по изучению мерзлоты; ему предстояло вести длительные наблюдения за температурой земли на различных глубинах в специальном колодце — «шахте Шергина», названной так в честь её устроителя. Но, как он сам выразился, «меня тянуло дальше». Он «по собственному побуждению» предложил Санкт-Петербургской академии наук, которая финансировала экспедицию, исследовать юго-западные берега Охотского моря, Шантарские острова, северную часть бассейна Амура и завершить путь в Забайкалье; «...ни неблагоприятные условия зимнего путешествия..., ни недостаток необходимых инструментов для ученых наблюдений не в состоянии были воспрепятствовать мне отправиться к низовьям Амура, перебраться через Становой хребет, считавшийся в то время

условленной границей, в китайские владения, странствовать по ним в течение четырех месяцев и, наконец, поднявшись по верхнему течению Амура, достигнуть русской границы в Забайкальском крае» [2, с. 137]. «Знакомые с краем лица в Якутске, услышав, что я намерен посетить Шантарские острова, единогласно отзывались таким образом: “так это туда, где медведи ходят стадами, как овцы”» [3, с. 216]. Вице-президент академии М. А. Дондуков-Корсаков одобрил это решение и подчеркнул значимость этих исследований: «Окрестности Удского острога с Шантарскими островами граничат с совершенно неизвестной областью Амура и... неизведанным в естественном отношении Охотским морем» [1, с. 107].

От Якутска до населённого пункта Амга добраться было несложно, но далее к востоку вели лишь верховые тропы. Из Амги караван из 72 лошадей тронулся 11 апреля 1844 года (здесь и далее даты приводятся по старому стилю). Начались походные будни. Отряд передвигался по обширному плато, изрезанному долинами многочисленных рек. На территорию современного Хабаровского края экспедиция вступила в том же месяце, перевалив едва выраженный в рельефе невысокий хребет Олега-Ытабыт. Его пологие склоны и округлые холмистоподобные вершины, чуть возвышавшиеся над плато, были покрыты однообразным лиственничным редколесьем. Зато в долинах рек учёного постоянно привлекали различные необычные объекты, о которых он часто пишет с восхищением. Это древесные заломы, глубокие русла, исчезающие реки, наледи и скалы.

Особенно интересные наблюдения были проведены в долинах рек Малый Аим и Большой Аим. Здесь 6–8 мая учёный наблюдал большие ледяные поля, которые в это время уже активно таяли, и потоки воды глубиной по колено прорезали лёд до самого основания. Миновав ещё один низкий хребет — Ы-Оттук, путешественники подошли к подножью хребта Кет-Кап, заснеженные вершины которого резко поднимались над окружающей территорией. Горный хребет Кет-Кап, несмотря на небольшие высоты, не превышающие 2 000 метров над уровнем моря, имеет вид высоких островершинных гор. Альпинотипный облик хребту придают высокие острые вершины, созданные древними ледниками. Эти горы было бы трудно преодолеть, но, к счастью, их с юга на север прорезает узкая долина реки Ярмарка-Хапчана, по которой отряд благополучно пересёк хребет и вышел к его южному подножью. В долине этой реки во время остановки для отдыха на одиноко стоящей лиственнице А. Ф. Миддендорф сделал затёску и на ней вырезал свои инициалы. Их обнаружил в 1983 году начальник участка старателей В. П. Смирнов. Лиственница эта стояла около старой оленьей тропы на левом берегу Ярмарка-Хапчаны, в двух километрах от устья ручья Курунг. Об этом в газете «Тихоокеанская звезда» писала корреспондент

Т. Н. Фонова [4]. В июле 2015 года А. Н. Махинов попытался отыскать эту лиственницу, однако найти её на участке протяжённостью около полукилометра в обе стороны от предполагаемого места её нахождения, описанного Смирновым, не удалось. В заболоченной долине реки не было обнаружено следов пожаров, но несколько лиственниц были срублены и вывезены. Довольно часто встречались лежащие на земле большие деревья. На некоторых сухих, стоящих и поваленных, явно просматривались затёски, сделанные топором, но без каких-либо надписей. Вероятно, дерево с инициалами А. Ф. Миддендорфа до наших дней не сохранилось. Но может быть, подобные надписи остались в других местах, пройденных экспедицией...

Ледяная долина Селиндэ, 16 мая ст. ст.

«Ледяная долина Селиндэ, 16 мая ст. ст.» — из отчёта А. Ф. Миддендорфа.

Наледь на реке Селиндэ, июль 2016 года. Фото А. Н. Махинова.

Дальнейший путь шёл вдоль цепочки покрытых льдом озёр Мар-Кюель к истокам реки Селиндэ. Спустившись в её

долину, путники подошли к мощным подземным источникам реки, выбивавшимся из недр несколькими потоками прямо из каменной отвесной стены. Высокие выступы скал в виде башен и фантастических сооружений огромным амфитеатром окружают эти источники, создавая здесь «... в высшей степени романтический уголок», как нельзя лучше пригодный для таинственного жилья духов. Миновав исток Селиндэ, 16 мая отряд вступил в пределы её ледяной долины, самой большой из ранее встречавшихся. В нижнем течении реки долина от края до края была заполнена толстым слоем льда. Размеры наледи составляли около 15 километров в длину, 100 метров в ширину, а толщина льда достигала 5 метров. Эту наледь А. Ф. Миддендорф не только описал (он называл наледь также «накипнями»), но и выявил причины и механизм её образования. Он изучил стратиграфию ледяной толщи, условия её намерзания и отметил наличие во льду прослоев песка и дресвы толщиной до одного дюйма. Местами на поверхности наледи встречались холмы высотой до трёх метров с жерлами на вершине, из которых постоянно выступала вода и замерзала на склонах ледяных конусов. Кроме того, были проведены интересные наблюдения за влиянием наледей на микроклимат в долине, в частности, на температуру воздуха в приземном слое.

Посетив место ежегодной Учурской ярмарки (недалеко от устья Селиндэ) и переправившись через Учур, отряд стал подниматься вверх по долине реки Уян до самого Станового хребта. 1 июня перевалили Становой хребет. Этот переход, как пишет А. Ф. Миддендорф, был «в высшей степени затруднителен». Местами навьюченным лошадям приходилось буквально карабкаться со скалы на скалу. Но всё закончилось благополучно, и через восемь дней участники трудного перехода подошли к реке Уда. 9 июня экспедиция прибыла в Удской острог (ныне село Удское). Отсюда, построив байдару, 28 июня отправились вниз по Уде. Уже на следующий день достигли её устья и там вынуждены были простоять две недели, поскольку море было забито льдом. 9 июля путешественники продолжили плавание, но часто сидели на берегу, ожидая, когда разойдутся плотные льды.

В конце июля — начале августа А. Ф. Миддендорф побывал на трёх Шантарских островах. «В северо-западном направлении от устья Амура, ... в виду южного берега Охотского моря лежит дюжина гористых и утесистых островов; это Шантары... Острова эти необитаемы, но их близость к материку издавна должна была привлекать по временам его жителей на промыслы; да и вид живописных очерков, в каких они со своими вершинами, лесами, обрывами берегов поднимаются в далекой синеве из моря, должен был могущественно действовать на живое воображение тех удальцов, которых страсть к открытиям и к обогащению все дальше гнала на восток северной Азии» [2, с. 95–96].

Первым из обследованных островов был Медвежий. Пресную воду на нём не нашли, и пришлось использовать лёд. Второй остров, который посетили чуть позже, был Утичий. Его окружало множество скал, с одного из обрывов в море низвергался большой ручей. Лишь 4 августа смогли добраться до острова Большой Шантар, на котором пробыли целую неделю. Наиболее подробно исследовали южную его часть, примыкающую к губе Якшина. Основное внимание было уделено описанию рельефа, рек и озёр, был собран материал по флоре и фауне.

«В северо-западном направлении от устья Амура, ... в виду южного берега Охотского моря лежит дюжина гористых и утесистых островов; это Шантары».

Фото А. Ю. Олейникова.

Возвратившись на материк, часть отряда 17 августа отправилась в Якутск, забрав собранные коллекции. Оставшимися членами экспедиции на маленькой лодке впервые детально были обследованы берега, бухты и реки западного побережья Тугурского залива, в том числе Мамгинская бухта — она могла стать безопасной гаванью. Затем был обнаружен мелководный залив Константина, к которому по перешейку из Тугурского залива имелся волок. Открывавшуюся за «Константиновской гаванью» большую акваторию А. Ф. Миддендорф назвал «Заливом Академии».

Вернувшись на лодке к устью Тугура и пересев на оленей, учёный совершил поездку на восток, к Ульбанскому заливу. С вершин гор была проведена глазомерная съёмка ближайших заливов. В этой части «край материка, ограждающий Охотское море с юга, состоит из крутых гор... они почти всегда представляют отвесные или нависшие стремнины... выступающие из береговой линии в виде многочисленных мысов...» [2, с. 117]. Мысы эти продолжались в море бесчисленными подводными камнями, представляющими опасность для судоходства.

Пределным восточным пунктом всего путешествия стали отроги горы восточнее мыса Гиляк (ныне высота 303), со

склонов которой берёт начало небольшая река Обкан на полуострове Тохареу. А. Ф. Миддендорф писал «...к сожалению, я вынужден был отказаться от нетерпеливого желания достигнуть устья Амура...», до которого было «...только три дня пути» [2, с. 25]. Отсюда экспедиция вернулась снова к устью Тугура.

Таким образом, было обследовано побережье юго-западной части Охотского моря на значительном протяжении — от устья Уды до юго-восточного побережья Ульбанского залива. За этот период были собраны сведения о климате побережья, об островах, о приливно-отливных явлениях, реках, впадающих в Охотское море на этом участке; была сделана его глазомерная съёмка; получены данные о животном и растительном мире, а также о населении. Вот некоторые сообщения учёного о животном мире: «На южном берегу, так и на островах Охотского моря в лесной чаще или на обнаженных горных вершинах вы найдете глубоко протоптанные пути... Пути эти — следы диких зверей... Без медведей едва ли можно было бы пробраться через чащи этого края. Медведи являются там проводниками культуры, пролагая человеку дороги» [3, с. 216–217]. Большое внимание

Эльза Беренсон рис. (д-р. религиоз) из северной части.

Рисунок головы белоплечего орлана из книги Миддендорфа «Путешествие...».

он уделил символу Охотоморья, «...величайшему орлу в свете» [3, с. 23] — белоплечему орлану, кете, кабарге, северному оленю, бурому медведю.

Интересны его заметки о коренных народах, встречавшихся на пути: «хотя житель глубокого севера Азии прослыл за дикаря, все-таки он более развит, чем житель Северной Америки, не сумевший подчинить себе северного оленя» [3, с. 490].

22 сентября экспедиция отправилась на юг, в «область Амура»; уже лишь небольшая часть отряда с 42 вьючными оленями вышла от устья Тугура вверх по его долине. Путь пролегал по правому берегу реки. 2 октября отряд достиг урочища Бурукан, где к Тугуру близко подходит река Нимелен, впадающая в Амгунь. Участники экспедиции пробыли здесь до 8 октября, исследуя окрестности. По пути были собраны ценные сведения о реках и горах, животном мире — соболе («из всех местностей, которые я проехал... самую богатую соболями я встретил у верхнего Тугура (Бурукан)» [3, с. 83]), северном олене, лосе. Затем отряд пересёк низкий водораздел между реками Тугур и Нимелен, ширина которого составляет всего около 8 километров. Далее маршрут пролегал вверх по долине Нимелена. На этих реках он застал нерест кеты, его поразило её обилие; были исследованы особенности её нереста. «Якуты и тунгусы... уверяли меня,

что одно и то же несметное количество рыбы является там из году в год и никогда не уменьшается» [3, с. 588].

Сравнивая рыболовство в системах рек Тугура и Амгуни, А. Ф. Миддендорф совершенно верно отметил, что в Нимелен кета приходит намного позже: «тунгусы сначала кончают рыбную ловлю на изгибе Тугура, а затем отправляются на соседний Нимелен, снова ловить кету» [3, с. 443]. В районе урочища Хамыкан (современное название Камакан) отряд переправился через реку Нимелен и, следуя на юго-запад, по низкому перевалу вышел к реке Керби. Поднявшись вверх по этой реке до притока — реки Лучи, исследователи двигались вверх по последней, а затем по её притоку — реке Крест. Этот участок был одним из самых трудных на пути экспедиции. В верховьях Керби отряд попал в непроходимые участки ветровала. «Влияние человека теряет тут всякое значение; среди этих диких пустынь оно оказывается бессильным в сравнении с могучим творчеством природы. Нигде сознание этого бессилия не поражало меня так глубоко, как в долине р. Керби, где мы попали в образовавшуюся саму собою засеку... Страшные бури свирепствовали здесь...» [2, с. 609–610].

19 октября перевалили Буреинский хребет по водоразделу рек Крест и Браи (современные названия). Северную часть Буреинского хребта, где проходил маршрут, А. Ф. Миддендорф называет «Дуссе-Алинь», однако он указывает, что это название «неизвестно у туземцев». Хребет «на всем своем протяжении узок, высок и усажен коническими вершинами». Далее они двигались вниз по долинам рек Левая Бурей и Бурей. 31 октября отряд достиг устья реки Ниман (крупнейший правый приток реки Бурей). Отсюда отправилась вверх по реке Ниман и по его правому притоку — реке Кебели (ныне Кивили); затем, перевалив через хребет Турана, экспеди-

Центральная часть хребта Дуссе-Алинь, июнь 2006 года.
Фото А. Л. Антонова.

ция ушла в бассейн реки Быссы (приток реки Селемджи), на территорию нынешней Амурской области.

Пересекая северо-западную часть бассейна Амура, самую бедную в отношении флоры и фауны, А. Ф. Миддендорф тем не менее впервые отметил здесь дальнейшее проникновение к югу северных видов животных и растений и их смешение с южными: «Я сообщил Академии следующее: в зоологическо-географическом отношении мы постоянно вращались в чрезвычайно любопытной полосе земли, где лицом к лицу встречаются гербы сибирский и бенгальский...» [3, с. 54].

Велик вклад А. Ф. Миддендорфа и в разрешении вопроса присоединения Приамурья к России. «Амурским вопросом» он заинтересовался ещё в Петербурге, собирая материалы о Сибири. Исследуя документы и географические карты, учёный пришёл к выводу, что «Амур есть единственная значительная водная артерия, ведущая к океану, единственный

«По широкой лесистой долине Нимелен течёт стремительным и излучистым потоком...». Фото А. Л. Антонова.

«В полной силе, в полном развитии северный олень... встречается лишь в горах под менее северными широтами. На прибрежном хребте Охотского моря, на Становом... этот вид достигает полнейшего развития...» Согжой. Хребет Дуссе-Алинь. Фото А. Л. Антонова.

путь, который природа дала со всех сторон запертой Сибири» [2, с. 137]. Гениальность его заключалась в том, что он сумел не только проникнуть в суть амурской проблемы, но также понять необходимость её скорейшего разрешения. В ходе экспедиции было выяснено, что китайские пограничные знаки между российскими и китайскими владениями установлены намного южнее Станового хребта, и в конечном итоге экспедиция Миддендорфа имела не только географическое,

но и геополитическое значение. Новые, обстоятельные данные, собранные Александром Фёдоровичем об Амуре и о Приамурье, оживили интерес к этому краю. Благодаря этой экспедиции «Амурский вопрос» привлёк к себе внимание российского правительства и общественности. Сразу по возвращению Миддендорфа в Петербург он был приглашён в Главный военный штаб к генералу Ф. Ф. Бергу, начальнику корпуса топографов, где представил свои сведения о ситуации на российско-китайской границе. Таким образом, император Николай I был подготовлен к принятию решения о присоединении Приамурья к России. Результаты экспедиции позволили изменить «существующий в России взгляд на Амурский край и послужили поводом к тем мерам, которые привели к включению этого края в пределы империи», — так писал в 1877 году современник Миддендорфа — К. С. Веселовский, известный российский экономист, непременный секретарь Российской академии наук [1, с. 106].

Именем А. Ф. Миддендорфа названы несколько видов и подвидов животных и растений, ряд географических объектов, в том числе мыс на Новой Земле, залив на полуострове Таймыр, гора на Кольском полуострове в Хибинах, ледник в Саянах. К сожалению, на территории нашего края до сих пор нет ни одного географического объекта с его именем и какого-либо памятника этому выдающемуся учёному, исследователю нашего Отечества, совершившему научный подвиг во имя будущих поколений.

Список использованных источников

1. Захаренко, И. А. Роль Петербургской Академии Наук в пионерном изучении Приамурья (к 150-летию присоединения к России Амурской страны) / И. А. Захаренко // Изв. РАН. Сер. Геогр. — 2009. — № 2. — С. 106–111.
2. Миддендорф, А. Ф. Путешествие на север и восток Сибири. В 2-х ч. / А. Ф. Миддендорф. — Санкт-Петербург : Изд-во ГеоГраф, 2004. — Ч. 1. — 922, LIV с.
3. Миддендорф, А. Ф. Путешествие на север и восток Сибири. В 2-х ч. / А. Ф. Миддендорф. — Санкт-Петербург : Изд-во ГеоГраф, 2006. — Ч. 2. — VIII, 833 с.
4. Фонова, Т. Факсимиле Миддендорфа на Майской земле / Т. Фонова // Тихоокеан. звезда. — 2006. — 2 сент.

*Фотографии предоставлены авторами.
Материал поступил в редакцию 01.03.2019 г.*

Сведения об авторах:

Антонов Александр Леонидович, ведущий научный сотрудник Института водных и экологических проблем ДО РАН, кандидат биологических наук, член Хабаровского краевого отделения РГО (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: antonov@iver.as.khb.ru; тел. 8-924-101-26-04.

Махинов Алексей Николаевич, заместитель директора Института водных и экологических проблем ДО РАН, доктор географических наук, председатель Хабаровского краевого отделения РГО (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: iver@iver.as.khb.ru; тел. 8 (4212) 32-57-55.

ЛЮТОВА НАДЕЖДА КОНСТАНТИНОВНА

ИСТОЧНИК ОТРАЖЕНИЯ КУЛЬТУРЫ СВОЕГО ВРЕМЕНИ

В статье представлен обзор одного из первых научных продолжающихся изданий, выпускаемых на Дальнем Востоке, — «Записок Приамурского отдела Императорского Русского географического общества», выходящих с 1894 по 1914 год. Материал приурочен к 125-летию со дня образования Приамурского отдела Русского географического общества и выпуска его «Записок».

Ключевые слова: Приамурский отдел РГО, Русское географическое общество, научный журнал, Дальний Восток, «Записки Приамурского отдела Императорского Русского географического общества».

Keywords: Amur Department RGO, The Russian Geographical Society, scientific journal, Far East, "Amur Department of the Imperial Russian Geographical Society Notes".

Деятельность Приамурского отдела Русского географического общества¹, 125-летие которого отмечается широкой общественностью в 2019 году, на взгляд автора, достаточно полно исследована и описана в научной литературе. В частности, вопросы его издательской практики рассмотрены в трудах, посвящённых истории и деятельности Русского географического общества и его отделений на Дальнем Востоке. Среди исследователей, занимавшихся темой одного из самых известных в России учреждений, в первую очередь следует отметить работу новосибирского учёного Е. А. Базылевой [2]. В своей монографии автор воссоздаёт целостную картину эволюции Русского географического общества и его отделений, в том числе Приамурского отдела, оказавших серьёзное влияние на культурное и научное развитие страны в целом и Дальнего Востока в частности. А издание научного журнала — это один из показателей развития культуры в этом регионе на том или ином отрезке времени. Научное издание выступает как документ, позволяющий судить о существовании тех или иных направлений исследовательской деятельности в крае, об их интенсивности, о составе авторов. Вместе с тем исследовательская деятельность даёт возможность получить информацию об издательской и типографской базе местных научных учреждений, о системе распространения научной литературы, круге её читателей.

Учитывая изученность темы, автор статьи хотел лишь акцентировать внимание на одном из первых на Дальнем Востоке научных журналов Приамурского отдела, который хранится в фондах Дальневосточной государственной научной библиотеки (далее — ДВГНБ), и привлечь внимание читателя к его прочтению...

Итак, 125 лет назад, в далёком 1894 году произошло знаменательное событие для дальневосточной общественности: в Хабаровске открылся Приамурский отдел ИРГО (ПОИРГО), который стал культурным центром научных сил края. При отделе была образована библиотека, получившая название «Николаевская». Речь идёт о ныне успешно развивающейся Дальневосточной государственной научной библиотеке. Открытие отдела было связано с необходимостью научного изучения входивших в состав Российской империи малоизученных районов.

В этом же году выходит первый выпуск первого тома «Записок Приамурского отдела Императорского Русского географического общества» (далее — «Записки»). Это было одно из первых продолжающихся изданий на Дальнем Востоке. «Записки» заняли достойное место среди научных

журналов Дальнего Востока и «являлись частным отражением развития отечественной книжной культуры» [1, с. 51].

«Записки» выходили томами и выпусками с 1894 по 1914 год в неопределённые сроки в хабаровских типографиях: штаба Приамурского военного округа, канцелярии приамурского генерал-губернатора и в электропечатне товарищества «Приамурье». В 1894–1896 годы отдельные выпуски издавались в Санкт-Петербурге и Москве.

Выпуски «Записок» содержали монографии или материалы в виде статей по исследованию Дальневосточного региона. За период с 1894 по 1914 год было выпущено 25 выпусков «Записок» (1-й и 2-й тома вышли по 4 выпуска; 3–5-й тома — по 3 выпуска, 6–8-й тома — по 2 выпуска, 9-й и 10-й тома — по 1 выпуску), в которых опубликовано более 80 материалов.

Научно-издательской деятельностью занимался совет ПОИРГО и редакционная комиссия. На каждом томе указывались данные о лице, наблюдавшем за подготовкой издания к печати.

Первый выпуск «Записок» вышел под редакцией П. П. Семёнова-Тян-Шанского тиражом 1 000 экземпляров в Санкт-Петербургской типографии Императорской Академии наук. В этом томе опубликовано «Положение о Приамурском отделе Императорского русского географического общества» и работа Н. А. Крюкова «Некоторые данные о положении рыболовства в Приамурском крае».

Задачей сотрудников ПОИРГО было изучение Приамурья, Охотского побережья, Амурской области, Забайкалья, Камчатки, Сахалина, Уссурийского края, а также сопредельных с Россией государств: Маньчжурии, Китая, Монголии, Кореи и Японии.

В связи с этим в выпусках «Записок» публиковались статьи по вопросам, связанным с освоением Дальнего Востока, развитием судоходства, сельского хозяйства, рыболовства и др. Здесь же помещались работы, в которых освещались различные вопросы, касающиеся зоологии, геологии, географии, медицины и статистики. Особое внимание уделялось вопросам истории и этнографии.

Отдельные выпуски «Записок» были посвящены монографиям. Так были опубликованы работы А. В. Олсуфьева «Общий очерк Анадырской округи, ее экономического состояния и быта населения. С картой. С приложением статьи А. Г. Рождественского «Материалы к изучению физического типа чукчей и ламутов»» (т. 2, вып. 1 за 1896 г.); А. П. Сильницкого «Поездка в Камчатку и на р. Анадырь» (т. 2, вып. 3 за 1897 г.); В. Маргаритова «Камчатка и ее обитатели. С рисунками, исполненными по способу ферротипии, с картой Камчатки и планом укрепления Петропавловска в 1854 г.» (т. 5, вып. 1 за 1899 г.); Н. А. Крюкова «Опыт описания землепользования у крестьян-переселенцев Амурской и Приморской областей»

¹ В период с 1850 по 1917 г. — Русское Императорское географическое общество (ИРГО).

[с описанием сел и деревень: с. Никольское, с. Шкотово, дер. Астраханка, дер. Григорьевка, с. Спасское, с. Марково, с. Ивановское, дер. Благовещенская] (т. 2, вып. 2 за 1896 г.).

С начала деятельности ПОИРГО его сотрудники уделяли большое внимание исследованию рек Амурского бассейна и проблемам судоходства по ним. Так, результатами исследований Р. О. Юргенсона стала работа «О судоходном состоянии реки Амура с притоками (с 2-мя графиками и 2-мя планами)» (т. 3, вып. 2 за 1897 г.); И. С. Гуцко — «К опросу о впадении реки Уссури в реку Амур» и И. П. Надарова — «Место впадения реки Уссури в реку Амур» (т. 4, вып. 2 за 1898 г.).

В 1905 году теме реки Амур полностью посвящён отдельный выпуск «Записок» (т. 6, вып. 2 за 1905 г.). Его авторами стали И. С. Гуцко, инженер П. П. Чубинский, М. Е. Жданко, между которыми разгорелась полемика по вопросу об улучшении судоходных условий устья Амура.

Кроме этого, ПОИРГО занимался изучением населения, его бытового уклада, что нашло отражение в работах Б. Пилсудского «Нужды и потребности сахалинских поляков» (т. 4, вып. 3 за 1898 г.); И. Надарова «Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край» (т. 4, вып. 3 за 1898 г.); С. Шестина «Тунгусы, обитающие в верховьях р. Иро и ее притоков» (там же); несколько материалов Н. Гондатти: «Сведения о поселениях по Анадыру», «Оседлое население реки Анадыра», «Состав населения Анадырской округи» (т. 3, вып. 1 за 1897 г.) и другие. В «Записках» были опубликованы и более значительные по объёму статьи врача И. С. Колбасенко «Рождаемость и смертность населения в городе Хабаровске в 1858–1895 годах» (т. 1, вып. 4 за 1896 г.) и П. П. Шимкевича «Материалы для изучения шаманства у гольдов» (т. 1, вып. 2 за 1896 г.).

Материалы по жанрам и форме в издании были разнообразны. Здесь печатались научные доклады, отчёты об экспедициях, дневники и описания путешествий, очерки и другое. Так, в отдельном выпуске был опубликован отчёт А. Сильницкого «Поездка в северные округа Приморской области» (т. 6, вып. 1 за 1902 г.); результаты командировки на Хинган в 1908 и 1909 годах описаны И. А. Третьяком в «Дневнике путешествия вокруг Хингана» (т. 8, вып. 1 за 1912 г.). Итоги путешествия по Уссурийскому краю в 1900–1910 году описаны в отчёте В. К. Арсеньева «Сведения об экспедициях капитана Арсеньева» (т. 8, вып. 2 за 1912 г.). Воспоминаниям амурского казака Р. К. Богданова посвящён отдельный выпуск издания (т. 5, вып. 3 за 1900 г.).

Публиковались в «Записках» и материалы, посвящённые исследованию сопредельных с Россией территорий. Этому вопросу была посвящена статья Б. Стрельбицкого «Отчет о путешествии, в 1894 году, по Манчжурии, члена Приамурского отдела И. Р. Г. О. Б. Стрельбицкого» (т. 1, вып. 4 за 1896 г.). Материалы о Корее содержит отдельный

выпуск. Здесь даны таблицы внешней морской торговли Кореи за 1886–1893 годы, опубликован Русско-Корейский договор 1884 года и работа А. Г. Лубенцова «Хамкенская и Пхиенанская провинция Кореи» (т. 2, вып. 4 за 1897 г.). Этой теме посвящены и другие работы.

Ежегодно в «Записках» печатались отчёты о деятельности ПОИРГО и входивших в него Николаевской публичной библиотеки (ныне ДВГНБ) и Гродековского музея (ныне Хабаровский краеведческий музей имени Н. И. Гродекова).

В период Русско-японской войны (1904–1905 гг.) из-за кадровых и финансовых трудностей деятельность ПОИРГО была приостановлена. И возобновилась она только после окончания войны. В 1905 году в отделе остался всего 31 человек (для сравнения: в 1900 г. числилось 260 чел.) [1, с. 181]. В отчётах ПОИРГО этих лет отмечалось значительное сокращение научно-издательской деятельности из-за материальных затруднений и отсутствия кадров. Выпуски «Записок» выходили с большой задержкой. Например, 1-й выпуск 8 тома вышел с задержкой в три года, он был издан только в 1912 году.

Начавшаяся Первая мировая война, а затем Гражданская война и интервенция на Дальнем Востоке отразились на жизни ПОИРГО и на длительное время прервали работу отдела из-за отсутствия финансирования. Многие его активные члены были мобилизованы в действующую армию и отбыли на фронт. (Возрождение Приамурского отдела состоялось уже в советское время в 1924 г. при активном участии В. К. Арсеньева.)

Последний номер «Записок» вышел в 1914 году, в нём были напечатаны результаты проведённых сотрудником ПО ИРГО В. К. Арсеньевым комплексных научно-практических и краеведческих исследований. Его историко-этнографический очерк «Китайцы в Уссурийском крае» (т. 10, вып. 1 за 1914 г.) включал в себя этнографические наблюдения и материалы по географии, зоологии, ботанике Уссурийского края. На этом выпуск «Записок» прекратился.

В настоящее время «Записки» оцифрованы и находятся в широком доступе в Интернете. Содержание и полные тексты статей этого издания можно найти на официальном сайте Русского географического общества (<https://lib.rgo.ru/dsweb/View/ResourceCollection-131>). На сайте ДВГНБ размещён «Указатель содержания издания “Записки Приамурского отдела Императорского Русского Географического Общества”» с выходом на полные тексты — <https://www.fessler.ru/resources/elektronnye-resursy/792-uspoirgo>. Составитель указателя — Т. В. Кирпиченко.

Хотелось бы отметить, что кроме этого полный комплект печатного издания «Записок» с 1894 по 1914 годы имеется в редком фонде отдела «Центр консервации документов и изучения книжных памятников Хабаровского края» ДВГНБ и доступен для исследователей.

Подводя итог, можно сказать, что «Записки» подарили русской культуре большое количество ценных историко-краеведческих материалов, написанных видными деятелями науки того периода. Эти издания остаются по сей день источником знаний по истории Дальнего Востока и представляют большой интерес для понимания событий ушедшего времени, являясь информационной базой для многих исследований. Помещённые в них материалы прежде всего позволяют представить, какие исследования здесь проводились, основные направления исследовательской

работы, степень её связанности с ходом хозяйственного освоения края. В настоящее время дореволюционные журналы имеют значительную историко-культурную ценность как показатель развития культуры, науки, общества региона в определённый период времени.

Прошло 125 лет со дня выхода первого номера «Записок», но, перелистывая сегодня страницы этого издания, можно утверждать, что с каждым годом оно будет считаться всё более ценным историческим письменным источником отражения культуры своего времени.

Список использованных источников

1. Базылева, Е. А. Периодические издания ИРГО / Е. А. Базылева // *Журналы Сибири и Дальнего Востока: из истории социального бытования : сб. науч. тр. — Новосибирск, 2007. — С. 28–51.*
2. Базылева, Е. А. *Русское географическое общество и книга : очерк издательской, библиотечной и библиографической работы в XIX – начале XX в. / Е. А. Базылева ; Сиб. отд-ние Рос. Акад. Наук, Гос. публич. науч.-техн. б-ка ; науч. ред.: А. Л. Посадсков, Л. А. Кожевникова. — Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2008. — 386 с.: ил.*

Материал поступил в редакцию 11.02.2019 г.

Сведения об авторе: Лютова Надежда Константиновна, специалист по учётно-хранительской документации Дальневосточной государственной научной библиотеки (г. Хабаровск).

ШИШКИНА ВИКТОРИЯ АВЕНИРОВНА

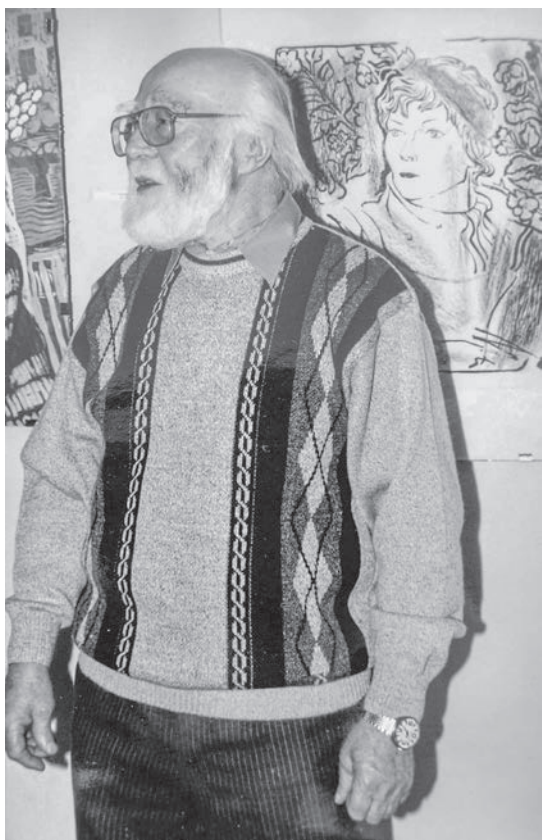
ГРАФИКИ И ПЕДАГОГИ ХАБАРОВСКОГО ХУДГРАФА

В статье идёт речь о творчестве художников-графиков, посвятивших себя также многолетней педагогической деятельности на художественно-графическом факультете Хабаровского государственного педагогического института (ныне факультет искусств, рекламы и дизайна Педагогического института Тихоокеанского государственного университета, г. Хабаровск). Автор анализирует отдельные графические произведения художников-педагогов Е. И. Вольгушева, Д. А. Романюка и Е. В. Бурлова, созданные ими в разные годы. Отмечается их значительный творческий вклад в развитие художественной культуры и изобразительного искусства Хабаровского края. Статья приурочена к 60-летию художественно-графического факультета.

Ключевые слова: Евгений Иванович Вольгушев, Дмитрий Андреевич Романюк, Евгений Васильевич Бурлов, художник-график, рисунок, литография, офорт, графический дизайн, Дальний Восток, Хабаровск.

Keywords: Evgenii Ivanovich Volgushev, Dmitrii Andreevich Romaniuk, Evgenii Vasilevich Burlov, graphic artist, drawing, lithography, etching, graphic design, Far East, Khabarovsk.

На художественно-графическом факультете Хабаровского государственного педагогического института (ныне это факультет искусств, рекламы и дизайна Педагогического института Тихоокеанского государственного университета, г. Хабаровск) всегда работали сильные художники-графики, прекрасно владевшие техниками печатной гравюры. Творчество каждого из них могло бы стать предметом специального исследования, но в рамках этой юбилейной статьи мы сделаем только краткий обзор творчества тех художников, кто посвятил педагогической деятельности всю жизнь.

*Евгений
Иванович
Вольгушев.*

Раньше всех на факультете начал плодотворную деятельность Е. И. Вольгушев (1932–2004), работавший на факультете с 1959 по 2002 год. Членом Союза художников СССР он стал в 1975 году. Можно сказать, Евгений Иванович был у истоков организации художественно-графического факультета. В разные периоды времени он работал деканом или заведовал кафедрой, исполняя множество поручений, занимаясь бесконечной административной и бумажной работой. Е. И. Вольгушев сделал многое для формирования богатого библиотечного фонда кабинета истории искусств. Порой он закупал книги по истории искусства в букинистических магазинах Москвы и Ленинграда. Евгений Иванович всецело принадлежал к замечательному поколению читающих и думающих людей с высоким профессиональным потенциалом. Педагог более сорока лет отдал работе на худграфе, приложив немало сил для открытия мастерской

графики. В ней студенты могли практически проходить весь цикл рождения эстампа и выполнять дипломные работы. При этом Е. И. Вольгушев всегда успевал заниматься творческой деятельностью. Книжная и станковая графика были постоянными его спутниками. Техниками печатной графики, которым художник отдавал предпочтение, были офорт и литография. В каждой из них Е. И. Вольгушев смог раскрыть характерные особенности и найти свою узнаваемую манеру. Для мастера был свойственен широкий тематический диапазон. Одна из интересных, отвечающих духу современности середины и второй половины XX века, — это тема освоения космоса.

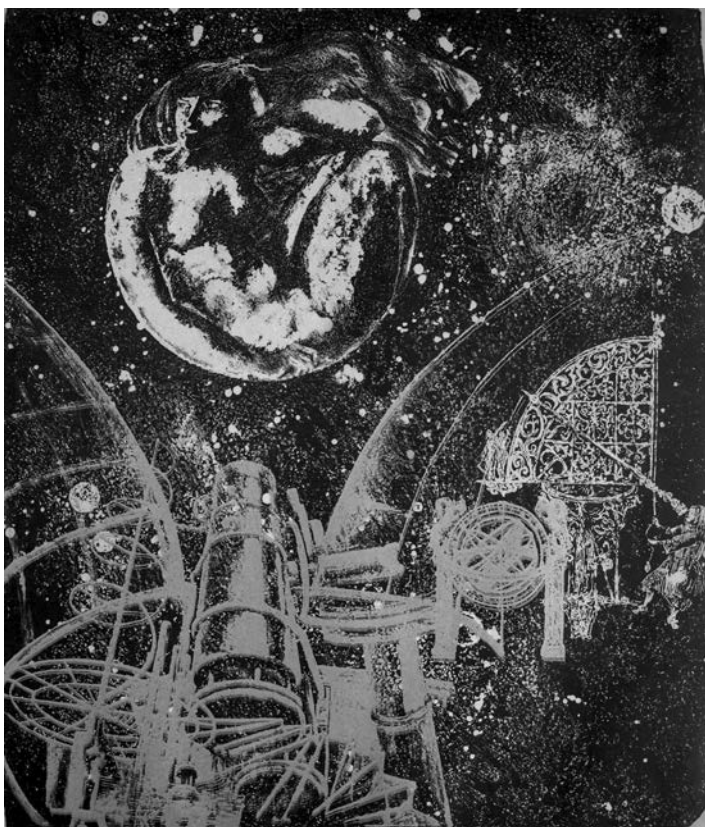
Тема космоса издавна интересовала художников, но мощно вторглась в творчество советских мастеров с начала 1960-х годов. Конечно, в то время это было связано с исключительными успехами в развитии научной и технической сферы деятельности страны. Новая тема стала импульсом для поиска средств художественной выразительности мастеров изобразительного искусства, расширила возможности художников в освоении этого, можно сказать, уникального материала. В ряду творческих задач мы отметим, в частности, экспериментальные поиски передачи бескрайнего пространства космоса и приёмов его интерпретации. Интересно, что в это время космос стал не только областью апробирования сложных научных гипотез и экспериментальной работы учёных, но и сферой интенсивных творческих открытий живописцев и графиков.

Первый графический лист «К. Э. Циолковский» из серии цветных автолитографий «В заоблачную высь» был создан Е. И. Вольгушевым в 1975 году. Возможно, что начало создания серии автолитографий было приурочено к 10-летию юбилею выхода космонавта Алексея Леонова в открытый космос из корабля «Восход-2» 18 марта 1965 года. Работу над серией, состоящей из четырёх листов, Е. И. Вольгушев продолжил в 1976 году.

В одном из лучших графических листов серии «К. Э. Циолковский» Е. И. Вольгушевым смело совмещаются два временных и два пространственных слоя. Точно продуманный монтаж планов показывает основоположника теоретической космонавтики в условно намеченном пространстве интерьера за освещённым рабочим столом за чертежами, с приборами и измерительными инструментами. Эта крохотная частица мира земного, окружённого бескрайней темнотой ночи, убедительно передаёт эффект несопоставимости осязаемых земных границ с безбрежностью фантазии и бескрайностью творческой мысли учёного. Художником чётко отмечен центр композиции листа розой ветров, обозначающей в картографии и геральдике основные географические азимуты сторон горизонта, а в этом случае — бескрайний простор и полёт научной мысли. Фигура человека в скафандре в открытом космосе, парящая над облаками, окутавшими

Е. И. Вольгушев. «К. Э. Циолковский», 1975 год.
Серия «В заоблачную высь», бум., цв. автолитография, 51х41 см.
Картинная галерея имени А. М. Федотова (г. Хабаровск).

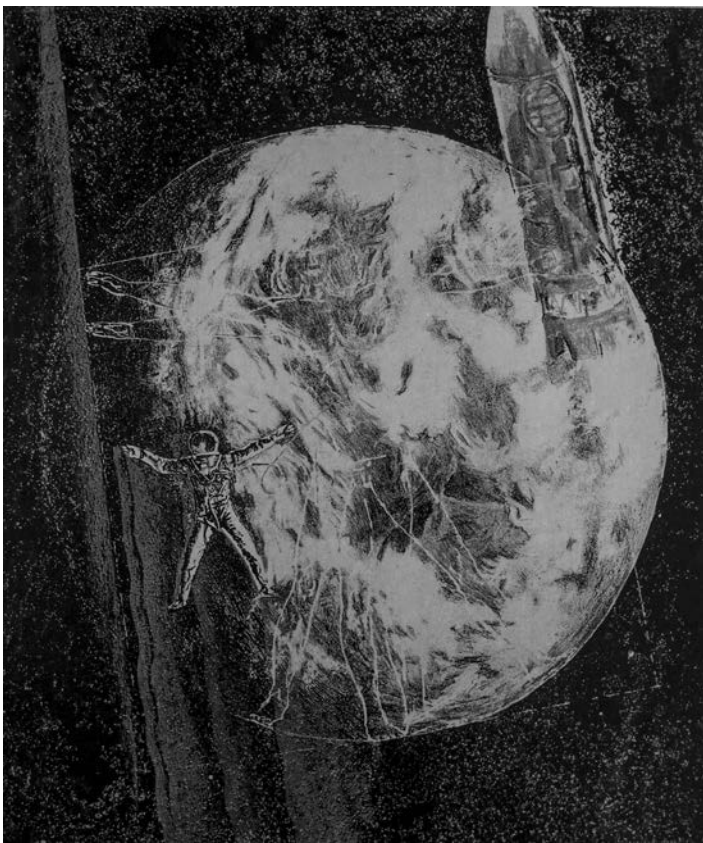

Е. И. Вольгушев. «Планета», 1976 год.
Серия «В заоблачную высь», бум., цв. автолитография,
51х41 см.

Землю, — словно уже воплощённая в реальность прозорливая мысль К. Э. Циолковского. Напряжение мысли великого учёного, предвидевшего в недалёком будущем прорывы в освоении космического пространства, является смысловой составляющей графического листа. Сочетание чуть желтоватой поверхности освещённых объектов в композиции «К. Э. Циолковский» с глубокими бархатистыми оттенками чёрного цвета даёт своеобразный зрительный эффект, напоминая о старинных фотографиях.

Композиция графического листа «Планета» также примечательна по глубине философско-культурологического наполнения. Зритель словно смотрит в открытое ночное небо через мощный объектив телескопа на приближённое изображение планеты. Вписанная в её окружность женская фигура чем-то напоминает авторскую реплику, зеркально повернутую художником знаменитую статую «Ночь» Микеланджело из мемориальной усыпальницы Медичи при флорентийской церкви Сан-Лоренцо (XVI в.). Конечно, это предположение можно легко оспорить, но мысль автора литографии, воспринимающего планету как живое существо, едва ли ошибочна. Она ведёт свои истоки ещё из ранних мифологий всех народов мира, обожествлявших и населявших звёздное небо многочисленными героями. Цветовое решение композиции органично, и визуальная вибрация светлых точек создаёт эффект бескрайности миров в космическом пространстве. Сияние звёзд и закрученная спираль галактики в безбрежной черноте ночи неожиданно дополнены маленькой фигуркой человека, наблюдающего за ночным небом с помощью древнего астрономического инструмента — квадранта. Рядом можно видеть также детально исполненный рисунок армиллярной сферы, которым учёные пользовались с древности. Фигурка звездочёта, астролога или астронома из отдалённого прошлого задаёт простор мысли о соотношении временного и пространственного слоёв композиции «Планета». Е. И. Вольгушев смелым монтажом разновременных реалий создаёт логически продуманную рационально выверенную формулу композиции графического листа, в котором пробуждается мысль и устремляется не только в будущее, но и в прошлое.

В композиции листа «Над Землёй» художник также использует символы, ясные каждому образованному человеку. Земля увидена из открытого космоса, словно из иллюминатора космического корабля, а на её сферическую поверхность нанесён сразу же узнаваемый рисунок мужской фигуры — это так называемый витрувианский человек Леонардо да Винчи (конец XV в.). Сохранившийся в рукописи рисунок ренессансного мастера, как правило, рассматривается исследователями как поиск пропорций тела совершенного человека. В масштабном соотношении витрувианский человек просто грандиозен по отношению к уменьшенной фигуре парящего в скафандре человека.

Е. И. Вольгушев. «Над Землёй», 1976 год.
Серия «В заоблачную высь», бум., цв. автолитография, 51x41 см.

Е. И. Вольгушев. «Земля — Луна», 1976 год.
Серия «В заоблачную высь», бум., цв. автолитография, 51x41 см.
Картинная галерея имени А. М. Федотова (г. Хабаровск).

Смелое монтажное соединение отдельных легко узнаваемых зрителем фрагментов в одном листе не только снова расширяет границы времени, приближая прошлое, но и свидетельствует о целостности и единстве всего научного и гуманитарного знания в исторической ретроспективе культуры. Тема сопряжения разновременных эпох в кадрированном монтаже литографии «Над Землёй» расширяет границы времени и делает пространство космоса пронцаемым для полёта мысли зрителя.

На листе «Земля — Луна» мир земной и мир небесный соединяет фигура молодой длинноволосой женщины, касающейся рукой поверхности Луны. В бескрайнем пространстве плывут космические корабли, приближая миры, недоступные на протяжении веков. С бархатистыми переходами чёрного цвета автолитографии органично сочетается прохладный голубоватый цвет, поддерживающий тему неизведанных глубин космоса.

Великие открытия и достижения людей планеты Земля 80-х годов XX века открываются Е. И. Вольгушевым в серии «В заоблачную высь» (1975–1976) через призму культурных открытий прошлого. Серия несёт в себе развёрнутую культурологическую информацию. Отсылки к ней неслучайны, поскольку отражают представление Е. И. Вольгушева о равновесии двух начал в человеке: с одной стороны, это понимание силы научных открытий, а с другой — важность сохранения гуманитарного знания в сознании и душе человека в исторической перспективе вообще. Ёмкое философское развитие темы говорит о дерзости и смелости человеческой мысли, стремлении преодолевать любые преграды, свойственном лучшим людям планеты Земля, часто безвестным и отделённым от нас громадной временной перспективой.

Е. И. Вольгушев. Тройной автопортрет, 1981 год, бум., литография, 37x42 см. Собственность семьи художника.

Необъятное пространство космоса, отражённое в серии «В заоблачную высь», — только малая часть наследия Евгения Ивановича. Конечно, она не исчерпывает разнообразия и глубины авторских поисков художника. Мир земной и личный раскрывается Е. И. Вольгушевым в литографии «Тройной автопортрет» (1981), созданный после поездки в Дом творчества «Челюскинская». Литография «Тройной портрет» неожиданна и интересна композиционным решением, так как в ней художник трижды запечатлел самого себя. Идея фиксирования одного образа три раза, представляя из модели, в сущности, групповой портрет, не является новой в практике изобразительного искусства. Преимущественно такой тип решения композиции представляет философское осмысление темы трёх возрастов человека, когда в каждом образе художник передаёт характерные особенности каждого возрастного периода. В этом случае художник всё же обычно пишет своих героев с разных моделей. Примером, в частности, может служить композиция венецианского мастера Джорджоне «Три возраста жизни» (начало XVI в.). Хотя бывает, что образы передают разные стороны внутреннего мира самого автора такой композиции. Такой картиной являются автопортреты художника М. С. Сарьяна на холсте «Три возраста» (1942 г.), где мастер ёмко и очень убедительно выразил идею о необходимости постоянного и упорного творческого труда для живописца.

В необычном решении литографии «Тройной автопортрет» Евгений Иванович сам одновременно является художником, моделью и «портретом» анфас. Графический лист наполнен гармонией и тишиной природы, показанной хотя и фрагментарно, но задающей настроение покоя изображёнными здесь же лесными обитателями. Ничто не может спугнуть музу, абсолютно похожую на простую земную девушку, наблюдающую за работой художника, чем на божественное создание античной мифологии. Опытный мастер изображает себя таким, какой он был на самом деле и каким остался в памяти знавших его людей, всегда размышляющим, глубоким и умным человеком. Графическая композиция Е. И. Вольгушева «Тройной автопортрет», камерная по характеру и по сути своей, говорит о творчестве художника, о необходимости постоянного видения и открытия мира и о роли и месте в нём творца. Своеобразная рефлексия мастера о своём настоящим «я», об умении и особом счастье художника всегда и в любом возрасте сохранять свойство видеть окружающий мир целостным и органичным, светлым и притягательным, как в детстве. Это не только самовыражение творческого опыта художника и его кредо, но и неторопливый диалог со зрителем. Возможно, лист также и о том, что в каждую свою работу, пусть это даже просто небольшой набросок, художник всегда вкладывает своё видение и частицу своей души. Продолжить внутренний диалог с Е. И. Вольгушевым можно, познакомившись с его стихами, о которых при жизни худож-

Дмитрий Андреевич Романюк со студентами в мастерской графики.

ника никто не знал. Они рождались постепенно, появляясь в записных книжках и на отдельных листах, некоторые из них были опубликованы в 2017 году [2, с. 130–134].

На старых худграфовских фотографиях рядом с Евгением Ивановичем Вольгушевым часто можно видеть Дмитрия Андреевича Романюка (1932–1992). На пленэре или просмотре творческих заданий студентов они всегда стоят рядом, что-то обсуждая. Д. А. Романюк начал работать на факультете с 1966 года и трудился до последнего дня своей жизни. Членом Союза художников СССР он стал в 1971 году. Рисовал постоянно в маленьких блокнотах или на листах простой писчей бумаги. По её шероховатой поверхности карандаш художника всегда скользил быстро, оставляя точный рисунок, убедительно фиксируя объёмную форму. Происходило «рождение» наброска настолько быстро, словно вместо карандаша по бумаге скользила мысль художника. Как правило, в наброске или рисунке Д. А. Романюку уже не нужно было ничего корректировать или исправлять. Маленькие блокнотики и листочки бумаги быстро заполнялись лёгкими зарисовками, когда Дмитрий Андреевич сидел на заседании кафедры. Линия всегда была подвижной, и наброски коллег получались живыми и похожими. Среди графического наследия художника наброски и зарисовки занимают не последнее место. Некоторые из них находятся в собрании Дальневосточного художественного музея (г. Хабаровск). Графика интересовала абсолютно всё: зарисовки трав и цветов, грибов и растений. Непоседливые дети и всякая домашняя живность, невероятно забавные и обычные, показаны художником в движении. За этой «рукодельной» графикой, такой лёгкой и воздушной, на самом деле таится каждодневный упорный труд мастера. Опыт художника-рисовальщика Д. А. Романюка — не разминка для руки и глаз. Он значительно глубже, так как показывает, насколько изменчив и динамичен окружающий нас мир, как щедр он на быстротечную красоту и как часто мы этого просто не замечаем. Потом из таких миниатюрных зарисовок рождалась и его печатная графика.

Д. А. Романюк. «Лето», 1980 год. Серия «Дети Амура», бум., линогравюра, 39х37 см. Сахалинский областной художественный музей (г. Южно-Сахалинск).

Д. А. Романюк отдавал предпочтение изучению и техники линогравюры. Часто его произведения задумываются как серия, в которой каждый лист ярче раскрывает какой-то поворот в избранной теме. В цикле линогравюр «Дети Амура» он показывает красоту земли дальневосточной. На листе «Лето» (1980), где дети собирают букеты из трав и полевых цветов, изображён простой мотив. Хотя оттиск сделан с одной печатной формы, то есть представлен чёрно-белым, тем не менее художник сумел добиться светоносности среды.

Д. А. Романюк. «Утро на озере», 1988 год, бум., цв. линогравюра, 42,5х42,2 см. Сахалинский областной художественный музей (г. Южно-Сахалинск).

В цветной линогравюре Романюк настолько точно выбирает лаконичную цветовую гамму, что состояние времени года или времени суток передаёт безошибочно. В композиции «Утро на озере» (1988) он настолько низко берёт линию горизонта, максимально приближая изображение птиц к зрителям, словно мы, лёжа в высокой траве, наблюдаем за хлопотливым утром обитателей крохотного островка суши.

Д. А. Романюк. «У папы в мастерской», 1987 год, бум., линогравюра, 48х47,5 см. Картинная галерея имени А. М. Федотова (г. Хабаровск).

Часто художник вносит мотив природы в свою мастерскую. В линогравюре «У папы в мастерской» (1987) значительную часть композиции занимает вольная авторская реплика одного из частых мотивов в графике художника, превращающая рабочее пространство с печатным станком в уголок сказочного леса. Дмитрий Андреевич всегда уделял большое внимание изображению дальневосточной природы. Она служит фоном большинства его композиций и аккомпанирует развёртыванию несложной сюжетной канвы. Само видение окружающего мира художником наполнено теплом и светом. Его мир камерный и уютный. В нём нет одиночества, тоски и печали, так как чаще всего он населён детьми.

К числу замечательных линогравюр Д. А. Романюка можно отнести удивительный по сходству, настроению и красоте штриха портрет коллеги — художника А. И. Бельды, созданный в 1974 году. Круглолицый герой композиции максимально приближён к зрителю. Точность передачи настроения и внутреннего состояния живописца его природной деликатности невероятно убедительна. Красота духовного мира Андрея Иченгаевича и безупречно «вылепленное» точно направленными штрихами лицо придают выразительность и почти осязаемый объём его образу.

Д. А. Романюк. Портрет художника Андрея Бельды, 1974 год, бум., линогравюра, 37х37 см. Дальневосточный художественный музей (г. Хабаровск).

Д. А. Романюк. «На таборе», 1980-е годы, бум., гуашь.

Также Дмитрий Андреевич постоянно работал в технике акварели и гуаши, часто соединяя их в одной работе. Особенность этих материалов позволяла ему много работать на пленэре, в то время как линогравюра, связанная с изготовлением авторской печатной формы, требовала уединения в мастерской. К числу таких композиций можно отнести лист «На таборе», который явно передаёт непосредственное видение и состояние природы на пленэре, зафиксированное гуашью.

Романюк никогда не писал грандиозных картин и не стремился раскрывать сложные философские темы, но от

этого его творчество не стало менее значительным. Окружающий мир увиден Дмитрием Андреевичем и наполнен им гармонией тепла и света, весёлыми забавами детства и взаимопониманием людей и лесных обитателей. Его мир красив дальневосточными просторами тайги и извивами берегов рек, где часто можно видеть и самого художника с этюдником на пленэре. Главная тема творчества Дмитрия Андреевича о том, что художник должен нести свет и тепло в мир, а человек — любить и щадить всё живое.

Большинство линогравюр художника напечатаны с одной печатной формы, то есть они просто чёрно-белые, но воспринимаются зрителем так, словно освещены ярким солнцем и наполнены прозрачным воздухом. В произведениях мастера нет монотонной описательности. Это взгляд человека, обладающего поэтическим чувством нести свет и по-доброму воспринимать всё видимое. Творчество Д. А. Романюка всегда отражает оптимизм созидательного начала в человеке. Оно о гармонии человека и природы, о внимании ко всему живому, каким бы малым оно ни было. Мир образов художника личный и уединённый, даже если видишь его с высоты птичьего полёта.

Евгений Васильевич Бурлов.

Кроме успешно развивавшейся станковой графики на худграфе постепенно, а затем и более стремительно проходило развитие, как раньше говорили, промышленной графики, а сейчас — графического дизайна. Связано это явление с многолетней деятельностью педагога Евгения Васильевича Бурлова (род. в 1943 г.). Художественно-графическому факультету Е. В. Бурлов при небольших перерывах в работе в общей сложности отдал уже 43 года жизни. Работая на факультете с 1969

года, он также периодически исполнял обязанности декана факультета или заведовал кафедрой. С течением времени Е. В. Бурлов стал не только членом двух профессиональных союзов: Союза художников СССР (сейчас России) и Союза дизайнеров России, но и заслуженным художником Хабаровского края.

Выход Евгения Бурлова в самостоятельную творческую деятельность был стремительным. Получив в 1965 году диплом выпускника худграфа, он уже в 1966-м экспонировал серию монотипий «Ульчская сюита» по мотивам быта коренных народов Амура («Удачная охота», «Молодая мать», «Счастливого улова») на Первой межобластной выставке произведений молодых художников в Хабаровске [3, с. 5]. Далее, в 1968 году, эти композиции были отобраны для показа на Первой республиканской художественной выставке «Молодые художники России» в Москве [4, с. 30]. Заметим, что дипломная работа выполнялась Евгением Бурловым самостоятельно, даже без научного руководителя, так как экспериментальные поиски студента сначала показали членам выпускающей кафедры совершенно непредсказуемыми.

Е. В. Бурлов в серии монотипий «Ульчская сюита» (1965) смог с большим тактом совместить реалии культурного быта ульчей и деликатный, в то время абсолютно свежий взгляд на избранную тему. В листах нет грубой натуралистичности, и они отмечены хорошим композиционным решением. «Пустое» пространство, окружающее фигуры людей, насыщено воздухом и не перегружено деталями, а соразмерно им и подчёркивает материальность и весомость фигур в национальных костюмах. Несмотря на некоторую условность языка, свойственную монотипии, Евгений Бурлов смог подчеркнуть индивидуальные особенности людей. Выявляя этническую составляющую серии, график деликатно ввёл элементы орнаментального декора, а также небольшие, но значимые для традиционного быта народов Амура реалии, например, культовую скульптуру («Счастливого улова»). Монотипии серии «Ульчская сюита» лаконичны и выразительны, в них выражено и подчёркнуто именно графическое начало и умение начинающего художника выбрать самое значимое.

Творческий диапазон Евгения Васильевича очень широк. Он включает плакаты к значимым датам и событиям, а также плакаты, отражающие острую социальную проблематику,

Е. В. Бурлов. «Счастливого улова», 1966 год.
Серия «Ульчская сюита», бум., монотипия, 60х50 см.
Дальневосточный художественный музей (г. Хабаровск).

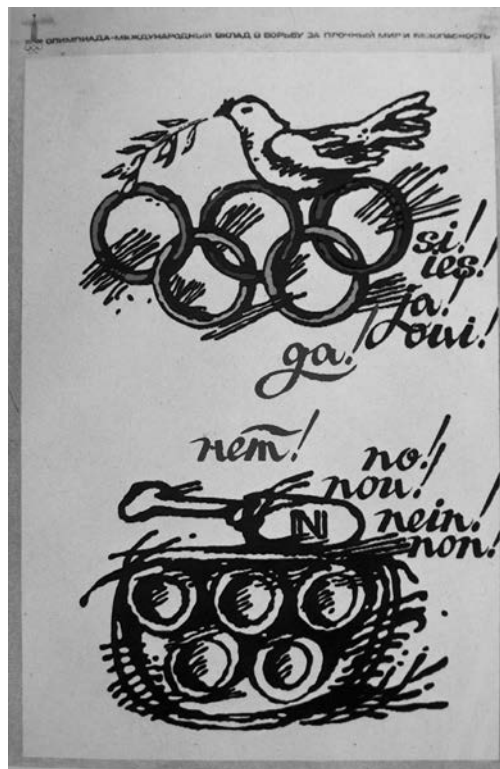

Е. В. Бурлов. «Удачная охота», 1966 год.
Серия «Ульчская сюита», бум., монотипия, 60х50 см.
Дальневосточный художественный музей (г. Хабаровск).

буклеты, оформление книг, дизайнерские разработки фирменных знаков и эмблем и т. д. Практически большую часть созданных им произведений можно смело отнести к области графического дизайна. Хотя мастер постоянно экспонирует преимущественно свои проекты в области графического дизайна, персональная ретроспективная выставка работ Евгения Васильевича, проходившая к 75-летию юбилею в стенах нашего вуза, показала, что ему в полной мере присущи задатки художника-станковиста. Наброски, на которых многофигурные композиции выполнены чернилами или шариковой ручкой на обычной тонкой писчей бумаге, явно показывают умение видеть и точно фиксировать форму и пропорции. К тому же наброски исполнены сразу, так сказать, в один момент, поскольку слишком хрупкая бумажная основа сразу пропитывается чернилами и не позволяет художнику ничего исправить. В этюдах Е. В. Бурлова изображение природных мотивов гармонично по цвету, который уверенно взят в больших отношениях.

Одна из сильных в профессиональном плане сторон творчества Евгения Васильевича — плакат. Художник-плакатист должен всегда чувствовать пульс времени, ощущать его напряжение и уметь быстро откликнуться на грядущие события. Одним словом, плакатист — это художник, который должен всегда балансировать именно на гребне актуальной для общества волны. Большим событием в конце XX века были проходившие в Советском Союзе в 1980 году летние Олимпийские игры. Подготовка к Олимпиаде-80 в Москве, конечно, включала создание самой разнообразной полиграфической продукции. Для этой цели специально при издательстве «Плакат» была создана особая редакция, в состав которой вошли только высококвалифицированные сотрудники. К конкурсной работе над олимпийскими плакатами был привлечён очень широкий круг как известных профессиональных художников, так и только начинающих свой творческий путь молодых графиков и даже просто студентов художественных вузов. Олимпийская тематика в соответствии с условиями конкурса могла проходить также через курсовое и дипломное проектирование студентов, обучавшихся, главным образом, в столичных городах СССР [1, с. 13].

В многотысячном шквале конкурсных плакатов громадной страны, созданных к Олимпиаде-80, не затерялся, а был замечен и включён в изданный позднее памятный альбом плакат Е. В. Бурлова [1, с. 121]. Он сделан Евгением Васильевичем в нарочито быстрой манере, словно стремительным росчерком кисти художника. Ведущая идея Олимпийских игр в том, что спорт и мир объединяют людей всех пяти континентов, мгновенно прочитывается зрителем. Лаконичность и контрастность образов плаката символичны, а экспрессия выражения идеи простыми графическими средствами создаёт моментальный эффект только что воплотившейся на бумаге творческой мысли художника.

Е. В. Бурлов.
Плакат к
спортивным
играм
Олимпиады-80,
1980 год, бум.,
темпера,
61x84 см.

Графическая эмблема Олимпиады-80, также разработанная Е. В. Бурловым, была признана в числе лучших среди представленных на конкурс вариантов этого конкурсного задания. Она находится в настоящее время в Государственном музее спорта «Лужники» (г. Москва).

Среди памятных плакатов, посвящённых дальневосточной тематике, можно выделить ряд произведений, созданных к 50-летию Комсомольска-на-Амуре. Некоторые из плакатов Е. В. Бурлова издавались в СССР огромными тиражами, а плакат «Опасная фигура — выбей» получил в 1987 году премию на Всероссийском конкурсе антиалкогольного плаката [5, с. 128].

Е. В. Бурлов.
Серия эмблем
и фирменных
знаков
организаций
Хабаровска,
выполненных
им в разные
годы.

Ещё одна область, которой Е. В. Бурлов постоянно уделяет пристальное творческое внимание, связана с разработкой эмблем и фирменных знаков. С профессиональной точки зрения, это одна из самых сложных областей графического дизайна. Умение вычленить главное, стилизовать и объединить в одну легко читаемую и ясную композицию одно или несколько изображений, порой скомпоновав его с монограммой или названием учреждения или фирмы, — задача не из простых. Художественная выразительность, острота мышления и качество исполнения эмблем и фирменных знаков Е. В. Бурлова не вызывают никаких сомнений. В их числе можно назвать эмблемы для факультетов Педагогического института, а также эмблемы и фирменные знаки для многих организаций Хабаровска.

Все, кто учился и продолжает учиться у педагога, скажут о необычайной подвижности его мысли, артистичности и работоспособности. Острота и гибкость ума позволяют Е. В. Бурлову находить нестандартные и оригинальные решения творческих задач. Его мысль глубоко ассоциативна, и это сразу ощущается в продуманных шрифтовых композициях, которые он составляет. Е. В. Бурлов всегда настойчиво побуждает студентов к участию в конкурсах и выставках различного уровня, активно подсказывая и помогая им. Число дипломных работ, выполненных при непосредственном руководстве Евгения Васильевича, просто не поддаётся учёту. Творческие и учебные работы студентов Бурлова в течение ряда лет успешно конкурируют на всесоюзных конкурсах с работами студентов ведущих вузов России, часто занимая призовые места. В 2016 году победителем полуфинала Национального чемпионата «Молодые профессионалы» (WorldSkills Russia) в Дальневосточ-

ном федеральном округе по компетенции «Графический дизайн» (1 место) стала Е. М. Парахина, а победителем IV регионального чемпионата «Молодые профессионалы» (WorldSkills Russia) по компетенции «Графический дизайн» (1 место) стала Е. А. Фомичёва, обе — студентки Е. В. Бурлова. Евгений Васильевич неоднократно приглашался в члены жюри престижных выставок и конкурсов и имеет сертификат эксперта по компетенции «Графический дизайн» (2016). Характеризуя деятельность мастера, можно с полным правом говорить о его несомненном влиянии на становление и развитие дальневосточной школы дизайна. Все молодые коллеги по кафедре росли в профессии при его непосредственном участии.

Творческие работы художников-педагогов Педагогического института часто можно видеть на выставках изобразительного искусства. Они вошли в собрания различных музеев. Е. И. Вольгушев и Д. А. Романюк оставили наследие рукотворной печатной графики (литография, офорт, линогравюра), выполненной в технике классической гравюры, которую сейчас не часто встретишь в выставочных залах. Трудно переоценить роль педагогической деятельности художников-графиков. Благодаря им выросли ученики, ставшие с течением времени профессионалами, а в дальнейшем и членами Союза художников России. Студенты Е. В. Бурлова заметно пополнили ряды Союза дизайнеров России. Педагоги-графики художественно-графического факультета обогатили культурное пространство Дальнего Востока и не только оставили заметный след в изобразительном искусстве региона, но и в силу своей профессиональной деятельности обозначили траекторию развития искусства края на годы вперёд.

Список использованных источников

1. *Во имя мира, во славу спорта : плакат Олимпиады-80 : альбом / колл. авт. — Москва : Плакат, 1984. — 160 с.*
2. *Вольгушев, Е. «Если просится слово наружу» / Е. Вольгушев // Дальний Восток. — 2017. — № 1. — С. 130–134.*
3. *Первая межобластная выставка произведений молодых художников : каталог / [сост. каталога Е. В. Степина]; Хабар. краевое отд-ие культуры, Хабар. отд-ие Союза художников РСФСР. — Хабаровск, 1966. — 15 с.*
4. *Первая республиканская художественная выставка «Молодые художники России» : живопись, скульптура, графика, декоративно-прикладное искусство / М-во культуры РСФСР, Союз художников РСФСР, ЦК ВЛКСМ; [отв. ред. каталога: Э. П. Голубова; сост. раздела графика И. Н. Соловьёва-Волынская] — Москва : Совет. художник, 1968. — 64 с.*
5. *Художники Хабаровского края : альбом / [авт.-сост.: Т. А. Давыдова, Т. А. Давидова, В. А. Шишкина, Е. В. Быкова, Т. В. Лементович]. — Хабаровск : М-во культуры Хабар. края, 2011. — 400 с.*

Фотографии предоставлены автором.
Материал поступил в редакцию 02.04.2019 г.

Сведения об авторе: Шишкина Виктория Авенировна, искусствовед, член Союза художников России, доктор педагогических наук, профессор кафедры изобразительного искусства Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: Shish15@yandex.ru; тел. 8-909-876-59-67.

► К 160-летию со дня рождения Шолом-Алейхема

ЦАП ВЛАДИСЛАВ АБРАМОВИЧ

ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМ В КАМНЕ И МЕТАЛЛЕ

В статье представлен обзор памятников, скульптуры малой формы и памятных досок, установленных классику еврейской литературы Шолом-Алейхему. И хотя сложилось мнение, что в мире возведено всего четыре памятника этому писателю, автор приводит в пример малоизвестные объекты: статуэтки и эскизы памятников, хранящиеся у скульпторов и в музеях.

Ключевые слова: Шолом-Алейхем, Биробиджан, Киев, еврейская литература, идиш, памятник, скульптура.

Keywords: Sholem Aleichem, Birobidzhan, Kiev, Jewish literature, Yiddish, monument, sculpture.

В декабре 2019 года исполнится 18 лет со дня открытия памятника Шолом-Алейхему в Москве — первого памятника классику еврейской литературы в России. Тогда же минет 22 года памятнику писателю, установленному в Киеве. Считается, что в мире установили всего четыре памятника Шолом-Алейхему: в Москве, Киеве, Биробиджане и в израильском городе Нетании.

Четыре памятника

Обычно, памятники рождаются так: сначала поступает заказ, а потом скульптор приступает к работе. Московский же скульптор Юрий Чернов сначала изготовил бронзовый макет, а потом стал искать заказчика. Его идея многим понравилась. Некоторые предприниматели хотели приобрести этот макет, но давать деньги на изготовление и установку самого памятника никто не спешил.

На одной из выставок эскиз увидел Юрий Лужков (тогда он был мэром), он одобрил идею установки памятника в столице. Нашёлся и спонсор — президент компании «Русское золото» Александр Таранцев. Была составлена смета стоимости работ, которая показалась Таранцеву слишком завышенной, и он согласился выплатить лишь треть суммы. И исполнителям удалось уложиться!

26 декабря 2001 года памятник был торжественно открыт в Пресненском районе Москвы, на пересечении Большой Бронной и Малой Бронной. Фигура Шолом-Алейхема высотой в полтора метра стоит на бронзовой колонне, на которую нанесены менора и рельефные изображения героев произведений еврейского писателя. Вся эта композиция установлена на шестигранный постамент, разработанный архитектором Гарри Копансом [4].

Памятник Шолом-Алейхему в Киеве был открыт в декабре 1997 года. Его автор, Валерий Медведев, известен, как создатель монумента детям, расстрелянным в Бабьем Яру (г. Киев). Кстати, в Хабаровске работает его тезка — скульптор Валерий Медведев, автор бюста Ивану Федько на пограничной заставе Союзной, в творчестве которого тоже присутствует тема холокоста. Вот такое совпадение...

Памятник Шолом-Алейхему в Киеве стоял напротив памятника Ленину. Писатель, с поднятой над головой шляпой, как бы приветствовал Владимира Ильича. Это соседство вызывало множество шуток. Памятник простоял там около восьми лет, пока в праздничный день 2 мая 2005 года его не демонтировали, а через две недели установили вновь, но на другом месте.

По мнению киевлян, памятник перенесли на улицу Рогнединскую, чтобы разлучить писателя с вождём мирового пролетариата; а по официальной версии, памятник «поменял пропуск» в связи с реконструкцией площади [5].

В Биробиджане памятник Шолом-Алейхему торжественно открыли в сентябре 2004 года. Первая попытка установить здесь памятник классику еврейской литературы была предпринята ещё в 1947 году, а в 1989-м был объявлен конкурс эскизов памятника Шолом-Алейхему, на который представили несколько макетов и эскизов. Красноярский художник Олег Фирер предложил изваять писателя, сидящим у фонтана, а биробиджанские авангардисты — осмысленный хаос из бесформенных бетонных нагромождений. Политическая и экономическая обстановка в стране стремительно менялась и вскоре стало не до памятника.

К этой идее вернулись в 2003 году. В конкурсе принял участие известный московский скульптор Юрий Чернов, автор памятника Шолом-Алейхему в Москве. Он предложил повторить в Биробиджане этот же памятник и запросил за него приличную сумму. Таких денег не оказалось, и в Биробиджане так и не появился близнец московского памятника.

Не прошёл проект хабаровского скульптора Юрия Кукуева. Он предложил очень интересный вариант, но, к сожалению, в нём предполагались мелкие элементы, которые легко могли бы отломаться вандалами.

В итоге победил проект, автором которого были биробиджанский художник Владислав Цап и глава китайской камнерезной компании Чюй Юй Гуй.

Памятник Шолом-Алейхему в Биробиджане.

На постаменте этого памятника установлены барельефы, изображающие героев произведений Шолом-Алейхема.

Обошёлся монумент в 20 раз дешевле суммы, затребованной московским скульптором.

Во время поездки в Китай заместитель главы правительства Еврейской автономной области В. С. Гуревич намекнул руководящим товарищам округа Цзямусы, что у области скоро юбилей, а на юбилей принято получать подарки. Они намёк поняли: выкупили у харбинцев отлитый уже памятник и подарили его Биробиджану. К тому же в придачу добавили камень для облицовки постамента. Вот так получилось, что памятник городу ничего не стоил.

Местом для его установки выбрали начало улицы Шолом-Алейхема. Раньше там стояла рука с факелом, от которой остался только постамент из булыжников. На это место и установили, вернее, усадили Шолом-Алейхема. Старый постамент сносить не стали. Его дополнили кирпичом и бетоном и облицевали камнем. Постамент получился экономичным и очень интересным по дизайну. Автор постамента — Оксана Ковалевская

Кстати, в топонимике какого российского города более всего встречается имя Шолом-Алейхема? Конечно, в Биробиджане! Имя писателя носят главная улица города, областная научная библиотека и Приамурский государственный университет.

Памятник Шолом-Алейхему в Нетании был открыт на бульваре имени Шолом-Алейхема в июле 2012 года. Его автором является израильский скульптор Лев Сегал.

Он приехал в Израиль из Украины в 1973 году. При отъезде ему разрешили взять с собой только одну чеканную работу. В Нетании он установил пятиметровую скульптуру «Скрипач на крыше» и серию из пяти скульптурных групп, изображающую еврейских музыкантов.

Шолом-Алейхем израильского скульптора восседает на козе — непременном атрибуте картинок еврейского быта. Он как бы летит над местечком, записывая всё увиденное в блокнот [6].

Кстати, красноярский художник Олег Фирер тоже предлагал в конце 1980-х годов идею памятника с козой. На конкурс эскизов памятника Шолом-Алейхему в Биробиджане он представил следующий вариант: писатель сидит у фонтана, а рядом с ним стоит козочка.

Малоизвестные памятники

Как было сказано выше, считается, что в мире установлено четыре памятника еврейскому писателю. На самом же деле их больше.

В Переяславе-Хмельницком (Украина), на малой родине писателя, в 1978 году был открыт Дом-музей Шолом-Алейхе-

ма [3]. Недалеко от дома стоит памятник классику еврейской литературы. Автором этой скульптуры является известный советский скульптор Моисей Альтшулер [7]. По другим источникам, авторство приписывается М. Клименко. Есть информация, что в 1999 году в этом городе установили второй памятник. Возможно, этот памятник изготовил скульптор Клименко, хотя никаких данных об этом скульпторе мы не нашли.

В своём жизнеописании «С ярмарки» Шолом-Алейхем рассказывает о жизни в Богуславе (Украина). По различным сведениям, ещё в 2004 году в этом городе стоял памятник писателю, так что точную дату его установки определить не удалось. Можно только с уверенностью сказать, что он не моложе памятника, установленного в Биробиджане.

Скульптура малых форм

Макет памятника Шолом-Алейхему скульптора А. Мильчина.

В 1947 году биробиджанский скульптор Абрам Мильчин представил на краевой художественной выставке макет памятника Шолом-Алейхему. Автор предложил установить его в областном центре — в Биробиджане. К сожалению,

с памятником ничего не вышло, а макет был утерян. Только шесть лет назад родственница скульптора Серафима Козина помогла отыскать фотографию этой скульптуры. Нынешний биробиджанский памятник писателю (особенно композиция постамента) напоминает вариант, предложенный Мильчиным, хотя в 2004 году о его макете ещё не было известно.

Хабаровский скульптор Юрий Кукуев лепил героев Шолом-Алейхема. Он принимал участие в конкурсе проектов памятника писателю в Биробиджане. Все, кто видел эту работу, признают её очень удачной. Скульптор изобразил писателя, держащего на вытянутой левой руке «маленького человека» — собирательный образ, придуманный Шолом-Алейхемом. Проект памятника имел один недостаток — маленькую фигурку можно было легко отломать. Как известно, наши вандалы ломают вещи и покрепче. Гипсовая модель высотой в 60 сантиметров находилась в мастерской Юрия Кукуева, и после смерти скульптора была разбита [1].

В Благовещенске у заслуженного художника России Владислава Афанасьева находится ещё один макет памятника Шолом-Алейхему. Именитый художник и скульптор принимал участие в конкурсе эскизов памятника еврейскому писателю в Биробиджане. Его проект, к сожалению, не был рассмотрен. Автор прислал свою работу слишком поздно, когда все эскизы уже были утверждены.

В Биробиджане находится портрет Шолом-Алейхема работы Абрама Мильчина. Гипсовый рельеф украшает фойе областной научной библиотеки, носящей имя этого писателя.

В городе есть ещё несколько станковых скульптур, изображающих классика еврейской литературы. Самой

уникальной является работа бывшего красноярского художника, ныне — гражданина Израиля, Олега Фирера. Его скульптура — портрет Шолом-Алейхема, вырезанный из дерева. Бюст писателя хранится в Биробиджанском областном художественном музее.

Киевский художник Хаим Мастбаум ещё в 1920-х годах задумал создать скульптурное изображение писателя. Осуществил он свою мечту только в 1969 году, когда работал над серией портретов русских писателей. Скульптор хотел выполнить барельеф классика еврейской литературы в бронзе, но банально не нашёл для этого денежных средств. Тогда он отлил две гипсовые копии. Один портрет он подарил редакции журнала «Советиш геймланд»¹, а второй, уже после смерти скульптора, его дочь передала Дому-музею писателя в Переяславе-Хмельницком.

В музее Переяслава-Хмельницкого находится как минимум три скульптуры, изображающие писателя. Станковые скульптуры, изображающие писателя, есть в Киевском музее Шолом-Алейхема (филиал Музея истории Киева). В помещении Биробиджанской еврейской общины «Фрейд» можно увидеть копию эскиза памятника, отлитую в металле, и гипсовый скульптурный портрет писателя. После открытия памятника в Биробиджане была изготовлена серия статуэток, изображающих этот монумент. 150 скульптурных миниатюр были изготовлены в Китае в качестве сувенирной продукции.

На Ленинградском фарфоровом заводе выпускалась статуэтка писателя высотой 27 сантиметров. По эскизам художника А. Н. Чернецкого было изготовлено всего три экземпляра. Одна из этих фарфоровых фигурок несколько лет назад выставилась на продажу. Её цена составляла 210 тысяч рублей [8].

Мемориальные доски

Большая часть мемориальных досок Шолом-Алейхему находится в Украине. Это понятно, ведь там писатель провёл большую часть жизни.

В Киеве, на доме № 27 по улице Сагдаганского, где писатель проживал в 1883–1885 годах, установлена скульптурная мемориальная доска. Портрет писателя на ней выполнен в виде горельефа, под которым нанесены изображения его героев. Шолом-Алейхем неоднократно описывал город Киев в своих произведениях, называя его Егупецом.

Во Львове также есть мемориальная доска с рельефным изображением писателя и героев его произведений. Это единственная доска с двуязычным текстом — на украинском языке и на идише. Большую в размерах доску,

Бюст Шолом-Алейхема в музее Переяслава-Хмельницкого.

¹ «Советиш Геймланд» (идиш — «Советская Родина») — советский литературный и общественно-политический журнал на идише, издававшийся в Москве в 1961–1991 гг.

площадью примерно в два метра, изготовил известный скульптор Пётр Флит и безвозмездно передал городу. Сейчас этот объект является одним из достопримечательных мест, куда приходят многие туристы [2].

Мемориальная доска в Софиевке.

Мемориальные доски Шолом-Алейхему установлены и в ряде других населённых пунктов Украины, где писатель ранее проживал: в Одессе, Белой Церкви, Коростене, Боярке, Софиевке.

Доска на доме № 34 по улице Шолом-Алейхема в Биробиджане.

В 1972 году в Биробиджане, на здании гостиницы «Юбилейная» (ныне «Восток»), расположенной по адресу: улица Шолом-Алейхема, дом 1, была установлена бетонная доска, объяснявшая прохожим, в честь кого названа улица. В связи с реконструкцией гостиницы её убрали. Вторая доска и ныне висит на доме № 34 по этой же улице.

Улицы Шолом-Алейхема есть в Харькове, Херсоне, Алма-Ате и ещё в двадцати городах бывшего Советского Союза.

Список использованных источников

1. Глебова, Е. Скульптурные фантазии на тему «Медного всадника» [Электронный ресурс] / Е. Глебова // Словесница искусств. — 2006. — № 1. — Режим доступа: <http://www.slovoart.ru/node/1546>.
2. Дорфман, Б. Памяти скульптора Песаха Флита [Электронный ресурс] / Б. Дорфман // Мы здесь : Интернет-газета. — Режим доступа: <http://www.newswe.com/index.php?go=Pages&in=view&id=1117>.
3. Музей классика еврейской литературы Шолом-Алейхема [Электронный ресурс] // Howling Pixel. — Режим доступа: howlingpixel.com/i-uk/Музей_класика_еврейської_літератури_Шолом-Алейхема.
4. Памятник Шолом-Алейхему (Москва) [Электронный ресурс] // Википедия — свободная энциклопедия. — Режим доступа: [ru.wikipedia.org/wiki/Памятник_Шолом-Алейхему_\(Москва\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Памятник_Шолом-Алейхему_(Москва)).
5. Памятник Шолом Алейхему в Киеве [Электронный ресурс] // Шукач : [веб-сайт]. — Режим доступа: www.shukach.com/ru/node/3346.
6. Памятник Шолом-Алейхему (Нетания) [Электронный ресурс] // Википедия — свободная энциклопедия. — Режим доступа: [ru.wikipedia.org/wiki/Памятник_Шолом-Алейхему_\(Нетания\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Памятник_Шолом-Алейхему_(Нетания)).
7. Памятник Шолом-Алейхему (Переяслав-Хмельницкий) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: wikimapia.org/33111983/uk/Памятник-Шолом-Алейхему.
8. Фарфоровая скульптура «Еврейский писатель Шолом-алеихем» [Электронный ресурс] // Сайт антикварного салона «Богема». — Режим доступа: <http://bogema-art.ru/catalogue/farforovaya-skulptura-evreyskiy-pisatel-sholom-aleyhem->

Фотографии предоставлены автором.
Материал поступил в редакцию 28.01.2019 г.

Сведения об авторе: Цап Владислав Абрамович, художественный редактор Издательского дома «Биробиджан» (г. Биробиджан), член Союза художников РФ.

Контактные данные: e-mail: tsap.slava@mail.ru.

ЖУРАВЛЁВА ОЛЬГА ПРОХОРОВНА

ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМ — ДУША ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА...

В статье рассматривается деятельность Биробиджанской областной универсальной научной библиотеки имени Шолом-Алейхема (г. Биробиджан) как центра сохранения и продвижения творчества Шолом-Алейхема. Представлены архивные материалы, сведения из периодической печати, исторические факты, связанные с именем писателя в городе Биробиджане и Еврейской автономной области. Освещаются фонды областной библиотеки, рассматривается мемориальный уголок, перечисляются мероприятия по продвижению творчества народного еврейского писателя, памятные места, связанные с его именем в г. Биробиджане. Материал приурочен к 160-летию со дня рождения Шолом-Алейхема.

Ключевые слова: Биробиджанская областная универсальная научная библиотека, еврейская культура, народный еврейский писатель Шолом-Алейхем, памятные места г. Биробиджана.

Keywords: Birobidzhan Regional Universal Scientific Library, Jewish culture, Jewish national writer Sholem Aleichem, memorable places of Birobidzhan.

Еврейский писатель и драматург, один из основоположников современной художественной литературы на идише, в том числе детской, Шолом-Алейхем (настоящее имя Соломон Наумович (Шолом Но́хумович) Рабинович) родился 2 марта 1859 года в городе Переяславе (ныне — Переяслав-Хмельницкий) Полтавской губернии, умер 13 мая 1916 года в Нью-Йорке.

Шалом Алейхем — традиционное еврейское приветствие, означающее «Мир вам». Ответ на это приветствие — Шалом у-враха (Мир и благословение). В современном иврите используется лишь краткая форма приветствия — шалом.

Имя Шолом-Алейхема неразрывно связано с городом Биробиджаном (административный центр Еврейской автономной области) и областной универсальной научной библиотекой. Несмотря на то, что писатель никогда не был в Биробиджане и умер задолго до начала осуществления «Биробиджанского проекта», его имя знакомо каждому жителю. Это имя олицетворяет душу еврейского народа, его называли еврейским народным писателем. Его именем, духом еврейской культуры руководствовались организаторы и строители «Биробиджанского проекта» и современной еврейской автономии. Его имя носит областная универсальная научная библиотека, центральная улица областного центра, главное учебное заведение Еврейской автономной области, здесь открыт памятник писателю.

О значимости великого еврейского писателя говорит тот размах, с которым был отмечен в области его 80-й юбилей со дня рождения. В октябре 1938 года бюро обкома ВКП(б) приняло постановление «О подготовке к проведению 80-й годовщины со дня рождения еврейского народного писателя Шолом-Алейхема». «Бюро обкома постановляет. В связи с тем, что в марте 1939 года исполняется 80 лет со дня рождения известного еврейского народного писателя Шолом-Алейхема, классика еврейской литературы, ознаменовать этот юбилей следующими мероприятиями: 1. Организовать ряд литературных вечеров, посвященных жизни и творчеству Шолом-Алейхема, на предприятиях, учреждениях, колхозах, учебных заведениях и др. 2. Провести общегородской вечер интеллигенции, посвященный жизни и творчеству Шолом-Алейхема. 3. Поручить облОНО т. Кантору организовать во всех библиотеках литературные художественные выставки, посвященные творчеству Шолом-Алейхема. 4. ОблКОГИЗу организовать распространение и продажу произведений Шолом-Алейхема. 5. Радиокomiteту т. Цимблеру организовать ряд трансляций, посвященных творчеству Шолом-Алейхема. 6. Поручить уполномоченному по делам искусств т. Гельберг организовать художественно-концертные бригады из числа артистов еврейского государственного театра и самодеятельных кружков с целью популяризации творчества Шолом-Алейхема. 7. Предложить областным и районным газетам систематически печатать статьи о творчестве Шо-

лом-Алейхема. 8. Для проведения массовых мероприятий привлечь писателей, учителей, артистов и др. 9. Для ознаменования памяти писателя Шолом-Алейхема наименовать одну из улиц г. Биробиджана и новостроящуюся библиотеку именем писателя. 10. Для подготовки и проведения 80-й годовщины со дня рождения Шолом-Алейхема создать комиссию в следующем составе: И. А. Гольдмахера, председателя исполкома Биробиджанского горсовета — председатель комиссии. Б. И. Миллера — писателя, Гельберга — уполномоченного по делам искусств, И. Копилевича — редактора газеты «Биробиджанер штерн», Стариковского — рабочего фабрики им. Димитрова, Е. Л. Гельфанда — художественного руководителя еврейского государственного театра. Поручить комиссии разработать план проведения 80-летия годовщины со дня рождения Шолом-Алейхема. Г. Н. Сухарев, секретарь обкома ВКП(б)» [10]. Следует отметить, что все намеченные мероприятия были выполнены.

16 декабря 1940 года на заседании Президиума облисполкома рассматривали вопрос «О присвоении областной центральной библиотеке имени Шолом-Алейхема». Решили: «В целях увековечивания памяти еврейского писателя Шолом-Алейхема — присвоить областной центральной библиотеке в г. Биробиджане имя писателя Шолом-Алейхема» [12].

В конце 1940 года закончилось строительство помещения для областной библиотеки. 20–22 декабря комиссия приняла его в эксплуатацию [11]. Это здание стало украшением нашего города, оно является объектом культурного наследия регионального значения, здесь областная универсальная научная библиотека находится и сейчас. В нём, рассчитанном на 120 тысяч единиц хранения, разместили книгохранилище, несколько читальных залов, абонемент, еврейский отдел, зал детской литературы. 18 февраля 1941 года библиотека гостеприимно распахнула двери для читателей.

Вот как об этом событии написала газета «Биробиджанская звезда»: «Через несколько дней появится вывеска «Центральная библиотека им. Шолом-Алейхема». Еще темно, но идет подготовка к открытию. Еще не провели электричество. 20 тыс. книг уже обработаны. Читальный зал на 92 места. Детское отделение уже открыто» [3].

Фонд национальной книги в Биробиджанской областной универсальной научной библиотеке имени Шолом-Алейхема начал формироваться с первых дней её основания. Еврейский фонд был одним из богатейших отделов библиотеки, вторым по величине после абонемента. В 1943 году он насчитывал 22 762 экземпляра (25,2% от общего фонда). Была организована коллекция «Юдаика» (так она называлась раньше, ныне — «Иудаика»), в которую была собрана литература о евреях и из истории евреев не только на русском, еврейском, древнееврейском языках, но и на латинском, французском, немецком, английском, арабском [7]. Борьба с национализмом

и космополитизмом логически привела к тому, что в большей степени пострадал фонд еврейской литературы. Если до 1951 года он постоянно увеличивался, то в последующие годы наблюдалось неуклонное уменьшение книг в нём. А затем и реформирование его в 1961 году из самостоятельного отдела в национальный фонд в составе абонемента.

Заведующими отделом еврейской литературы были не только библиотечные работники, но и известные в области и за её пределами литераторы, журналисты. Например, член Союза советских писателей Сальвадор Боржес, журналист газеты «Биробиджанер штерн» Абрам Володарский.

В 1978 году после многочисленных преобразований был восстановлен сектор национальной литературы, который занимается формированием и популяризацией еврейского книжного фонда — художественной и научно-популярной литературы на русском языке, идише и иврите.

Биробиджанская областная универсальная научная библиотека располагает значительным собранием произведений Шолом-Алейхема на русском и еврейском языках, большая часть из них является редкими и ценными изданиями. Особую ценность представляют прижизненные издания. Это — «Дети черты» (книга 2, перевод Ю. Н. Пинуса, Москва, 1910 г.); «Избранные сочинения» (том 1, Варшава, 1909 г.); «Рассказы» (Одесса, 1911 г.).

Основную часть коллекции составляют произведения Шолом-Алейхема на идише. Самая ранняя книга в собрании издана в 1909 году. Большая часть издана в Москве, значительное количество изданий Киева, Харькова, Одессы, Минска, Екатеринослава, а также зарубежные издания — Нью-Йорк, Тель-Авив, Варшава. Среди них следует выделить «Собрание сочинений» в 28 томах (Нью-Йорк, 1937 г.), «Избранные произведения» в 12 томах (Москва, 1937 г.), «Собрание сочинений» в 12 томах (Москва, 1937 г.), «Отдельные произведения — Избранные произведения» (Харьков, 1926 г.), «Избранные сочинения» (Киев, 1926 г.), «Избранные письма» (Москва, 1941 г.), романы «Блуждающие звезды» (Киев, 1937 г.), «С ярмарки» (Москва, 1927 г.) и «Ёселе Соловей» (Одесса, 1926 г.), рассказ для детей «Живая душа» (Тель-Авив, 1928 г.), «Золотоискатели: комедия» (Киев, 1928 г.), «Рассказы» (Екатеринослав, 1925 г.), рассказ «У доктора» (Минск, 1940 г.) и другие.

В коллекции произведений Шолом-Алейхема есть книги в переводах на русский язык, в том числе собрание сочинений в 6 томах, изданное в 1959 году к 100-летию юбилею писателя. Есть издания на английском языке.

Нельзя не упомянуть литературоведческие работы, вошедшие в коллекцию. На идише: Финкель У. Шолом-Алейхем : 1859–1939. — Москва, 1939 г., Шолом-Алейхем : к 80-летию со дня рождения : биографические материалы. — Харьков, 1939 г., Книга Шолом-Алейхема : биография и творчество. —

Нью-Йорк, 1958 г. и другие. На русском языке: Беленький М. Биография смеха. — Москва, 1991 г., Каган А. Шолом-Алейхем. — Москва, 1961 г., Серебряный И. Шолом-Алейхем и народное творчество. — Москва, 1959 г. и другие.

В коллекцию книги приходили разными путями. В конце 1980-х годов ситуация с еврейской культурой в области стала меняться, появился интерес к корням, возникли общественные организации, продвигающие многовековые традиции. В 1989 году в Биробиджане был проведён первый фестиваль еврейской культуры и искусства (сегодня они устраиваются регулярно).

В сектор национальной литературы стали поступать в дар частные коллекции и не только. В 1990 году общество «Биробиджан — Израиль» подарило нам книги, изданные в Израиле на русском, идише и иврите по истории, этнографии еврейского народа, иудаизму, художественную литературу. В эти же годы сын еврейского писателя Бузи Миллера передал в дар его коллекцию книг еврейских советских писателей с их автографами. В 1991 году журналист Абрам Гинзбург преподнёс в подарок издания на идише и иврите, которые являются частью обширной библиотеки, собранной в Баку дядей дарителя Я. А. Гинзбургом. Среди подаренных книг оказался том избранных сочинений Шолом-Алейхема, напечатанный в Варшаве при жизни писателя в 1909 году...

В 1994 году старейший работник библиотеки (бывший директор) Борис Давидович Бергер обратился в управление Федеральной службы безопасности по ЕАО с просьбой разыскать книги, изъятые из областной библиотеки в годы сталинских репрессий. На территории нашей области и Хабаровского края были найдены не только издания, указанные в списке Б. Д. Бергера, но и другая художественная и публицистическая литература на идише, очерки истории и культуры еврейского народа, подшивки газет, журналов и альманахов прошлых лет. В их числе оказалось 28 томов произведений Шолом-Алейхема, изданных в Нью-Йорке в 1937 году. Книги (всего 120 экземпляров) были переданы библиотеке областным управлением Федеральной службы безопасности в конце 1997 года [1].

В 2006 году семья биробиджанцев, Татьяна и Романа Файнов, подарила около 50 книг национальной тематики, в том числе прижизненное издание книги Шолом-Алейхема «Дети черты» в переводе Ю. Н. Пинуса (Москва, 1910 г.).

В конце 1980-х годов в фойе библиотеки была организована мемориальная экспозиция, посвящённая Шолом-Алейхему. Здесь находятся минора, подаренная другом библиотеки, предпринимателем, учёным Иосифом Бренером; картина по мотивам произведений Шолом-Алейхема известного биробиджанского художника Владислава Цапа и портрет Шолом-Алейхема 1950-х годов кисти неизвестного художника. Особое внимание читателей и гостей библиотеки привлека-

Мемориальная экспозиция в Биробиджанской областной универсальной научной библиотеке, посвящённая творчеству Шолом-Алейхема.

ет витраж с подсветкой с иллюстрациями к произведениям Шолом-Алейхема. Под стеклом экспонируются графические работы, иллюстрации к произведениям Шолом-Алейхема биробиджанских художников Олега Эскина и Михаила Черниса. Украшает витраж гипсовый рельеф писателя работы скульптора Абрама Мильчина, жившего в Биробиджане, автора памятника Ерофею Хабарову, открытого 31 мая 1958 года на привокзальной площади г. Хабаровска. Здесь же, в этой части библиотеки, к юбилейным датам устраиваются книжные экспозиции, посвящённые Шолом-Алейхему.

Областная библиотека является центром еврейской культуры области и города. Она всегда занималась продвижением, популяризацией творчества Шолом-Алейхема и продолжает это делать. Если пролистать страницы истории библиотеки, то можно увидеть подтверждение этому.

Так, 6 апреля 1939 года в клубе фабрики «Деталь» библиотекой был организован вечер творчества Шолом-Алейхема, с докладом выступил редактор газеты «Биробиджанер штерн» И. Копелевич [4].

13 мая 1946 года в областной библиотеке состоялся большой литературный вечер, посвящённый 30-летию со дня смерти Шолом-Алейхема, с докладом выступил писатель Б. Миллер [8].

2 марта 1949 года, к 90-летию со дня рождения Шолом-Алейхема, областная библиотека оформила три выставки произведений на русском и еврейском языках. Провела литературные чтения и большой литературный вечер [9].

Газета «Биробиджанская звезда» писала, что в стране в честь 100-летия со дня рождения Шолом-Алейхема намечался выход наиболее полного издания произведений писателя в шести томах тиражом 150 тысяч экземпляров, а также его сборника «Счастье привалило» тиражом 300 тысяч экземпляров. К радости читателей, по их просьбе или в связи с большим спросом на Шолом-Алейхема, фактиче-

ский тираж юбилейного собрания сочинений составил 225 тысяч экземпляров [6].

К юбилейной дате, 3 марта 1959 года в Биробиджане вышли две областные газеты — «Биробиджанер штерн» и «Биробиджанская звезда» — с большой подборкой материалов, посвящённых 100-летию со дня рождения Шолом-Алейхема. На страницах местной прессы выступили литераторы, учителя, рабочие и служащие, откликнувшиеся на это неординарное событие в жизни страны и Биробиджана. Были напечатаны литературоведческая статья, посвящённая творчеству писателя, очерк с воспоминаниями первых переселенцев, строивших Биробиджан и живших на улице Шолом-Алейхема, и другие материалы [15].

Борис Бергер, заведующий читальным залом областной библиотеки, в газете «Биробиджанская звезда» писал, что в фондах библиотеки имеется более тысячи книг с произведениями Шолом-Алейхема на русском и еврейском языках. К юбилейной дате в библиотеке, на предприятиях были проведены читательские конференции по произведениям писателя и громкие читки его рассказов [2]. В областной библиотеке состоялся вечер, посвященный 100-летию со дня рождения классика еврейской литературы Шолом-Алейхема [5].

В 1994 году, к 135-летию со дня рождения Шолом-Алейхема, в Биробиджане состоялась научно-практическая конференция «Шолом-Алейхем: творчество и проблемы литературного наследия», прошедшая под девизом: «Шолом-Алейхем — блуждающая звезда еврейского счастья», которую провели управление культуры правительства области, областная универсальная научная библиотека и Еврейский филиал Института национальных проблем образования Министерства образования РФ.

В 2009 году мероприятия, посвящённые 150-летию со дня рождения Шолом-Алейхема, прошли в библиотеке с особым размахом и разнообразием.

Презентация буклета к 150-летию со дня рождения Шолом-Алейхема.

Была организована книжная экспозиция «Звёзды не падают, звёзды блуждают», в открытии которой приняли участие преподаватели и студенты Дальневосточной государственной социально-гуманитарной академии, учащиеся школ, библиотекари, журналисты, художники. Здесь же состоялась презентация буклета «К 150-летию Шолом-Алейхема. 1859–1916 гг.». Экспозиция включала следующие разделы: «Произведения на языке идиш», «Книги Шолом-Алейхема, подаренные библиотеке», «Редкие прижизненные издания Шолом-Алейхема», «Книги Шолом-Алейхема на английском языке», «Сочинения в переводах на русский язык», «Биография и творчество Шолом-Алейхема». В оформлении выставки были использованы иллюстрации В. Цапа из альбома «Еврейская улочка» и графические работы Р. Строковой.

Книжная экспозиция получила самые благожелательные отзывы, среди них — комментарий Лидии Николаевны Капуциной, профессора Дальневосточной государственной социально-гуманитарной академии, декана филолого-исторического факультета, оставленные ею в нашей книге отзывов: «Спасибо библиотеке за выставку, очень тепло и добро составленную. Вызывают восхищение раритетные издания, личность Шолом-Алейхема, раскрывшего миру культуру идиш, и трепетное отношение к ним библиотекарей». Экспозицию посетило около 300 человек.

Другое мероприятие — «Улица Шолом-Алейхема, город Биробиджан» — встреча у памятника Шолом-Алейхему. Литературно-музыкальная композиция к 150-летию со дня рождения писателя и 5-летию открытия монумента ему объединила разных людей: художников, музыкантов, поэтов, краеведов, учёных, представителей власти. Она состоялась у памятника на пешеходном участке улицы и собрала молодёжь, преподавателей, ветеранов и всех, кому не безразлично творчество великого еврейского классика.

В нашем городе много памятных мест, связанных с именем Шолом-Алейхема. Это прежде всего центральная улица Биробиджана, которая носит его имя. К 30-летию со дня смерти Шолом-Алейхема решением Биробиджанского горисполкома от 10 мая 1946 года улица Партизанская была переименована в улицу имени Шолом-Алейхема [13]. К 120-летию со дня рождения писателя, в 1979 году, решением исполкома Биробиджанского городского Совета народных депутатов от 8 декабря 1979 года здесь была установлена памятная доска на доме № 34 со следующими словами: «Эта улица названа именем выдающегося еврейского писателя Шолом-Алейхема (Ш. Н. Рабиновича)» [14].

В начале главной улицы Биробиджана — улицы имени Шолом-Алейхема, или, как её любовно называют биробиджанцы, «улица Ш-А», установлен памятник классику еврейской литературы работы местного художника Владислава

Памятник Шолом-Алейхему.

Цапа. Жюри конкурса, в котором приняло участие четыре участника из разных городов России, его проект одобрило единогласно.

В 2002 году еврейская областная общественная писательская организация, Биробиджанская еврейская религиозная община «Фрейд», мэрия города выступили с инициативой об увековечивании в Биробиджане памяти великого еврейского писателя Шолом-Алейхема. Тогда же был объявлен конкурс на лучший архитектурный проект «Памятник писателю Шолом-Алейхему» в г. Биробиджане. В ноябре 2003 года были подведены итоги. Победителями были признаны ювелирная компания г. Харбина (КНР) и биробиджанский художник В. А. Цап. Памятник был изготовлен в китайской провинции Хэйлуцзянь и установлен в сентябре 2004 года на пересечении улиц Шолом-Алейхема и Пушкина, в сквере напротив гостиницы «Восток». Скульптурное изображение высотой два метра выполнено из меди и представляет композицию: писатель Шолом-Алейхем в кресле с книгой в левой руке.

В 2011 году учёный совет Дальневосточной государственной социально-гуманитарной академии после измене-

ния статуса ходатайствовал перед Министерством образования РФ о присвоении вузу имени Шолом-Алейхема, что было поддержано преподавателями, студентами, а также членами Биробиджанской еврейской национально-культурной автономии.

Приказом Минобрнауки России от 24 ноября 2011 года Дальневосточная государственная социально-гуманитарная академия переименована в Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема...

В 2019 году мир будет отмечать 160-летие со дня рождения великого еврейского классика. Биробиджанская областная универсальная научная библиотека готовится встречать юбилей народного еврейского писателя большой программой мероприятий. Это книжные экспозиции, литературные квесты, творческие встречи с обсуждением проблем литературно-художественного наследия Шолом-Алейхема и его влияния на культурную среду нашего города. Площадкой всех мероприятий станет областная библиотека.

Список использованных источников

1. Бергер, Б. Д. В дар областной библиотеке / Б. Д. Бергер // Биробиджанер штерн. — 1991. — 21 сент.
2. Бергер, Б. Книжные выставки, читательские конференции, коллективные читки / Б. Бергер // Биробидж. звезда. — 1959. — 3 марта.
3. В новой библиотеке // Биробиджанская звезда. — 1941. — 9 февр.
4. Вечер творчества Шолом-Алейхема // Биробидж. звезда. — 1939. — 9 апр.
5. Извещение : [о мероприятии, посвящ. 100-летию со дня рождения Шолом-Алейхема] // Биробидж. звезда. — 1959. — 6 марта.
6. Издания произведений Шолом-Алейхема в СССР // Биробидж. звезда. — 1959. — 3 марта.
7. Информационный отчет областной библиотеки за 1943 год // Государственный архив еврейской автономной области (ГАЕАО). Ф. Р-215. Оп. 1. Д. 5. Л. 10.
8. Информационный отчет областной библиотеки за 1946 год // ГАЕАО. Ф. Р-215. Оп. 1. Д. 5. Л. 103.
9. К 90-летию со дня рождения Шолом-Алейхема // Биробидж. звезда. — 1949. — 27 февр.
10. Постановление бюро обкома ВКП(б) «О подготовке к проведению 80-й годовщины со дня рождения еврейского народного писателя Шолом-Алейхема» // ГАЕАО. Ф. Р-1П. Оп. 1. Д. 46. Л. 81.
11. Протокол заседания президиума облисполкома «О принятии в эксплуатацию центральной областной библиотеки» // ГАЕАО. Ф. Р-75. Оп. 1. Д. 187. Л. 26.
12. Протокол заседания президиума облисполкома «О присвоении областной, центральной библиотеке имени Шолом-Алейхема» // ГАЕАО. Ф. Р-75. Оп. 1. Д. 187. Л. 23.
13. Решение Биробиджанского горисполкома «О переименовании улицы Партизанской в улицу имени Шолом-Алейхема» // ГАЕАО. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 44. Л. 310 (об.).
14. Улицы города Биробиджана : справ.-информ. изд. / отв. сост. И. А. Жирнова ; отв. ред. В. П. Шулятиков, Л. И. Швагерус. — Биробиджан : Биробиджан, 2012. — 195 с.
15. Шолом-Алейхем : [подборка статей к 100-летию со дня рождения] // Биробидж. звезда. — 1959. — 3 марта

Фотографии из фондов Биробиджанской областной универсальной научной библиотеки имени Шолом-Алейхема.
Материал поступил в редакцию 28.02.2019 г.

Сведения об авторе: Журавлёва Ольга Прохоровна, директор Биробиджанской областной универсальной научной библиотеки имени Шолом-Алейхема, кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры РФ (г. Биробиджан).

Контактные данные: тел. (42622) 2-36-41.

АКИМЕНКО АЛЛА НИКОЛАЕВНА

אז דער גארטן איז ארוםגעצוימט מיט א הויכן פארקאט, איבערדע-
דעקט מיט מירדעיקע שטעכלקעס! זעט איר שוין פארטיקל איז איין-
ווייניק דא א הונט. נישט קיין הונט, נאָר א וואָלפּ! אפּ א לאנג
שטיק שטייט ער צוגעבונדן— אָט דער דאָזיקער קעלעוּ שפּיקלעוויס,
און אנו, לאָן נאָר עמעצער דורכגיין פארבן, אָדער לאָן זיך אים
דאכטן, אז עמעצער גייט פארבן, הייבט ער אָן צו רייסן זיך, שפּירן-
גען און בילן מיט אזא קאס, גלייך ווי דער רועיך כאפט אים אוועק!
פרענט זיך א קאשע: וויבאלד אוי, ווי קומ איך אין גארטן ארבעטן
הערט זשע, וועל איך אַיך דערציילן.

ה

מענדל דעם שויכעטס קענט איר, צי ניינז קענט איר דאָס מענדל
דעם שויכעטס דירע אוואַדע נישט. זי איז די אנדערע פון מענאשע
דעם הויפעט און קוקט גלייך צו אים אין גארטן אריין. בא מענדל
דעם שויכעטס, אז מע זיצט אפּן דאכ, קאָן מען זען אלצדינג, וואָס
בא מענאשע דעם רופע אין גארטן טוט זיך. די גאנצע קונצ אין,
וויאזוי קלעיערט מען ארום צו מענדל דעם שויכעטס אפּן דאכ? מיר
איז דאָס גארנישט. ווייסט איר, פארוואָס? וועל מענדל דעם שויכעטס
דירע איז די אנדערע פון אונדו און איז א סאך נידעריקער פון
אונזער דירע. אז מע דראפעט זיך ארום צו אונדו אפּן בירדעם
(איך טו דאָס אָן א לייטער; איך וועל אַיך עפּשער אַמאָל זאָגן ווי-
אוי), און שטעלט איר ארויס א פוט פונעם קליינעם פענצערל,
אזוי זעט איר שוין בא מענדל דעם שויכעטס אפּן דאכ. דאָרט לייגט
איר זיך אוועק וויאזוי איר ווילט: אָדער מיטן פאָנעם ארום, אָדער
מיטן פאָנעם אַרפּן. יעדנפאלס, לייגט זיך פּונט איר, אַניש— קאָן מען
אַיך כּאָלילע דערזען: וואָס טוט איר בא מענדל דעם שויכעטס אפּן
דאכ? איך האָב אויסגעקליבן טאָמיד א ציט פארנאכטלעך, צווישן
מינעל און פּירעו, ווען איך בין געגאנגען אין שול אריין קא-
דעש זאָגן דעמלט איז נישט טאָג איר נישט נאכט, די בעכטע צייט.
פון דאָרטן אראָפּגעקוקט אין גארטן אריין, שווער איך אַיך, אז
ס'איז א נאָרייזע שטענדיג.

КОЛЛЕКЦИЯ КНИГ ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМА В ФОНДАХ БИРОБИДЖАНСКОЙ ОБЛАСТНОЙ БИБЛИОТЕКИ

Статья содержит сведения о коллекции книг Шолом-Алейхема в фондах Биробиджанской областной универсальной научной библиотеки имени Шолом-Алейхема. В ней кратко изложены художественные особенности творчества еврейского классика, дано описание его книг, изданных в разные годы в разных городах разными издательствами на разных языках — всё это подтверждает неугасающую популярность произведений Шолом-Алейхема во всём мире. В статье содержатся некоторые сведения о том, каким образом библиотекой была собрана уникальная коллекция раритетов. Кроме того, автор прослеживает, как проза и драматургия Шолом-Алейхема повлияла на культуру Биробиджана и отражена в театральных постановках, иллюстрациях и картинах местных художников, произведениях биробиджанских поэтов и писателей.

Ключевые слова: Шолом-Алейхем, еврейский классик, еврейское местечко, идиш, раритеты, критико-биографический очерк, историко-литературный очерк.

Keywords: Sholem Aleichem, jewish classic, Jewish town, Yiddish, rarities, biographical essay, historical literary essay.

Писатель Шолом-Алейхем в своих произведениях высветил мир еврейских местечек, обычно закрытый для других народов: грустную и трогательную атмосферу Касриловок, Бойбериков, Егупцов, их забавных жителей — мальчиков Мотлов, чудаков Мендлов, молочников Тевье. Еврейская религия, традиция, ум, житейская сметка, умение выживать в самых трудных условиях, шутить и смеяться сквозь слёзы, чадолюбие через произведения Шолом-Алейхема открылись неевреям как чистейший источник мудрости.

Шолом-Алейхем ушёл в мир иной более ста лет назад, но его звезда не упала и не погасла, она блуждает по странам и континентам, освещая их пожеланием: «Мир вам, люди!» Сочинения писателя переведены на 63 языка. Он и сам говорил своему читателю: «Читайте меня на любом удобном для вас языке» [6]. Хотя в основном писал на идише, в его наследии есть и произведения на русском и древнееврейском языке, то есть на иврите. Правда, таких немного. А книг на иврите, к сожалению, в наших фондах нет.

Называя идиш жаргоном, Шолом-Алейхем писал: «Жаргон — это моя страсть, моя вторая пассива, моя idee fixe. Я никому не продан, никто не может мне указывать, но власть моей любви к жаргону, сильнее власти всякого пана и хозяйина» [Цит. по: 5]. Следует оценить литературное мастерство писателя, которое позволило ему поставить произведения на этом языке вровень с литературой мировой классики.

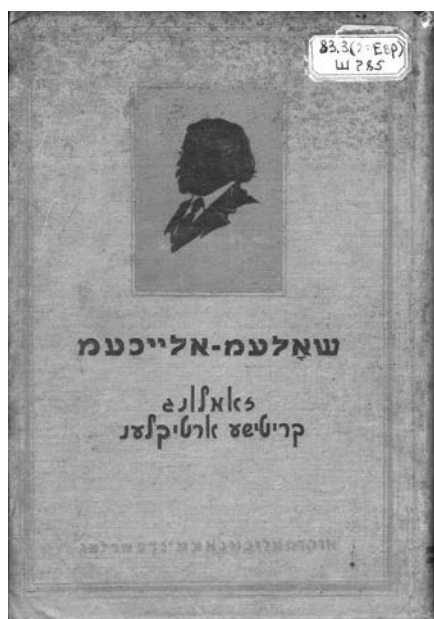
Фонды Биробиджанской областной научной библиотеки содержат книги Шолом-Алейхема на трёх языках: на идише, русском и английском.

Его сочинения на идише — наше богатство! Вряд ли есть ещё библиотека в Сибири и на Дальнем Востоке,

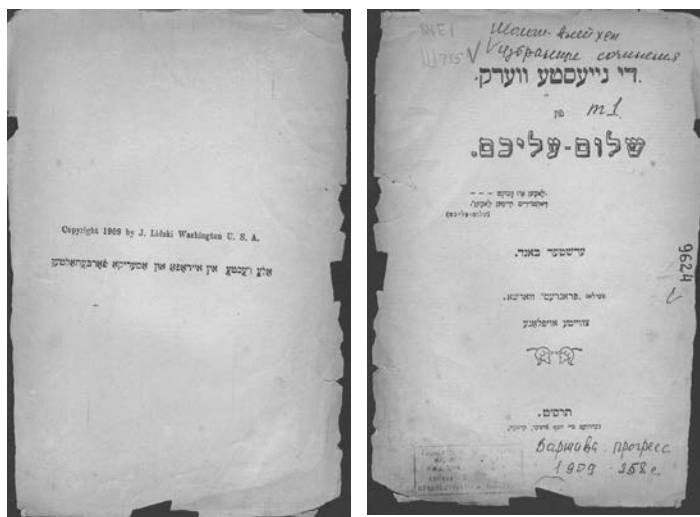
которая обладает такими сокровищами. У нас имеются 120 наименований раритетных изданий, включая полное собрание сочинений Шолом-Алейхема в 28 томах, выпущенное в Нью-Йорке в 1937 году, и полное собрание его сочинений, изданное в том же году в Киеве. Далее назову собрание сочинений в 12 томах, изданное в Москве также в 1937 году, несколько

томов избранных произведений (Харьков, 1926 г.), «Избранные письма» (Москва, 1937 г.), роман «Блуждающие звёзды» (Киев, 1927 г.), сборники одноактных пьес, рассказов и сказок, его критические статьи. И это далеко не полный перечень его книг.

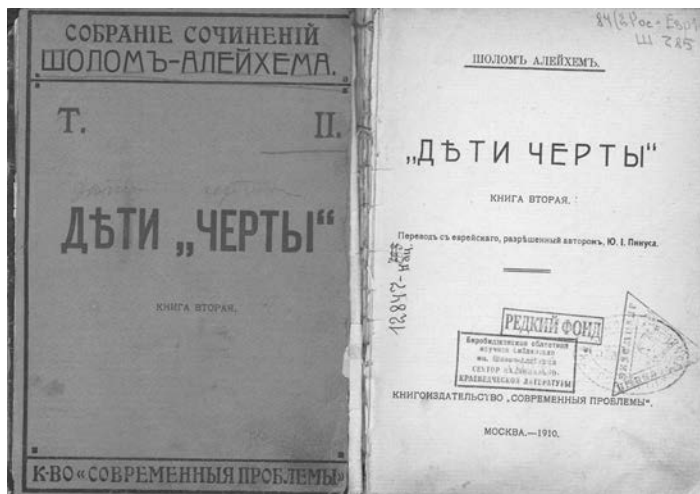
В стенах областной научной библиотеки мы часто проводим выставки произведений еврейского писателя, выпущенных в разные годы в разных городах разными издательствами. В числе таких книг был изданный в Москве неоконченный автобиографический роман «С ярмарки» (1927, 1934 и 1946 гг.), «Мальчик Мотл», «Тевье-молочник» (1941 и 1947 гг.), «Песнь песней» (1939, 1941 и 1947 гг.). Посетители выставок могли увидеть и сборники небольших произведений, и отдельные короткие рассказы писателя, вышедшие из киевских, минских и одесских типографий. В числе этих изданий «У доктора», «Мелкота», «Золотоискатели». Мы демонстрируем эти книги, чтобы привлечь внимание на то, как много издавался Шолом-Алейхем, как читал и почитал своего классика народ!

Обложка сборника критических статей (на идише) Шолом-Алейхема. Киев, 1940 год.

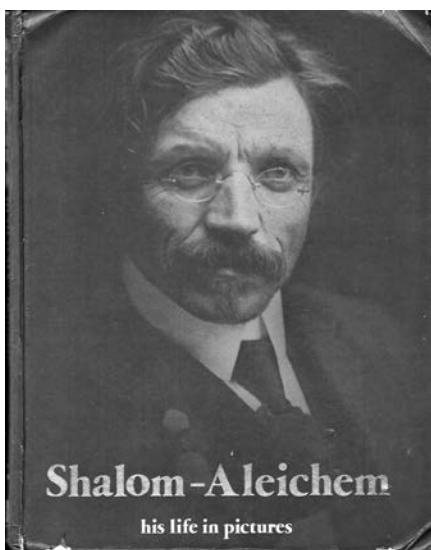

Обратная сторона обложки и титульный лист избранных сочинений (на идише) Шолом-Алейхема. Варшава, 1909 год.

Обложка и титульный лист повести «Дети черты». Москва, 1910 год.

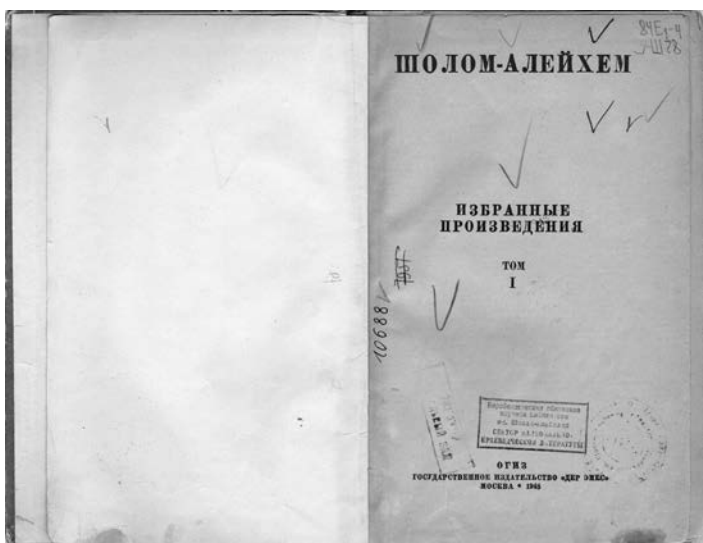
Особо трепетное чувство испытываешь, беря в руки прижизненные издания Шолом-Алейхема. Это «Избранные произведения» (Варшава, 1909 г.), «Рассказы» (Одесса, 1911 г.) и «Дети черты» (Москва, 1910 г.). Последняя — в переводе на русский язык. А вот ещё две шолом-алеихемовские книги — «Адель» и «Агенты». По их опалённым временем обложкам уже не узнаешь ни места, ни года их выхода в свет — настолько они стары. Можно предположить, что их

Обложка фотоальбома «Жизнь Шолом-Алейхема в картинках и фотографиях» (на англ. яз.). Тель-Авив, 1988 год.

первыми читателями были современники Шолом-Алейхема. Хотя подтвердить это могут разве что специалисты.

Есть в наших фондах книги на английском языке. В их числе фотоальбом «Жизнь Шолом-Алейхема в картинках и фотографиях», изданный в Тель-Авиве в 1988 году, «Тевье-молочник» и «Железнодорожные рассказы» (Нью-Йорк, 1987 г.).

Титульный лист первого тома избранных произведений Шолом-Алейхема. Москва, 1948 год.

Можно счесть вполне закономерным, что наиболее читаемыми в наше время являются произведения Шолом-Алейхема на русском языке. В библиотеке 30 наименований таких книг. Это, прежде всего, шеститомники, издававшиеся у нас в разные годы, и отдельные произведения писателя, в числе которых есть и раритеты, например: «Одноактные пьесы» (1939 г.), «Тевье-молочник» (1945 г.), «Избранные

произведения» (1948 г.), «Заколдованный портной» (1956 г.), «С ярмарки. Рассказы» (1957 г.), «Счастье привалило» (1959 г.). Всё это было издано в Москве. А сборник рассказов «Мир вам!», выпущенный там же в 1990 году, интересен тем, что предисловие к нему написал еврейский писатель Арон Вергелис [2], живший в Биробиджане с 1931 по 1936 год. Кстати, напомним, что А. Вергелис первое своё стихотворение опубликовал в газете «Биробиджанер штерн». Поступив на литературный факультет Московского педагогического института и окончив его, он так и остался жить в столице. Мы знаем Арона Вергелиса прежде всего как главного редактора литературного журнала «Советиш Геймланд» («Советская Родина»). Благодаря этому изданию некоторые из наших биробиджанских писателей «вышли» на общероссийского и зарубежного читателя. Ведь журнал «Советиш Геймланд» распространялся не только в России, но и в странах Старого и Нового света, то есть в Европе и Америке. На страницах издания довольно часто публиковались как произведения Шолом-Алейхема, так и литературоведческие статьи, посвящённые его творчеству.

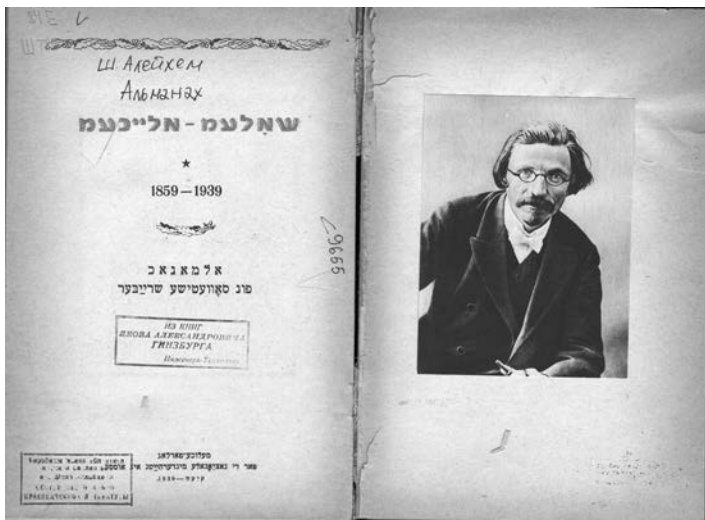
Ещё один сборник рассказов Шолом-Алейхема, изданный в Москве в 1940 году, предваряет критико-биографический очерк, написанный известной в своё время еврейской писательницей Ривкой Рубиной. Факт этот может быть интересен читателю тем, что в 1970-е годы Ривка Рубина поддерживала отношения с биробиджанскими литераторами, писавшими на идише. В областном краеведческом музее хранится почтовая карточка, адресованная Борису Миллеру. Текст на идише — поздравление Б. Миллера с очередной публикацией его рассказа — заканчивается обратным адресом: Москва, Верхняя Масловка, 7, кв. 26. Любопытно, что известная автобиографическая повесть современной писательницы Дины Рубиной, живущей ныне в Израиле, носит заглавие «На Верхней Масловке». Возникает естественный вопрос: не приходится ли она близкой родственницей Ривке Рубиной? И, если это так, то невольно удивисьшь тому, как порой тесно связаны поколения писателей и как своеобразно связана с мировым литературным процессом тема Биробиджана. Ну и уж к месту стоит упомянуть ещё об одной связи в этом плане: американская писательница Бел Кауфман — это внучка человека, имя которого носит наша областная научная библиотека с 1940 года...

На протяжении многих лет библиотека принимала книги из разных уголков бывшего Советского Союза и из-за границы. Нам часто задают вопрос: «Как вам удалось собрать столь внушительное количество ценных книг Шолом-Алейхема?»

В одном из очерков на идише, посвящённых становлению Еврейской автономной области, есть эпизод, в котором речь идёт о том, как много книг (целыми вагонами!) шло в

будущий административный центр. И это в то время, когда в рабочем посёлке под названием «Биробиджан» ещё даже не было построено для них помещение. Так что в те дни уже назначенному директору биробиджанской библиотеки Элёвичу приходилось «пристраивать» книги на хранение буквально, где придётся. Часть из них отправляли даже на пограничную заставу, в Михайло-Семёновскую.

Значительную роль в накоплении книжного фонда областной библиотеки сыграл её незабвенный директор Борис Давидович Бергер. Он переписывался с целым рядом библиотек и обменных фондов страны с целью пополнить наши книжные полки изданиями, необходимыми читателю. И в Биробиджан шли посылки. Хорошо известно, что интерес еврейского мирового сообщества к дальневосточному городу на Бире не иссякает и доныне. Сегодня в наших книгохранилищах немало раритетов с экслибрисами владельцев личных библиотек. Как эти книги попали к нам?

Титульный лист книги «Шолом-Алейхем — 1859–1939: Альманах советских писателей», подаренной библиотеке А. И. Гинзбургом.

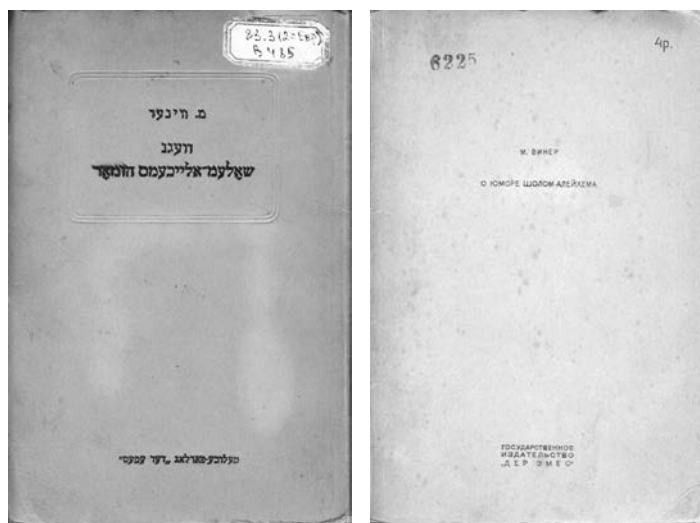
В одной из своих статей Б. Д. Бергер писал [1], что в августе 1991 года ему позвонил местный журналист Абрам Иосифович Гинзбург и спросил, не примет ли библиотека в дар от него книги на идише и иврите. Директор, конечно, выразил согласие, и вскоре в его кабинете появился Абрам Иосифович с туго набитой сумкой. Что он принёс? Несколько книг Шолом-Алейхема, в том числе отпечатанный в Варшаве при жизни писателя том избранных сочинений, год издания 1909-й. Были среди принесённых книг и очень редкие издания 1930-х – 1940-х годов. В частности, интересная книга «Шолом-Алейхем — 1859–1939: Альманах советских писателей». Книга была издана к 80-летию классика еврейской литературы и представляет собой сборник статей виднейших советских писателей и литературоведов, посвящённых творчеству Шолом-Алейхема. Не менее интересна и книга «Мой брат Шолом-Алейхем. Воспоминания».

Её автор — В. Рабинович. Эти издания были частью личной библиотеки инженера-технолога Якова Гинзбурга, после его смерти перешедшие по наследству его племяннику, Абраму Иосифовичу Гинзбургу, тоже не так давно ушедшему из жизни, но успевшему сделать нам ценный подарок.

В ноябре 1997 года в жизни областной библиотеки произошло чрезвычайное событие: управлением Федеральной службы безопасности директору библиотеки (в то время в этой должности работала Г. Л. Антонова) был вручён дар, извлечённый из небытия, — книги, затерявшиеся в архивах КГБ. Некоторые из них были изъяты из наших фондов во времена репрессий.

Как выяснилось позже, за три года до возвращения нам этих книг Борис Давидович Бергер обратился в УФСБ России по ЕАО с просьбой разыскать изъятое из областной библиотеки в годы истребления еврейской культуры. Усилия специально созданной группы увенчались успехом. Более того, в нашей области и Хабаровском крае были найдены не только издания, указанные в списке Б. Д. Бергера, но и другая литература на идише. Таким образом, фонды областной научной библиотеки пополнились 29 экземплярами книг Шолом-Алейхема.

Около десятка лет назад в наши фонды поступила вторая часть книги «Дети черты», переведённая на русский язык Ю. Н. Пинусом и вышедшая в Москве в 1910 году. Это издание классика подарила библиотеке семья Файн. Глава семьи, Роман Борисович Файн, получил её в дар от российских пушкинистов, но счёл целесообразным передать раритет областной научной библиотеке.

Первая и последняя обложки книги М. Винера «О юморе Шолом-Алейхема». Москва, 1941 год.

Наши фонды располагают целым рядом литературоведческих работ, посвящённых творчеству Шолом-Алейхема. Вот перечень книг на идише:

1. Винер, М. О юморе Шолом-Алейхема (Москва: «Дер Эмаес», 1941 г., 88 с.).

2. Гурштейн, А. Шолом-Алейхем: жизнь и творчество (Москва: «Дер Эмес», 1946 г., 64 с.).

3. Книга Шолом-Алейхема: биография и творчество (Нью-Йорк, 1958 г., 384 с.).

4. Спивак, Э. Язык и стиль Шолом-Алейхема: этюды (Киев, 1940 г., 167 с.).

5. Финкель, У. Шолом-Алейхем: 1859–1939 (Москва: «Дер Эмес», 1939 г., 389 с.).

6. Шолом-Алейхем: к 80-летию со дня рождения: библиографические материалы (Харьков, 1939 г., 20 с.).

Книги на русском языке:

1. Серебряный, И. Шолом-Алейхем и народное творчество (Москва, 1959 г., 214 с.).

2. Беленький, М. Биография смеха (Москва, 1991 г., 192 с.).

3. Каган, А. Шолом-Алейхем (Москва, 1961 г., 394 с.).

4. Шолом-Алейхем — писатель и человек: Статьи и воспоминания. (Москва, 1984 г., 334 с.).

Хранятся в наших фондах и выпуски журнала «Советиш Геймланд» с опубликованными произведениями Шолом-Алейхема и литературоведческими статьями о его творчестве.

Материалы, посвящённые жизни и трудам еврейского классика, печатались и в русскоязычной прессе. Так, в пятом номере литературного ежегодника «Год за годом» за 1989 год можно прочесть заметки Хаима Бейдера «К истории романа Шолом-Алейхема “Кровавая шутка”». В том же журнале четырьмя годами ранее были помещены тексты выступлений отечественных писателей на вечере, посвящённом 100-летию со дня рождения Шолом-Алейхема.

Стоит обратиться и к историко-документальному очерку Ефима Кудиша «Театральный Биробиджан» [3], выпущенному в местном издательстве в 1996 году. На страницах книги краеведа представлена копия афиши спектакля, поставленного в Биробиджане по произведению Шолом-Алейхема «Тевье-молочник» Государственным еврейским театром 25 мая 1945 года. В репертуаре этого театра были пьесы Шолом-Алейхема «Агент», «Мазлтов», «Блуждающие звёзды».

В декабре 1949 года ГОСЕТ завершил свою деятельность, театра не стало. Но в 1990-е годы театр-студия «Когелет» под руководством В. А. Землянского вернулся к Шолом-Алейхему. Коллектив театра поставил «Блуждающие звёзды», и спектакль имел большой успех. Главную роль, роль Рейзл, играла актриса Марина Смирнова, она сейчас живёт в Израиле. Из её устных воспоминаний известно, как блестяще сыграли свои роли Бетя Гершкова, Шнеер Коник, Макс Эпштейн и его жена Хайя Борисовна, как резво выплясывали эти уже далеко не молодые артисты, войдя в образ...

Творчество Шолом-Алейхема в разные годы вдохновляло не только биробиджанских служителей Мельпомены, но и наших художников. Те, кто бывал в областной

научной библиотеке, возможно, обратили внимание на барельеф Шолом-Алейхема, которым украшен вестибюль первого этажа. Эта работа принадлежит скульптору Абраму Мильчину — автору знаменитого памятника Ерофею Хабарову, стоящему на привокзальной площади города Хабаровска.

Барельеф Шолом-Алейхема оказался в нашей библиотеке неслучайно. 16 декабря 1940 года решением облисполкома депутатов трудящихся ЕАО областной библиотеке было присвоено имя Шолом-Алейхема. Этому событию и посвятил свою работу Абрам Мильчин.

Библиотечные стены украшает портрет Шолом-Алейхема работы неизвестного художника, а также рисунки Владислава Цапа. Герои писателя настолько вошли в сердце художника, что он создал солидную серию иллюстраций к произведениям великого классика. Здесь мы видим работы «Дрейфус в Касриловке», «Мальчик Мотл», «Блуждающие звёзды» и другие.

Известная художница Роза Строкова более десятка лет назад подарила сектору национальной литературы авторские иллюстрации к произведениям Шолом-Алейхема. Техника, в которой выполнены её картины, предельно лаконична и образна: несколько линий — и перед нами законченный образ-портрет. Картина «Еврейская мама»: горделиво поднятая голова, пышные формы фигуры, натруженные руки спокойно лежат на коленях. Это минуты короткого отдыха женщины-матери, на плечах которой — бесчисленное множество забот о большом семействе. Судя по всему, хозяйка дома немало времени проводит на кухне, готовя детям форшмак, рыбу-фиш, бульон с манделэх, цимес и многие еврейские вкусности, упомянутые в книгах Шолом-Алейхема. Другая картина Розы Строковой называется «Музыкант». Кипа, галстук-бабочка и на миг застывшие в стремительном взлёте руки говорят: перед нами человек искусства. Изящно скроенная фигура героя — идеал красоты еврейского мужчины. Совсем не напрасно каждую картину Розы Строковой кто-то метко назвал «романом на одном листе». Создавая иллюстрации к литературному произведению, художница продолжает сюжет, начатый писателем. В данном случае она становится соавтором Шолом-Алейхема.

В разные годы творчество Шолом-Алейхема переключалось с произведениями писателей Биробиджана. Литературоведческие статьи, стихи, эссе посвящали своему любимому писателю Арон Вергелис, Хаим Бейдер, Борис Миллер, Макс Риант и другие.

Описания еврейских местечек в книгах еврейского классика связаны с нашими воспоминаниями о старом Биробиджане, так что с жителями знакомы не по книгам [4, с. 19]. Ведь Биробиджан рождался как еврейское поселение и довольно долгое время был таковым.

Список использованных источников

1. Бергер, Б. В дар областной библиотеке : [биробиджан. журналист Абрам Иосифович Гинзбург передал в дар обл. б-ке им. Шолом-Алейхема кн. на идиш] / Б. Бергер // Биробиджанер штерн. — 1991. — 21 сент. — С. 6.
2. Вергелис, А. Это было с ним самим / А. Вергелис // Шолом-Алейхем. Мир Вам! : рассказы : пер. с евр. — Москва, 1990. — С. 3–6.
3. Кудиш, Е. Театральный Биробиджан : ист.-док. очерк / Е. И. Кудиш. — Биробиджан : Б. и., 1996. — 89 с.
4. Пасманик, Г. Любимые герои Шолом-Алейхема / Г. Пасманик // «Сердце вложил я в книги свои...» : материалы Обл. лит. чтений. — Биробиджан, 2009. — С. 19–23.
5. Серебряный, И. А. Шолом-Алейхем и народное творчество / И. А. Серебряный. — Москва : Совет. писатель, 1959. — 215 с.
6. Шолом-Алейхем — писатель и человек : ст. и воспоминания : [к 125-летию со дня рождения] / [сост., примеч. и пер. с евр. М. С. Беленького ; послесл. У. Гуральника]. — Москва : Совет. писатель, 1984. — 334 с.

Фотографии из фондов Биробиджанской областной универсальной научной библиотеки имени Шолом-Алейхема.
Материал поступил в редакцию 04.03.2019 г.

Сведения об авторе: Акименко Алла Николаевна, заведующий сектором национальной литературы Биробиджанской областной универсальной научной библиотеки имени Шолом-Алейхема (г. Биробиджан).

Контактные данные: e-mail: epifanceva54@mail.ru; тел.: 8-924-643-38-50, 8-964-826-86-18, 8-914-019-60-28.

ХОДЖЕР ЕЛЕНА ГРИГОРЬЕВНА

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ НАНАЙСКОГО НАРОДА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ПИСАТЕЛЯ ГРИГОРИЯ ХОДЖЕРА

Статья знакомит с жизнью и творчеством одного из известных и популярных дальневосточных писателей — Григория Гибивича Ходжера (1929–2006 гг.). Все его художественные и очерковые произведения были посвящены одной теме — истории и современной жизни нанайского народа. На основе воспоминаний писателя и архивных документов рассказывается о начале творческого пути Г. Г. Ходжера и написании трилогии «Амур широкий», за которую он был удостоен Государственной премии РСФСР имени М. Горького (1973 г.).

Ключевые слова: Григорий Гибивич Ходжер, нанайская литература, роман, трилогия «Амур широкий», энциклопедия, этнография, Дальний Восток.

Keywords: Grigorii Gibivich KKhodzher, nanai literature, novel, trilogy “Amur Wide”, encyclopedia, ethnography, Far East.

В апреле 2019 года исполняется 90 лет со дня рождения известного дальневосточного писателя, лауреата Государственной премии РСФСР имени М. Горького, почётного гражданина Нанайского района Хабаровского края Григория Гибивича Ходжера (1929–2006 гг.). Литературное наследие дальневосточного прозаика велико, им написано 30 книг, а общий тираж приближается к пяти миллионам экземпляров. Имя автора хорошо известно не только в нашей стране, но и за рубежом, произведения Ходжера были переведены на многие языки народов России и СССР, а также иностранные языки: английский, французский, испанский, бенгали и другие.

Григорий Ходжер. Фотография для «Роман-газеты» (автор — Борис Ушмайкин). Москва, апрель 1965 год.

Всё творчество писателя было посвящено одной теме — жизни нанайского народа, небольшого народа нани, проживающего на территории Хабаровского края. Известная хабаровская писательница Ю. А. Шестакова так охарактеризовала творчество Г. Г. Ходжера: «Не отрываясь от родной стихии, писатель создал целую галерею образов; они олицетворяют историю, быт и нравы нанайского народа, его национальный характер и, в конце концов, судьбу, неотделимую от судьбы России» [9].

Семья Чеби Ходжера (младшие дети). Сахалин, 1948 год.

Будущий писатель родился в селе Верхний Нерген Нанайского района Хабаровского края. Григорий был старшим сыном в большой семье, в которой росли пять мальчиков и пять девочек. Как и любой ребёнок в традиционной нанайской семье, с раннего детства был приучен к труду, был добытчиком и первым помощником родителей. Отец, Чеби Николаевич, работал председателем колхоза, в 1940 году его назначили директором Нанайского национального театра. В 1930-х годах Ч. Н. Ходжер учился в Ленинградском институте народов Севера на годичных курсах советско-партийных работников, и потом он частенько рассказывал своим детям о Ленинграде.

Детство Григория Гибивича пришлось на сложный период в жизни нанайского народа, слома старого патриархального уклада и становления новых устоев, ещё близки были воспоминания о царском времени, о Гражданской войне. Новых событий происходило очень много, и все они были необычайно разнообразными, и люди относились к ним по-разному. Одни с большим воодушевлением принимали все новшества советской власти, старики же старались придерживаться традиций и болезненно переживали слом старого общественного уклада. На детство и юность будущего писателя пришлась и Великая Отечественная война, которая также наложила серьёзный отпечаток на его дальнейшую судьбу.

После окончания семи классов Григорий работал на Малмыжском консервном заводе, затем — секретарём сельсовета села Джун Нанайского района. В 1947 году семья Ч. Н. Ходжера переехала на Южный Сахалин. Больше пятидесяти семей нанайских рыбаков решили осваивать южную часть острова, освобождённую от японцев. Григорий работал рыбаком в комсомольско-молодёжной рыболовецкой бригаде, в Поронайском районе. В 1949 году, в возрасте двадцати лет, принял твёрдое решение продолжить учёбу. На заработанные деньги купил билет до Хабаровска. В Хабаровском краевом отделе образования будущему студенту предложили на выбор учебные заведения, среди которых были Хабаровский педагогический институт, Николаевское-на-Амуре педагогическое училище, но тайной мечтой юноши был Ленинград. С детства бередили душу рассказы отца об учёбе в Ленинградском институте народов Севера. Поэтому, когда нашёлся попутчик, старший брат друга Фёдора Тумали — Михаил, Григорий твёрдо решил ехать в Ленинград. На подготовительном отделении народов Севера он встретил много земляков, которые пообещали помочь с учёбой, и молодой человек поступил вместе с друзьями в девятый класс, пропустив восьмой. Очень сложно было приспособиться к учёбе, восстанавливать забытые знания, но доброжелательная атмосфера, царившая в послевоенные годы в отделении народов Севера, поддержка друзей и любимой девушки и сам город на Неве — всё это помогло не только окончить среднюю школу, но и поступить в Ленинградский университет на исторический факультет.

На фотографии слева направо: (первый ряд) В. Ч. Бельды, Г. Г. Ходжер, С. Н. Оненко, (второй ряд) Ф. Тумали, Н. Б. Киле. На нанайском празднике в селе Троицком, 1968 год.

В то время в Ленинградском государственном университете и Ленинградском государственном педагогическом институте имени А. И. Герцена училось поколение будущей научной и творческой интеллигенции коренных народов Севера и Дальнего Востока, будущие руководители северных районов, округов, педагоги, воспитатели молодого поколения: писатели В. Н. Ледков, А. Н. Немтушкин, Ю. С. Рытхэу, В. М. Санги, Ю. Н. Шесталов, художник А. И. Бельды, учёные С. Н. Оненко и Н. Б. Киле, преподаватели В. Ч. Бельды и В. И. Дигор — директор Нижне-Халбинской школы и многие-многие другие [8, с. 376, 384]. Это был целый мир, по-своему закрытый, но, с другой стороны, открытый к новым знаниям, новым впечатлениям. Все студенты были на полном государственном обеспечении, проживали в общежитии, питались в столовой. Время было чрезвычайно трудное, послевоенное, голодное. Ленинград возродился после блокады. Жили тяжело, но весело и дружно. Отделение народов Севера занимало отдельное общежитие, в самом центре города, на улице Желябова, там жили ученики 8–10 классов подготовительного отделения народов Севера и студенты Ленинградского государственного педагогического института имени А. И. Герцена. Помимо учёбы, шла активная общественная, культурно-просветительная и спортивная жизнь. Особое внимание преподаватели уделяли культурной программе, ведь воспитывали будущую интеллигенцию во всех смыслах — молодёжь из отдалённых, затерянных в тундре и тайге небольших сёл, стойбищ погружали в глубины культурного пространства. Как вспоминал Григорий Гибивич, «мы понимали, что отстали от передовой цивилизации на века и должны окунуться с головой в культуру...» [8, с. 376–377]. Студенты побывали во всех музеях, даже тех,

про которые многие ленинградцы и не слышали, посещали театры, особенно полюбился Ленинградский театр оперы и балета имени С. Кирова, и называли его, как и все ленинградцы, — «Мариинка». На каникулы выезжали в дома отдыха под Ленинградом: посёлок Сиверский, Петергоф, там оздоравливались, набирались новых сил для учёбы, потому что влажный климат северной столицы для здоровья северян был крайне опасен, и многие были вынуждены бросать институт и возвращаться на малую родину.

Таисия Леонтьевна Ходжер (Григорьева) и Григорий Гибивич Ходжер. Станция Сиверская (Ленинградская область), 1951 год.

Но главным делом была учёба. Преподаватели как университета, так и Герценовского института всегда с большим вниманием и знанием дела развивали способности своих учеников. Первые пробы пера, переводы произведений русских классиков и советских писателей на родной язык, подготовка исследовательских, курсовых работ на основе собственных знаний и опыта — всё это практиковалось в институте народов Севера и на отделении народов Севера. Григорий Гибивич рассказывал, с каким удовольствием писал работу «Дикие травы, употребляемые нанайцами в пищу» о съедобных растениях, применяемых в питании и традиционной медицине нанайцев, как ему было интересно вспоминать, какие растения, корешки он использовал при приготовлении

пищи, как запасал впрок полынь, лопух, черемшу, ведь долгое время он был главным кашеваром дома, а мама — Денька Мизовна (Зинаида Михайловна) — прекрасно знала лекарственные растения, была великолепной травницей и сама лечила своих детей. Эта необычная работа вызвала большой интерес даже у сотрудников Института этнографии [8, с. 380].

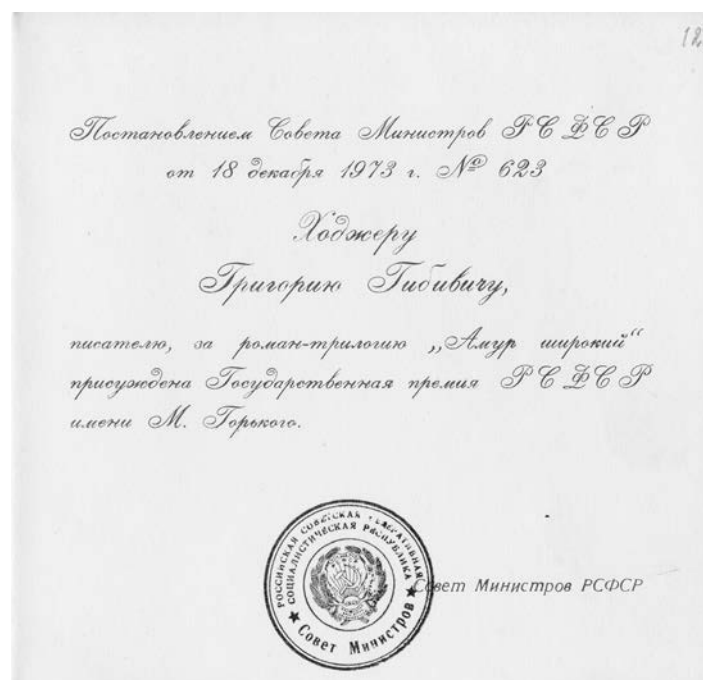
Вдохновлённый удивительным городом, замечательными людьми, которые его окружали, Григорий находил силы, время и для творчества, мечта писать появилась ещё на Сахалине. В Ленинграде, на протяжении всего периода учёбы, писалась первая повесть «Чайки собираются над морем». Это была кропотливая, порой изнурительная работа, не раз рукопись целиком сжигалась в титане, и друзья одобрительно советовали писать побольше, потому что чай получался очень крепким и вкусным. Старшие товарищи, преподаватели знакомили Григория с маститыми ленинградскими писателями, редакторами, которые консультировали, вычитывали первые варианты и давали советы, как писать дальше. Работа над десятью печатными листами в течение многих лет стала настоящей литературной школой.

И уже в институте забрезжила идея написания Главной Книги. Ещё молодой человек сам не знал, станет ли он вообще писателем, где будет работать после окончания института, но инстинктивно накапливал материал, сидел в библиотеках, музеях, архивах, встречался с учёными — этнографами, языковедами, лингвистами, историками, копил, собирал по крупицам основу для своего главного произведения.

После окончания института Григорий Ходжер вернулся в Хабаровск, к тому времени в журнале «Дальний Восток» были уже опубликованы два его первых рассказа. И опять в судьбе будущего писателя сыграла роль замечательная встреча: он познакомился с главным редактором литературно-художественного журнала «Дальний Восток» Николаем Митрофановичем Рогалем, по рекомендации которого был направлен на работу в редакцию газеты «Тихоокеанская звезда». Первым поручением на новой работе была большая командировка по Амуру, по национальным сёлам, и именно тогда Григорий Гибивич начал собирать материал, встречаясь уже с живыми участниками и очевидцами исторических событий. И так продолжалось на протяжении всей его жизни. Ежегодно он использовал любую возможность для поездок в командировки и к друзьям, родственникам, везде встречался с людьми, особенно старыми, записывал их воспоминания, собирал фольклор, пытался зафиксировать уже ускользающую эпоху. Молодой писатель осваивал науку находить к каждому человеку свой подход, умение разговорить стариков и вызнать именно те крупницы знаний, опыта, которые были необходимы для романа. Он узнал, что самые интересные собеседники — самые молчаливые, и нашёл свой замечательный способ разговорить любого

молчуна. Он выезжал со стариками на рыбалку, именно там можно было долго, дотошно расспрашивать и проникновенно беседовать. Например, вспоминал сам писатель, как он договорился «с двумя молчаливками» о совместном выезде на реку Харпи. Но возникли серьёзные проблемы с поездкой, однако писатель всё-таки смог вырваться: «Неделю я жил со стариками, набрал столько интересного материала, что он главами ложился в роман. А через год оба старика умерли и унесли с собой в могилу всё, что я не успел выведать у них... Пишу эти строки и мысленно перебираю годы, всех стариков, моих бесценных помощников: деда из Туссера, отца, мать, дедов и бабушек из рода Ходжеров, Заксоров, стариков из десятков сёл — их никого уже нет в живых. Опоздай я на несколько лет, получилась ли бы трилогия насыщенной событиями, познавательной этнографией, рассказывающей полно о жизни нанайцев тех времён, не знаю...» [8, с. 390].

Главная Книга — это трилогия «Амур широкий», за которую Г. Г. Ходжер в 1973 году был удостоен высокой правительственной награды и стал лауреатом Государственной премии РСФСР имени Максима Горького. Трилогия рассказывает о жизни небольшого таёжного народа на протяжении более чем сорока лет, начиная с конца XIX века и заканчивая 30-ми годами XX века, состоит из трёх романов: «Конец большого дома», «Белая тишина», «Амур широкий». Трилогия получилась многогранным эпическим произведением, исторически достоверно описывающим на примере одной семьи историю целого народа. Трилогия, как писал доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент АН СССР В. А. Аврорин, проникнута

Диплом Г. Г. Ходжера о присуждении ему Государственной премии РСФСР имени М. Горького.

Трилогия «Амур широкий».

любовью автора к своему небольшому, но талантливому народу, любовью к Родине и глубоким уважением к другим народам, то есть глубоко патриотическая и гуманистическая по своей сути, наполненная большим познавательным содержанием [5].

Первая книга трилогии — роман «Конец большого дома» — была издана в 1964 году в Хабаровске и стала первым нанайским романом. А писатель Г. Г. Ходжер — первым нанайским писателем-прозаиком, зачинателем художественной прозы в нанайской литературе. Роман «Конец большого дома» стал явлением в литературной жизни как Дальнего Востока, так и всей страны, потому что в нём впервые было показано дореволюционное прошлое нанайцев, сделана попытка обобщить опыт поколений, показать из глубины времён исторический путь народа, его национальные традиции в прошлом, важные для понимания сложнейших процессов, которые позже происходили в жизни всех коренных народов Севера и Дальнего Востока [7].

Первыми обсуждали новое произведение хабаровские писатели и издатели. На заседании редакционно-художественного совета Хабаровского книжного издательства 17 февраля 1964 года выступили писатели В. Н. Александровский, А. М. Грачёв, В. М. Ефименко, В. И. Клипель и другие. Писатель Александр Матвеевич Грачёв отметил, что «роман произвёл сильное впечатление. Он удался автору. Произведение создано на очень интересном, мало изученном материале» [6].

Одним из серьёзных замечаний, высказанных на собрании, был большой объём этнографического материала. Сегодня, на исходе второго десятилетия XXI века, сложно оценивать реакцию критиков и коллег писателей, которые объявляли, что это не художественное произведение, а этнографический трактат. Возможно, в чём-то тогда они были правы, потому что были близко знакомы с культурой и бытом своих современников, посещали национальные центры культуры, хорошо знали произведения В. К. Арсеньева,

В. Г. Тана-Богораза, Т. М. Борисова и других. Для них, писателей старшего поколения, бытование народа шло как бы параллельно и чем-то удивительным не было. Современный же читатель воспринимает этот роман как события глубокой древности, несмотря на то, что прошло чуть более ста лет. Сегодня даже самые пожилые представители коренных народов не знают особенностей, нюансов уклада жизни, быта, обрядов своих предков. Эта эпоха, увы, безвозвратно ушла, и только в этнографических очерках известных учёных-этнографов можно почерпнуть эти сведения.

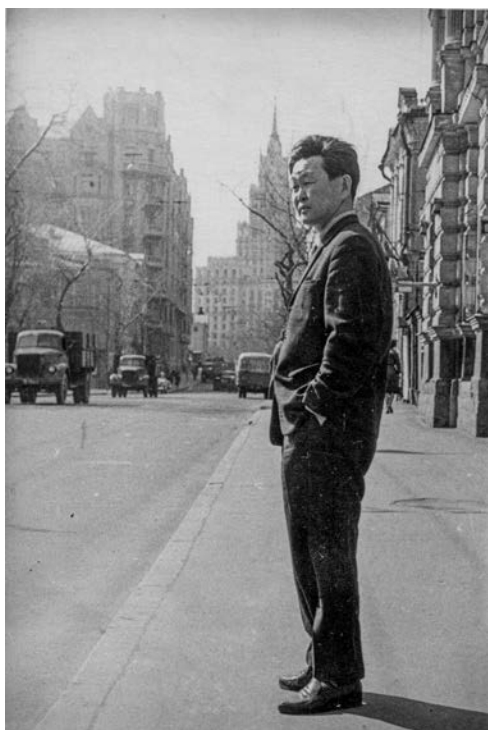
На каждой странице романа есть точные данные о повседневной жизни таёжного народа. Автор умело использует богатый этнографический материал и бережно воссоздает картины быта и нравов, с гордостью пишет о мастерстве, смелости и ловкости охотников и рыбаков. В книге описаны катастрофические бедствия, которые переживал народ, когда при отсутствии медицинской помощи от страшных эпидемий оспы, инфекционных заболеваний опустошались целые стойбища, например, такие как Полокан, о принижённом положении женщин. В целом, первая книга повествует о неизбежности распада родового строя в нанайском обществе, о том, как в эпоху капитализма разрушается старая, деспотическая семья. В 1965 году роман был опубликован в самом популярном издании того времени — «Роман-газете».

Во второй книге трилогии «Белая тишина» описываются события первой четверти XX века, показан дальнейший распад патриархальных отношений, появление среди нанайцев первых предприимчивых собственников, участие наиболее передовых нанайцев вместе с русскими в Гражданской войне.

Григорий Ходжер беседует с участниками художественной самодеятельности села Найхин. 1967 год.

Третья книга «Амур широкий» рассказывает о после-революционных годах, о том, как сложилась судьба многих персонажей трилогии, как происходили социально-экономические преобразования, как нанайцы приобщались к достижениям современного прогресса и культуры, участвовали в строительстве новой жизни. Писатель точен и достоверен как историк в изображении этих сложнейших реалий, он ни в коем случае не упрощает и не даёт «облегчённое» изображение общественных процессов, показывает все трудности. Люди, ещё недавно жившие в родовом строе, с трудом воспринимали все новшества: введение интернатов для обучения детей и училищ для взрослых, утверждение равноправия женщин, начавшуюся коллективизацию и многое-многое другое [2]. Такой рывок за неполные двадцать лет!

Григорий Ходжер в г. Москве, около здания издательства «Художественная литература». 1965 год.

Правдивое изображение трудностей становления новых отношений — большая заслуга писателя и достоинство его реализма. Практически все писатели коренных малочисленных народов Севера и Дальнего Востока из той когорты 1950–1990-х годов были правдивыми летописцами своей многонациональной действительности, они никого и ничего не идеализировали. Трилогия является богатейшим историческим источником, в ней показано, как совершался гигантский переворот в жизни нанайцев и других народов Дальнего Востока и как в нём участвовали народы, преодолевшие свою «полудикость и самую настоящую дикость». И данный процесс изображён очень самобытно, с проявлением национального характера нанайского народа.

Писатель заканчивает свою трилогию событиями 1936 года, потому что написать правду об уничтожении Нанайского райисполкома, о репрессиях, перегибах внутренней политики и многом другом он пока ещё не мог. Этим событиям посвящена вторая трилогия Григория Гибивича — «Непроглядные сумерки», написанная в конце 1980-х – середине 1990-х годов.

Трилогия «Амур широкий» была очень высоко оценена как литераторами, так и читателями. Советский писатель В. В. Архангельский писал: «Нанайцам просто повезло, что среди них родился и сформировался отличный бытописатель. Я хорошо знаю книги Арсеньева, Федосеева, но даже эти большие писатели не раскрыли того в жизни бывших гольдов, что раскрыл и взволнованно показал Григорий Ходжер. “Человек земли” (нанец) дан от рождения до смерти в быту так зримо, что никто не может сомневаться в достоверности рассказанного. Только национальный нанайский писатель смог показать своего сородича в плену суеверий и предрассудков, в тенетах родовых связей через такие детали, которые постороннему наблюдателю малодоступны» [1].

Считал ли сам автор первую трилогию своей Главной Книгой? Вот как он сам об этом пишет: «Несколько раз я называл “Амур широкий” Главной Книгой. Так ли это на самом деле? Все писатели утверждают, что Главная Книга — впереди. И всегда будут утверждать, потому что, пока мы живы, мы стараемся делать свою следующую книгу ещё лучше, свежей, оригинальней, добротнее. А может, мы чего-то боимся? Может, боимся, что, объявив одну любимую книгу Главной, мы утратим весь писательский пыл, задор, спустим тормоза, сожжём весь порох в пороховнице и будем почивать на лаврах? Пока бьётся сердце в груди, мы будем трудиться в меру своих сил» [8, с. 395–396].

Этнографическая составляющая произведений Г. Г. Ходжера вызывает интерес у учёных, литературоведов. Известны статьи Т. В. Краюшкиной «Образы иноплеменников в романе Г. Г. Ходжера “Конец большого дома”»: симбиоз традиционных представлений и ценностей советской эпохи» [3], С. Д. Малзуновой «Национальная картина мира в романе Григория Ходжера “Конец большого дома”» [4].

В настоящее время региональные ассоциации коренных малочисленных народов Севера, а также различные фонды, общественные организации стараются возродить

Встреча писателя Г. Г. Ходжера с учениками школы-интерната села Найхин, вторая половина 1970-х годов.

этнические традиции, базовые культурные национальные ценности, в национальных школах преподают родной язык, прикладывают усилия для полноценного изучения опыта прошлых лет. Интерес к культуре коренных малочисленных народов Севера и Дальнего Востока растёт, она привлекает внимание жителей соседних стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

В Государственном архиве Хабаровского края, в личном фонде писателя (Ф. Р-2213) хранятся рукописи, машинописи большинства произведений Г. Г. Ходжера, по ним можно

проследить, как шёл творческий поиск, процесс написания художественных произведений, ставших «энциклопедией жизни нанайского народа». Это рукописи большинства произведений писателя, начиная с 1960-х годов, рецензии и критические статьи на них, переписка прозаика с коллегами, редакторами, друзьями, поздравительные адреса и другие материалы, накопившиеся на протяжении долгой творческой жизни литератора. Как мечтал писатель, чтобы потомки смогли оценить его творчество, потому что вся жизнь и всё творчество будет перед ними, как раскрытые карты.

Список использованных источников

1. Архангельский, В. В. Рецензия на трилогию Г. Г. Ходжера // Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р-2213. Оп. 1.
2. Комаиновский, Б. На стремнине жизни : лит. портрет // ГАХК. Ф. Р-2213. Оп. 1. Д. 8. Л. 6 (об.), 7.
3. Краюшкина, Т. В. Образы иноплеменников в романе Г. Г. Ходжера «Конец большого дома»: симбиоз традиционных представлений и ценностей советской эпохи [Электронный ресурс] / Т. В. Краюшкина // Вестн. Омского гос. пед. ун-та. Гуманитар. исслед. — 2018. — № 1. — Режим доступа из НЭБ «КиберЛенинка»: <https://cyberleninka.ru/article/v/obrazy-inozemnikov-v-romane-g-g-hodzhera-konets-bolshogo-doma-simbiioz-traditsionnyh-predstavleniy-nanaytsev-i-tsennostey-sovetskoy>.
4. Малзунова, С. Д. Национальная картина мира в романе Григория Ходжера «Конец большого дома» [Электронный ресурс] / С. Д. Малзунова // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. — 2011. — № 4. — Режим доступа из НЭБ «КиберЛенинка»: <https://cyberleninka.ru/article/v/natsionalnaya-kartina-mira-v-romane-grigoriya-hodzhera-konets-bolshogo-doma>.
5. Письмо В. А. Аврорина в Комитет по Государственным премиям при Совете Министров РСФСР // ГАХК. Ф. Р-2213. Оп. 1.
6. Протокол редакционно-художественного совета Хабаровского книжного издательства // ГАХК. Ф. Р-846. Оп. 2. Д. 107. Л. 105.
7. Рецензия на роман Ходжера «Конец большого дома» // ГАХК. Ф. Р-846. Оп. 2. Д. 133. Л. 71.
8. Ходжер, Г. Г. Жизнь моя — биография моих книг / Г. Г. Ходжер // Лауреаты России : автобиограф. рос. писателей. — Москва, 1976. — Кн. 2. — С. 357–396.
9. Шестакова, Ю. А. В новом потоке времени : Григорию Ходжеру 70 лет // ГАХК. Ф. Р-2101. Оп. 1. Д. 12. Л. 6.

Фотографии предоставлены автором.
Материал поступил в редакцию 07.02.2019 г.

Сведения об авторе: Ходжер Елена Григорьевна, дочь Ходжера Григория Гибивича, главный археограф сектора научного использования документов Государственного архива Хабаровского края (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: oip@archiv.khv.ru; тел. (4212) 32-66-97.

БУРЯ ВИКТОР ПЕТРОВИЧ

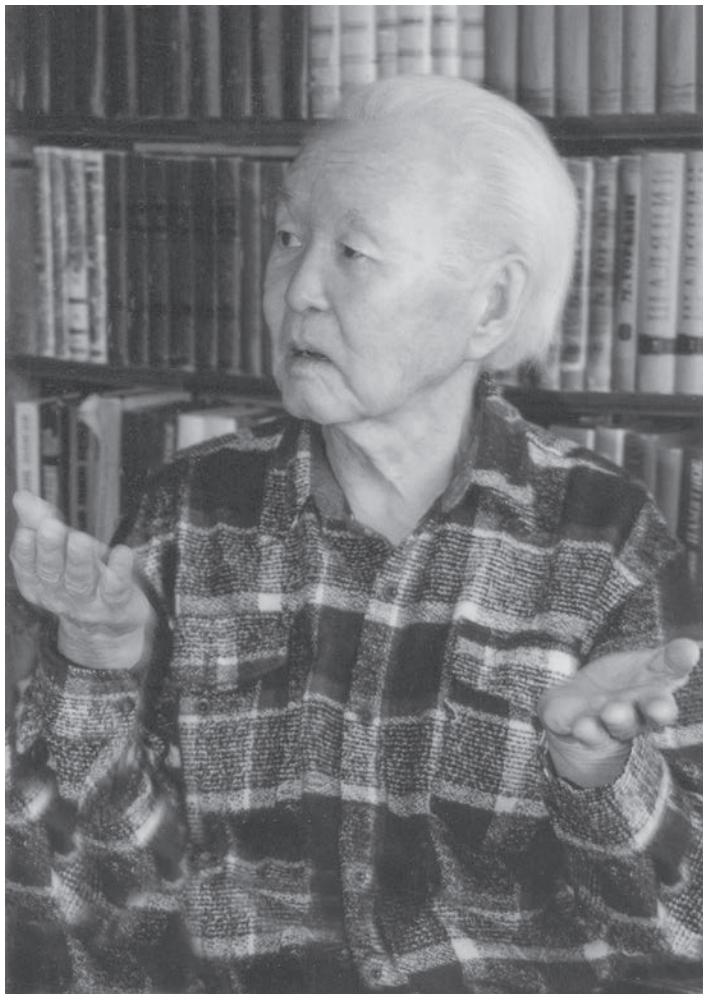
«ЛУЧШИЙ МОЙ ПРОВОДНИК БЫЛ ВАШИМ ТЁЗКОЙ...»

В статье рассказывается о Григории Самаре, проводнике Нижнеамурской экспедиции (1931 г.), спасшем её руководителя — Ивана Ефремова. Позже этому событию писатель Григорий Ходжер посвятит часть своего романа «Непроглядные сумерки».

Ключевые слова: Иван Ефремов, Григорий Ходжер, Григорий Самар, Кондон, роман «Непроглядные сумерки».

Keywords: Ivan Efremov, Grigorii KHodzher, Grigorii Samar, Condon, novel "Impenetrable twilight".

В 1931 году во время работы одного из геологических отрядов Нижнеамурской экспедиции, которым руководил 23-летний Иван Антонович Ефремов, случилась беда. Будущий учёный с мировым именем и писатель-фантаст Ефремов мог тогда остаться навсегда в непролазных дебрях дальневосточной тайги. Неприятности навалились в верховьях реки Лимури, и если бы не пришёл на помощь Григорий Духовской — нанаец рода Самар из стойбища Кондон, случилось бы непоправимое...

Григорий Ходжер. 1996 год.

Письма из Москвы¹

И. А. Ефремов — Г. Г. Ходжеру
Москва. 6 октября 1969 года.

Многоуважаемый Григорий Гибивич!

Возможно, Вы меня и не знаете как писателя — я действую в далёкой для Вас научной фантастике («Туманность Андромеды», «Лезвие бритвы», «Сердце Змеи» и так

далее), но я ещё и сибирский геолог. Когда-то давно я исследовал совершенно тогда неизвестное Амур-Амгунское междуречье и в 1931 году сделал первую геологическую съёмку (и точную топографическую) озера Эворон, реки Лимури, р. Боктора и р. Эвур. Работал с проводниками из рода Самар из посёлка Кондон, испытали мы вместе множество приключений.

Отсюда Вам должно быть понятно, что меня очень заинтересовал роман «Озеро Эморон» (это, конечно, Эворон!), но я не смог его найти в книжных магазинах здесь.

Я был бы Вам очень признателен, если бы Вы нашли возможным прислать мне Вашу книгу (и уж тогда, конечно, с автографом). Взамен я могу послать Вам что-нибудь своё — или научно-фантастическое, или историческое.

С приветом и искренним уважением,
И. А. Ефремов [2, с. 63].

И. А. Ефремов — Г. Г. Ходжеру
1969 год.

Многоуважаемый Григорий Гибивич!

Душевное спасибо за столь быстрый и дружеский отклик на мою просьбу. Ещё больше меня тронуло Ваше письмо — благодарю Вас за него. У меня та же беда, что и у Вас — все книги мои растаскиваются очень быстро, куда скорее, чем идут переиздания. Поэтому пока послал Вам всё, что мог найти в «запасниках», за исключением железно бронированных собственных экземпляров (так же, как и у Вас, надписанных жене, сыну и... себе самому).

Как только выйдут новые книги (переиздание рассказов в подписной библиотеке «Детгиз»), а роман «Час Быка» в «Молодой гвардии», что обещают в начале будущего года — немедленно пошлю их Вам.

Книги Ваши я ещё не успел прочитать, но просмотрел, — они очень интересны, и, по-моему, чрезвычайно важны для настоящего и будущего особенно, отображая мир, ныне уже ушедший, и природу (также уже сильно повреждённую в настоящее время), которую до удивления мало мы знаем. Буду читать обстоятельно и с наслаждением, также ещё и как «бывший нанаец».

Котловина Хорпи (так она записана в моих дневниках, но Вы пишете Харпи — наверно так правильнее) мне знакома. В 1931 году я поднимался вверх по р. Хорпи на оморочках (мои горинско-эворонские улимагды были слишком тяжелы), но река оказалась страшно извилистой, а местность кругом не слишком интересной для геолога — сплошная ровная болотистая котловина. Поэтому я, пройдя километров двадцать за урочище Гиляхальжиктани, спустился назад на Горин, а затем зашёл с севера, с Эвур на его приток Хорпичекан, а оттуда в вершину р. Хорпи, где нашлись интересные геологические штуки. Таким образом, местность

¹ Оригиналы обоих писем И. А. Ефремова Г. Г. Ходжеру хранятся в фонде Хабаровского краеведческого музея имени Н. И. Гродекова (г. Хабаровск).

эта мне в какой-то степени известна. Не знаю, где точно стоит сейчас Солнечное, но думаю, что в самой котловине Хорпи мало что изменилось с 1931 года.

Лучший мой проводник был Вашим тёзкой из рода Самар — Григорий. Ему я многим обязан, даже собственной шкурой, так как нас преследовали беды с Лимурийского маршрута, из которого с ним вдвоём мы выходили пешком по Боктору, в октябре, без крошки еды, семь суток...²

Когда-нибудь, если позволит оставшееся время и плохое здоровье, я напишу об этом, а если и не удастся, то Григорий Самар навсегда останется дорогим мне, жаль, что не моим читателем. Надо будет поискать в старых фото (их, к сожалению, слишком много за сорок лет путешествий!), и тогда я пересниму и пошлю их Вам, надеюсь, что Вы простите мне их плохое качество — тогда условия и техника фотографирования, в особенности в тайге, были существенно иными.

А продолжение Вашего романа я уже буду караулить здесь у нас, в Москве, поскольку он выходит в «Сов[етской] России».

С искренним уважением,
И. А. Ефремов [2, с. 64].

Ожидая схождения звёзд

Эти письма датированы 1969 годом, а через три года, в октябре 1972-го, Ивана Антоновича не стало. Болезнь помешала ему исполнить многое из задуманного, в том числе и написать воспоминания со словами благодарности Григорию Духовскому (Самару).

Ходжер берёт «паузу» и держит её... более 10 лет — до начала 1980-х. Что же послужило причиной нежелания или невозможности сразу поделиться с читающей публикой фактом переписки со столь известным и любимым автором? И чем интересна и важна для нас информация из этих ефремовских писем? Подчеркнём самое главное в них: мы впервые узнаём настоящее имя лучшего проводника И. А. Ефремова в экспедиции 1931 года, который спас его от гибели, и о том, что молодой геолог «закрыл» на карте Приамурья «белые пятна» — сделал первую геологическую съёмку (и точную топографическую) озера Эворон, рек Лимури, Боктора и Эвур.

В начале 1970-х годов Григорий Гибивич специально побывал в селе Кондон, в надежде хоть что-нибудь узнать о судьбе Григория Самара... Но за четыре десятилетия столько воды унесла речка Девятка из озера Эворон по Горюну в Амур...

² Эти слова Григорий Ходжер приведёт в своём романе «Непроглядные сумерки» как цитату из дневника Ивана Ефремова. И. Ефремов и его проводник, Григорий Самар, станут героями этого произведения.

Река Девятка. Фотография И. А. Ефремова
(из книги «Геологический очерк западной половины озерного района Приамурья. Работы Нижнеамурской экспедиции 1931 г.», Ленинград, 1933 год).

В 1972 году уходит из жизни Иван Ефремов...

Григорий Ходжер в ту пору много работает. Выходят в свет новые книги «Какого цвета снег?» (1975), «Пустое ружьё» (1976), «Найхинцы. Павел — сын Акиаму» (1985), «Повесть о матери» (1988); романы «Квартира с видом на Амур» (1984), «Жизнь одна»... Тёзка-проводник Григорий из рода Самар отошёл на второй план.

В 1987 году в стране широко отмечалось 80-летие Ивана Антоновича Ефремова (лишь недавно выяснилось, что Ефремов прибавил себе лишний год, чтобы иметь возможность устроиться на работу, теперь его год рождения — 1908-й). В Хабаровске и Комсомольске-на-Амуре уже были организованы и успешно работали клубы любителей фантастики (КЛФ). Интересы книголюбов и краеведов в связи с юбилеем писателя совпали... Пригласили Г. Ходжера в Комсомольск-на-Амуре, члены КЛФ поделились с ним собранными материалами о пребывании Ефремова на Нижнем Амуре. Выяснилось, что Иван Антонович Ефремов участвовал в изыскании железнодорожных путей сообщений к Тихому океану в связи с началом строительства довоенного БАМа и изучал возможности перспективного гидроэнергетического строительства на реке Горин (1931). Как пишут историки БАМа, ещё неизвестно, как пролегла бы железная дорога к океану, если бы не строительство города юности. Возможно бы, пробежала вдоль Горина.

В клубе фантастики родилась тогда идея организовать и пройти литературно-краеведческим маршрутом по тропам экспедиции 1931 года.

Начало литературно-краеведческого маршрута «Тропой Ефремова», село Кондон, 1989 год.

Маршрут проходил по реке Горин.

Через год, летом 1989-го, Г. Ходжер приехал вместе с любителями фантастики из Комсомольска-на-Амуре в нанайское село Кондон, чтобы с молодыми ребятами и девчонками из школ, техникумов и институтов города дать старт первому литературно-краеведческому маршруту «Тропой Ефремова». «Многие мои братья по перу, — делится тайной Григорий Гибивич, — такие поездки называют творческими командировками, — это их дело. Тут искорка-хитринка сверкнула в тени ресниц его глаз, — а я вот... езжу за «спичками». Да, за «спичками», которые зажгли бы во мне огонь поиска...» [3].

Знакомимся с проводником в жизни и на страницах книги Ходжера

«...Только что вернулся из Хабаровска. Воспользовался оказией и сделал для Вас небольшой подарок: 9 и 10 номера «Дальнего Востока», которые содержат первую книгу романа Г. Ходжера «Вещун». Вторая книга будет

опубликована в первом полугодии 1990 года, а над третьей он продолжает работать сейчас. Кстати, материал для неё он собирал во время поездки с участниками маршрута «Тропой Ефремова». Глава, посвящённая проводнику Ивана Антоновича, опубликованная частично в газете «За знания» (её я высылал раньше), входит во вторую книгу «1938», но проводник, точнее, его литературный образ, появляется в первой книге.

В романе их три: «Жизнь одна», «Непроглядные сумерки», «Унесённые войной». Это своеобразное продолжение «Амура широкого», где действие обрывается революцией, а в 1-й книге новой трилогии — начало советского периода истории жизни нанайцев Приамурья. Во 2-й — 30-е — расстрельные, в 3-й — война. Ефремов, как и положено хронологически, появляется в 1930-е годы — то есть во 2-й книге» (из письма В. П. Бури — П. К. Чудинову. Хабаровск, 1989 г.)³.

Реальная жизнь проводника Григория Иннокентьевича Самара (Духовского) сложилась трагично. В декабре 1941 года его приняли на работу почтальоном на линию Старт — Кондон. Он доставлял корреспонденцию не только на этом участке. Время было военное, на почте работали в основном женщины, если возникала необходимость отправиться в удалённые посёлки или стойбища, то Григорий Духовской всегда приходил на выручку. Делал своё дело скоро, так как имел свои тропы в тайге, которые помогали ему сокращать время в пути. Бывал он и в молодом тогда ещё городе на берегу Амура — Комсомольске-на-Амуре. Зимой для дальних переходов использовал нарты, летом — оморочки.

— Несчастье случилось в сентябре 1942 года, — рассказывала Валентина Александровна Самар, в то давнее время начальник почты в Кондоне. — Григорий понёс корреспонденцию в посёлок Старт и пропал. Лишь в конце месяца по телефону из Хурмулей сообщили, что найдено тело убитого нанайца. Просили приехать в лазарет Восточного отделения Нижне-Амурского БАМлага для опознания погибшего. Мы поехали вдвоем с женой Григория Духовского. Всю дорогу молчали. Уверены были, что убитый — это Григорий Иннокентьевич. Так оно и вышло. Схоронили там же, на кладбище БАМлаговского лазарета. Кто убил, за что? Нам ни тогда и ни потом никто не рассказывал. Если из-за денег, так у него всего было пятнадцать рублей — их не тронули... [1].

В опубликованном в 1933 году отчёте о работе Нижне-амурской экспедиции помещены фотографии, выполненные И. Ефремовым. Как правило, это иллюстрирующие научное содержание отчёта изображения геологических пород. Но один снимок необычен для такого рода изда-

³ Копия письма П. К. Чудинову хранится в личном фонде В. П. Бури.

Гольды рода Самар в посёлке Кондон. Фотография И. А. Ефремова (из книги «Геологический очерк западной половины озерного района Приамурья. Работы Нижнеамурской экспедиции 1931 г.», Ленинград, 1933 год).

ний — «Гольды рода Самар в посёлке Кондон». Ермаш Владимирович Самар (1926–1995), нанайский писатель, автор книг «Трудные тропы», «Кондонский староста», в телеинтервью в 1989 году⁴ назвал всех изображённых на фотографии. Оказалось, отец Ермаша Владимировича (на снимке второй слева) и проводник Ефремова Григорий Иннокентьевич Духовской (Самар) — братья.

— Из детских воспоминаний в памяти осталось немного, — рассказывал Е. В. Самар. — Помню очень худого и невероятно огромного и, как мне тогда показалось, очень страшного лоча-русского. Он лежал у нас на канах, занимая всё пространство от стены до стены. Когда этот русский выздоровел, начал самостоятельно выходить из дома. Однажды он подозвал меня и протянул несколько чистых листков из блокнота и карандаши, среди которых мне очень запомнился один, который мог рисовать двумя цветами — синим и красным.

Список использованных источников

1. Буря, В. Нанаец бывшим не бывает / В. Буря // Молодой дальневосточник. — 2011. — 22–29 июня (№ 25) . — С. 19.
2. Переписка Ивана Антоновича Ефремова / [авт.-сост. О. А. Ерёмина]. — Москва : Вече, сор. 2016. — 1535 с.
3. Ходжер, Г. Г. Амур — река родственников : путевые заметки и размышления / Г. Г. Ходжер. — Хабаровск : Кн. изд-во, 1965. — 80 с.

Фотографии предоставлены автором.
Материал поступил в редакцию 14.03.2019 г.

Сведения об авторе: Буря Виктор Петрович, главный редактор Издательского дома «Частная коллекция», историк литературы, редактор, художник-иллюстратор (г. Хабаровск).

Контактные данные: e-mail: v_buria@mail.ru, web: dvbook.info.

⁴ Фрагмент телевизионной передачи, которую впервые увидели телезрители Комсомольска-на-Амуре в сентябре 1989 года, с интервью Е. В. Самара, можно посмотреть по ссылке <https://www.dropbox.com/s/x8f5uu09z7wuh77/Ермаш%20Самар.wmv?dl=0>.

БОГДАНОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

ТЕАТРЫ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматривается деятельность театров Хабаровского края в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). В условиях войны театр был не только культурным учреждением, но и идеологическим институтом. На основе документов, хранящихся в Государственном архиве Хабаровского края, анализируется творческая деятельность театров в означенный период и культурное влияние гастролировавших на Дальнем Востоке театров из европейской части страны, а также рассматривается образование новых краевых театров (юного зрителя и драмы в г. Хабаровске).

Ключевые слова: театр, Хабаровский край, краевой агитационный театр, театр музыкальной комедии, Ленинградский новый театр, театр юного зрителя, театр драмы, репертуар, спектакль, пьеса.

Keywords: theater, Khabarovsk Krai, Regional Propaganda Theater, Musical comedy theater, Leningrad New Theater, Young Spectator's Theatre, Drama Theater, repertoire, performance, play.

Период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) в истории театра занимает особое место. Исследование театральной деятельности в годы войны необходимо как для понимания культурного развития страны, так и её отдельных регионов. В условиях Дальнего Востока театр являлся важнейшим институтом культурной и идеологической политики.

К 1941 году на территории современного Хабаровского края работали краевой театр музыкальной комедии, драматический театр Дома Красной Армии в г. Хабаровске, драматические театры в г. Комсомольске-на-Амуре и г. Николаевске-на-Амуре, передвижной театр Дальневосточной железной дороги, два кукольных театра (в г. Хабаровске и г. Комсомольске-на-Амуре) и национальный самодеятельный нанайский театр в с. Найхин [5, с. 264].

Великая Отечественная война внесла существенные коррективы во все области жизни страны. Атмосфера военного времени не могла не отразиться на сфере культуры и её важнейшей составляющей — театре. Государство требовало от театров перестроить работу так, «чтобы средствами искусства воспитывать массы, поднимать их энергию на новые боевые и трудовые подвиги» [10, л. 287]. В условиях военного времени работа театра заключалась в том, «чтобы средствами искусства воспитывать в зрителе любовь к родине, партии Ленина — Сталина, преданность к своему народу» и ненависть к фашизму [8, с. 445].

Театральный репертуар должен был обладать не только художественной ценностью, но и политической насыщенностью и идейной целеустремлённостью [11, л. 50]. В годы Великой Отечественной войны в краевых театрах проигрывались исторические пьесы о героической борьбе народа за независимость страны от иностранных захватчиков («Пётр Первый», «Фельдмаршал Кутузов») [2, с. 142; 10, л. 291]. Показ пьес предварялся агитационными патриотическими выступлениями.

Начальник отдела по делам искусств Хабаровского крайисполкома Г. Слюзко в приказе от 8 октября 1941 года требовал от краевых театров в условиях военного времени достижения мобильности, оперативности и чёткости [15, с. 288]. Данные требования касались как освоения театрами нового репертуара, так и увеличения количества проигрываемых спектаклей.

В Государственном архиве Хабаровского края, в фонде отдела по делам искусств Хабаровского крайисполкома, хранятся интересные документы о гастрольных выездах театров Хабаровского края и театральных коллективов из других регионов страны. Это приказы краевого отдела по делам искусств, планы гастролей и репертуаров театров Хабаровского края.

Осенью 1941 года для усиления патриотической работы среди трудовых масс при краевом концертном объединении

был образован краевой агитационный театр. Театральный коллектив играл агитационные и патриотические спектакли о Великой Отечественной войне. Например, в программу театра входили постановки «Огонь по фашизму» и «Фронт и тыл» [3, с. 2]. Патриотические программы агитационного театра состояли из небольших одноактных пьес, драматических этюдов, инсценировок на злобу дня и отдельных эстрадно-цирковых миниатюр.

При театрах, с целью улучшения культурного обслуживания жителей в отдалённых районах, формировались агитационно-художественные бригады в составе актёров, лекторов-художников и литературных работников [12, л. 45]. Вместе со спектаклями и выступлениями артисты проводили массовую политическую работу, включавшую беседы, выставки, доклады и лекции. В качестве лекторов и докладчиков выступали работники райкомов ВКП(б) и политических отделов машинно-тракторных станций и колхозов. Артисты театров проводили встречи с участниками колхозной самодеятельности. Они выступали не только на театральных сценах, но и в рабочих клубах и колхозах, на полевых станах [12, л. 64].

Спектакли зачастую проводились в неприиспособленных помещениях на импровизированных сценах — в разделочных цехах, палатках, на складах и пристанях. В рамках военно-шефской работы спектакли и концерты проходили в воинских частях, на пограничных заставах, кораблях Амурской флотилии и Тихоокеанского флота.

Осенью 1942 года Хабаровский театр музыкальной комедии выделил группу из 20 человек для обслуживания частей Красной Армии. В первые восемь месяцев работы она провела 63 концерта в гарнизонах Дальнего Востока [9, с. 30]. Группу возглавил артист театра Николай Леонидович Энбе [13, с. 113].

Тематика репертуара театральных бригад была антифашистской; популярностью пользовались и произведения драматургов и композиторов русской классики. Артисты также исполняли сценические миниатюры, песни, одноактные пьесы.

Творческая активность советской драматургии в военные годы была как никогда высока. Авторы пьес прославляли героизм защитников Отечества на фронтах Великой Отечественной войны. В репертуар драматических театров Хабаровского края после начала войны включались военные и патриотические спектакли. В них отражалась тема защиты Родины, разгрома немецко-фашистских войск и героической истории страны.

Например, в Комсомольском драматическом театре героическую борьбу советского народа с фашизмом демонстрировала пьеса «Партизаны в степях Украины» А. Е. Корнейчука [11, л. 48]. В театре проигрывали спектакли

«Большевик» Д. Дзеля, «Надежда Дурова» К. А. Липскерова и А. С. Кочеткова, «Анджело» В. Гюго [11, л. 48]. Вместе с новыми постановками в театрах продолжали играть классические произведения. Комсомольский драмтеатр исполнял спектакли «Отелло» У. Шекспира, «Маскарад» М. Ю. Лермонтова.

Николаевский драматический театр из классических произведений исполнял пьесы «Гроза» А. Н. Островского, «Разбойники» Ф. Шиллера [8, с. 444–445]. С начала Великой Отечественной войны в репертуаре театра появились спектакли на патриотическую тему. Артисты играли пьесы «Парень из нашего города» К. М. Симонова (о гражданской войне в Испании в 1936–1939 гг.), «Честь» Г. Д. Мдивани (о предвоенной жизни на пограничной заставе) [8, с. 444–445]. В Николаевском-на-Амуре драматическом театре в годы войны также проигрывались пьесы «Сильнее смерти» П. Л. Жаткина, «Глубокая разведка» А. А. Крона, «Война объявлена» Л. Иткина [11, л. 52]. Летом 1942 года в течение трёх месяцев театр проводил спектакли и концертные выступления в ряде отдалённых населённых пунктов Нижнеамурского и Ульчского районов (Де-Кастри, Софийск, Херпучи, Удыль и др.). Всего было проведено 66 спектаклей, два шефских спектакля и ряд концертных выступлений для 20 тысяч зрителей [15, с. 285].

Благодаря гастрольным выездам значительно увеличилась охватываемая театрами территория. В крае использовалась практика «параллельных» спектаклей, когда свободных актёров задействовали в проведении постановок на выезде. Выпуск каждого спектакля требовал от артистов высокого напряжения творческой энергии, изобретательности, любви к своему делу и зрителю.

В репертуарном плане Хабаровского театра музыкальной комедии в первый год Великой Отечественной войны были утверждены пьесы патриотического содержания «Боевые друзья», «Пётр Первый» [10, л. 291]. В марте 1942 года в театре состоялась премьера спектакля «Ночь в июне» А. Рябова и М. Блантера о первых днях войны с фашистской Германией [13, с. 30].

Более полноценное художественное решение тема героической обороны страны получила в спектакле «Раскинулось море широко» Вс. Вишневского, А. Крона и Вс. Азарова [13, с. 30]. Действие пьесы происходит в блокадном Ленинграде в 1942 году. В этом же городе и была подготовлена эта героическая постановка, ставшая ещё одним свидетельством несокрушимости духа и уверенности в победе защитников Ленинграда. В основе сюжета — жизнь и боевая служба экипажа балтийского катера СК-13 «Орлёнок». Вокруг героической борьбы моряков развёртывается драматическая коллизия пьесы, завершающаяся их победой [1, с. 4]. Премьера спектакля

в г. Хабаровске состоялась в мае 1944 года. Блокада к тому времени уже была снята, но пьеса, написанная в осаждённом городе и посвящённая героизму его защитников, не могла оставить зрителей равнодушными.

В связи с переоборудованием помещения театра музыкальной комедии (краевой дворец краевого совета профсоюзов) на период Великой Отечественной войны под военный госпиталь артисты проводили спектакли на сцене Дома офицеров Советской армии и Хабаровского клуба НКВД [13, с. 30]. Из классических композиций в театре проигрывались спектакли «Бал в Савойе» П. Абрахама, «Баядерка» и «Сильва» И. Кальмана, «Подвязка Борджиа» М. Краусса [11, л. 49, 52].

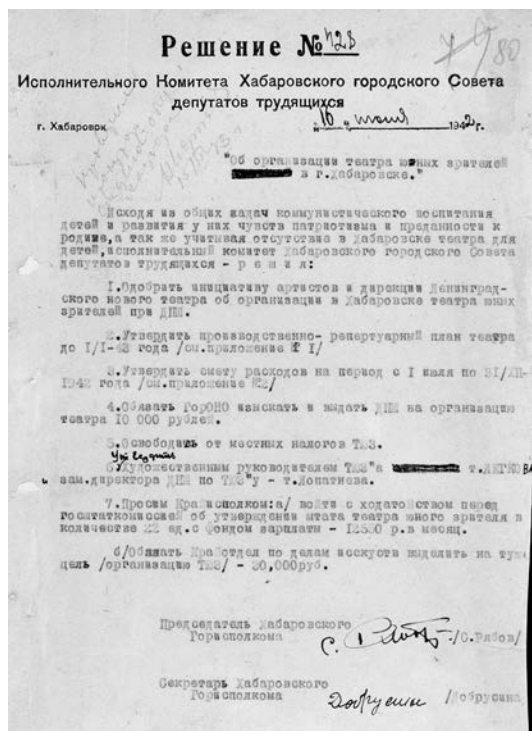
Сборы от спектаклей театральные коллективы направляли в фонд обороны страны и фонд помощи детям фронтовиков. Театры со всей страны, в том числе и Хабаровского края, направляли денежные средства на строительство боевых самолётов. На сборы артистов в годы войны была сформирована эскадрилья (авиационное подразделение из 9–12 самолётов) штурмовиков «Советский артист».

Удалённость Дальнего Востока от линии фронта позволила организовать гастроли театров из других регионов страны. В документах Государственного архива Хабаровского края содержатся интересные сведения о гастрольных турах театральные коллективов из европейской части страны. На Дальний Восток приезжали с гастролями Харьковский театр эстрады, Московский театр сатиры, Черниговский украинский музыкально-драматический театр [2, с. 136, 138, 140]. Приезжие коллективы играли постановки не только в городах, но и в труднодоступных отдалённых районах. Им приходилось давать представления на открытой местности, передвигаясь в гастрольных поездках на грузовых машинах, катерах, а иногда и пешком.

Значимый след в культурной жизни края оставил Ленинградский новый театр. За время пребывания на Дальнем Востоке с ноября 1940 по октябрь 1943 года артисты театра провели 1 262 спектакля и более 800 военно-шефских выступлений, обслужив почти миллион зрителей [2, с. 143]. В длительном дальневосточном турне вторым домом для ленинградских артистов стал г. Хабаровск, театр был включён в сеть культурных учреждений Хабаровского края. Артисты театра играли пьесы «Фельдмаршал Суворов», «На дне» М. Горького, «Профессор Мамлок» Фридриха Вольфа об общественной атмосфере в Германии в 1932–1933 годы во время прихода к власти фашизма [2, с. 138–139]. В Хабаровске коллектив театра подготовил премьеру «Батальон идёт на Запад» [2, с. 139]. Эта пьеса была написана известным советским драматургом Г. Д. Мдивани в начале Великой Отечественной войны. В спектакле повествуется об инженерном батальоне, бойцы

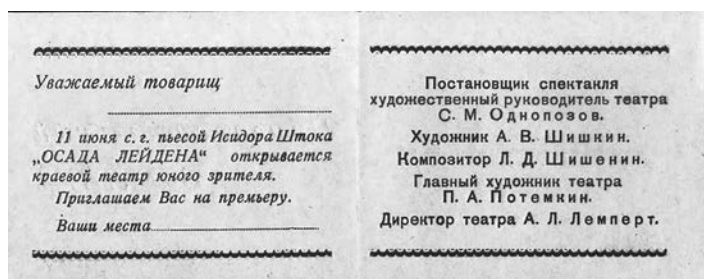
которого, рискуя жизнью, под огнём немецкой авиации смогли не допустить разрушения восстановленного ими моста. Коллективу театра удалось создать волнующий патриотический спектакль [7, с. 2].

Большое внимание артисты уделяли детской и юношеской аудитории. Из состава Ленинградского театра была выделена группа актёров во главе с Г. Л. Легковым для культурного обслуживания школьников. Юные хабаровчане нуждались в театре, который бы увлекательным и ярким языком искусства рассказал бы о «подвигах героев, рождённых жизнью, о нашей советской действительности, о войне» [14, с. 4].

Решение Хабаровского горисполкома от 16 июня 1942 года № 428 об организации театра юных зрителей в г. Хабаровске.

16 июня 1942 года по инициативе артистов Ленинградского нового театра было принято решение Хабаровского горисполкома о создании театра юного зрителя (ТЮЗ) [16, л. 80]. В годы войны театр находился в здании городского дома пионеров и школьников. В истории его образования интересен тот факт, что театр фактически открывался два раза. В первый раз театр был открыт в 1942 году. 22 августа состоялся первый спектакль театра —

Пригласительный билет на первый спектакль Хабаровского театра юного зрителя.

премьера пьесы А. Я. Бруштейн «День живых» [14, с. 4]. После отъезда из г. Хабаровска ленинградских артистов театр временно прекратил свою деятельность, но необходимость патриотического и нравственного воспитания подрастающего поколения требовала появления собственного театра. И в 1944 году театр юного зрителя вновь был образован как самостоятельное учреждение.

Афиша спектакля «Осада Лейдена», 1944 год.

Первым спектаклем театрального коллектива стала пьеса Исидора Штока «Осада Лейдена», сыгранная 11 июня 1942 года. В состав коллектива нового хабаровского театра вошли и оставшиеся в г. Хабаровске артисты Ленинградского театра. В Государственном архиве Хабаровского края хранятся документы об открытии театра: пригласительный билет, программа и афиша первой пьесы «Осада Лейдена» Исидора Штока. В пригласительном билете указана дата выступления — 11 июня и руководящий состав творческого коллектива: директор театра А. Л. Лемперт, главный художник П. А. Потёмкин, композитор Л. Д. Шишенин, художественный руководитель театра С. М. Однопозов [4, л. 1]. В личном фонде художника Алексея Васильевича Шишкина (1898–1963 гг., в 1944 г. работал в театре юного зрителя), который хранится в Государственном архиве Хабаровского края, содержатся эскизы костюмов артистов и афиши первого спектакля «Осада Лейдена» [6].

Несмотря на то что в Великую Отечественную войну Хабаровский край являлся глубоким тылом по отношению к советско-германскому фронту, жители края находились под постоянной угрозой нападения союзницы фашистской Германии — Японии. В Маньчжурии размещалась мил-

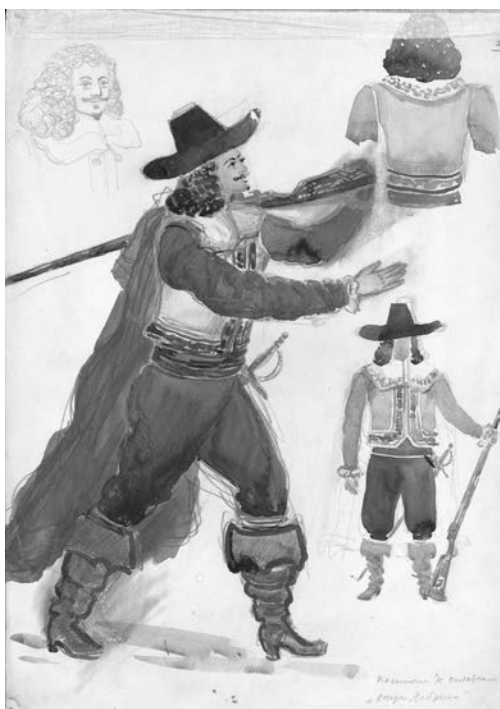
ИСТОРИОПИСАНИЕ

лионная японская Квантунская армия, готовая в любой момент перейти советскую границу на Дальнем Востоке. Непокойная обстановка накладывала отпечаток и на театральную деятельность. Работники театров входили в состав формирований местной противовоздушной обороны.

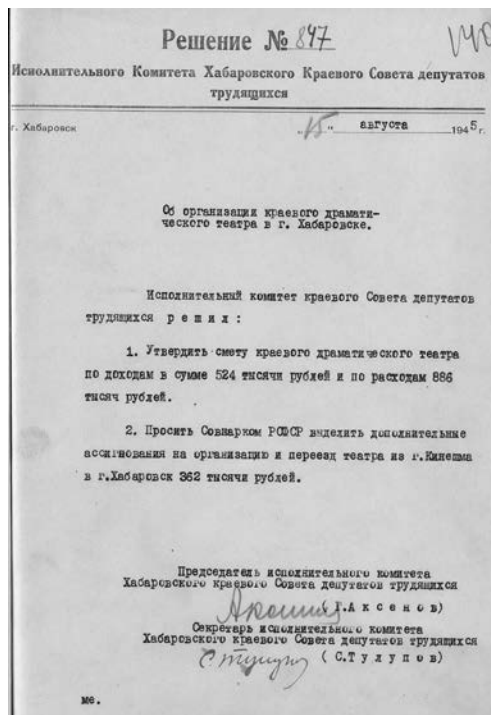
9 августа 1945 года началась война с Японией. Театральные коллективы вслед за наступающими частями Красной Армии выехали на фронт, где они выступали с концертами и спектаклями. Например, ансамбль артистов Хабаровского театра музыкальной комедии давал представления как для красноармейских частей, так и для жителей освобождённых китайских городов Чанчуня и Харбина [13, с. 113]. На фронт была направлена и бригада артистов гастролировавшего в г. Хаба-

ровске Иркутского областного драматического театра. Репертуар концертных бригад включал песни, скетчи (короткие одноактные пьесы комедийного содержания), цирковые и музыкальные номера [15, с. 460].

Приказом военного совета Дальневосточного фронта «За образцовое обслуживание фронтовых дальневосточных частей» артисты З. Матушевская, И. Войнаровский и Н. Л. Энбе были награждены орденами Красной Звезды, Н. Симонова, В. Любаров и И. Жилин — медалью «За отвагу» [18, с. 3].

Эскизы костюмов, использованных в спектакле «Осада Лейдена», 1944 год.

Решение Хабаровского крайисполкома от 15 августа 1945 года № 847 об организации краевого драматического театра в г. Хабаровске.

В августе 1945 года, в дни войны с Японией, в крае появился новый театр. В г. Хабаровске на базе эвакуированного Кинешемского драматического театра имени А. Н. Островского был организован краевой театр драмы [17, л. 140]. На 1945 год пришёлся период организационной деятельности театра. Подбиралось стационарное помещение, формировался творческий коллектив, изыскивались жилые помещения для работников. 16 марта 1946 года проведением спектакля «Памятные встречи» открылся первый театральный сезон Хабаровского театра драмы [2, с. 147].

Театральное искусство в годы Великой Отечественной войны сыграло значительную роль в развитии культурной жизни Хабаровского края. Театральные коллективы, как и весь советский народ, жили напряжённой трудовой жизнью, участвуя в общем деле борьбы с врагом и приближении Дня Победы.

Список использованных источников

1. Драчинский, Н. Раскинулось море широко / Н. Драчинский // Тихоокеан. звезда. — 1944 — № 114. — С. 4.
2. Иванов, А. С. Дорога длиною в век. 100 лет театру драмы Хабаровска / А. С. Иванов. — Хабаровск, 1994. — 246 с.
3. Клебанская, А. Агиттеатр / А. Клебанская // Тихоокеан. звезда. — 1942. — № 245. — С. 2.
4. Коллекция образцов, пригласительных билетов, афиш, программ. Пригласительный билет на спектакль «Осада Лейдена» // Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р-1716. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.
5. Кулинич, Н. Г. Повседневная культура горожан советского Дальнего Востока в 1920–1930-е годы / Н. Г. Кулинич. — Хабаровск : Изд-во ТОГУ, 2010. — 375 с.
6. Личный фонд художника А. В. Шишкина. Предисловие к описи // ГАХК. Ф. Р-1756. Оп. 1.
7. Мологин, Н. Батальон идёт на запад / Н. Мологин // Тихоокеан. звезда. — 1942. — № 40. — С. 2.
8. Николаевск-на-Амуре. Страницы истории : сб. арх. док. об истории развития города Николаевска-на-Амуре. — Хабаровск : Изд-во Хворова А. Ю., 2015. — 784 с.
9. Осипова, Э. В. Дальневосточные театры накануне, в годы войны и в послевоенные годы / Э. В. Осипова // Россия и АТР. — 2005. — № 3. — С. 25–38.
10. Отдел по делам искусств Хабаровского крайисполкома. Приказы за 1941 год // ГАХК. Ф. Р-1691. Оп. 1. Д. 10.
11. Отдел по делам искусств Хабаровского крайисполкома. Приказы за 1942 год // ГАХК. Ф. Р-1691. Оп. 1. Д. 13.
12. Отдел по делам искусств Хабаровского крайисполкома. Приказы за 1943 год // ГАХК. Ф. Р-1691. Оп. 1. Д. 15.
13. Подари людям радость : сборник / сост. Л. Н. Малиновская. — Хабаровск, 1976. — 168 с.
14. Театр юного зрителя в Хабаровске // Тихоокеан. звезда. — 1942. — № 201. — С. 4.
15. Трудный путь к Победе : сб. док. Гос. арх. Хабар. края о Великой Отечеств. войне (22 июня 1941 г. – 9 мая 1945 г.) и войне СССР с Японией (9 авг. – 3 сент. 1945 г.). — Хабаровск : Част. коллекция, 2005. — 544 с.
16. Хабаровский городской исполнительный комитет Совета депутатов. Решения горисполкома. 1942 год // ГАХК. Ф. Р-904. Оп. 1. Д. 153.
17. Хабаровский краевой исполнительный комитет Совета депутатов. Решения крайисполкома. 1945 год // ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 902.
18. Энбе, Н. Л. Артисты на фронте / Н. Л. Энбе // Тихоокеан. звезда. — 1952 — № 47. — С. 3.

Фотографии из фондов Государственного архива Хабаровского края.
Материал поступил в редакцию 25.12.2018 г.

Сведения об авторе: Богданов Сергей Александрович, ведущий археограф сектора научного использования документов Государственного архива Хабаровского края (г. Хабаровск).

Контактные данные: e-mail: bogdanov@archiv.khv.ru; тел.: 8-924-207-55-93, (4212) 30-53-00.

АЛЕПКО АЛЕКСАНДР ВАЛЕНТИНОВИЧ

ХАБАРОВСКИЙ ПРОЦЕСС 1949 ГОДА И НЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ НАД ЛЮДЬМИ В БАКТЕРИОЛОГИЧЕСКОМ ОТРЯДЕ № 731 ЯПОНСКОЙ КВАНТУНСКОЙ АРМИИ

В статье рассматривается проблема разработки японским военным командованием бактериологического оружия и проведения нечеловеческих экспериментов над людьми на территории Северо-Восточного Китая в 1933–1945 годах. Особое внимание уделяется судебному процессу над 12 японскими военнослужащими, непосредственно осуществлявшими эту деятельность. Показаны судьбы администрации и бывших сотрудников отряда 731, избежавших судебной ответственности за совершённые ими преступления. Статья приурочена к 70-летию со дня проведения Хабаровского процесса.

Ключевые слова: бактериологическое оружие, крематорий, лаборатория, «марута»-технологии, показания, преступник, подопытные, расследование, судебный процесс, трансплантация, тюрьма, химическое оружие, эксперименты, эксперты.

Keywords: bacteriological weapon, crematory, laboratory, «Maruta» technologies, indications, criminal, experimental, criminal investigation, trial, organ transplantation, prison, chemical weapon, experiments, experts.

В конце 1949 года в Хабаровске состоялся судебный процесс по делу японских военнослужащих, участвовавших в разработке и испытании бактериологического оружия. В отличие от обстоятельно изученного Нюрнбергского процесса над немецкими медиками и биологами в литературе, посвящённой истории Второй мировой войны, этому судебному расследованию уделяется недостаточно внимания. Сказанное относится не только к зарубежным, но и к отечественным исследованиям.

Из отечественных исследователей, изучавших данную проблему, можно назвать М. В. Супотницкого, Н. С. Супотницкую, Е. Ю. Бондаренко, В. А. Барышева, Д. В. Кузнецова. Особого внимания заслуживают работы член-корреспондента РАН Б. Г. Юдина [см. 25; 3; 2; 4; 27; 28]. В числе зарубежных работ наиболее известны изданные на русском языке книги японских авторов Х. Акияма и С. Моримура, посвящённые деятельности военнослужащих и вольнонаёмных медицинского отряда 731 в Маньчжурии, большинство из которых избежало международного суда [см. 1; 6]. Тем не менее сегодня изучение заявленной проблемы имеет особое значение в условиях существующих угроз безопасности России в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

После окончания Второй мировой войны (1939–1945) на основе договорённостей с союзниками по Антигитлеровской коалиции были организованы и проведены судебные процессы над германскими и японскими военными преступниками: Нюрнбергский процесс, над группой главных германских военных преступников (Германия, г. Нюрнберг, с 20 ноября 1945 г. по 1 октября 1946 г.), и Токийский процесс, официально называвшийся Международным военным трибуналом для Дальнего Востока (Япония, г. Токио, с 3 мая 1946 г. до 12 ноября 1948 г.). В состав Токийского процесса входили обвинители от одиннадцати стран, так или иначе причастных к войне с Японией. Председателем вышеупомянутого трибунала был назначен представитель Австралии судья Уильям Уэбб, главным обвинителем — близкий к президенту США Г. Трумэну американский адвокат Джозеф Б. Кинан [3, с. 107; 7; 13].

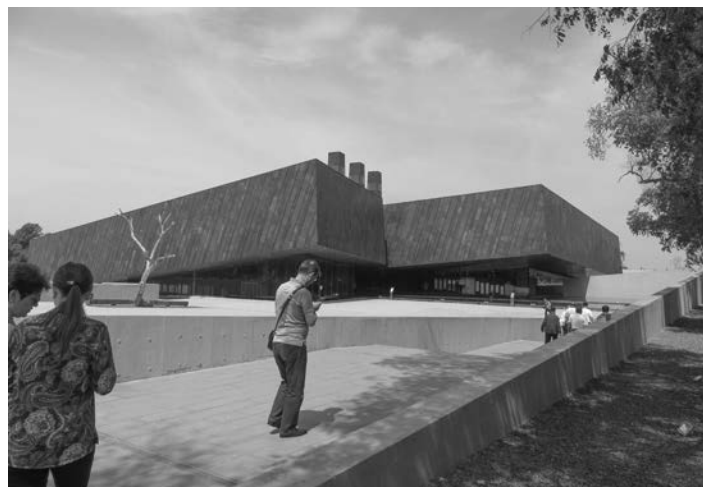
В связи с изучаемым вопросом важно отметить, что советское обвинение в Международном военном трибунале для Дальнего Востока в лице главы советской делегации, начальника договорно-правового управления МИД СССР, Полномочного и Чрезвычайного посла, доктора юридических наук, профессора С. А. Голунского передало главному обвинителю Д. Кинану письменные показания Киёси Кавасима и Томио Карасава (впоследствии оба оказались на скамье подсудимых Хабаровского процесса), с достаточной полнотой раскрывавшие преступления японской правящей милитаристской верхушки по производству античеловеческих опытов над живыми людьми при испытании бактериологического и химического оружия в Маньчжурии. Однако американские

обвинители не захотели приобщать к делу эти материалы под предлогом недостоверности материалов. Вследствие этого в ноябре 1948 года советское правительство приняло решение о проведении нового, более конкретного судебного разбирательства [3, с. 107; 7; 12; 13; 27].

По решению Верховного суда СССР в декабре 1949 года состоялся Хабаровский процесс — суд над группой бывших военнослужащих японской Квантунской армии, обвиняемых в создании и применении бактериологического оружия в период Второй мировой войны, в нарушение международного Женевского протокола 1925 года о запрещении применения на войне удушающих, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств, вступившего в силу с 9 февраля 1928 года [15].

Разработка бактериологического оружия, проведение экспериментов над людьми, а также заражение местности, воды и воздуха осуществлялись на территории Северо-Восточного Китая, которая была полностью оккупирована в 1931 году японскими войсками. 1 марта 1931 года японской администрацией на завоёванной территории было создано марионеточное государство Маньчжоу-Го во главе с последним отпрыском династии Цин принцем Пу И, провозглашённым в 1934 году императором. Надо заметить, что на территории Маньчжоу-Го с 1931 года дислоцировалась противостоявшая СССР японская Квантунская армия, численность которой к июлю 1945 года составила 1,4 млн человек.

Уже с начала 1940-х годов советской разведке из сведений, полученных от русских студентов Харбинского медицинского института, направляемых властями Маньчжоу-Го для прохождения практики в японские военно-медицинские спецотряды, стало известно о секретных бактериологических, биологических и химических опытах, о трансплантации и удалении органов у подопытных, а также других античеловеческих экспериментах, проводимых японскими медицинскими специалистами и военными медиками на живых людях [11].

Музей «Отряда 731».
Пригород г. Харбина (КНР), 2017 год.

ИСТОРИОПИСАНИЕ

Отряд 731 был создан в Маньчжоу-Го по секретному указанию правительства Японии в 1933 году. Его открытое служебное название — «Главная база управления по водоснабжению и профилактике частей Квантунской армии». С 1939 года он дислоцировался в уезде Пинфан, в 20 километрах южнее г. Харбина [6]. Площадь территории, занимаемой расположением отряда, составляла 20 квадратных километров, на ней находились электростанция, железнодорожная ветка, конный манеж, стадион, около 150 зданий, в числе которых были крематорий, тюрьма, многочисленные лаборатории, жилые помещения на три тысячи человек, казармы, помещения учебного центра, большой лекционный зал и синтоистский храм [6; 25]. Так как всем самолётам было запрещено пролетать над расположением секретного отряда, воздушное пространство над ним охранялось специальной авиационной частью. Поэтому советские резиденты применяли для фотографирования территории отряда воздушные зонды с микрофотокамерами [11].

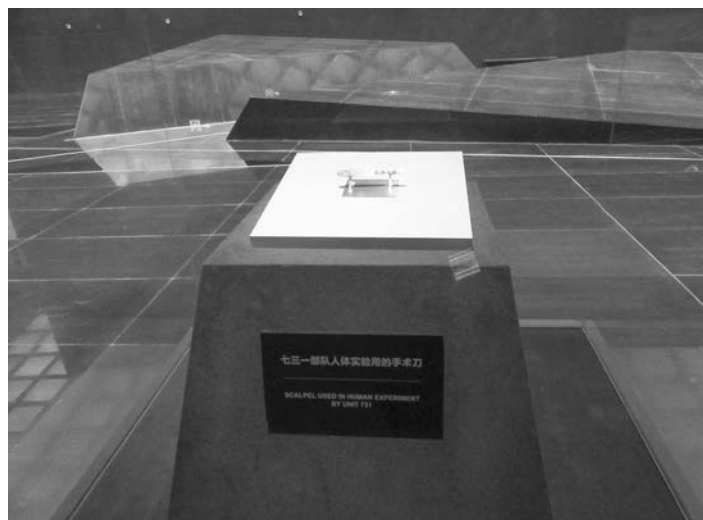

Расположение отряда 731 (экспонат музея).

Повседневная военная и специальная форма одежды военнослужащих японского отряда 731, а также инструменты, приборы и принадлежности, используемые при испытаниях химического и бактериологического оружия на открытой местности (экспозиция музея).

В качестве военнослужащих и служащих в отряд направлялись выпускники самых престижных японских университетов, цвет японской науки. Штат сотрудников фабрики смерти составлял более трёх тысяч человек. Район расположения отряда был объявлен запретной зоной. Никто не мог останавливаться ближе, чем в 10 километрах от расположения отряда без специального пропуска, который мог быть выдан только штабом Квантунской армии. Территория городка строго охранялась. Особенно тщательно охранялись обнесённые кирпичной стеной и подключённой к электричеству колючей проволокой лаборатории в самом центре городка. Туда не мог пройти никто, даже из личного состава отряда, кроме тех, кто работал в них. У единственного входа в лабораторию постоянно находилась охрана из 20 жандармов [1, с. 20; 25]. Вся территория отряда на случай внезапной эвакуации была заминирована, а во все камеры внутренней тюрьмы, где находились подопытные заключённые, в случае необходимости подавался отравляющий газ при помощи пульта, который находился в кабинете начальника отряда.

Один из артефактов музей — скальпель, которым японские медики препарировали подопытных живых людей — узников лагеря — «марута».

Как было сказано ранее, в качестве подопытных для экспериментов использовались люди, которых служащие отряда называли «марута» (в переводе с японского «брёвна»). Среди них были русские, китайцы, монголы, корейцы. Ежедневно жандармерией или спецслужбами Квантунской армии в отряд осуществлялись так называемые особые поставки вышеупомянутых «марута», передача которых производилась за пределами отряда в закрытые спецмашины, после обречённые на мученическую смерть люди ввозились через подземные ворота на территорию специально оборудованной тюрьмы [3, с. 119]. За период с 1941 по 1945 год сотрудниками отряда в результате применения так называемой «марута»-технологии [28, с. 41–43] было доведено до смерти и убито более трёх тысяч человек, то есть ежегодно

отряд уничтожал более 600 подопытных «брёвен» [12]. На содержание отряда 731 правительство Японии не жалело средств и выделяло ежегодно более 10,2 млн иен [26].

Закрытая спецмашина для доставки новых узников в лагерь смерти (экспозиция музея).

В 1945 году, на завершающем этапе Второй мировой войны, в результате разгрома Квантунской армии в плен было взято более 609 тысяч японских военнослужащих, в числе которых было 163 генерала и более 26 тысяч офицеров. Советские органы государственной безопасности провели огромную работу по «фильтрации» в пересыльных пунктах и спецучреждениях огромной массы японских военнопленных и выявлению среди них лиц, имевших отношение к исследованиям в области бактериологического оружия [27].

Важную роль в этой работе выполнял специалист-переводчик УВД Хабаровского края, участник Токийского процесса Георгий Георгиевич Пермяков, великолепно владевший двумя языками: китайским и японским. Он проводил работу в особом лагере № 2045, где содержались японские особо важные военные преступники, высшие чины [24, с. 257–261]. По его воспоминаниям, в 1946 году из Москвы пришло указание о сборе материала о бактериологическом оружии путём допроса военнопленных и взятия у них письменных показаний. В результате проведённой работы было установлено, что в Хабаровском лагере для военнопленных находятся три генерала, которые руководили разработкой бактериологического оружия в отряде 731 [14; 25].

По воспоминаниям Г. Г. Пермякова, было опрошено более одной тысячи бывших японских военнослужащих. С его слов, после допросов рядовых «шли к допросам старших чинов и, в конце концов, с помощью очных ставок «раскололи» этих трёх генералов. Мы выезжали в Харбин, опрашивали китайцев. Мы собрали огромный материал, которым гордились. ...Весь этот материал мы готовили для Токийского процесса — восточного «Нюрнберга». Но там он не был использован» [14; 25].

В октябре 1949 года Г. Г. Пермяков получил приказ явиться в приёмную начальника УВД Хабаровского края генерал-лейтенанта И. И. Долгих, где была собрана группа в составе десяти переводчиков. На совещании у И. И. Долгих было доведено решение правительства СССР о проведении в Хабаровске суда над японскими преступниками-бактериологами. Было принято решение об участии группы приглашённых переводчиков в предстоящем процессе [14; 25].

Процесс проходил в Хабаровске с 25 по 30 декабря 1949 года в военном трибунале Приморского военного округа в здании окружного Дома офицеров Советской армии. Председателем судебного заседания были назначены генерал-майор юстиции Д. Д. Чертков, а членами — полковник юстиции М. Л. Ильницкий и подполковник юстиции И. Г. Воробьёв, секретарём — старший лейтенант юстиции Н. А. Коркин. Государственным обвинителем на процессе являлся советник юстиции 3-го класса Л. Н. Смирнов. Защитниками были адвокаты Н. К. Боровик, Н. П. Белов, С. Е. Санников, А. В. Зверев, П. Я. Богачёв, Г. К. Прокопенко, В. П. Лукьянцев и Д. Е. Болховитинов. Военный следователь — Н. А. Базенко [18; 23; 25].

На основе материалов проведённого предварительного расследования Хабаровский процесс вскрыл картину чудовищных злодеяний правящего преступного правительства милитаристской Японии. В частности, обвиняемым вменялось в вину: создание в Квантунской армии специальных подразделений («Отряд 731», расположенный вблизи г. Харбина, «Отряд 100», расположенный вблизи г. Чанчуня), занятых разработкой бактериологического оружия, в частности, разведением бактерий чумы, холеры, сибирской язвы и других тяжёлых заболеваний; проведение экспериментов над людьми (в том числе советскими военнопленными) по заражению их этими заболеваниями; использование бактериологического оружия против Китая [5, с. 5–27].

Деятельность сотрудников японского отряда 731 также была связана с заражением рек и других водоёмов особо опасными вирусными инфекциями (экспозиция музея).

Заключение по бактериологическим и медицинским вопросам давала на суде экспертная комиссия в составе действительного члена Академии медицинских наук СССР Н. Н. Жукова-Вережникова, полковника медицинской службы В. Д. Краснова, заведующего кафедрой микробиологии Хабаровского медицинского института, профессора Н. Н. Косарева, доцента кафедры микробиологии Хабаровского медицинского института Е. Г. Ливкиной, подполковника ветеринарной службы Н. А. Александрова, паразитолога О. Л. Козловской [22].

Процесс носил открытый характер, и все желающие могли присутствовать на его заседаниях. На заседаниях Хабаровского процесса журналист и художник В. В. Павчинский, который сотрудничал с краевыми газетами «Тихоокеанский комсомолец», «Тихоокеанская звезда», «Тревога», работал в краевом отделении ТАСС, выступал с очерками, публицистическими статьями, фельетонами, работал в печати как художник-график, рисовал карикатуры и политические плакаты на международные темы [4]. Во время процесса он рисовал карикатуры на подсудимых из числа японских военнослужащих, в том числе на бывшего главнокомандующего Квантунской армии Отодзо Ямада. Позднее они были опубликованы в ряде местных и центральных газет.

По свидетельству Г. Г. Пермякова, все дни заседаний зал ОДОСА был забит до отказа людьми, присутствовавшими в качестве равнодушных зрителей на судебном процессе и представлявшими трудовые коллективы г. Хабаровска.

К суду были привлечены 12 бывших японских военнослужащих, от генерала до рядового: Отодзо Ямада, генерал, бывший главнокомандующий японской Квантунской армией; Рюдзи Кадзицука, генерал-лейтенант медицинской службы, доктор медицинских наук, бывший начальник санитарного управления Квантунской армии; Такаацу Такахаси, генерал-лейтенант ветеринарной службы, химик-биолог, бывший начальник ветеринарной службы японской Квантунской армии; Сюдзи Сато, генерал-майор медицинской службы, врач-бактериолог, бывший начальник санитарной службы 5-й армии японской Квантунской армии; Киёси Кавасима, генерал-майор медицинской службы, доктор медицинских наук, бывший начальник производственного отдела отряда № 731 японской Квантунской армии; Тосихидэ Ниси, подполковник медицинской службы, врач-бактериолог, бывший начальник учебно-просветительного отдела отряда № 731 японской Квантунской армии; Томио Карасава, майор медицинской службы, врач-бактериолог, бывший начальник подразделения производственного отдела отряда № 731 японской Квантунской армии; Масао Оноуэ, майор медицинской службы, врач-бактериолог, бывший начальник филиала № 643 отряда № 731 японской Квантунской армии; Юдзи Курусима, бывший санитар-лаборант филиала № 162 отряда № 731 японской Квантунской армии; Норимицу Кикуги, ефрейтор,

бывший санитар-практикант филиала № 643 отряда № 731 японской Квантунской армии; Дзэнсаку Хирадзакура, поручик ветеринарной службы, ветеринарный врач, бывший научный работник отряда № 100 японской Квантунской армии; Кадзуо Митомо, старший унтер-офицер, бывший сотрудник отряда № 100 японской Квантунской армии [16, с. 23–24; 17; 9].

Таким образом, из числа привлечённых к процессу непосредственную службу в бактериологическом отряде 731 и его филиалах проходило шесть человек, а в бактериологическом отряде № 100 — двое. Четыре бывших японских генерала Отодзо Ямада, Рюдзи Кадзицука, Такаацу Такахаси и Сюдзи Сато осуществляли руководство преступной деятельностью бактериологических отрядов и их филиалов.

Как заявил на суде в Хабаровске бывший командующий Квантунской армией генерал Отодзо Ямада, деятельность его подчинённых осуществлялась в целях подготовки бактериологической войны, главным образом против СССР, а также против МНР, Китая и других государств [9].

Обвинение было предъявлено по пункту 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года № 39 «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников», предусматривавшему, в частности, ответственность в виде смертной казни через повешение [9].

Персонально в отношении подсудимых была установлена степень вовлечённости в совершённые преступления. Вина всех обвиняемых была доказана в ходе процесса не только признаниями всех подсудимых на суде, но и многочисленными свидетельскими показаниями, а также заключением экспертов.

Всем обвиняемым, с учётом степени виновности, были назначены наказания в виде различных сроков лишения свободы. Все генералы были приговорены к 25 годам заключения в исправительно-трудовом лагере. Остальные восемь подсудимых получили от 2 до 20 лет заключения в лагерях. К смертной казни не был приговорён никто, поскольку смертная казнь в СССР была отменена указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 года [23].

Суд в Хабаровске воздал по заслугам лишь двенадцати представшим перед ним японским военным преступникам. Одному из главных идеологов подготовки бактериологической войны и организатору массового производства смертоносных бактерий и варварских опытов над живыми людьми, доктору медицинских наук, генералу Сиро Исии, начальнику отряда 731 Квантунской армии, а также практически всем трём тысячам его подчинённым с началом сокрушительного разгрома японских войск советскими войсками в Маньчжурии

удалось с 10 по 15 августа 1945 года скрытно уничтожить и сжечь тела подопытных, сжечь часть документов, взорвать все здания и лаборатории отряда, а также погрузить в 15 воинских эшелонов служащих отряда, особо значимые документы и образцы бактериологического оружия [6]. Вместо того чтобы оказаться на скамье подсудимых, все сотрудники отряда со своими семьями прибыли 16 августа 1945 года в Корею, а затем (18–25 августа) переправились в Японию, где попали под крыло могущественного покровителя — США [6; 12].

В конце Второй мировой войны С. Исии был арестован американцами, однако в 1946 году получил «иммунитет» в обмен на секретные штаммы и документы об исследованиях биологического и химического оружия, античеловеческих операциях, основанных на экспериментах над людьми. По утверждению С. Моримурэ, Сиро Исии американцы выделили в Токио специальное помещение, где он занялся приведением в порядок материалов отряда 731, вывезенных из уезда Пинфан. В то же время советской стороне, потребовавшей выдачи во время Токийского процесса бывших командиров формирования № 731, был дан ответ, что «местопребывание руководства отряда 731, в том числе Исии, неизвестно и обвинять отряд в военных преступлениях нет оснований» [1; 6, с. 153].

Именно в связи с этим правительство США не поддержало СССР, когда он предложил назначить специальный Международный военный суд и предать ему главных вдохновителей и организаторов бактериологической войны. Опубликованная 3 февраля 1950 года нота советского правительства правительствам США, Великобритании и Китая с предложением создать Международный военный суд для наказания японских военных преступников, изобличённых как главных организаторов и вдохновителей подготовки бактериологической войны и применения бактериологического оружия, осталась без ответа [8].

Все учёные «отряда смерти» (а это почти три тысячи человек), кроме тех, кто попал в руки СССР, избежали ответственности за свои преступления. Многие из тех, кто равнодушно и жестоко препарировал живых людей, стали в послевоенной Японии деканами университетов, медучилищ, академиками, бизнесменами [25].

Принц Такеда (двоюродный брат императора Хирохито, главного японского идеолога широкого применения бактериологического оружия), который инспектировал спецотряд, тоже не понёс наказания и даже возглавил японский Олимпийский комитет в преддверии Игр 1964 года. А отставной генерал Сиро Исии, идеолог и злой гений «отряда 731», работал научным сотрудником в одной из американских секретных лабораторий и безбедно жил в Японии. Умер своей смертью в 1959 году.

Так проводились эксперименты над узниками отряда 731, связанные с испытанием на местности химического оружия (экспозиция музея).

Дальнейшая судьба осуждённых на Хабаровском процессе 12 японских военнослужащих была следующей. Лица, осуждённые на непродолжительные сроки, отбыли их полностью и были отправлены на родину. Лица, осуждённые на длительные сроки, отбыли в заключении в тюрьме в Иваново только семь лет, причём в достаточно комфортабельных условиях. В 1956 году, в связи с улучшением советско-японских отношений, они были досрочно освобождены и отправлены на родину [25].

Материалы Хабаровского процесса были опубликованы в Москве в 1950 году общим тиражом 50 тысяч экземпляров, а позже выпущены на английском и ряде других иностранных языков [4].

Доктор исторических наук профессор А. В. Алепко и директор музея «Отряда 731» Ян Яньцзюнь.

Исторические факты, изложенные в данной статье, — ещё один повод для всех людей и народов Азиатско-Тихоокеанского региона задуматься о сохранении столь хрупкого мира на Земле, а также продолжить диалог о полном запрете и уничтожении бактериологического оружия.

Список использованных источников

1. Акияма, Х. Особый отряд 731 / Х. Акияма. — Москва : Изд-во иностр. лит., 1958. — 152 с.
2. Барышев, В. Хабаровский судебный процесс над японскими военными преступниками (к 60-летию события) [Электронный ресурс] / В. Барышев // Журн. междунар. права и междунар. отношений. — 2009. — № 3. — Режим доступа: <http://evolutio.info/content/view/1598/232/> (дата обращения: 14.08.2017).
3. Бондаренко, Е. Ю. Судьбы пленных. Токийский и Хабаровский международные процессы над японскими военными преступниками и последствия / Е. Ю. Бондаренко // Россия и АТР. — 1993. — № 1. — С. 117–123.
4. Кузнецов, Д. В. Хабаровский процесс 1949 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: kuznetsov.ucoz.org/publications/khabarovskij_process_1949_goda.doc (дата обращения: 20.08.2017).
5. Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. — Москва : Госполитиздат, 1950. — 540 с.
6. Моримура, С. Кухня дьявола [Электронный ресурс] / С. Моримура. — Москва : Прогресс, 1983. Режим доступа: <http://militera.lib.ru/research/morimura/index.html> (дата обращения: 21.08.2017).
7. Николаев, А. Н. Международный военный трибунал в Токио [Электронный ресурс] / А. Н. Николаев // Дипломаты вспоминают. Мир глазами ветеранов Дипломатической службы. — Москва : Науч. кн., 1997. — 564 с. — Режим доступа: http://militera.lib.ru/tema/1/art/index_340_32858.html (дата обращения: 31.08.2017).
8. Нота Советского Правительства правительствам США, Великобритании и Китая // Правда. — 1950. — 3 февр.
9. Обвинительное заключение по делу бывших военнослужащих японской армии: Ямада Отозоо, Кадзицука Рюдзи, Такахаши Такацу, Кавасима Киоши, Ниси Тосихидэ, Карасава Томио, Онуэ Масао, Сато Сюдзи, Хиразакура Дзенсаку, Митомо Кадзуо, Кикучи Норимицу и Курусима Юдзи, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г., подписанное военным прокурором Приморского военного округа полковником юстиции А. Березовским // Тихоокеан. звезда. — 1949. — 25 дек. — С. 3–4.
10. Пермяков, Г. Г. 170 генералов : [из личного архива : о лагере японских военнопленных в Хабаровске, 1946 г.] / Г. Г. Пермяков // Тихоокеан. звезда. — 2000. — 15 февр.
11. Пермяков, Г. Г. Жизнь рядом с фабрикой смерти: 731 отряд глазами очевидца : [воспоминания Г. Г. Пермякова] / Г. Г. Пермяков // Амур. меридиан. — 2003. — № 46 (нояб.).
12. Пермяков, Г. Г. Зона смерти : [из личного архива : о знаменитом Хабаровском процессе над японскими военными преступниками, проводившими испытание бактериологического оружия на людях] / Г. Г. Пермяков // Тихоокеан. звезда. — 2000. — 11 февр.
13. Пермяков, Г. Г. Тайная миссия «царь-группы» : [о Токийском процессе над главными военными преступниками Японии вспоминает старожил города Хабаровска Г. Пермяков] / Г. Г. Пермяков // Тихоокеан. звезда. — 2001. — 1 июля.
14. Пермяков, Г. Г. Токийский процесс и Хабаровск : [воспоминания переводчика и участника судебного процесса над военными преступниками Японии в Токио в 1946 г.] / Г. Г. Пермяков // Дальневост. учёный. — 2005. — № 17. — С. 6–7.
15. Протокол о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств, 17 июня 1925 года [Электронный ресурс] // Международный комитет Красного креста. Договоры и обычное право : офиц. сайт. — Режим доступа: <https://www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/protocol-gases-170625.htm> (дата обращения: 30.08.2017).
16. Рогинский, М. Ю. Бактериологическая война — преступное орудие империалистической агрессии : Хабаровский процесс японских военных преступников / М. Ю. Рогинский, С. Я. Розенблит, Л. Н. Смирнов. — Москва : Изд-во АН СССР, 1950. — 136 с.
17. Рогинский, М. Ю. Милитаристы на скамье подсудимых : по материалам Токийского и Хабаровского процессов / М. Ю. Рогинский. — Москва : Юрид. лит., 1985. — 360 с.
18. Судебный процесс по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. Заседание Военного Трибунала Приморского военного округа 25 декабря 1949 г. // Тихоокеан. звезда. — 1949. — 27 дек. — С. 4.
19. Судебный процесс по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. Заседание Военного Трибунала Приморского военного округа 26 декабря 1949 г. // Тихоокеан. звезда. — 1949. — 28 дек. — С. 4.
20. Судебный процесс по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. Заседание Военного Трибунала Приморского военного округа 27 декабря 1949 г. // Тихоокеан. звезда. — 1949. — 29 дек. — С. 4.
21. Судебный процесс по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. Вечернее заседание 27 декабря и заседание Военного Трибунала Приморского военного округа 28 декабря 1949 г. // Тихоокеан. звезда. — 1949. — 30 дек. — С. 4.
22. Судебный процесс по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. Заседание Военного Трибунала Приморского военного округа 29 декабря 1949 г. // Тихоокеан. звезда. — 1949. — 31 дек. — С. 4.
23. Судебный процесс по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. Приговор Военного Трибунала Приморского военного округа именем Союза Советских Социалистических Республик. Заседание Военного Трибунала Приморского военного округа 30 декабря 1949 г. // Тихоокеан. звезда. — 1950. — 3 янв. — С. 3–4.
24. Сумская, А. Г. Личный архив и библиотека Г. Г. Пермякова // Восьмье Гродековские чтения : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. окончанию Великой Отечеств. войны (1941–1945). — Хабаровск, 2015. — С. 257–263.
25. Супотницкий, М. В. Чума от дьявола в Китае (1933–1945) / М. В. Супотницкий, Н. С. Супотницкая // Очерки истории чумы : В 2-х кн. Кн. 1 : Чума добактериологического периода / М. В. Супотницкий, Н. С. Супотницкая. — Москва : Вузов. кн., 2006. — 486 с.
26. Черняева, Н. Прикосновение руки Люцифера : [о заседаниях Хабаровского военного суда над японскими военными врачами и чиновниками] / М. Черняева, Н. Колесников, А. Светлов // Приамур. ведомости. — 2006. — 17 авг.
27. Юдин, Б. Г. Из истории биомедицинских исследований на человеке : Хабаровский процесс 1949 г. [Электронный ресурс] / Б. Г. Юдин // Вопр. истории естествознания и техники. — 2009. — № 4. — Режим доступа: <http://naukarus.com/iz-istorii-biomeditsinskih-issledovaniy-na-cheloveke-habarovskiy-protsess-1949-g> (дата обращения: 03.09.2017 г.).
28. Юдин, Б. Г. Научное познание человека и ценности / Б. Г. Юдин // Гуманитар. науки: теория и методология. — 2014. — № 1. — С. 35–47.

*Фотографии предоставлены автором.
Материал поступил в редакцию 07.06.2018 г.*

*Сведения об авторе: Алепко Александр Валентинович, доктор исторических наук, профессор кафедры культурологии и музеологии Хабаровского государственного института культуры, член-корреспондент Российской академии естествознания, член президиума Хабаровского краевого отделения РГО (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: alexandr.alepko@yandex.ru; тел. 8-914-200-22-26.*

ПЛИСКИНА ВАЛЕНТИНА НИКОЛАЕВНА

РУССКИЕ ПЕРЕВОДЧИКИ ИЗ ХАРБИНА

В статье рассматриваются судьбы переводчиков из числа русских эмигрантов, прибывших во второй половине 1940-х годов в Советский Союз из г. Харбина (КНР) для работы с японскими военнопленными. Показаны их работа на различных спецобъектах, участие в Токийском (1946–1948) и Хабаровском (1949) судебных процессах, а также дальнейшая их судьба. При подготовке статьи использованы документы из Государственного архива Хабаровского края, записи из личного архива Г. Г. Пермякова, а также материалы, полученные автором от харбинца С. Н. Кунцевича и от родственников харбинских переводчиков: дочери Г. Г. Пермякова — А. Г. Сумской, дочери Ю. М. Кондрашева — Л. Ю. Фёдоровой, сына Н. П. Вторушина — В. Н. Вторушина.

Ключевые слова: Харбин, университет, переводчики, трибуналы в Токио и Хабаровске, спецобъект 45, Хабаровск, архив Пермякова.

Keywords: Harbin, university, translators, tribunals in Tokyo and Khabarovsk, special object 45, Khabarovsk, Permyakov's archive.

В статье журналиста О. Бобина «Осколок Российской империи» есть замечательные слова о переводчиках, которые прибыли в СССР из г. Харбина: «Всё реже встретишь уникальных переводчиков с китайского, что были выходцами из этого города. Язык они познавали с детства на улицах, как бы между делом. Благодаря им на всех уровнях долгие годы обеспечивались контакты с нашим соседом Китаем во время встреч делегаций различных уровней, и всегда обе стороны предпочитали общение через “харбинцев”» [1, с. 36].

Вид на Китайскую улицу в г. Харбине, начало 1920-х годов.

В 1945 году на Дальнем Востоке прозвучали победные залпы, ознаменовавшие окончание Второй мировой войны. В результате проведения Маньчжурской операции в плену оказалось более полумиллиона военнослужащих японской Квантунской армии. 4 сентября 1945 года был отдан приказ Главного командования фронтам и Тихоокеанскому флоту о немедленной отправке военнопленных в тыловые лагеря НКВД на территории СССР [31, с. 25].

6 сентября начальник штаба Главкома советских войск на Дальнем востоке генерал-полковник С. П. Иванов докладывал начальнику генерального штаба Красной Армии А. И. Антонову об отправке военнопленных генералов и офицеров штаба Квантунской армии из Чанчуня в Хабаровск: «Докладываю: 5 сентября 1945 г. в 17 [ч] 00 [мин.] командование и штаб Квантунской армии в составе: командующего Квантунской армией генерала Ямада, начальника штаба генерал-лейтенанта Хата, начальника разведотдела полковника Асада, представителя Генштаба подполковника Асаеда, офицера штаба подполковника Седзима и других на четырех самолетах вылетели в Харбин, где сделали посадку в 18 [ч] 00 [мин.] 5 сентября 1945 г. Всего летит 46 человек, из них: генералов — 13, полковников — 3, подполковников — 2, майоров — 3, остальных офицеров — 3, денщиков — 21, переводчик — 1. Утром 6 сентября 1945 года вылетают в Хабаровск» [44, с. 21].

Большое количество военнопленных потребовало квалифицированных переводчиков японского языка. В СССР

таких специалистов готовили в Московском институте востоковедения и в Ленинградском институте философии, литературы и искусства. Однако проведенная в конце 1930-х годов кампания по борьбе с «японскими шпионами» значительно сократила их ряды. Журналист Светлана Позднева в своей статье «Иногда Хабаровск становится частью Японии» уточнила: «Конечно, в Союзе имелись знатоки языка. Как правило, осевшие в России сами японцы или корейцы. Да ещё воспитанники армейских курсов — военные переводчики. Но обслужить всех пленных они были не в состоянии.

Поэтому осенью 1945 г. из Хабаровска в Харбин отправились два «купца» — представители краевого УВД (НКВД) Пётр Язев и Павел Никитин. Дуэтом выступили в русскоязычной передаче на радио, перед эмигрантской молодёжью в учебных заведениях. Играли на патриотических чувствах. Обещали общежитие и паёк. То, что последнее — спасение от голода, русские харбинцы узнают, лишь вернувшись на родину.

Для чего именно были нужны японисты, не разъяснялось. В общей сложности в Харбине набрали более 100 добровольцев. Группами по 20–30 человек в последующие полгода они перебирались сначала в Хабаровск, а после разъезжались по всему Дальнему Востоку и Сибири» [40, с. 2].

Первая партия переводчиков из 30 человек прибыла в г. Хабаровск 2 ноября 1945 года. Они были приписаны к Главному управлению по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ)¹. Ещё четыре переводчика прибыли в декабре. Но этого было недостаточно. Следующая партия из 102 переводчиков была привезена весной 1946 года. Все они были пропорционально распределены между подведомственными лагерями, без ближайшей перспективы их пополнения [21].

Уровень знания японского языка у всех переводчиков был разный. Наиболее подготовленные и в совершенстве знающие язык направлялись для работы в лагеря, где содержались высшие чины Квантунской армии. К такому лагерю относился спецобъект № 45².

1 Главное управление по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) было создано при НКВД СССР в 1939 г. (приказ № 0308 «Об организации лагерей для военнопленных» от 19 сентября 1939 г.). 20 апреля 1953 г. оно было ликвидировано, а его функции переданы Тюремному управлению МВД СССР. 13 декабря 1956 г. был издан указ Президиума Верховного Совета СССР об амнистии осуждённых в СССР японских граждан. Последняя группа японских военнопленных в количестве 1 025 человек была передана японским властям 23 декабря 1956 г. в порту Находка [30].

2 Спецобъект № 45 — один из лагерей системы ГУПВИ МВД СССР, где содержались высшие чины японской Квантунской армии, а также бывший император Маньчжоу-Го — Айсёнгеро Пу И. На начало 1946 г. ГУПВИ МВД СССР имело в своей структуре 267 лагерей для военнопленных (11 офицерских, 199 — для военнопленных западных армий, 49 — для военнопленных японской армии, 8 смешанных) и 6 спецобъектов, в которых содержались высокопоставленные генералы и офицеры противника, представлявшие оперативный или политический интерес.

ИСТОРИОПИСАНИЕ

В архиве одного из переводчиков японского языка, Георгия Пермякова, с декабря 1945 по август 1950 года работавшего старшим переводчиком на спецобъекте № 45, сохранились фамилии и частично имена переводчиков из г. Харбина, прибывших в Хабаровск: А. К. Анцов, В. В. Болховитинов, Г. И. Божко, В. Балакирев, Н. П. Вторушин, В. В. Вторушина, Верешников, Т. Гавриленко, Гальперин, Горохов, Г. Державин, К. И. Жук, В. Зырянов, Л. Иванова, О. П. Иогансон, А. П. Катков, Н. И. Касьян, Т. Кукс, В. М. Ким, Б. Н. Корнилов, Ю. М. Кондрашев, Г. Г. Ламанов, С. Маштак, Л. Маршир, С. В. Неверов, Р. И. Омельчук, Б. К. Огородников, Овчаренко, М. Я. Пахомов, Л. Н. Пахомова, П. П. Пляченко, А. Н. Протасов, Г. Раздобрев, А. Сакунов, Р. А. Северюков, В. Стариков, Ф. Сторожков, Т. С. Торov, В. В. Трусов, С. А. Утенков, Фружевский, Г. Г. Штек, Шушаков, В. Г. Щебенков, Е. В. Цвилов, Д. Ягунов.

Известно, что в подготовке и проведении Хабаровского процесса, помимо переводчиков, прибывших из Москвы, приняли участие следующие переводчики «харбинцы»: Е. В. Цвилов, В. В. Болховитинов, А. Н. Протасов, П. П. Пляченко, Г. Г. Ламанов, М. Я. Пахомов, Б. Н. Корнилов, Г. Г. Елгин, Ф. Н. Сторожков, Б. К. Огородников, В. М. Ким, Г. Г. Пермяков [33]. Переводчики Г. Г. Пермяков и С. В. Неверов принимали участие в судебном процессе Международного военного трибунала для Дальнего Востока, проходившего в Токио с 3 мая 1946 по 12 ноября 1948 года.

Большинство из прибывших в Хабаровск переводчиков-японистов были высокообразованные молодые люди — выпускники Северо-Маньчжурского университета (СМУ) г. Харбина [27, с. 21–23]. Многие из них владели несколькими иностранными языками.

Стоит сказать несколько слов об этом учебном заведении [24, с. 3].

В 1938 году коммерческий факультет Харбинского политехнического института слился с институтом святого Владимира. Так образовался СМУ, который разместился в Украинском доме в Новом городе. Возглавил вуз профессор Симидзу [4, с. 34].

Кроме получения высшего образования студентами, университет заботился о высоком престиже заведения. Правила поведения учащихся гласили: «Студент, как в стенах университета, так и вне его стен, должен быть безукоризненным во всех отношениях, дабы поддерживать высокое звание студента и престиж университета. Поведение студентов определяется отметками за каждый семестр. Независимо от академических устоев, позволя-

В некоторых публикациях спецобъект № 45 называют «спецобъектом 2045», с прямым подчинением Москве и Сталину, но в официальных документах это не подтверждается, он упоминается только как «спецобъект № 45».

Здание Харбинского политехнического института, в котором располагался Северо-Маньчжурский университет, 1926 год.

ющих студенту переходить на следующий курс, только тот студент может быть переведён на следующий курс, если отметка за поведение будет не ниже 75 баллов» [27, с. 51].

Система зачётов и экзаменов предполагала десять вопросов, каждый из которых обеспечивал студенту десять баллов. Максимальная оценка — сто баллов [26, с. 81].

ПРОГРАММА ДИСЦИПЛИН					ГОДОВЫЕ ОТМЕТКИ		
КОММЕРЧЕСКОГО Факультета С.-М. Университета					за 1-й курс 1943 год.		
№ п/п	Дисциплины	Всего ч. занятий			Отметки	Примечания	
		1 к.	2 к.	3 к.			
1.	Гражданская мораль . . .	1	1	1	78		
2.	Военная подготовка . . .	3	3	3	84		
3.	Противовод, оборона . . .	1	—	—	84		
4.	Этика или Логика . . .	2	—	—	84		
5.	Японский язык . . .	17	17	16	83		
6.	Маньчжурский язык . . .	2	2	2	83		
7.	Маньчжуроведение . . .	—	2	—	83		
8.	Японоведение . . .	3	—	—	83		
9.	Советоведение . . .	—	—	3	83		
10.	Состояние Новой Великой Восточ. Азии . . .	3	—	—	83		
11.	Энциклопедия права . . .	2	—	—	83		
12.	Основные Законы Маньчжу-Динго и Граждан. право Маньчжу-Динго . . .	—	4	—	83		
13.	Торг. право Маньч.-Динго . . .	—	—	2	83		
14.	Политическая экономия . . .	3	—	—	83		
15.	Истор. экономия, учений . . .	—	2	—	83		
16.	Финансовое право . . .	—	—	2	83		
17.	Статистика . . .	—	—	1	83		
18.	Экономическая география . . .	—	—	2	83		
19.	Учение о торговле . . .	2	—	—	83		
20.	Коммерческие дисциплины . . .	—	2	—	83		
21.	Товароведение . . .	—	1	2	83		
22.	Комм. арифм. и корресп. . .	—	—	2	83		
23.	Бухгалтерия (на рус. яз.) . . .	2	2	2	83		
24.	Бухгалтерия (на япон. яз.) . . .	—	2	2	83		
25.	Управление на японских счетах . . .	—	2	2	83		
Итого		40	40	40			

Зачётная книжка студента Кондрашева.

Существовал ещё и Государственный университет Кенкоку Дайгаку (Университет государственного строительства) в г. Синьцзине (ныне Чанчунь), «наивысочайшее учебное заведение Маньчжурской империи», который тоже называли Северо-Маньчжурским университетом [2, с. 122]. Он готовил и выпускал в течение восьми лет ниппон-драгоманов (переводчиков японского языка) и государственных чиновников высшего разряда для государства Маньчжоу-Го.

К 1940-м годам государство Маньчжоу-Го было разделено на 19 провинций, в которые направлялись выпускники этого учебного заведения [28, с. 5]. Как отметил один из студентов первого выпуска университета Кенкоку Дайгаку В. В. Чеусов, «в основу политики нового государства Маньчжоу-Го был заложен принцип равноправия, сотрудничества и гармоничного развития всех народностей, населявших страну, и потому в главный университет страны, в котором почётным ректором был премьер-министр, а на торжественном открытии присутствовал сам Его Величество Император, принимались представители всех народов. Китайцы, монголы, японцы, корейцы и русские жили, учились, питались, одевались, занимались спортом и разными видами физического и духовного совершенствования, вплоть до полетов на планерах и работы в поле, чтобы стать в будущем руководителями в молодом государстве, чтобы дружбу, возникшую в стенах университета, развивать среди народов страны» [50, с. 5].

Вся шестилетняя программа образования шла на японском языке, поэтому из стен университета Кенкоку Дайгаку вышли наиболее квалифицированные переводчики японского языка, которые в дальнейшем прибыли в Советский Союз.

Ежегодно в этом вузе из ста вакансий для русской эмигрантской молодёжи предоставлялось пять мест. В первом наборе 1938 года в университет поступили будущие переводчики В. Чеусов, С. Серёдкин, Р. Северюков, С. Маштаков, Е. Цвилов. В 1939 году были зачислены А. Аболмасов, Н. Вторушин, В. Петров, Б. Корнилов, В. Щебеньков [3, с. 3].

Государственный университет Кенкоку Дайгаку просуществовал восемь лет. За это время его успел окончить 31 русский студент [50, с. 5]. Среди них были известные переводчики, позже принявшие непосредственное участие в Токийском и Хабаровском военных процессах... Судьба каждого после прибытия в Советский Союз сложились по-разному. Более пятидесяти лет посвятил преподаванию японского и китайского языков в Хабаровске востоковед и переводчик Г. Г. Пермьяков. Стали специалистами по японскому языку С. В. Неверов, Е. В. Цвилов, Л. А. Стрижак, Б. К. Огородников, В. М. Ким, которые работали в Москве. По китайскому языку — И. В. Кирсанова, С. И. Елисафенко... В ТАСС, на Московском радио и телевидении работали Р. Н. Андреев, И. Л. Ефимов, Б. К. Огородников, В. М. Ким,

Б. Т. Плотников, Л. Пенжукова, В. В. Соболевская и другие [45, с. 96].

Не все смогли приехать в Советский Союз так, как мечталось. Так, преподавателю японского языка университета Кенкоку Дайгаку С. А. Середкину, которому с началом войны между Японией и СССР удалось вывезти из Синьцзиня в Харбин всех тогдашних русских студентов, что было непростым делом, и даже доставить их по домашним адресам в Харбине [36, с. 2]. Драматически сложилась и судьба его сокурсника по университету В. Чеусова. С приходом Красной Армии в Харбин они оба непродолжительное время работали переводчиками в одном из её подразделений. Однако вскоре без суда и следствия были арестованы СМЕРШ³, вывезены в СССР и на долгие годы попали в лагерь ГУЛага...

К сожалению, сведения о переводчиках, представленные в настоящей статье, имеют неполный характер. Это связано с тем, что эти люди по роду своей деятельности входили в состав тогдашних силовых ведомств — НКВД, а в дальнейшем МВД СССР. Поэтому их личные дела и сведения, относящиеся к их профессиональной деятельности, до сих пор остаются недоступными для широкого круга исследователей. Наиболее полно в статье представлена информация, относящаяся к их харбинскому периоду жизни, до 1945 года. Эти данные находятся в фондах Государственного архива Хабаровского края (ГАХК), в личных делах, собранных Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии (БРЭМ)⁴. Стилистика и орфография первоисточников сохранены. Сведения, касающиеся дальнейшего пребывания харбинских переводчиков в СССР, собраны автором из материалов, которые находятся в открытом доступе. К ним относятся газетные статьи, публикации в журналах, книги и письма переводчиков. К сожалению, о жизни переводчиков из Харбина, особенно тех, кто принимал участие в Токийском и Хабаровском процессах, мы чаще узнаём из некрологов, чем из официальных документов. При подготовке статьи использованы записи из личного архива Г. Г. Пермьякова, а также материалы, полученные автором от харбинца С. Н. Кунцевича, от родственников переводчиков: дочери Г. Г. Пермьякова — А. Г. Сумской, дочери Ю. М. Кондрашева — Л. Ю. Фёдоровой, сына Н. П. Вторушина — В. Н. Вторушина.

³ СМЕРШ (сокращение от «смерть шпионам») — название ряда независимых друг от друга контрразведывательных организаций в Советском Союзе во время Второй мировой войны.

⁴ Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии (БРЭМ) — белоэмигрантская организация, созданная японской разведкой в 1934 году в оккупированной японскими империалистами Маньчжурии в целях объединения под своим руководством всех без исключения проживающих в Маньчжурии белоэмигрантов и белоэмигрантских антисоветских организаций для борьбы против Советского Союза.

Георгий Георгиевич Пермяков⁵

Г. Г. Пермяков.

Георгий Пермяков родился 26 ноября 1917 года в г. Никольск-Уссурийске (ныне Уссурийск) в семье коммерсанта и фармацевта [14]. Его отец, Георгий Никитич Пермяков (1871–1957 гг.), был выходцем из семьи золотодобытчика, окончил Томский университет, по специальности — химик-фармацевт. Он работал у купца Чурина, но когда

в Харбин пришли японцы, его уволили как советского подданного, и он стал работать у В. О. Кларера — владельца склада аптечных товаров и парфюмерной фабрики «Велка», изготавливал новые сорта духов и мыла [15].

Мать Георгия Пермякова, Прасковья Трофимовна (Трофимова) (1890–1974 гг.), из дворянского рода Хвалынских, из-под г. Сочи Херсонской губернии. После революционных событий в России Георгий Никитич Пермяков срочно выправил визу в правительстве Дальневосточной республики в г. Чите, и в 1921 году семья переехала в китайский город Тяньцзинь.

Своё образование Г. Пермяков начал получать на дому с приходящими учителями по программе гимназии и посещал английскую школу при церкви. В школе изучал английский язык по учебнику Роинс и путём живого общения с детьми постигал китайский.

В 1927 году семья переехала в Харбин, в дом № 6 по улице Гириной, квартира № 2, где Георгий продолжил своё образование в гимназии имени Достоевского до 1934 года.

В 1935 году он блестяще окончил гимназию имени М. А. Оксаковской, занимался в яхт-клубе, борьбой, ходил в школу бокса, играл на скрипке и на рояле.

С 1935 по 1940 год обучался в Институте святого Владимира, на восточном факультете ориентальных и коммерческих наук.

В 1937 году поступил в японскую школу «Момояма» («Персиковая гора») на молодёжный факультет и окончил её к новому 1939 году. Японский язык Г. Пермяков знал с детства, но без письменности, и по настоянию матери стал

учить его. Кроме того, получал частные уроки японского языка у учителя Ямада Томио и на курсах А. С. Троицкого, бывшего консула Японии, автора многих учебников японского языка. Китайский язык изучал в частной китайской школе Дунгуан Сэшу (Свет Востока).

Полученные знания позволили ему в 1937 году открыть свои курсы «Ориента», где он стал давать частные уроки японского и китайского языков. Его курсы окончили более 30 харбинцев — советских ребят. Наиболее сильными учениками были В. Воропинов, Г. Головчинер, Р. Омельчук, В. Кульгавчук, Е. Фёдоров, С. Поляков, А. Огорелков, В. Широколов. С 1939 по 1945 год Г. Г. Пермяков преподавал восточные языки в Генконсульстве СССР, занимался подготовкой кадров переводчиков по разработанной им методике краткосрочного овладения восточными языками.

В мае 1942 года Генконсульство СССР в Харбине посетил назначенный в Японию посол СССР Я. А. Малик и поставил задачу охватить переводом прессу государства Маньчжоу-Го. Через два месяца при Генконсульстве СССР был создан отдел переводов, который расположился по адресу: улица Техническая, 36. Отдел просматривал прессу, переводил её в соответствии с поставленной задачей. Обработанный материал доставлялся в консульство, а далее прямо в советскую столицу. В Москве с 1934 года при Московском институте востоковедения также существовал особый японский сектор, который тоже занимался сбором информации через прессу [49]. В отдел переводов вошли лучшие ученики Г. Г. Пермякова, а сам он возглавил его. Отдел переводов просуществовал до августа 1945 года.

8 августа 1945 года СССР объявил войну Японии. На следующий день Г. Г. Пермяков вместе с другими советскими подданными был арестован и помещён в тюрьму. 15 августа после заявления императора Японии Хирохито о капитуляции он был освобождён.

В это же время из вынужденной эвакуации в Харбин возвращается советское Генконсульство и создаёт Штаб Обороны Харбина (ШОХ) с целью недопущения разграбления города. По воспоминаниям Г. Г. Пермякова, многие из его учеников стали членами ШОХа. Студенты СМУ почти полным составом университета вступили в ШОХ на Казачьей улице. Как знатоков японского языка их посылают на особо важные объекты. Они осуществляли помощь воинским подразделениям Красной Армии в качестве переводчиков. До начала ноября Г. Г. Пермяков принимал активное участие в работе ШОХа в качестве заместителя начальника.

2 ноября 1945 года вместе с первой группой переводчиков Георгий Георгиевич прибыл в г. Хабаровск. С ним приехала его жена — Р. И. Омельчук, переводчик китайского и японского языков. Всех переводчиков разместили в общежитии на улице Знаменщикова, напротив следствен-

⁵ Более подробные биографические данные см.: Дело Пермяков Г. Г. // Государственный архив Хабаровского края. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 36344. Л. 34–43.

ной тюрьмы. Г. Г. Пермяков получил назначение старшим переводчиком на спецобъект № 45 (ул. Сапёрная, 42, ныне ул. Дикопольцева, здесь сейчас находится городская поликлиника № 3), где на тот момент пребывали 170 генералов и адмиралов Квантунской армии, министры маньчжурского правительства, а также семья последнего императора Айсингёро Пу И (при нём Пермяков был переводчиком). Днём переводчики выполняли свои обязанности, а вечерами, в общезитии, подтягивали свои знания по языку и по устройству Маньчжоу-Го. Совместно с Пермяковым на спецобъекте № 45 работали лучшие переводчики страны того времени: Б. Огородников, Е. Цвилов, П. Пляченко, Ю. Штек, В. Щебенков, С. Неверов. Платон Пляченко, имеющий медицинское образование и владеющий китайским и японским языками, постоянно проживал в одной комнате на спецобъекте № 45 с Юрием Штеком, знатоком японского языка...

По воспоминаниям Г. Пермякова, в январе 1946 года Москва поручила начальнику УМВД Хабаровского края генерал-лейтенанту И. И. Долгих создать следственную группу, которая должна была собрать для советского обвинения в Токио разоблачительные материалы. Группу возглавил И. И. Долгих, его заместителем стал полковник Соколов.

Летом 1946 года в Хабаровск из Москвы прибыла следственная группа в составе полковника И. И. Тупикова, полковника М. М. Кудрявцева и полковника И. И. Клыкова. В неё также были включены опытные местные оперативники. Назовём некоторых из них: капитан Никитин, майор Виноградов, подполковник Деревянко, майор Язев, капитан Козловский, полковник Сорокин, старшие лейтенанты Браве и Серов, майор Покровский, капитаны Пастух и Дворецкий. Перед ними была поставлена общая задача — сбор информации о бактериологическом отряде № 731, поиск свидетелей преступлений, выявление диверсантов и военных преступников, а также лиц из числа японских военнопленных, которые могли выступить на Токийском процессе. Следственная группа работала с военнопленными через переводчиков, поэтому на плечи последних легла нагрузка по точному, дословному переводу свидетельских показаний. Основная трудность заключалась в том, что показания были насыщены военными, медицинскими и научными терминами.

В результате работы следственная группа отобрала 30 генералов, 36 старших офицеров и 11 штатских японцев, которые могли дать важные показания для Токийского процесса. Далее список сужается. Наконец, главный обвинитель от СССР на Токийском процессе, Сергей Галунский, дал телеграмму в Москву с просьбой — в качестве свидетелей прислать в Токио военнопленных — подполковника Сэдзима, генерал-майора Мацумура и генерал-лейтенанта Кусаба [42].

В период с 12 по 18 июня Пу И усиленно допрашивали в качестве свидетеля для Токийского военного трибунала. 25 июня протоколы допросов были направлены в Токио.

31 июля Пу И в сопровождении пяти членов НКВД вылетел из Хабаровска во Владивосток, откуда через несколько дней был доставлен на аэродром Ацуги, что в 50 километрах от Токио. В этой группе сопровождения был и Г. Г. Пермяков [32, с. 3].

В августе Георгий Георгиевич в качестве переводчика принимал участие в Токийском трибунале над японскими военными преступниками, где одним из свидетелей был бывший император государства Маньчжоу-Го — Айсингёро Пу И [35, с. 5; 36, с. 6]...

В октябре 1949 года началась подготовка к судебному процессу по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. В нём приняло участие 12 переводчиков из Харбина, Г. Г. Пермяков выступал здесь в качестве главного переводчика [33, с. 235], так как в совершенстве владел японским и китайским языками, как письменными, так и устными.

В августе 1950 года Пермяков попал под сокращение и был уволен из органов МВД СССР. В дальнейшем он увлёкся литературной деятельностью, издал шесть книг. Преподавал в Хабаровском медицинском институте, вёл факультативы в педагогическом институте (ныне — Педагогический институт Тихоокеанского государственного университета), руководил практикой старшекурсников Дальневосточного государственного университета (ДВГУ, г. Владивосток), направленных в г. Хабаровск. В летнее время и в период зимних каникул по одобренной кафедрой японской филологии ДВГУ усиленной программе занимался японским и китайским языками. Г. Г. Пермяков преподавал студентам иероглифику, грамматику продвинутого курса японского и китайского языков, особенности устной речи, старояпонский и старокитайский языки. Трое из бывших слушателей Г. Г. Пермякова из ДВГУ — В. Н. Незамутдинов, И. В. Леванидов, Н. Я. Губарь (Ковалевская) — стали преподавателями восточного факультета ДВГУ.

Знание языков и опыт переводчика всегда помогали ему чувствовать себя нужным и востребованным. В личном архиве Георгия Георгиевича Пермякова осталось много неопубликованных работ по этнографии, культуре и истории Японии и Китая, записи о выдающихся людях: В. К. Арсеньеве, В. К. Блюхере, С. Г. Лазо.

Наблюдения Пермякова, сделанные им в период работы переводчиком на спецобъекте № 45, легли в основу документальной повести «Император Пу И. Пять лет вместе», которая в 2003 году была опубликована в четвёртом номере альманаха «Рубеж» (г. Владивосток).

Борис Константинович Огородников⁶

Гражданская война (1918–1922) занесла семью Огородниковых в Харбин, в котором 10 февраля 1923 года родился Борис [13]. После рождения сына его отец, Константин Андрианович, уехал в Японию на заработки, где занимался мелкой торговлей. Встав на ноги, он купил маленький домишко в Иокогаме и в 1928 году вызвал жену Лидию Петровну с сыном к себе.

Японский язык для Бориса, по сути, стал родным, ибо говорить на нём начал с младенческих лет. Член Союза журналистов СССР, автор многочисленных публикаций В. В. Иванов-Ардашев в своём очерке «Судьба переводчика» приводит выдержку из письма сына Бориса Огородникова — Олега, где он пишет о своём отце: «Сначала Боренька (так всю жизнь называла отца его мать) окончил какую-то начальную японскую школу, что позволило ему всю свою жизнь удивлять японцев и японоведов “чистотой своего японского говора”. Хотя отец считал свои знания в этой области неудовлетворительными, так как не окончил хотя бы среднюю (японскую) школу» [23, с. 37].

Одиннадцать лет, с 1931 по 1941 год, Борис обучался в американском колледже святого Иосифа. Он стал одним из первых учеников, окончивших это учебное заведение с золотой медалью.

В 1942 году Борис Огородников продолжил изучение японского языка в Иокогаме. На следующий год в целях продолжения обучения он поступил в Ниппонский университет Дзючи в Токио. Сын русского дворянина, но весьма скромного по достатку, Огородников был вынужден вернуться в Харбин. 21 января 1944 года он поступает на коммерческий факультет СМУ. Родители остались в Японии, родственники разъехались или ушли из жизни. Денег на учёбу не хватало, из Японии они не поступали, а побочных заработков едва хватало прокормиться, поэтому Борису пришлось бросить учёбу. В Харбине он жил по адресу: улица Славянский городок, дом 70, квартира 4.

В декабре 1945 года он прибывает в Хабаровск в составе группы из четырёх переводчиков, среди которых был К. И. Жук и Верешников (имя не установлено). Георгий Пермяков в своих воспоминаниях так описывает Огородникова: «На объекте часто работал русский богатырь Борис Огородников. Высокий, мощный, с центнер весом, голубоглазый, с золотыми волосами... Я видел, как Пу И и Борис подолгу стояли в коридоре и говорили на английском. Оба нравились друг другу» [39, с. 294].

Как сотрудник НКВД Огородников был направлен на непродолжительное время в лагерь для военнопленных

в село Чернецы под Иваново, на тот самый легендарный объект 48, где содержалась армейская элита Германии, Венгрии, Италии и Японии. Здесь побывали даже родственники японского императора. И это было наиболее тревожное время для русских эмигрантов, вернувшихся из Маньчжурии, в том числе и переводчиков, удостоенных офицерских погон. И если бы не эти несколько лет, проведённых вдали от Хабаровска, кто знает, быть может, и Огородников разделит бы судьбу своих бывших земляков [22, с. 192–193]. Как следует из воспоминаний Г. Г. Пермякова, в это время были арестованы переводчики из Харбина Н. И. Касьян, А. И. Глазунов и Горохов (имя не установлено). Этот список можно продолжить. Тогда же были арестованы переводчики И. И. Гальперин, В. И. Горлинский, Б. С. Богданов, И. Г. Лернер. Все они были осуждены по различным пунктам статьи 58 УК РСФСР. В дальнейшем все были реабилитированы.

В октябре 1949 года Б. К. Огородникова назначают главным переводчиком в лагерь № 16, который славился тем, что собрал элиту Квантунской армии, связанную с разработкой диверсионной войны против СССР [29, с. 47]. Шла интенсивная работа по организации предстоящего судебного процесса в г. Хабаровске по делу 12 бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. Б. К. Огородников принимал в нём участие в качестве переводчика [33, с. 235].

В начале 1950-х годов Борис Константинович стал работать диктором на хабаровском иновещании для стран Северной Америки под псевдонимом «Борис Новиков» [29, с. 57]. В эти годы центр самых востребованных переводчиков переместился из УВД и прочих специфических органов в редакцию радиовещания на зарубежные страны, хотя тесная связь с органами не прерывалась. Из Москвы с тогдашней техникой невозможно было вести качественные передачи на Японию, Корею, Америку. Кроме того, в Хабаровске не было проблемы с кадрами. Переводчики прибыли из Харбина. Занимались этим делом военные, была создана спецгруппа, которая и организовывала пропагандистскую кампанию на названные страны [48, с. 1–2]. Одновременно с работой на иновещании Борис Константинович преподавал английский язык в пединституте, правда, для этого пришлось, наконец, получить высшее образование, которого он до сих пор не имел. Блестящее знание английского языка позволило ему это сделать всего за один год.

В советских фильмах 1980-х годов Б. К. Огородников играл нехороших американцев. В остросюжетном боевике «Одинокое плавание» ему досталась роль сотрудника ЦРУ, вальяжно развалившегося в шезлонге и рассуждающего о противостоянии двух великих держав — США и СССР. Снимался в документальном фильме «Плен дракона», снятом в 1996 году московской студией «Рост-5» и ныне известном лишь специалистам. В этой киноленте он делится своими

⁶ Более подробные биографические данные см.: Дело Огородников Б. К. // ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 34470. Л. 1.

воспоминаниями о встречах с экс-императором марионеточного государства Маньчжоу-Го Айсингёро Пу И [22, с. 194].

В Хабаровске Бориса Константиновича знали многие, как и то, что он работал диктором, и относились к нему с большим уважением.

Огородников всегда мечтал выбраться из Хабаровска в очень большой город и не раз предпринимал такие попытки. Сын Огородникова, Олег, 27 февраля 2007 года писал В. В. Иванову-Ардашеву, что его отец посылал резюме в Москву, Ленинград, Ригу, Ташкент и ещё куда-то. Но не получалось. И только благодаря его очень хорошему другу и учителю, ведущему диктору Московского радио, последние 20 лет своей жизни он проработал его коллегой [22, с. 192]. Имя этого друга неизвестно, но можно предположить, что это был бывший харбинец В. М. Ким (в то время он работал в Москве в отделе радиовещания Гостелерадио СССР).

Вадим Васильевич Болховитинов⁷

Вадим Васильевич родился 18 ноября 1922 года в Харбине, в семье купца первой гильдии. Отец, Василий Васильевич Болховитинов, родился 26 декабря 1886 года в городе Царицыне, на Волге [6]. Окончил Саратовское среднетехническое училище по химическому отделению, а также математический факультет в Бельгии. Во время Первой мировой войны был призван на фронт с четвертого курса электротехнического института. Воевал на французском фронте, в русском отряде, попал в плен к немцам. По установлению мира с Германией вернулся во Францию.

В 1919 году с группой офицеров прибыл на Дальний Восток и окончил Читинское военное училище (бывшее Оренбургское). В 1920 году с белой армией прибыл в Маньчжурию, а затем с частями атамана Семёнова — в Харбин. Здесь В. В. Болховитинов вместе со своей семьёй поселился на улице Черногорской, дом № 6, квартира № 2 (район Модягоу). Живя в Харбине, глава семейства поддерживал приятельские отношения с генералом Воскресенским, бывшим инспектором артиллерии у атамана Семёнова.

В 1920–1931 годах Василий Васильевич служил на КВЖД в службе телеграфа надсмотрщиком и чертёжником. В 1931 году вышел на пенсию и стал работать преподавателем в СМУ, в электромеханической лаборатории, приват-доцентом. Одновременно преподавал радио на курсах Христианского союза молодых людей (ХСМЛ).

В 1929 году Вадим был отдан учиться в школу К. П. Чесноковой, а через полгода переведён в железнодорожное училище, затем — в Хорватскую гимназию. В 1933 году он перешёл в

гимназию ХСМЛ и окончил её в 1938-м. В этом же году Вадим поступил в коммерческий колледж ХСМЛ на коммерческое отделение английского и немецкого языков и окончил его в 1941-м. Из этого учебного заведения вышли и другие переводчики, которые в 1945 году прибыли в СССР. Среди них — Б. Плотников, Л. Пенжукова, И. Медведева [46, с. 2].

В январе 1942 года Болховитинов поступил на первый курс коммерческого факультета СМУ и в 1944-м окончил его со званием «Ниппон — драгоман второй степени».

В 1945 году с группой переводчиков Вадим прибыл в Советский Союз. Принимал участие в Хабаровском процессе над японскими военными преступниками — переводил допрос обвиняемого Кадзизука Рюдзи, который с 1939 года занимал должность начальника санитарного управления Квантунской армии, непосредственно руководил работой отряда 731 [33, с. 44–48].

Фёдор Николаевич Сторожков⁸

Фёдор Николаевич родился 11 ноября 1920 года в Токио, в семье потомственного дворянина. Его отец, Николай Фёдорович [18], родился 16 ноября 1899 года в Санкт-Петербурге. В 1916 году он окончил Кадетскую роту и перешёл в гардемарин. В 1917-м был переведён во Владивосток и в ноябре ушёл на крейсере «Орёл» в заграничное плавание. В 1918 году, покинув крейсер в Гонконге, он уехал в Японию. В Токио Николай Сторожков служил при представительстве Главной артели при ликвидации военных заказов Русского императорского правительства в Японии. Служил в военно-российской агентуре г. Токио, в Русско-японском горнопромышленном обществе и учился в университете Кэйо (Токио). В 1932 году выехал в Харбин и с 1934-го служил переводчиком японского в Управлении Великого Харбина.

С трёхлетнего возраста Фёдор Сторожков был отдан на воспитание А. Д. Розвадовской (степень родства установить не удалось), которая проживала в г. Токио, и жил при ней и на её иждивении до 1939 года.

В 1928–1930 годах он обучался в Государственной народной школе г. Нагасаки. В 1930–1933 годах — в Государственной народной школе г. Хакато. В 1933–1938 годах — в Американской народной школе в г. Токио. В итоге Фёдор Николаевич в совершенстве овладел японским и английским языками.

В 1939 году Сторожков-младший прибывает из Японии в Харбин и сдаёт экстерном экзамены в гимназию имени М. А. Оксаковской. В 1940 году он поступает на политехнический факультет СМУ. Будучи студентом, Фёдор

⁷ Более подробные биографические данные см.: Дело Болховитинов В. В. // ГАХК Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 5067. Л. 2, 3, 3 (об.), 9, 10, 14, 17.

⁸ Более подробные биографические данные см.: Дело Сторожков Ф. Н. // ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 45608. Л. 1, 4.

каждое лето приезжал на каникулы к своей воспитательнице А. Д. Розвадовской.

Известно, что Ф. Н. Сторожков принимал участие в Хабаровском судебном бактериологическом процессе — переводил допрос обвиняемого Курусима Юдзи, бывшего санитар-лаборанта филиала № 162 отряда 731 японской Квантунской армии [33, с. 83–85].

Евгений Васильевич Цвилов⁹

Евгений Васильевич родился 18 ноября 1921 года в посёлке Куанченцзы, в Китае. Отец, Василий Петрович Цвилов (1883 года рождения), окончил Харьковское ремесленное училище. Был старшим унтер-офицером. В 1904 году его зачислили на службу в 4-й Заамурский железнодорожный батальон. Был награждён золотой и серебряной медалями «За усердие» и бронзовой медалью «В память о войне 1904–1905 гг.». После увольнения из армии остался на КВЖД. В 1923 году оставил службу на железной дороге с пенсией 60 золотых рублей.

Своё образование Евгений начал получать в 1928 году в 9-м поселковом училище, которое окончил в 1932 году. В этом же году семья переехала в Харбин. Жили в Сунгарийском городке (ул. Зейско-Атаманская, д. 16, кв. 1).

1 сентября 1932 года Евгений поступает в 1-е Русское вышеначальное училище на Пристань и оканчивает его в июне 1935-го.

С 1 сентября он продолжает обучение в 1-й Правительственной гимназии для российских эмигрантов, учреждённой Управлением Биньцзянской провинции, которую окончил в 1937 году.

2 мая 1938 года Е. В. Цвилов поступает в Государственный университет Кенкоку Дайгаку в Синьцзине. В 1942 году из-за болезни он вынужден взять отпуск на весь учебный год и с начала 1943-го возобновить учёбу там же, на 5-м курсе. 1 декабря 1943 года Евгений Цвилов выдерживает государственный экзамен на звание драгомана особой степени японского языка.

18 июня 1944 года он сдаёт государственный экзамен на звание кандидата чиновников высшего разряда. И 19 июня, на следующий день, оканчивает политико-административный факультет Государственного университета Кенкоку Дайгаку. Евгений Цвилов был прикомандирован к Государственной палате г. Синьцзина как кандидат на звание чиновника высшего разряда.

26 июня он поступил в институт Датун (высшая школа, где готовили кадры будущих руководителей государства)

[2, с. 80], который окончил 29 сентября этого же года. После получения диплома Е. Цвилова назначают в СМУ г. Харбина преподавателем японского языка.

Харбинская пресса внимательно следила за успехами русских студентов. Так, газета «Заря» от 18 января 1942 года в статье «Приезд студентов из столицы» сообщает: «В Харбине проводят каникулы прибывшие из Синьцзина русские студенты Государственного университета «Кенкоку Дайгаку», родители которых живут здесь. В числе их: Р. А. Северюков, С. А. Середкин, Е. В. Цвилов, А. П. Аболмасов, В. Н. Корнилов, В. Г. Щебеньков, В. Я. Лихачев, В. В. Чеусов.

Каникулы в Государственном университете продолжаются с 20 декабря по 25 января. До каникул были курсовые приемные экзамены.

На основной курс перешли пять студентов: А. П. Аболмасов, Н. П. Вторушин, В. Н. Корнилов, В. М. Петров и В. Г. Щебеньков. ...Студенты от своего каникулярного отпуска уделяют время для содействия Кио-Ва-Кай¹⁰ и Гл. Бюро эмигрантов в выпуске юбилейного сборника к 10-летию Манчжу-Ди-Го, занимаясь переводами с японского на русский язык ряда статей» [41, с. 9].

Газета «Время» от 19 октября 1944 года сообщала: «На днях в Харбин возвратились русские, окончившие Государственный университет «Кенкоку-Дайгаку» и институт «Да-Тун». В столице они получали подготовку на специальных курсах для кандидатов в государственные чиновники высшего разряда.

В. М. Петров, получивший назначение в Муданьцзян, Дуньмынское провинциальное управление, уехал к месту службы.

Новый сотрудник Центрального штаба Кио-Ва-Кай в Синьцзине Н. П. Вторушин прикомандирован к Биньцзянскому провинциальному штабу Кио-Ва-Кай и на днях приступает к исполнению своих обязанностей.

Б. Н. Корнилов, назначенный в Биньцзянское провинциальное управление, и В. Г. Щебеньков, новый чиновник харбинского городского управления, — зачислены на службу с 20 октября.

А. П. Аболмасов и Е. В. Цвилов уже приступили к своей работе в качестве лекторов Северо-Маньчжурского университета» [20, л. 16].

После окончания войны с Японией Евгения Васильевича приглашают работать в Советский Союз, и он приезжает в г. Хабаровск. Здесь Цвилов получает назначение в качестве переводчика на спецобъект № 45.

⁹ Более подробные биографические данные см.: Дело Цвилов Е. В. // ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 51292. Л. 1.

¹⁰ Неофашистская организация «Кио-Ва-Кай» — общество единения народов Маньчжурской империи, было создано 25 июля 1932 г. в г. Синьцзине спустя несколько месяцев после образования Маньчжоу-Го. Официально общественная, но по своей сути государственная организация «Кио-Ва-Кай» была образована японцами с целью упрочения их военной и политической власти в Маньчжурии.

Е. В. Цвилов принимал участие в Хабаровском процессе над японскими военными преступниками — переводил допрос обвиняемого Ямада Отозоо, который с 1944 года по день капитуляции японской Квантунской армии был главнокомандующим и руководил деятельностью специальных отрядов №№ 731 и 100 [33, с. 37–43].

Согласно воспоминаниям Г. Г. Пермякова, в дальнейшем Е. В. Цвилов стал помощником министра рыбной промышленности в Москве.

Алексей Пантелеймонович Катков¹¹

Фотография из семейного архива Кондрашевых.
Ю. М. Кондрашев и А. П. Катков (справа).

Алексей Катков родился 30 марта 1926 года в Харбине, в семье потомственного дворянина. Его отец, Пантелеймон Александрович, родился 27 июля 1892 года в г. Тюкалинске Тобольской губернии. Известно имя матери — Мария Михайловна Каткова (Ильницкая).

Отец окончил Саратовское военное училище, был направлен на Русско-германскую войну, в 139-й пехотный полк, младшим офицером.

В 1918 году его назначили заведующим хозяйственной частью в Тобольском пехотном полку. После его расформирования был переведён в Иркутский пехотный полк и оттуда откомандирован в Никольск-Уссурийскую часть, где пробыл до эвакуации 1922 года. Воевал в белой армии, в звании штабс-капитана. В августе 1922 года из Приморья через Гириин прибыл в Харбин и поселился по адресу: улица Конная, дом 69, квартира 8. Зарабатывал на жизнь в пекарне И. Г. Мезина.

В 1935 году Алексей поступает в 1-е Харбинское русское реальное училище (ХРРУ). В 1937 году учится в повышенной народной школе, которую окончил в 1938-м. В годы учёбы

Алексей вступает в организацию русских скаутов, из которой вышел в 1941-м из-за недостатка времени. В 1939 году он учится в 4-й Высшей народной школе (ВНШ) Бюро по делам русских эмигрантов, которую оканчивает в 1942-м.

В 1943 году А. П. Катков поступает на коммерческий факультет СМУ, на политехническом факультете которого уже учится его брат Александр [26, с. 76].

В своей повести «Снился мне город» Алексей Пантелеймонович приводит обстоятельства, при которых его и других переводчиков пригласили работать в Советский Союз: «...В университете появился майор госбезопасности. Позже мы узнали его фамилию — Язев. Он отбирал ребят для работы в качестве переводчиков японского языка. Укомплектовал несколько групп будущих переводчиков, в одну из которых попал и я, майор отправил всех специальным вагоном, с обеих сторон которого стояли вооружённые пограничники, в Хабаровск. Так мы без хлопот и с комфортом прибыли на свою Родину. Проезд по железной дороге был крайне затруднен. К нам в вагон ломились многие, но солдатики никого не пропускали. С удивлением смотрел я на пейзаж, когда мы пересекали границу: вот Китай, а вот — Россия. А за окном всё те же берёзки, полынь, лебеда, крапива, подорожник, так же в поисках пищи чирикают воробьи... В Гродеково под окнами вагона толпились люди и просили хлеба. Не пойму, почему это не трогало. В Хабаровске нас привели в столовую НКВД и накормили такими избыточно жирными щами с мясом, каких в Харбине мы давно не едали. И разместили нас в небольшой гостинице НКВД на улице Знаменщикова. Утром посмотрели, а перед нами не оставляющие сомнения окна тюрьмы. Вот смеху было, правда, с горчинкой» [26, с. 42–45].

Как сотрудник НКВД после краткой служебной подготовки в Хабаровске А. П. Катков был направлен в органы НКВД на Южный Сахалин, где тогда ещё обитали японцы, в качестве переводчика. Пять лет совместно со своими коллегами-переводчиками из Харбина пробыл он на острове. Вместе с ним работали Н. Вторушин [7], его жена Виктория и А. Протасов. В письме к Г. Г. Пермякову от 26 марта 1986 года он пишет: «...я там работал с губернатором Ооцу Тосие, с миллионером-лесопромышленником Эндо Макота и другими, оба окончили Оксфорд, но вряд ли были нашими друзьями, хотя держались корректно»¹².

Тёплые дружеские отношения связывали А. П. Каткова с Георгием Георгиевичем. В своей книге «Снился мне город» Алексей Пантелеймонович подчёркивал: «...есть в моей жизни "личность", определившая меня "в человеки". Это — Г. Г. Пермяков» [26, с. 91]. Далее он с теплотой вспоминает:

¹¹ Более подробные биографические данные см.: Дело Катков А. П. // ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 19792. Л. 1–10.

¹² Это письмо хранится в архиве дочери Г. Г. Пермякова, А. Г. Сумской.

«...если бы не курсы Пермякова, перед отправкой на Сахалин, не знаю, как бы применил свои разрозненные знания» [26, с. 92]. В письме к Пермякову от 6 мая 2001 года Катков пишет: «Двадцать раз ездил в Японию и всегда вспоминал, как ты нас, дураков, за один месяц поставил “на рельсы”»¹³. В своей книге «Снился мне город» он уточняет: «...Не всякий, кто учит, может быть учителем. Но Пермяков стал для меня таковым на всю жизнь. Хотя я частично относился к нему весьма критически. Почему? Мне казалось, что он обязан занять в Хабаровске какое-то ведущее административное положение, быть председателем творческого союза любого направления. Это могло быть филологией, литературой, географией — да очень многим. Таланты Пермякова неизмеримы» [26, с. 92].

В 1951 году А. П. Катков поступает в Хабаровский педагогический институт на отделение физического воспитания, так же как и его друг, харбинский переводчик Юрий Кондрашов. В дальнейшем Алексей Катков стал профессором кафедры физического воспитания и спорта Дальневосточного государственного университета путей сообщения, взрастившей сотни спортсменов-легкоатлетов. Особой гордостью Каткова был Александр Барышников — бронзовый призёр Олимпиады 1976 года в Монреале [47, с. 1].

Борис Никифорович Корнилов¹⁴

Борис Никифорович родился 30 декабря 1920 года на станции Пограничной (ст. Гродеково на КВЖД) [11]. Его отец, Никифор Афанасьевич, дворянин, родился 8 марта 1894 года в г. Елабуге Вятской губернии. В 1915 году окончил 4-ю Петергофскую школу прапорщиков и подготовительные курсы для младшего офицера при штабе Второй армии в г. Несвиже (ныне — Республика Беларусь). После Октябрьской революции 1917 года служил в рядах 8-й Камской дивизии у адмирала Колчака — командовал пехотной ротой в звании подполковника. Награждён орденами Святого Станислава 3-й степени и Святой Анны 3-й степени, орденом «За Великий Сибирский поход».

В 1923 году семья Корниловых прибыла через Гирин в Маньчжурию. В Харбине проживали по адресу: район Частный затон, улица Шун Жи Цзе, 39. Отец служил в Речном участке департамента полиции г. Харбина.

Борис начал своё обучение в восемь лет. С 1928 по 1935 год учился в 3-й Начальной школе г. Харбина. В 1935 году поступает в Правительственную гимназию г. Харбина, которую окончил в 1937-м. На следующий год поступает

на коммерческий факультет СМУ г. Харбина. 23 января 1939 года приезжает в Синьцзинь, где поступает в Государственный университет Кенкоку Дайгаку.

С группой переводчиков Б. Н. Корнилов прибыл в Советский Союз и принимал участие в Хабаровском военном процессе — переводил допрос обвиняемого Сато Сюдзи, который с 1941 по 1943 год являлся начальником отрядов «Нами» и «Эй», а с 1944-го был начальником санитарной службы 5-й армии, входящей в состав японской Квантунской армии, руководил деятельностью филиала № 643 отряда 731 [33, с. 72–73].

Анатолий Николаевич Протасов¹⁵

Анатолий Протасов родился 1 апреля 1924 года в г. Харбине [16]. Его отец, Николай Захарович [17], был родом из Рязанской губернии, работал машинистом в пароходстве Мантецу. Мать — Татьяна Фёдоровна Протасова. Проживали в Харбине по адресу: Частный затон, улица Дян-Пин, 35.

В 1912–1914 годах Николай Захарович проходил машинную школу ВМФ в крепости Кронштадт, которую окончил унтер-офицером. В 1915 году его переводят с Балтики в Амурскую речную флотилию. 8 февраля 1918 года большевики ставят флот на вольнонаёмное начало, и он переходит на сторону красных. Как следует из его характеристики, данной БРЭМ, Н. З. Протасов занимает должность «товарищ председателя Совдепа», член крайкома, вместе с Губельманом¹⁶, Краснощёковым¹⁷ и другими. Военный комиссар Протасов — организатор Красной Армии и начальник лагеря военнопленных на Красной Речке (пригород Хабаровска), в котором 25 000 человек. Однако в 1920 году он вместе с белой армией перебирается из Хабаровска в Харбин, где вступает в русскую фашистскую партию (РФП). В 1933 году он был исключён из её рядов за расшатывание рядов партии, за ряд противофашистских выступлений.

Отец Анатолия был личностью неординарной. Он обладал сильным и независимым характером. Николай Захарович всегда имел своё мнение независимо от политической обстановки. Вот как о нём написал в деле БРЭМ неизвестный информатор: «...Николай Захарович ярче показывает свою физиономию и открыто выступает против фашистской партии и ее руководителей, особенно

¹⁵ Более подробные биографические данные см.: Дело Протасов А. Н. // ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 39215. Л. 1, 7, 13.

¹⁶ М. И. Губельман (1883–1968) — революционер, публицист, партийный и профсоюзный деятель, член Общества политкаторжан. Член РСДРП с 1902 г. Входил в состав Дальбюро ЦК РКП(б). Член Военного совета Дальневосточной Республики, который возглавлял В. К. Блюхер. Член правительства ДВР.

¹⁷ А. М. Краснощёков (1880–1937) — член Дальбюро ЦК РКП(б) (1920–1921), председатель правительства и министр иностранных дел Дальневосточной Республики.

¹³ Это письмо хранится в архиве дочери Г. Г. Пермякова, А. Г. Сумской.

¹⁴ Более подробные биографические данные см.: Дело Корнилов Б. Н. // ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 22891. Л. 1–10.

в данный момент. 28 января (1934) превзошел все рамки. Когда соратница-сборщица пришла в его дом, по сбору продуктов для чашки чая, устраиваемой судоходцами, по случаю открытия отделения Русского клуба и поднятию Национального флага, Протасов с апломбом и наглостью заявил, что фашисты везде и всюду разрушают и срывают общественную работу. Выявил себя сторонником советчиков, заявляя, что советчики куда лучше эмигрантов. О подъеме же флага над зданием клуба нагло заявил, что он может повесить флаг и это стоить ничего не будет, а вы устраиваете молебны, чтобы пожрать. ...Работа Протасова явно направлена против партии и ее руководителей» [17].

Анатолий унаследовал от отца сильный и волевой характер, что в дальнейшем помогло ему добиться значительных успехов в жизни, в спорте.

В 1935 году он окончил начальную школу. В 1937-м — вышеначальное училище¹⁸, в 1940-м — Высшую народную школу.

В 1941 году он поступил на политехнический факультет СМУ и в том же году перешёл в Харбинский медицинский институт.

Военную подготовку проходил в гимназии, в СМУ (один год) и в медицинском институте.

Участвовал в общественной работе Кио-Ва-Кай, Тонари-гуми¹⁹, молодёжных кружках.

С группой переводчиков А. Н. Протасов прибыл в Советский Союз. Вместе с ним приехала его жена, переводчик японского языка Татьяна Николаевна Кукс. Анатолий Николаевич начал служить в Хабаровске и бывал в командировках на Сахалине. Принимал участие в Хабаровском процессе — переводил допрос обвиняемого Такахаси Такацу, бывшего начальника ветеринарной службы японской армии, химика-биолога, генерал-лейтенанта [33, с. 48–53].

С юношеских лет Анатолий Николаевич увлекался спортом. А. П. Катков вспоминал о нём так: «...Толя Протасов из “правилки” [Первая правительственная гимназия] никому не проигрывал стометровку» [26, с. 45]. Это увлечение спортом предопределило его дальнейшую судьбу. В 1946 году Анатолий Протасов стал победителем чемпионата Хабаровского края в беге на 100 метров. Через год на этой же дистанции выиграл чемпионат России. Затем занимался прыжками в длину, установил несколько краевых рекордов. Он стоял у истоков первой в крае спортивной школы по лёгкой атлетике — ДЮСШ № 3, в которой работал директором. Был заслуженным тренером СССР. Подготовил 21 мастера спорта, в том числе 6 мастеров спорта международного класса.

¹⁸ Система среднего образования в начале 1940-х гг. в Маньчжоу-Го была многоступенчатой. 1-я ступень — начальная школа (4 класса), 2-я ступень — вышеначальное училище (3 класса), 3-я — гимназия (4 класса).

¹⁹ Тонари-гуми — общество соседской взаимопомощи, общественная организация государства Маньчжоу-Го.

Деятельность Анатолия Николаевича Протасова была многогранной. После выхода на заслуженный отдых он посвятил себя преподаванию японского языка, подготовке учебных пособий, занимался переводами.

Святослав Витальевич Неверов²⁰

Святослав Неверов родился 5 февраля 1924 года в г. Харбине. Его отец, Виталий Тимофеевич, работал бухгалтером оптовых складов, а также бухгалтером в обществе автобусов. Семья проживала в Харбине по адресам: улица Казачья, дом 43, квартира 7, затем — район Чинхе, улица Чеховская, дом 16 [12].

В 1932–1935 годах Святослав начал своё образование в 5-й городской школе. После поступил в вышеначальное училище, что на Артиллерийской улице, окончил его в декабре 1937 года. Потом было обучение в 1-й Правительственной гимназии (1937–1939 гг.) и на коммерческом факультете СМУ, который окончил в 1942 году, получив специальность «конторщик, кандидат коммерческих наук». Затем поступил на работу в университет в качестве преподавателя японского языка.

22 ноября 1942 года получил должность чиновника в государственно-коммерческо-промышленном кооперативном банке.

После окончания войны с Японией С. В. Неверов с группой переводчиков прибыл в Советский Союз (1945 г.) и получил назначение на спецобъект № 45, где проработал непродолжительное время.

Как переводчик принимал участие в Токийском процессе. 17 сентября 1946 года в Токио доставили троих свидетелей из числа японских военнопленных: бывшего начальника железнодорожных перевозок Квантунской армии генерал-лейтенанта Кусаба Тацуми, бывшего служащего штаба Квантунской армии подполковника Сэдзима Рюдзоо, бывшего заместителя начальника штаба Квантунской армии генерал-майора Мацумура Тококацу. Они дали согласие помочь советскому обвинению и своё слово сдержали [42]. В этой группе, по воспоминаниям Г. Г. Пермьякова, переводчиком был С. В. Неверов.

Осенью 1946 года Святослава Витальевича перевели в Красногорский лагерь № 27 (Подмосковье).

О том, как сложилась его дальнейшая судьба, удалось узнать из некролога, опубликованного в журнале «Проблемы Дальнего Востока» (№ 5 за 1991 г.): «К любимой работе — преподаванию японского языка ему удалось вернуться в ноябре 1948 года на кафедре японского языка Московского института востоковедения».

²⁰ Более подробные биографические данные см.: Дело Неверов С. В. // ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 32992. Л. 1, 4, 15.

дения, которой руководил академик Н. И. Конрад. В 1951 году Святослав Витальевич окончил экстерном японское отделение этого института. С 1954 года и до последних дней он продолжал преподавательскую работу в МГИМО МИД СССР. Защитил кандидатскую диссертацию, посвященную иноязычным заимствованиям в японском языке, а затем докторскую «Основы культуры речи современной Японии» (1975). Еще до защиты докторской диссертации, в 1972 году — Святослав Витальевич был удостоен Государственной премии за участие в составлении двухтомного «Большого японо-русского словаря» (1970). Святослав Витальевич не замыкался в сфере чисто научных исследований, он продолжал активную переводческую работу, в том числе в качестве синхронного переводчика на высшем уровне» [34].

Один из переводчиков-харбинцев — Алексей Катков, вспоминал: «В послевоенные годы наша страна нуждалась в квалифицированных переводчиках, но их не было. На выручку были приглашены харбинцы, не очень подготовленные к практической работе. Среди них были и крупные специалисты, посвятившие жизнь языку. Это известные в крае Н. Вторушин, Г. Пермяков и быстро затребованный Москвой С. Неверов» [25]. Тепло и с уважением А. П. Катков отзывался о С. В. Неверове: «Мне кажется, что из всех бывших эмигрантов именно Слава в науке добился большего успеха» [26, с. 42].

В своей книге «Снился мне город» Катков так написал о его кончине: «Смерть Святослава Витальевича Неверова в Москве, 14 июня 1991 г., после тяжелой операции, была ударом для всех, кто знал этого скромного, всегда внимательного человека. Ведь ему было только 67 лет» [26, с. 42].

Юрий Михайлович Кондрашев²¹

Юрий Кондрашев родился 15 января 1926 года в г. Харбине. Его отец, Михаил Степанович [9], родился 19 декабря 1894 года в г. Благовещенске. В 1914 году был призван в 3-ю роту Заамурского железнодорожного учебного батальона. Далее был назначен на станцию КВЖД рядовым.

До службы в 1912–1913 годах Михаил Степанович ходил на пароходе «Геркулес» помощником капитана. В Харбине он управляет делами своего брата Ефима, который уехал в Америку, в Сан-Франциско. Проживал по улице Биржевой, дом 104, квартира 2.

В 1933–1936 годах Юрий Михайлович обучался в Харбинском общественном коммерческом училище. В

1936–1939 годах — в 1-м реальном училище г. Харбина. После — в Харбинской русской школе языкознания, которую окончил в 1942 году.

В 1942–1945 годах обучался на политехническом факультете, а затем на коммерческом отделении СМУ.

Свидетельство об окончании Харбинской русской школы языкознания.

В 1945 году с группой переводчиков прибыл в Советский Союз через станцию Пограничную, на спецобъект № 45, где Г. Г. Пермяков «подтягивал» прибывшим переводчикам японский язык. По воспоминаниям его дочери Л. Ю. Фёдоровой, Юрий Михайлович служил в лагере № 16. В основном занимался письменными переводами различных документов с японского языка, так как было много бумаг, которые были присланы из Москвы и Токио.

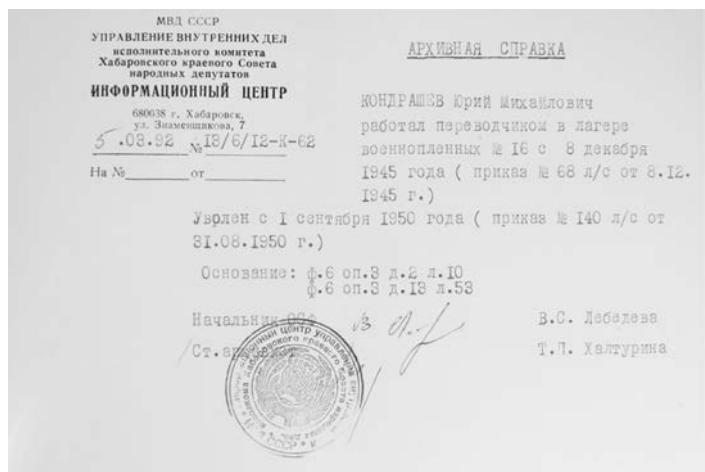

Свидетельство Северо-Маньчжурского университета.

После увольнения из органов МВД СССР в 1950 году Юрий Михайлович поступил в Хабаровский педагогический институт по направлению «физическое воспитание, анатомия и физиология человека». Учёбу в вузе он окончил с отличием, ему была присвоена специальность «учитель средней школы». Преподавал физкультуру в хабаровской школе № 56, в которой некоторое время проживал со всей своей семьёй. Работал в школах №№ 29 и 71.

Долгие годы преподавал физкультуру в Хабаровском институте инженеров железнодорожного транспорта (ныне

²¹ По паспорту Кондрашев. В некоторых источниках встречается Кондрашов. Более подробные биографические данные см.: Дело Кондрашев Ю. М. // ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 22368. Л. 1, 18, 24.

Справка из информационного центра.

Дальневосточный государственный университет путей сообщения), где заведующим кафедрой физического воспитания был его харбинский друг А. П. Катков.

Виктор Макарович Ким

Виктор Макарович родился 23 декабря 1926 года в г. Владивостоке. В Харбин попал с родителями в годовалом возрасте. Отец поступил работать на КВЖД, на станцию Яомынь. В то время там не было русской школы, и Виктор стал учиться в японской, что дало ему возможность овладеть японским языком в совершенстве. Среднее образование после соответствующей подготовки он получил в Харбине. В 1941 году поступил в Харбинскую школу языкознания, в 1944-м стал студентом СМУ.

Когда после капитуляции Японии университет был закрыт, Виктор Ким был востребован как переводчик — вначале при разных организациях Красной Армии в Харбине, а затем выехал в СССР для работы в лагерях для японских военнопленных (проработал до 1951 г.). Здесь он встретился с Клавдией Георгиевной Димовой, тоже выпускницей школы языкознания и переводчицей японского языка. В 1947 году они соединили свои судьбы.

В. М. Ким принимал участие в Хабаровском бактериологическом процессе в качестве переводчика.

С 1952 по 1957 год работал референтом в Хабаровском краевом отделении ТАСС, затем в Хабаровской редакции радиовещания. С 1970 года как специалист высокой категории он был переведён в Москву, в отдел радиовещания Гостелерадио СССР [43, с. 7].

В 1950 году ГУПВИ стали сокращать — японцы возвращались на родину. В органах МВД остались единицы из числа тех харбинских переводчиков, кто когда-то вернулся в СССР [40]. Другие вернулись к своим прежним пристрастиям, как, например, Анатолий Протасов — известный спортсмен. Н. Вторушин, служивший переводчиком на Сахалине, работал в Хабаровском краевом отделении ТАСС [48], стал членом Союза журналистов СССР. В. Ким был диктором на иновещании и, по мнению заместителя руководителя Хабаровской службы иновещания Л. Панченко, в то время Виктор Макарович был номером один среди тогдашних комментаторов на иновещании. Вполне понятно, что спустя годы он принимал участие в переговорах президента России Б. Ельцина и премьер-министра Японии [40]. Кому-то удалось найти место в Москве, иные растворились в десятках сторонних профессий. И неудивительно, ведь большинство молодых харбинцев, вернувшихся в Россию, стали профессиональными японистами волею случая. Да ещё благодаря военно-политической обстановке. Именно она привела к тому, что по числу знатоков японского на душу населения Хабаровск даже превзошёл столицу. По мнению самих харбинцев, он стал чуть ли не самым «японизированным» городом СССР. Таким северным филиалом Страны восходящего солнца.

Впрочем, иные знатоки истории современности не склонны преувеличивать роль харбинцев в развитии японского языка на Дальнем Востоке: их деятельность была слишком мимолётна и специфична... И всё-таки одно можно сказать наверняка: ярких звёзд в той обойме было более чем достаточно. И пусть не глобальный, но частный интерес они, их судьба, бесспорно, представляют [40].

Список использованных источников

1. Бобин, О. Осколок Российской империи / О. Бобин // Родина. — 1995. — № 2. — С. 29–36.
2. Великая Маньчжурская Империя : к десятилетнему юбилею (1932–1942) — Харбин : изд. Гос. органа Кио-ва-кай и Гл. Бюро по делам рос. эмигрантов в Маньчжур. империи, 1942. — 416 с.
3. В Государственном университете // Заря. — 1941. — 13 окт. (276). — С. 3.
4. Воспоминания о Северо-Маньчжурском университете и Коммерческом институте // Политехник. — Сидней, 1979. — № 10. — С. 33–35.
5. Дело Болховитинов В. В. // Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 5067. Л. 2, 3, 3 (об.), 9, 10, 14, 17.
6. Дело Болховитинов В. В. // ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 5068. Л. 1, 2 (об.), 4–7.
7. Дело Вторушин Н. П. // ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 8956. Л. 1–3.
8. Дело Катков А. П. // ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 19792. Л. 1–10.
9. Дело Кондрашев М. С. // ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 22364. Л. 2, 7, 12, 15.
10. Дело Кондрашев Ю. М. // ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 22368. Л. 1, 18, 24.

11. Дело Корнилов Б. Н. // ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 22891. Л. 1–10.
12. Дело Неверов С. В. // ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 32992. Л. 1, 4, 15.
13. Дело Огородников Б. К. // ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 34470. Л. 1.
14. Дело Пермяков Г. Г. // ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 36344. Л. 34, 43.
15. Дело Пермяков Г. Н. // ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 36345. Л. 1, 7, 8.
16. Дело Протасов А. Н. // ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 39215. Л. 1, 7, 13.
17. Дело Протасов Н. З. // ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 39218. Л. 1.
18. Дело Сторожков Н. Ф. // ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 45607. Л. 1, 4.
19. Дело Сторожков Ф. Н. // ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 45608. Л. 1.
20. Дело Цвилов Е. В. // ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 51292. Л. 1, 16.
21. Докладная записка начальника Управления НКВД по Хабаровскому краю. // ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 2914, прил. 1.
22. Иванов-Ардашев, В. В. И останется слово / В. В. Иванов-Ардашев. — Хабаровск : Дал. Вост., 2017. — 208 с.
23. Иванов-Ардашев, В. В. Судьба переводчика : (о тех, кто вернулся с чужбины) / В. В. Иванов-Ардашев // Вестн. Приамур. ист.-родовед. о-ва / Хабар. краевед. музей им. Гродекова. — 2009. — № 2. — С. 34–39.
24. Катков, А. П. Альма-Матер — Харбинский политехнический / А. П. Катков // Тихоокеан. звезда. — 1996. — 23 июля (№ 144). — С. 3.
25. Катков, А. П. Вспоминаю страну Хайку / А. П. Катков // Тихоокеан. звезда. — 2001. — 6 апр. (64). — С. 7.
26. Катков, А. П. Снился мне город : повесть, воспоминания / А. П. Катков. — Хабаровск : ДВГУПС, 2007. — 119 с.
27. Кио-ва-кай // ГАХК. Ф. Р-831. Оп. 1. Д. 13. Л. 21–23, 51.
28. Кио-ва-кай // ГАХК. Ф. Р-831. Оп. 2. Д. 14. Л. 5.
29. Константинов, Г. Д. Последний император Китая в СССР / Г. Д. Константинов. — Хабаровск, 2011. — 404 с.
30. Кузьминых, А. Л. Система ГУПВИ НКВД — МВД СССР : (генезис, эволюция, распад (1939–1953) [Электронный ресурс] / А. Л. Кузьминых // Бесплатная электронная библиотека — Научные публикации. — Режим доступа: <http://os.x-pdf.ru/20raznoe/452342-1-a-kuzminih-sistema-gupvi-nkvd-mvd-sssr-genezis-evolyuciya-rasp.php>.
31. Кузьмина, М. Плен. Японские военнопленные в Хабаровском крае / М. Кузьмина. — Комсомольск-на-Амуре : Изд-во Комсом.-на-Амуре гос. пед. ин-та, 1996. — 156 с.
32. Лавренцов, А. П. Пять лет из жизни последнего императора / А. П. Лавренцов // Тихоокеан. звезда. — 1997. — 13 февр. (№ 28). — С. 3.
33. Материалы судебного процесса по делу бывших военнотружущих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. — Москва : Политиздат, 1950. — 538 с.
34. Неверов С. В. 1924–1991 : [некролог] // Проблемы Дальнего Востока. — 1991. — № 5. — С. 182–183.
35. Никитин, В. Апокалипсис огненной эпохи. Трибуналы в Токио и Хабаровске (1946–1948, 1949 годы) / В. Никитин // Приамур. ведомости. — 2010. — 1 сент. (№ 129). — С. 5.
36. Пасынков, И. Н. Жизнь, отданная людям / И. Н. Пасынков // На сопках Маньчжурии. — 2008. — № 147 (нояб.). — С. 2.
37. Пермяков, Г. Г. Голгофа русича / Г. Г. Пермяков // Дальневост. ученый. — 2003. — 14 нояб. (21).
38. Пермяков, Г. Г. Тайная миссия «царь-группы» / Г. Г. Пермяков // Тихоокеан. звезда. — 2001. — 1 июня (№ 100). — С. 6.
39. Пермяков, Г. Г. Император Пуи. Пять лет вместе / Г. Г. Пермяков // Рубеж. — 2003. — № 4. — С. 279–308.
40. Позднеева, С. В. Иногда Хабаровск становится частью Японии / С. В. Позднеева // Тихоокеан. звезда. — 2000. — 26 февр. (№ 38). — С. 2.
41. Приезд студентов из столицы // Заря. — 1942. — 18 янв. (№ 14). — С. 9.
42. Руднев, В. Японские военнопленные на стороне советского обвинения (неизвестные страницы Токийского процесса) / В. Руднев, А. Иллеш // Известия. — 1993. — 29 мая (№ 100).
43. Смирнов, Г. Немного о прошлом / Г. Смирнов // На сопках Маньчжурии. — 2009. — № 150 (февр.). — С. 6.
44. Сутулов, В. А. Нашим офицерам и солдатам китайцы бурно аплодируют / В. А. Сутулов // Воен.-ист. журн. — 1996. — № 1. — С. 17–21.
45. Таскина, Е. Русские из Китая. Судьбы репатриантов 40–50-х годов 20 века / Е. Таскина, И. Мухин // Проблемы Дал. Вост. — 2009. — № 2. — С. 91–100.
46. Таскина, Е. Колледж ХСМЛ (к 80-летию основания) / Е. Таскина // На сопках Маньчжурии. — 2010. — № 163 (авг.-сент.). — С. 2.
47. Утренний звонок А. Каткову // Тихоокеан. звезда. — 1996. — 30 марта (№ 66). — С. 1.
48. Шабанов, А. Я лично посадил японского принца в русскую ракету / А. Шабанов // Тихоокеан. звезда. — 1996. — 13 апр. (№ 76). — С. 1–2.
49. Чернявский, А. Капитуляцию неприятелю объявила женщина / А. Чернявский // Тихоокеан. звезда. — 2007. — 31 авг. (№ 165).
50. Чеусов, В. В. Три жизни Севы Чеусова / В. В. Чеусов // На сопках Маньчжурии. — 1999. — № 62 (март). — С. 5.

Фотографии предоставлены автором.
Материал поступил в редакцию 18.12.2018 г.

Сведения об авторе: Плискина Валентина Николаевна, член клуба «Краевед» (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: valentinapliiskina@mail.ru; тел. 8-914-156-65-02.

ГАВРИЛОВА НАТАЛЬЯ СЕРГЕЕВНА

ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЕ И ЗАНИМАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ ИЗ ИСТОРИИ КАМЧАТСКОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ (1934–1939 гг.)

Статья написана на основе материалов, опубликованных в номерах газеты «Камчатская правда» в 1934–1939 годах. Авторский замысел заключался в выявлении и публикации малоизвестных фактов из истории здравоохранения Камчатки и санитарно-гигиенических условий быта жителей полуострова. Статья содержит информацию о проведении первых опытов переливания крови, обезболивания родов, об открытии в Петропавловске-Камчатском физиотерапевтического и рентгеновского кабинетов, санитарно-гигиенической лаборатории, организации скорой помощи, а также о возникновении кузницы медицинских кадров — Петропавловской школы среднего медперсонала.

Ключевые слова: Камчатка, Петропавловск, 1930-е годы, здравоохранение, больница, аптека, врач, фельдшер, медицинская сестра, переливание крови, рождаемость, обезболивание.

Keywords: Kamchatka Peninsula, Petropavlovsk, 1930s, medical care, hospital, pharmacy, doctor, feldsher, nurse, blood transfusion, birth rate, anesthesia.

Главным печатным органом Камчатки более полувека была газета «Камчатская правда»¹, которая издавалась в период с 1931 по 1996 год. Сегодня страницы этого периодического издания могут рассказать многое о тех временах: об организации быта и общественной жизни, о достижениях в науке и технике, о школах и больницах... Как и чем лечились камчатцы? Что продавали в аптеках? Где учились на медицинского работника?.. Сегодня издание находится на хранении в фондах Камчатского краевого объединённого музея, Государственного архива Камчатского края и Камчатской краевой научной библиотеки имени С. П. Крашенинникова (г. Петропавловск-Камчатский).

Как на Камчатке донорство зарождалось

Впервые в истории камчатской медицины переливание крови состоялось 17 августа 1934 года. Его провели врачи Петропавловской городской больницы Фёдорова и Швецова. Через два дня состоялась повторная процедура. Первыми донорами стали медсёстры К. С. Пучкова и А. В. Гусаревич. Переливание крови — новейшее достижение медицины — теперь было освоено и на самой отдалённой окраине Советского Союза.

Работа по определению группы крови жителей Петропавловска развернулась незамедлительно. Со страниц «Камчатской правды» врачи призывали горожан сдать кровь на анализ в лаборатории горбольницы ежедневно с 12 до 15 часов. Первыми свою группу крови узнали работники здравоохранения и милиционеры [6].

Успешные опыты переливания крови позволили спасти жизни тысячам камчатцев. Так, удалось вырвать из лап смерти пациентку с открывшейся язвой желудка. Ночью 16 августа 1939 года в больницу поступила истекающая кровью пятидесятилетняя Т. Ф. Либлик. У неё уже почти не прощупывался пульс... За полчаса она потеряла литр крови. В эту ночь на скорой вместе с врачом дежурили курсанты, прикомандированные к городскому военкомату, — Беликов, Савин и Мирошниченко. Они сразу же предложили сдать кровь для помощи больной. Нужная группа оказалась у Беликова. Хирург Магидсон взял у курсанта четырёхста «кубиков», благодаря чему пациентка была возвращена к жизни. Нельзя не отметить и помощь инженера городской электростанции Биллера. В одиночестве, без рабочих, он дежурил на станции и обеспечивал энергией операционную [11].

¹ 28 февраля 1918 года на Камчатке стала выходить газета «Известия Петропавловского городского Совета рабочих и солдатских депутатов». Впоследствии эта дата стала считаться днём рождения газеты «Камчатская правда», хотя это название издание обрело 22 января 1931 года.

Как камчатцы на свет появлялись

*Здание городской больницы.
Петропавловск-Камчатский, 1930-е годы.*

В марте 1936 года врач Петропавловской городской больницы Арсентьев провёл первые опыты по обезболиванию родов на Камчатке. В начале года передовицы центральных газет сообщали о положительных результатах массового обезболивания родов в Свердловском акушеро-гинекологическом институте. Воодушевившись опытом коллег, врач решился на отважный шаг. Заручившись поддержкой ординатора Прокопенко и трёх акушеров, Арсентьев приступил к процедуре, комбинируя методы обезболивания, разработанные профессорами Лурье и Вишневским. За шесть-семь часов до родов в кожу брюшной полости роженицы, а также в толщу промежности впрыскивался раствор новокаина. Через каждые полтора часа процедура повторялась. При появлении головки ребёнка на лицо роженицы накладывалась маска с эфиром или вводился кубик пантопола. Женщина рожала в полусне. Через два-три часа после родов женщина приходила в нормальное состояние, сонливость сменялась бодростью. За две недели опытов таким процедурам подверглись 20 рожениц, 13 из них совершенно не почувствовали боли. Арсентьев уверял, что благодаря такому новаторству «женщина освобождается

от тех мучительных болей, которыми она страдала веками и продолжает страдать в капиталистических странах, где обезболивание производится только среди привилегированных классов» [4]. В последующие полгода сотрудники родильного отделения горбольницы обезболили 196 родов. 25 мая 1937 года первый такой опыт был проведён на Чукотке. Здесь пионерами стали врачи Леонтьев и Кузьмина, избравшие в качестве подопытной чукчанку из селения Яндогай. Она родила десятифунтового мальчика (свыше четырёх килограммов) [25].

Врач Арсентьев делился результатами своей работы на страницах «Камчатской правды». Рассказал он и об уникальной пациентке. Через неделю после аборта женщина пожаловалась врачу на боли внизу живота и обильное кровотечение. Хирург определил внематочную беременность и назначил операцию. Больной грозила смерть. Во время хирургического вмешательства в брюшной полости обнаружили много крови, разорванную трубу яичника, в которой развивался плод. С другой стороны нашёлся ещё один плод. По словам врача, три плода были зачаты почти одновременно. Они были удалены, а пациентка пошла на поправку.

27 июня 1936 года вышло постановление ЦИК и СНК СССР «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи женщинам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатёж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах». Согласно постановлению производство абортов как в больницах и госпитальных лечебных учреждениях, так и на дому у врачей и на частных квартирах беременных запрещалось. За нарушение постановления врачу, проводившему операцию в стенах больницы, грозило от года до двух лет тюремного заключения. Если же операция производилась лицами, не имевшими специального медицинского образования, или в антисанитарной обстановке, уголовное наказание предусматривалось лишением свободы на срок не менее трёх лет. Беременные женщины, производившие аборт, в качестве наказания подвергались общественному порицанию, а при повторном нарушении закона — штрафу до трёхсот рублей (немалые деньги для того времени). Аборты допускались только в случаях, когда продолжение беременности представляло собой угрозу жизни или здоровью матери, а также при наличии передающихся по наследству тяжёлых заболеваний родителей.

В конце августа 1936 года хирург-новатор Арсентьев оказался на скамье подсудимых. Ему предъявили обвинение по статье 109 УК и обвинили в проведении операций без необходимого медицинского освидетельствования, неверной постановке диагноза, неправильном назначении лечения, проведении операции по стерилизации женщин. Кроме

того, обвинение гласило: «Арсентьев пренебрежительно относился к новым течениям в медицине и препятствовал их применению». Этот пункт нам кажется просто невероятным: хирурга, положившего начало процедуре обезболивания родов на Камчатке, обвинили в устаревших методах работы!

Врач свою вину не признал. После опроса обвиняемого и свидетелей, «суд нашел необходимым переqualифицировать состав преступления подсудимого и осудил врача Арсентьева по статье 111 УК к условному лишению свободы на три года» [23]. О дальнейшей судьбе врача Арсентьева нам ничего не известно.

Следующий, 1937-й, год ознаменовался всплеском рождаемости на Камчатке. По сравнению с 1936-м она по Петропавловску-Камчатскому выросла вдвое. Ежедневно в родильном отделении городской больницы, имеющем семнадцать коек, появлялось по три младенца. Ещё двумя годами ранее отделение пустовало, сейчас же оно было переполнено. Здесь ежедневно пребывало не менее 24 рожениц! С 1 января по 1 октября 1937 года врачи Петропавловска-Камчатского приняли 454 родов. «Рожать в нормальных условиях, то есть на койке, у нас иногда не представляется возможным. Много женщин рожают на столе, а то и на стуле. После родов их перемещают на койки, но и здесь они себя чувствуют очень стеснительно, так как на этой койке уже лежит такая же роженица» [13]. Кроме того, в родильном отделении не имелось ни одного акушера, роды принимали специалисты хирургического отделения, к тому же, почему-то, не получавшие за это вознаграждения. Срок нахождения молодых мам в больнице сократили до трёх дней. Всё это требовало незамедлительного решения, для чего предлагалось поменять местами терапевтическое и родильное отделения. Это позволило бы разместить всех женщин, увеличив количество коек до тридцати. Однако большим препятствием в улучшении условий содержания пациентов стали бюрократические сложности.

В июне 1937 года в Петропавловск-Камчатский приехал врач-акушер М. И. Магидсон, назначенный облздравотделом заведующим родильным отделением. Условия же содержания молодых мам улучшились только через три месяца. 10 сентября их разместили в помещении терапевтического отделения, увеличив количество коек до тридцати четырёх. А всего по области родильных коек было сто десять. Персонал родильного отделения Петропавловской горбольницы старался создать комфортные условия для рожениц. Молодые мамы отмечали чуткое отношение к ним со стороны медицинских работников, полноценное и вкусное питание, но это не снимало главной сложности: температура в палате в феврале 1938 года не поднималась выше восьми градусов (!) [10].

Примерно в это же время над заготовкой комплектов стройматериалов для типового родильного дома и больницы

на шестнадцать коек для Большерецкого района трудились рабочие Оборского леспромхоза из Хабаровского края. Работы завершились весной 1939 года. В августе этого же года жители Большерецка должны были получить новые медицинские объекты [20].

В плачевном состоянии находилось здание женской консультации, которая работала уже несколько лет. От молодых женщин руководству больницы поступало немало жалоб. Например, учреждение не имело пеленального столика, поэтому пеленать ребёнка приходилось на составленных вместе табуретках. И всё бы ничего, да одна из них была выше другой! Кушетка в кабинете врача разваливалась на глазах [12]. Хотя тремя годами ранее, в преддверии Международного женского дня в 1934 году, при женских консультациях планировали провести конкурс за звание самого здорового и крепкого ребёнка. Попутно женщины могли поделиться секретами воспитания своих детишек, а самой заботливой мамочке была обещана денежная премия [9].

Увеличение рождаемости наблюдалось и в Елизово. В 1935 году здесь было зарегистрировано всего 12 родов, а в 1936-м — уже 72. За четыре первых месяца 1937 года родилось 26 детей (вдвое больше, чем за весь 1935 г.). Обезболивание родов пользовалось всеобщим признанием [7].

И всё же, несмотря на значительное улучшение условий, способствующих рождению детей, некоторые женщины рассматривали беременность как обременительную ношу. Приняв решение избавиться от плода, они обращались за помощью к «бабкам», проводившим кровавые процедуры. Одна из таких «душегубок» процветала на базе Тарья Авачинского рыбокомбината: кузнец (!) базы М. С. Чуховская проводила аборты в антисанитарных условиях, используя ржавый металлический инструмент. Одну из её клиенток 1 июля 1938 года доставили в горбольницу с заражением крови. Этот случай не остался незамеченным. Суд приговорил Чуховскую за нарушение закона к пяти годам лишения свободы. Двоих ребятшек этой горе-повитухи, шести и десяти лет от роду, по предложению облоно отправили в детский дом.

Петропавловский народный суд первого участка в сентябре 1938 года рассмотрел четыре случая самоабортов. Гражданкам Панкратовой, Селезнёвой, Пирожковой и Калиниченко суд вынес общественное порицание.

Какие лекарства принимали горожане

До 1936 года на всей территории Камчатки была одна-единственная аптека. Располагалась она в Петропавловске-Камчатском по адресу: улица Ленинская, дом 22, подчинялась Дальаптекоуправлению и носила № 45. В июле 1936 года аптеки открылись в Усть-Камчатске и

Большерецке. Пароходом на Камчатку прибыл специально обученный персонал.

Петропавловская аптека реализовывала значительную (для того времени) номенклатуру товаров:

— препараты института эндокринологии Наркомздрава РСФСР: аварикрин, оксикрин, мамлюкрин и проч.;

— предметы ухода за больными, санитарии и гигиены: мыло туалетное, вазелин, зубные щётки и футляры к ним, ногтечистки, грелки, соски, резиновые спринцовки, бритвы, мыльный порошок, освежитель дыхания «Сен-сен», детскую питательную муку, термометры, мигреновые карандаши, подкладные судна, светозащитные очки;

— препараты лечебного характера: аспирин, бромферон (заменитель йода), малину, чернику, фитин (в таблетках), нашатырный спирт, валериановые капли, слабительные средства: каскара-саграда, пурген, скипидар; цинковую и ихтиологовую мази, бороментол (от насморка), пивные дрожжи, предохранительные средства (контрацептин, пре-консоль), свечи против геморроя.

Продавались также предметы хозяйственного обихода, а камчатские модницы могли приобрести в аптеке губную помаду, духи, пудру, загадочные и многообещающие «сюрпризные коробки», крем для лица, глицерино-вазелиновые сливки и даже лак для ногтей.

«Если бы подсчитать, сколько в Петропавловск завозится и употребляется такого продукта гигиены, как зубной порошок, то можно было бы прийти в удивление от невероятного роста культурности населения» [21]. Но, как выяснилось, камчатцы скупали зубной порошок для того, чтобы... побелить стены. Известь и мел на полуостров не завозились, поэтому обыватели обходились подручными средствами. Они мешали порошок с мукой (правда, потолок потом начинал цвести и темнеть) или же, что гораздо лучше, — крахмалом, и приступали к обработке стен и потолков. Получалось, конечно, дороговато, но хозяйки для уюта денег не жалели. Обои же клеить не любили: под ними заводились клопы. Ну а хозяйственное мыло, необходимое для стирки белья, всё по той же причине плохой поставки, заменяли высшими сортами дорогого туалетного.

А пока жители города белили потолки и стены зубным порошком, медики Ичинской больницы вместо марли (даже при тяжелейших хирургических операциях) использовали бязь. Уже полтора года в здешней больнице не было ни марли, ни гигроскопической ваты, да и все остальные районные больницы снабжались лекарствами нерегулярно. Медикаменты и перевязочные средства завозились сюда один раз в два-три года! Лекарства прибывали в недостаточном количестве и ассортименте, их хватало только на семь месяцев, а дальше медперсонал вынужден был проявлять изобретательность и находчивость [5].

Как петропавловчане электрическим током лечились

Весной 1936 года в Петропавловской горбольнице заработал физиотерапевтический кабинет. Оборудование для него завезли в город и посёлок Ключи ещё в 1934 году. Но открыть кабинет смогли только через два года. Зато теперь захворавшие горожане могли оздоровиться при помощи... электрического тока. Проводился ряд процедур: гальванизация (воздействие постоянным током), ионизация (воздействие химическими веществами при помощи электричества), электролиз (вызывавший распад ненужных вредных для организма элементов) и другие. Давались и «соллюкс-токи» Д. Арсонваля (лечение переменным импульсным током). Пропускная способность кабинета — 130 человек в день. В будущем планировалось расширить список предоставляемых услуг, включив в него «горное солнце», диатермию и вибрационный массаж [26].

В июле 1936 года при поликлинике открылся рентгеновский кабинет. Специальная аппаратура для него ждала своего часа на складе более двух лет — не могли найти для неё пригодного помещения. В итоге некоторые части оборудования пришли в негодность, покрылись ржавчиной. Пострадал и распределительный щит, его пришлось создавать заново. Монтировали кабинет врач-рентгенолог В. И. Стратонович, его помощница О. П. Гуринова, инженер Нечаев и техник Тюшев. Рентгеновский кабинет стал подспорьем для врача, как необходимый элемент диагностики заболеваний внутренних органов и костных переломов. До этого процедуры «просвечиваний и снимков» камчатцы проходили во Владивостоке [1]. Использовать рентгеновские лучи в терапевтических целях пока не представлялось возможным из-за отсутствия дополнительной аппаратуры. Первый рентгенкабинет Камчатки не имел фотолaborатории, комнаты для ожидания пациентов, вентиляции. Кроме того, медперсонал и пациенты подвергались воздействию рентгеновского излучения, так как при строительстве и отделке кабинета не были использованы необходимые защитные материалы (баритовая штукатурка, листовой свинец). В конце апреля 1937 года в рентгенкабинете начались ремонтные работы: трудились над созданием фотолaborатории, систем изоляции и вентиляции.

В августе 1936 года в Петропавловске-Камчатском для комплексного исследования качества продуктов питания открылась санитарно-гигиеническая лаборатория. С этого времени санитарный надзор получил возможность проводить исследования продуктов «научным способом». Но повторилась история с рентгенкабинетом: оборудование лаборатории от долгого лежания на складе пришло в негодность. Благодаря героическому труду врача Алексеева некоторую его часть удалось привести в надлежащий вид.

Из шести автоклавов собрали только один, отремонтировали аналитические весы. Лаборатория занимала очень маленькую площадь, не соответствующую размахам будущей работы, кроме того, ощущалась острая нехватка химикалий и специальной посуды [19].

Как на Камчатке медицинские кадры ковались

Нельзя обойти вниманием значительное для многих будущих поколений камчатцев событие. 19 ноября 1936 года начались занятия в первой на Камчатке кузнице медицинских кадров — Петропавловской школе среднего медперсонала. Отдельного помещения школа не имела, приютилась в здании совпартшколы. Занятия шли вечером, с 17 до 23 часов. Газета «Камчатская правда» в осенних выпусках 1936 года поместила сообщение следующего содержания: «Камчатский областной отдел здравоохранения объявляет набор слушателей в двухгодичную государственную среднюю медицинскую школу. Прием заявлений производится ежедневно в часы занятий секретарем облздравотдела (здание облисполкома, комната № 15) до 10 ноября 1936 г. Время начала испытаний будет объявлено особо». Тут же приводились условия приёма. В школу брали лиц обоего пола, в возрасте от 16 до 30 лет, имевших образование в объёме не ниже школы-семилетки. Причём лиц, имевших оконченное среднее образование, а также выпускников семилетки зачисляли «без испытаний», которым подвергали всех остальных. Учащимся обещали стипендию «наравне с прочими учебными заведениями». Общежитие полагалось только иногородним. По окончании школы учащиеся должны были получить диплом медработника с окончанным средним образованием, то есть медсестры, акушерки, фельдшерицы-акушерки. Всех выпускников намеревались определить на работу только в пределах Камчатской области, в селения которой они были обязаны выехать немедленно по получении назначений.

Первый набор составил 33 человека, из них половина — представители коренных малочисленных народов Севера: ительмены, эскимосы, чукчи. Азы медицинской науки оказались тяжкими: на второй курс перешли только 18 учащихся, 11 были отчислены, троих оставили на повторный курс.

Школа не имела отдельной комнаты для самостоятельных занятий, достаточного количества наглядных и учебных пособий. К январю 1937 года учащиеся уже почти освоили латинский язык. План 1936/37 учебного года был выполнен на 42 процента. Следующий, 1937/38, учебный год проходил в помещении облздрава, позднее — в здании педагогического училища (ул. Красинцев). Для медицинской школы там выделили два класса.

Работники яслей Петропавловска-Камчатского. В центре — Анна Николаевна Верцинская, 1938 год.

Душой школы была её директор, молодой доктор — 28-летняя Анна Николаевна Верцинская. Выпускница-отличница Саратовского медицинского института, она приехала на Камчатку по командировке Наркомздрава в апреле 1936 года. По утрам она трудилась в детских яслях, где к своим обязанностям относилась с огромным вниманием и ответственностью. Малыши очень полюбили молодого доктора, делились с ней своими маленькими радостями и неудачами. С полудня Анна Николаевна вела приём детей в городской поликлинике, а вечернее время посвящала медицинской школе. Она ратовала за её развитие, улучшение условий обучения. Верцинская обращалась в крайздрав и президиум облизполкома с неоднократными просьбами о реорганизации школы медсестёр в фельдшерскую.

В январе 1938 года партийные органы одобрили её предложение. Новый титул школы утверждался пять месяцев. Директор и педагоги перестроили было всю программу занятий... Но, ссылаясь на отсутствие учебного помещения, Наркомздрав отклонил ходатайство. Однако Верцинская не сдавалась, и титул фельдшерской школы удалось отстоять. В 1938/39 учебном году здесь занимались уже 64 человека.

В июле 1939 года школа выпустила первые кадры квалифицированных собственных, камчатских, медицинских работников. Выпускники-отличники Мария Коренева и Нина Шелякина намечали продолжить обучение и после двух лет работы на участке собирались поступить в мединститут. Камчатцев-медиков обучали врач 2-го ранга санчасти Горбунов, врач-акушер-гинеколог Векина, фармаколог Каган, преподаватель физики Веселова, преподаватель истории Лопатина. За героический труд этим педагогам была объявлена благодарность.

Северные сёла Камчатки наконец стали получать подготовленные кадры медработников на шестимесячных курсах «рокковских» сестёр (Российского общества Крас-

ного Креста) из числа местного населения. Так, заметка «Национальные кадры медработников» сообщала о выпуске «медсестёр-националок» села Тигиль. На «отлично» в 1936 году обучение завершили Шмагина, Григорьева и Уксусникова, за что были премированы. Все выпускники были трудоустроены: пятерых направили в пункты первой помощи в оседлых и кочевых колхозах, одну — на фельдшерский пункт, ещё одну — в районную больницу [18].

Как врачи на страже здоровья стояли

Здравоохранение советской Камчатки развивалось, расширялась сеть медицинских учреждений, внедрялись новые методы лечения больных. Для сравнения приведём показатели 1934 и 1936 годов.

Строительство больницы в посёлке Индустриальном, 1936 год.

В 1936 году в Камчатской области насчитывалось 50 больниц, двумя годами ранее их было только 32, количество фельдшерских пунктов в 1936 году достигло 50, в 1934-м их было 33.

Значительно увеличилось и количество больничных коек: их стало 610 вместо 399. В 1936 году на страже здоровья жителей области стояли 86 врачей и 118 работников среднего медперсонала, а в 1934 году — 36 и 60 соответственно [15].

Большинство врачей стремилось работать в городе, но даже в областном центре условия их существования нельзя было назвать комфортными. Так, жизнь зубного врача Бененсона шла буквально без отрыва от производства. С утра он принимал больных, а вечером располагался в своём зубоврачебном кабинете на отдых, ночевал он также прямо на рабочем месте. Не лучше были условия и у врача Швецовой — специалиста по заразным болезням. Она жила в красном уголке больницы. Доктору Волгину повезло — его вместе с уборщицей столовой и инструктором Осоавиахима поселили в однокомнатную квартиру. А вот медработникам Казаковой, Гитлин и Клименко предоставили квартиры без окон, без печей и с протекающей крышей.

В июне 1934 года новую партию врачей, приехавших в Петропавловск на пароходе, встретили очень тепло и душевно. Сразу после прибытия пять медицинских работников

направились в баню. Близился вечер, баня закрывалась, но сердобольная уборщица разрешила женщинам помыться. В самый разгар водных процедур в дверь стали ломиться. Громкие крики администрации, грозившей вызвать милицию, вынудили женщин побыстрее завершить помывку. «Мокрые и залепленные мылом женщины бросились одеваться. Но милиция была уже вызвана и с доблестной поспешностью явилась на место происшествия. “Кого тащить?” — бодро спросили они. И злополучных работников науки поволокли в отделение. Только звонки в облздрав и предъявление документов спасли врачей от ожидавшего их ночлега в милиции» [24].

Воспитатели и медицинские сёстры яслей Петропавловска-Камчатского, 1930-е годы.

Алексеева, заведующий подотделом охраны материнства и младенчества облздравотдела, сообщала о неуклонно увеличивавшейся сети детских яслей. В 1934 году их было 45, а в 1936-м стало уже 87. Количество коек с 1 330 увеличилось до 1 935. Значительная часть яслей располагалась в палатках. К сожалению, специально оборудованных помещений для детских учреждений ещё не было. «Жители улицы Микояновской приводили своих детишек в ясли, размещенные в здании неполной средней школы им. Толстого. С началом учебного 1936/37 года ясли были закрыты. Управление АКО не смогло незамедлительно отреагировать на проблему и предоставить другое помещение. И теперь работники акционерного общества не знали, куда пристроить своих детей» [17].

Первые детские ясли на бескрайних просторах олюторской тундры открылись в июле 1936 года. Мамы-северянки поначалу побаивались отдавать своих малышей на воспитание русской женщине, но в скором времени они по достоинству оценили работу нового учреждения. Первыми воспитанниками яслей стали 11 ребятишек пастухов-коряков первого и второго табунов. В яслях дети получали вкусную и здоровую пищу, свежий хлеб, выпекавшийся в хлебопекарне при яслях. Детишки ежедневно принимали

Кормление детей в яслях. Петропавловск-Камчатский, 1930-е годы.

ванну. Поначалу и мамы, и малыши относились к купанию с недоверием, но потом очень быстро привыкли к водным процедурам. Детишки коряков стали носить не кожаную, а тканевую одежду. Ясли были организованы стараниями директора Олюторского оленеводческого совхоза.

Коряки устья реки Вывенки тоже радовались приятному сюрпризу. К ним в стойбище привели... корову. До этого момента северяне никогда не видели этих диковинных животных, не пробовали вкуса их молока. Бурёнку Красульку для коряцкого стойбища выделила ферма Олюторского райинтеграла. Из Тиличик её привёл парторг Лосев. Его супруга научила северян доить бурёнку. «Молоко пришлось корякам по вкусу. Теперь дети вывенских коряков пьют молоко Красульки» [8].

В августе 1937 года были опубликованы планы развития здравоохранения Камчатской области. Ожидалось, что к концу 1942 года территория покроется сетью новых родильных домов, фельдшерских пунктов, детских яслей, откроются новые больницы и курорты. Предусматривался рост коечной сети в три с лишним раза. Должно было увеличиться и число родильных домов. Предполагалось строительство школы медсестёр на 50 человек, семи крупных амбулаторий, областной поликлиники на 18 кабинетов, 18 женско-детских консультаций с молочными кухнями в райцентрах и комбинатах. Таким был план создания специальных лечебных учреждений в третьей пятилетке. По нему намечалось построить областную детскую амбулаторию в составе пяти кабинетов, областной вендиспансер, дезостанцию-пропускник, областной тубдиспансер и проч. В третьем пятилетнем плане было решено соорудить бальнеологический курорт на 100 мест в районе селения Малки и Начики на источниках нарзанного типа. В долине реки Камчатки тоже было запроектировано строительство санатория на 100 мест. А ведь до сего времени на полуострове не было даже небольшого курорта [3].

Как в Петропавловске-Камчатском скорая помощь появилась

В первых числах нового 1937 года облздравотдел организовал в Петропавловске-Камчатском самостоятельную скорую помощь. Пять врачей и две медицинские сестры заступили на круглосуточную вахту сохранения здоровья и жизни жителей города. В их распоряжение поступили специально переоборудованная автомашина и лошадь с повозкой. До этого времени неотложную помощь оказывали врачи больницы и поликлиники. Врачей вызывали по телефонному номеру 306 [22].

Жители села Малка, члены общества РОКК, обязались вырастить и выкормить к зиме 13 щенков для организуемой ими санитарной нарты Красного Креста [16].

Как душевнобольные больницу поджигали, а покойники за справками приходили

Всё чаще и чаще жители Петропавловска-Камчатского сталкивались с неадекватным поведением некоторых своих сограждан. Они, «буйнобольные» и помешанные, подлежали отправке на материк, в специализированное медицинское учреждение. Добираться туда предстояло на пароходе,

в сопровождении медработника. Но если капитан судна узнавал о таком возможном пассажире, он категорически отказывался брать на борт человека с «чудинкой». В горбольнице не было изолированного помещения, куда можно было бы поместить людей с больной психикой, поэтому их размещали в обычных палатах. Каких только сюрпризов не преподносили они своим соседям: то в порывах припадка кидались избивать их, то пытались поджечь здание. Ответственность была всерьёз обеспокоена такими инцидентами и ставила перед городским советом вопрос об устройстве специального барака для буйнобольных [2].

28 августа 1935 года Усть-Камчатское бюро записи актов гражданского состояния в приложенной к записи медицинской справке засвидетельствовало любопытный факт: «Дана сия справка Николаеву А. И. в том, что он болел декомпенсированным пороком сердца, туберкулезом легких и умер 27/VII-35 года в 5 часов 55 минут утра. Фельдшерница Шнейер». «В котором часу и когда явился покойный гражданин Николаев за этой справкой — неизвестно, но, во всяком случае, этот факт заслуживает внимание научного мира и в первую очередь, облздрави, руководящего подбором медицинских кадров на местах» [14].

Сейчас эти невыдуманные истории кажутся нам занимательными, а восемьдесят лет назад они были знаменательными для жителей нашего прекрасного и сурового края.

Список использованных источников

1. А. Д. Рентгеновский кабинет // Камчат. правда. — 1936. — 28 июля (№ 172).
2. Важный вопрос // Камчат. правда. — 1938. — 8 янв. (№ 6).
3. Вечтомов. Что надо сделать по здравоохранению // Камчат. правда. — 1937. — 14 авг. (№ 180).
4. Врач Арсентьев. Обезболивание родов // Камчат. правда. — 1936. — 4 апр. (№ 78).
5. Врач Дружинин. О руководстве районными больницами // Камчат. правда. — 1938. — 10 июня (№ 131).
6. Врач К. Мищенко. Первое переливание крови на Камчатке // Камчат. правда. — 1934. — 23 авг. (№ 127).
7. Врач Карпова. Рост рождаемости в Елизово // Камчат. правда. — 1937. — 18 мая (№ 110).
8. Вывенские коряки завели корову // Камчат. правда. — 1936. — 21 янв. (№ 17).
9. Г. Ч. Соревнование матерей // Камчат. правда. — 1934. — 3 янв. (№ 3).
10. Главацкая. Больные в холодном помещении / Главацкая [и др.] // Камчат. правда. — 1938. — 12 февр. (№ 35).
11. Дежурный врач Новокрещенова. Спасли жизнь женщине // Камчат. правда. — 1939. — 20 авг. (№ 190).
12. Дейнека. Надо оборудовать консультацию // Камчат. правда. — 1937. — 2 июля (№ 144).
13. Дубинский, А. Роды на стуле / А. Дубинский // Камчат. правда. — 1937. — 10 мая (№ 103).
14. Евг. Тен. Покойник пришёл за справкой // Камчат. правда. — 1936. — 15 янв. (№ 12).
15. Зав. Облздравом Скоморохов. Состояние здравоохранения // Камчат. правда. — 1936. — 4 окт. (№ 229).
16. Коллегин. Санитарная нарта // Камчат. правда. — 1937. — 10 мая (№ 103).
17. Мать. Будут ли открыты ясли? // Камчат. правда. — 1936. — 10 сент. (№ 209).
18. Национальные кадры медработников // Камчат. правда. — 1936. — 6 июля (№ 154).
19. Открыта санитарно-гигиеническая лаборатория // Камчат. правда. — 1936. — 21 авг. (№ 192).
20. Родильный дом и больница для Большерецка // Камчат. правда. — 1939. — 14 мая (№ 108).
21. Свитка, Ю. Новое в употреблении зубного порошка / Ю. Свитка // Камчат. правда. — 1938. — 21 дек. (№ 290).
22. Скорая помощь // Камчат. правда. — 1937. — 8 янв. (№ 6).
23. Суд над врачом Арсентьевым // Камчат. правда. — 1936. — 5 сент. (№ 205).
24. Тамигучи, С. Случай в бане // Камчат. правда. — 1934. — 4 июня (№ 127).
25. Тулупов. Обезболивание родов на Чукотке // Камчат. правда. — 1937. — 8 июня (№ 127).
26. Физиотерапевтический кабинет // Камчат. правда. — 1936. — 9 мая (№ 105).

Фотографии из фонда Камчатского краевого объединённого музея.
Материал поступил в редакцию 07.11.2018 г.

Сведения об авторе: Гаврилова Наталья Сергеевна, научный сотрудник Камчатского краевого объединённого музея (г. Петропавловск-Камчатский).

Контактные данные: e-mail: natalia.muse@yandex.ru; тел. (4152) 42-54-12.

ТАРАСОВ ОЛЕГ ЮРЬЕВИЧ,
ШУЛЬЖЕНКО НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПОГРАНИЧНОЙ ОХРАНЫ НА ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ И ЗАБАЙКАЛЬСКИХ РУБЕЖАХ РОССИИ (XVIII – НАЧАЛО XX ВЕКА)

В статье рассматриваются аспекты формирования системы охраны государственной границы на дальневосточных и забайкальских рубежах Российской империи в период с XVIII до начала XX века. В работе отмечены этапы формирования охраны границ, переброски и создания казачьих поселений, задачи и цели казаков как пограничной стражи.

Ключевые слова: государственная граница, Дальний Восток, Забайкалье, история, казачьи войска, охрана границы, Сибирь.

Keywords: state border, Far East, Transbaikal, history, cossack host, border guard, Siberia.

*Граница породила казачество, а казаки создали Россию.
Л. Н. Толстой.*

На рубеже XX–XXI веков для Российской Федерации возникают новые геополитические вызовы. Дальний Восток снова превращается в арену скрытого противостояния Российской Федерации с мировыми державами, прежде всего с США, Китаем и Японией. В данное противостояние вовлечены практически все сферы жизни современного общества — экономическая, политическая, культурная, идеологическая и другие. Ведущие державы стремятся включить российский Дальний Восток в сферу своего влияния, получить доступ к его ресурсам и плацдарм для дальнейшей экспансии в Сибирь, что неминуемо приведёт к существенному ослаблению России.

Вместе со сложной геополитической ситуацией в регионе усугубляются и внутренние социально-экономические проблемы на фоне стремительного сокращения населения во всех административных субъектах дальневосточного региона из-за бурной миграции в другие, более благоприятные в климатическом и бытовом отношении, районы [7, с. 4]. Следовательно, по словам великого русского реформатора П. А. Столыпина, «оставлять этот край без внимания было бы проявлением громадной государственной расточительности. Восток вернулся, и если мы не воспользуемся этими богатствами, то возьмут их другие» [45, с. 121].

Вот поэтому мы и обращаемся к славному историческому прошлому нашей великой Родины, одна из страниц которого — это история охраны границы и связанные с нею люди — казаки.

Казачество уникально, поскольку является порождением русской истории, только ей присуще и только в ней сохраняется. Казаки сыграли немалую роль в политической жизни страны, в деле охраны границ Российской империи, в открытии и хозяйственном освоении новых земель. Они были как бы посланниками великой державы, проводниками русской культуры [1; 2; 5; 19; 22; 48; 49; 51; 52].

История казачества Сибири, Забайкалья и Дальнего Востока — составная часть не только данного сословия, но и всего российского народа и истории всей российской государственности. Хронологически дореволюционная история местных казачьих войск охватывает немногим менее трёх веков. Начальная грань её относится к 1640-м годам, к первым появлениям казаков-землепроходцев и следовавшим за ними «пашенных» крестьян. Конечная грань — октябрь 1917 года, когда социалистическая революция в России ликвидировала сословную структуру населения страны [1; 17; 19; 25; 38].

В то же время это и военная история России, история строительства системы и способов охраны государственной границы на отдалённых территориях Российской империи.

Процесс формирования государственной границы в Сибири, частью которой являлись Забайкалье и Дальний Восток, происходил в течение длительного времени: от похода казаков во главе с атаманом Ермаком (1532–1585) до подписания договоров между Россией и Китаем в середине XIX века [2; 3; 4; 5; 8; 9; 21; 33; 34].

После заключения Нерчинского («Нерчинский трактат» был подписан 27 августа (по новому стилю — 6 сентября) 1689 г. — итог знаменитых «Албазинских сидений») и Кяхтинского (заключён 21 октября (1 ноября) 1727 г. — об установлении границ между Российской империей и Китаем в районе захваченной маньчжурами в 1691 г. Северной Монголии и о русско-китайской торговле) договоров русские люди отступили с амурских берегов в степи Забайкалья [12, с. 84–91; 26, с. 40–42]. Но охрана границы не прекращалась никогда. Уже в 1701 году последовало указание Петра I (1672–1725): «...в Нерчинске в казачью службу верстать детей и родственников казачьих и ссыльных невольников» [30]. С этого времени в регионе началось строительство более совершенной в инженерном и военно-административном отношении линии пограничных укреплений, охраняемой казаками [4; 11, с. 80–115; 23; 29, с. 40–85; 41; 44; 51; 52]. Необходимость в её создании возникла после заключения Буринского (20 (31) августа 1727 г., договор определил прохождение российско-китайской границы по тем моментам, которые не были определены Нерчинским договором 1689 г.) и Кяхтинского договоров. Во второй четверти XVIII века (1733–1736 и 1737–1739 гг.) были изданы указы императора «О наборе из Сибирских дворян и казаков одного полка для зашития Сибирской границы от неприятельских набегов» [34].

В состав учреждённого на границе Троицко-Савского управления входили два забайкальских отделения: Цурухайтуевское и Харацайское. Здесь несли пограничную службу: русские, буряты и эвенки. Во второй половине XVIII века были образованы тунгусский пятисотенный конный казачий полк и четыре бурятских конных казачьих полка шестисотенного состава [12, с. 137–138].

В первой половине XIX века были внесены некоторые изменения в организацию пограничных казаков. В 1810 году вышел указ «О преобразовании сибирских городовых казаков, находящихся на Китайской границе» [35].

В 1822 году был принят «Устав о сибирских городовых казаках в составе полков и о станичных казаках; штаты, к оному относящиеся» [49]. Согласно ему было образовано семь полков городовых казаков: Тобольский, Сибирский, Томский, Енисейский, Иркутский, Забайкальский и Якутский. В некоторых полках состояли ещё отдельные команды, например, в Якутском полку — Охотская и Гижигинская команды. Кроме того, на Камчатке существовала отдельная, не входившая ни в какой полк Камчатская городская казачья команда.

Одновременно было осуществлено переустройство казаков военного ведомства. Была создана новая организация — Китайская пограничная линия. Указом императора Александра I (1777–1825) в 1822 году эта линия была разделена на три пограничных отделения: Цурухайтуевское, Харацайское и Тункинское, с подчинением каждого отделения пограничному приставу (дистанционному начальнику), назначавшемуся из русских казачьих чиновников. Общее управление пограничной линией было предоставлено Троицко-Савскому пограничному управлению на правах войсковой канцелярии. В составе пограничной стражи кроме восьми сотен и одной конной команды Забайкальских казаков состояли четыре бурятских шестисотенных полка и один тунгусский полк, переформированный из бывшей пятисотенной команды. Другие жители, проживавшие вблизи границы, были оставлены в ведении губернских властей [44, с. 181].

После преобразований 1822 года казачество Сибири представляло собой достаточно внушительное и организованное войсковое объединение. В 1830–1840-е годы вопрос об устройстве казаков на пограничной линии неоднократно поднимался в правительстве генерал-губернаторами Восточной Сибири [44, с. 252–254]. Однако коренные изменения в устройстве казаков произошли после снятия с данной должности генерал-лейтенанта Вильгельма Яковлевича Руперта (1787–1849) и замены его в 1847 году на генерал-майора Николая Николаевича Муравьева (1809–1881).

Казачьи войска на российском Дальнем Востоке формировались только на основании решений правительства Российской империи. 17 (30) марта 1851 года был издан указ о создании Забайкальского казачьего войска [8; 13; 14; 49]. В Положении о войске говорилось, что «...пограничные казаки в Иркутской губернии принимают название Забайкальского казачьего войска. ...На обязанность Забайкальского казачьего войска возлагается: 1). Охранение Китайской границы, содержание по оной караулов и разъездов...» [31].

В середине 1850-х годов началось переселение забайкальских казаков на Амур и Уссури. К концу 1858 года сюда из Забайкальского казачьего войска было переселено несколько конных и пеших сотен казаков, из которых были образованы конная казачья бригада и два пеших батальона. А уже, 8 (20) декабря 1858 года указом императора было образовано Амурское казачье войско [13; 14; 32; 49; 51; 52]. Утверждённое 1 (13) июня 1860 года Положение об Амурском казачьем войске возложило на него обязанность охраны юго-восточного участка российской границы.

26 июня 1889 года император утвердил решение Государственного Совета о выделении казачьего населения Уссурийского полубатальона из состава Амурского казачьего войска и об образовании отдельного Уссурийского казачьего войска [13; 14; 47; 49].

Первый Приамурский генерал-губернатор Андрей Николаевич Корф (1884–1893) высказывал мнение: «Не следует откладывать окончательное наделение Амурского и Уссурийского казачьих войск землёй, избегая чрезполосицу и стремясь для охраны границы возможно гуще заселить пограничную полосу казаками ...» [46].

Новый генерал-губернатор Приамурья генерал-лейтенант Сергей Михайлович Духовской (1838–1901) в 1894 году также высказывал мнение о том, что «...для надёжной охраны государственной границы необходимо увеличить число казачьих войск в крае...» [46]. Он предполагал необходимость усиления Уссурийского казачьего войска путём «...приселения к нему казачьих семейств из других казачьих войск с целью создать вдоль границы надёжную кордонную линию вооружённого и умеющего владеть оружием населения, для охраны от китайских разбойничьих шаек строящейся Уссурийской железной дороги, так как целые участки границы, вблизи которой прокладывалась дорога, были со стороны Маньчжурии совершенно открыты» [46].

Вопрос о переселении казачьих семейств рассматривался в правительстве и, в конечном счёте, был разрешён. Первые переселенцы прибыли в Приморскую область в 1895 и 1896 годах, а затем переселение с перерывами длилось до 1902 года. Так, «...всего за 5 лет, с 1895 по 1899, на Дальний Восток только в Уссурийское казачье войско прибыло 5 419 переселенцев из Донского, Оренбургского и Забайкальского казачьих войск» [5; 15; 40; 44].

В отчёте Приамурского генерал-губернатора Павла Фёдоровича Унтербергерера (1842–1921) императору за 1906 и 1907 годы указывалось: «...Вопрос об усилении Приамурских казачьих войск и заселении казаками пограничной с Маньчжурией полосы имеет столь важное государственное значение, что необходимо воспользоваться означенным стремлением, и предоставлением соответственных льгот, приохотить переселенцев ещё более к переходу в казачество...» [46]. В 1909 году он писал: «Пограничную полосу следует исключительно заселять казаками, создавая тем оплот и охрану крестьянского населения от хунхузских шаек, гнездящихся в прилегающих к нашей границе районах Маньчжурии. Чем посёлки эти будут многочисленнее, тем надёжнее будет охрана границы» [46]. При этом генерал-губернатор приводил доводы в пользу того, что содержание казачьей конницы в денежном отношении обходится дешевле регулярной кавалерии. «Для сравнения возьмём полк драгун и полк казаков в шестисотенном составе в военное время. При этом в мирное время придётся содержать регулярный полк в полном составе, а в казачьем — лишь две первоочередных сотни, остальные же четыре сотни будут находиться на льготе» [46], — писал П. Ф. Унтербергер.

В целях усиления охраны северного участка Уссурийской железной дороги в 1895 и 1896 годах по нижнему течению

Усури было поселено дополнительно 64 семьи из станиц 3-го отдела Забайкальского казачьего войска. В 1896 году в Приморский край прибыло 50 семей из Донского и столько же из Оренбургского казачьих войск [40; 41].

С 1895 по 1901 год в Приамурский край переселилось 936 казачьих семей. По войскам они распределялись следующим образом: из Донского казачьего войска переселилось 338 семей, из Кубанского — 213, из Терского — 16, из Уральского — 306, из Забайкальского — 62 семьи. В 1902 году в Уссурийское войско было переселено 50 семей из различных казачьих войск: из Терского — 10 семей, из Оренбургского — 30, из Уральского — 10. В Амурское казачье войско тогда же было переселено 90 семей из Кубанского войска [46].

Таким образом, из кратко рассмотренной нами проблемы мы можем констатировать следующее.

1. На протяжении всего исследуемого периода государственные властные структуры рассматривали казачество, прежде всего как часть вооружённых сил страны и как военнообязанное население, несущее воинскую службу и формирующее иррегулярные строевые части. В связи с таким односторонним пониманием казачества государственная политика в отношении его дальневосточных представителей в основном проходила в одном русле — она была направлена на достижение сугубо военных целей, и поэтому

именно Военное министерство, а также восточно-сибирский и приамурский генерал-губернаторы были основными проводниками данной политической доктрины.

2. Государство было заинтересовано в создании в крае мощной военной силы, которая позволила бы защитить интересы России на этой восточной окраине, и могла бы стать основой обороны региона в потенциальном военном противостоянии со странами Европы, США, Японией или Китаем.

3. Одновременно с этим государство рассматривало казачество и как эффективную колонизационную силу, поэтому хозяйственное освоение края и усиление его производственного потенциала также ставились перед казаками в качестве одной из задач, которая, тем не менее, очевидно уступала военным целям и играла второстепенную и даже подчинённую роль.

4. При этом в сознании казачества формировались такие устойчивые морально-ценностные установки, как законопослушание, верность долгу, присяге, честное служение Отечеству и государю. Выражаясь словами князя А. И. Барятинского (1815–1879), для казаков, живших и служивших на границе, правилом жизни было: «Высшая честь, которая может быть оказана русскому, — доблестно служить России!» [43, с. 155].

Список использованных источников

- Агафонов, О. На службе России : [казачество] / О. Агафонов // Родина. — 2004. — № 5. — С. 17–21.
- Алмазов, Б. А. Военная история казачества / Б. А. Алмазов. — Москва : Яуза : Эксмо, 2008. — 480 с.
- Бобов, Ю. В. Подготовка воинских чинов для охраны границы Российской империи : 1827–1893 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Ю. В. Бобов ; [место защиты: Воен. ун-т]. — Москва, 2007. — 341 с.
- Василенко, А. И. Пограничная деятельность в России : теория, практика и тенденции развития, конец XIX–XX вв. : дис. ... докт. ист. наук : 07.00.02 / А. И. Василенко ; Акад. Федер. погранич. службы РФ. — Москва, 2001. — 428 с.
- Военная энциклопедия. Т. 1–18 / под ред. полк. В. Ф. Новицкого [и др.]. — Т. 10 : Елизавета Петровна — Инициатива. — Санкт-Петербург ; Т-во И. Сытина, 1912. — С. 323–642, [6] с. : ил., карт. ; 27 л. ил., карт.
- Высотенко, А. В. Исторический опыт обеспечения безопасности государственной границы Российской Империи отдельным корпусом пограничной стражи : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / А. В. Высотенко. — Москва : Моск. пед. ун-т, 2004. — 284 с.
- Голик, А. А. Государственная политика России в отношении дальневосточного казачества в 1851–1917 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / А. А. Голик ; [место защиты: С.-Петербург. гос. ун-т]. — Санкт-Петербург, 2015. — 209 с. : ил.
- Голято, В. Н. Забайкальское казачье войско в военной политике России в середине XIX – начале XX в. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / В. Н. Голято ; [место защиты: Иркут. гос. ун-т]. — Иркутск, 2007. — 251 с. : ил.
- Гордеев, А. А. История казачества / А. А. Гордеев. — Москва : Вече, 2006. — 640 с. — (Историческая литература).
- Ежуков, Е. Л. Становление и развитие пограничной охраны России (XV – начало XX вв.) : науч.-практ. пособие / Е. Л. Ежуков. — Москва : Граница, 1991. — 284 с.
- Иванин, М. О пограничных линиях России / М. Иванин // Инж. журн. — 1863. — № 1. — С. 80–115.
- История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.) / [А. Р. Артемьев, Л. И. Галлямова, Л. Я. Иващенко и др.] ; отв. ред. А. И. Крушанов ; [АН СССР, Дальневост. отд-ние, Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока]. — Москва : Наука, 1991. — 469, [1] с. : ил.
- История казачества Азиатской России. В 3-х т. / [Рос. АН, Урал. отд-ние, Ин-т истории и археологии] ; гл. ред. В. В. Алексеев Т. 1. XVI – первая половина XIX в. / редкол.: Н. А. Миненко (отв. ред.) и др. — Екатеринбург: НИСО Уро РАН, 1995. — 316, [1] с.
- Казачество России: прошлое и настоящее : библиогр. указ. / сост. М. Н. Урусова, М. М. Самко, О. Г. Кочеткова. — Волгоград : ВолГАУ, ГБУК «Волгоградская ОУНБ им. М. Горького», 2012. — 255 с.
- Казачья колонизация Приамурского края. — Санкт-Петербург : Канцелярия Ком. министров, 1902. — 267 с.
- Клементьев, В. В. Военное ведомство в охране границ Российской империи : монография / В. В. Клементьев. — Москва : Акад. ФПС России, 2002. — 190 с.
- Коваленко, А. И. Казачество восточных окраин России в XIX – начале XX вв. : культурно-исторический аспект : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / А. И. Коваленко. — Владивосток : ИИАНЭДВ ДВО РАН, 2009. — 540 с.
- Коваленок, А. И. Роль казачества в укреплении границы России с Монголией и Китаем в XVIII – первой половине XIX в. / А. И. Коваленок // Проблемы Дальнего Востока, 2009. — № 3. — С. 110–118.
- Коневиченко, И. Л. Казачество в правовом пространстве России: история и современность : монография / И. Л. Коневиченко. — Санкт-Петербург : ГУАП, 2016. — 130 с.

20. Ляпустин, С. Н. Роль и место казачества Дальнего Востока в борьбе с контрабандой на Дальнем Востоке России / С. Н. Ляпустин // *Культура казачества и нац. язык.* — 2016. — № 15. — С. 63–73.
21. Макарова, Р. В. Внешняя политика России на Дальнем Востоке : Вторая половина XVIII в. — 60-е гг. XIX в. / Р. В. Макарова. — Москва : МГИАИ, 1974. — 117 с.
22. Мамонтов, В. Ф. История казачества России. Т. 1 / В. Ф. Мамонтов. — Екатеринбург ; Челябинск : Ин-т гуманитар. исслед., 1995. — 237 с. — Библиогр в примеч.: с. 215–235.
23. Минаев, А. В. Правовые аспекты охраны государственной границы России в конце XIX — начале XX в. [Электронный ресурс] / А. В. Минаев // *Электронные учебники по экономике и праву.* — Режим доступа: <http://www.konspekt.biz/index.php?text=53506>.
24. Мотрич, Е. Л. Демографические и миграционные процессы на Дальнем Востоке России [Электронный ресурс] / Е. Л. Мотрич // *Материалы Пятого Дальневосточного международного экономического форума (4–5 октября 2011 г., г. Хабаровск).* — Режим доступа: <http://assoc.khv.gov.ru/regions/information/demographic-migration-processes>.
25. Муратов, С. Р. На страже рубежей Сибири / С. Р. Муратов // *Национальные культуры региона : науч.-метод. и репертуарно-информ. альм.* — Тюмень, 2007. — Вып. XVI. — С. 32–46.
26. Мясников, В. С. Договорными статьями утвердили (дипломатическая история русско-китайской границы XVII–XX вв.) / В. С. Мясников. — Хабаровск : Хабар. краев. тип., 1997. — 544 с.
27. Окул, И. И. Политика заселения Дальнего Востока и миграционное движение его населения (история вопроса) / И. И. Окул // *Демографическое развитие Дальнего Востока и формирование его трудового потенциала.* — Владивосток, 1991. — С. 113–119.
28. Охрана границы в XIX и начале XX века [Электронный ресурс] // *Погранец. Всесоюзный форум пограничников.* — Режим доступа: <http://pogranec.ru/showthread.php>.
29. Плеханов, А. А. Отдельный корпус пограничной стражи императорской России (1893–1917) : ист. очерк / А. А. Плеханов, А. М. Плеханов. — Москва : Граница, 2003 (ГУП Чехов. полигр. комб.). — 287 с.
30. Наказные статьи Нерчинскому Воеводе // *Полное собрание законов Российской Империи : собр. 1. Т IV : 1700–1712.* — Санкт-Петербург, 1830. — С. 95–129 (ст. 1822).
31. Положение о Забайкальском казачьем войске. — Санкт-Петербург : Тип. Департамента воен. поселений, 1851. — 77 с.
32. Положение об Амурском казачьем войске. — Санкт-Петербург : Тип. Департамента воен. поселений, 1860. — 218 с.
33. Ремнёв, А. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX — начала XX веков : Монография / А. В. Ремнёв. — Омск : Изд-во Омск. гос. ун-та, 2004. — 552 с.
34. Российский патриотизм: истоки, содержание и воспитание в современных условиях : учебное пособие / А. Н. Вырщик [и др.] ; под общ. ред. А. К. Быкова и В. И. Лутовникова. — Москва : Планета, 2010. — 336 с.
35. Рыбаковский, Л. Л. Население Дальнего Востока за 150 лет / Л. Л. Рыбаковский. — Москва : Наука, 1990. — 167 с.
36. Рыбаковский, Л. Л. Нелегальная миграция в приграничных районах Дальнего Востока : история, современность и последствия / Л. Л. Рыбаковский, О. Д. Захарова, В. В. Миндагулов. — Москва. : ИСПИ РАН, 1994. — 40 с.
37. Рябов, Н. И. Очерки истории русского Дальнего Востока (XVII — начало XX века) / Н. И. Рябов, М. Г. Штейн. — Хабаровск : Хабар. кн. изд-во, 1958. — 175 с.
38. Сафронов, Ф. Г. Русские на Северо-Востоке Азии в XVII — середине XIX вв. / Ф. Г. Сафронов. — Москва : Наука, 1979. — 260 с.
39. Сергеев, Ю. А. Потому казаки и были непобедимы [Электронный ресурс] / Ю. А. Сергеев ; беседовала И. Ушакова // *Столетие : информ.-аналит. изд. фонда «Историческая перспектива».* — Москва, 2018. — 2 февр. — Режим доступа: http://www.stoletie.ru/obschestvo/jurij_sergejev_poetomu_kazaki_i_byli_nepobedimy__530.htm.
40. Сергеев, О. И. Казачество на русском Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. / О. И. Сергеев. — Москва : Наука, 1983. — 128 с.
41. Сергеев, О. И. Переселение казаков из европейской России на Дальний Восток морским путём / О. И. Сергеев // *Вологдин. чтения.* — 2007. — № 62 (1). — С. 10–17.
42. Симонов, П. Сибирские казаки на китайской границе / П. Симонов // *Воен. сб.* — 1892. — № 8. — С. 357–374.
43. Смирнов, Н. Н. Забайкальские казаки в системе взаимоотношений России с Китаем и Монголией : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Н. Н. Смирнов. — Волгоград : ВГПУ, 1996. — 325 с.
44. Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. 11. Ч. 1. : Главное управление казачьих войск : ист. очерк / сост. подполк. А. И. Никольский [и др.] ; гл. ред. ген.-лейт. Д. А. Скалон. — Санкт-Петербург : тип. т-ва М. О. Вольф, 1902. — [6], XII, II, 900 с., [58] л. ил.
45. Столыпин, П. А. Нам нужна Великая Россия : Пол. собр. речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 гг. / предисл. К. Ф. Щацилло; сост., коммент. Ю. Г. Фельштинского. — Москва : Мол. гвардия, 1991. — 411 с.
46. Ульянич, А. М. Исторические аспекты пограничного и таможенного контроля на границе Российской империи в 1721–1917 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук 07.00.02 / А. М. Ульянич ; [место защиты: Рос. ун-т дружбы народов]. — Москва, 2010. — 28 с.
47. Унтербергер, П. Ф. Приамурский край. 1906–1910 гг. : очерк / П. Ф. Унтербергер. — Санкт-Петербург : тип. В. Ф. Киришбаума (отд-ние), 1912. — [2], XIV, 428, 54 с.
48. Уссурийское казачье войско: история и современность (к 110-й годовщине образования УКВ) / сост. В. Д. Иванов, О. С. Сергеев. — Владивосток : Уссур. казачье войско : Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дал. Востока ДВО РАН, 1999. — 120 с.: ил., табл.
49. Шабаров, Е. В. Казачество. Путь воинов христовых / Е. В. Шабаров. — Москва : Алгоритм, 2006. — 688 с. — (Адмирал).
50. Шенк, В. К., Казин, В. Х. Казачьи войска : хроники гвардейских казачьих частей помещены в книге Императорская Гвардия : справочная книжка Императорской Главной Квартиры / под ред. В. К. Шенк ; сост. В. Х. Казин. — Тип. В. Д. Смирнова, 1912. — 462 с.
51. Шпак, А. Н. Создание и совершенствование системы защиты и охраны государственной границы в Российской империи (1721–1893 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / А. Н. Шпак. — Москва : Пограничная академия ФСБ России, 2006. — 209 с.
52. Юхов, С. А. Взаимодействие ведомств в защите государственной границы Российской империи : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / С. А. Юхов. — Москва : Моск. пед. ун-т, 2001. — 215 с.

Материал поступил в редакцию 17.02.2019 г.

Сведения об авторах:

Тарасов Олег Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Экономика, физика и математика» Хабаровского института инфокоммуникаций (филиал) ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики» (г. Хабаровск). Контактные данные: e-mail: oltar-1972@mail.ru; тел. 8-914-407-46-19.

Шульженко Николай Владимирович, кандидат социологических наук, доцент, начальник группы НИРиДО УМО Хабаровского института инфокоммуникаций (филиал) ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики» (г. Хабаровск). Контактные данные: e-mail: shulzhenko60@bk.ru; тел.: 8-924-217-36-15, (4212) 42-66-76.

ПАСТУХОВ АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ СРАЖЕНИЯ ЗА ЛАХАСУСУ

Статья раскрывает реальные обстоятельства сражения за Лахасусу, которое произошло в устье реки Сунгари 12 октября 1929 года в ходе советско-китайского вооружённого конфликта на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД). Основываясь на материалах советских и китайских источников и исследований, автор восстанавливает ход сражения. Новый подход к теме с привлечением материалов с обеих воюющих сторон позволяет восстановить ход боя по часам и даже минутам с высокой степенью достоверности. Статья объединяет большую часть доступных в настоящее время материалов, касающихся данной темы, и позволяет лучше понимать военную обстановку во время советско-китайского конфликта на КВЖД в 1929 году.

Ключевые слова: Лахасусу, Шэнь Хунле, бой речных сил, самолёт, Блюхер, Онуфриев, РККА, КВЖД, конфликт, монитор, канлодка.

Keywords: Lahasusu, Shen Hongle, river forces battle, airplane, Blyukher, Onufriyev, RKKA, CER, conflict, monitor, gunboat.

В 2019 году исполняется 90 лет советско-китайскому конфликту на КВЖД, имевшему место в июле – декабре 1929 года. Однако, несмотря на грандиозные изменения в исторической науке, произошедшие за последние три десятилетия, эти события до сих пор остаются малоизученными.

Время идёт, уже не осталось в живых непосредственных участников конфликта, тем более уместной кажется попытка восстановить историческую справедливость и осветить события на советском Дальнем Востоке в соответствии с первоисточниками, а не данными пропаганды, которыми до сих пор ещё оперируют некоторые исследователи.

Большинство отечественных статей на эту тему представляют собой неупорядоченные описания подвигов краснофлотцев, сделанные на основании советских газет 1929–1930 годов, а бою сухопутных сил уделяется минимальное внимание. Характеристика китайских вооружённых сил даётся однозначно уничижительная. В совокупности всё это затрудняет понимание истинного хода сражения и его значения в развитии ситуации вокруг КВЖД осенью 1929 года.

Современные китайские исследования также не отличаются высоким качеством: в основном фактура берётся всё из тех же газетных сообщений — китайских и англоязычных. При этом рисуется совершенно фантастическая картина двухдневного боя, с сотнями погибших с обеих сторон и тотальным разграблением города Лахасусу частями РККА.

Всё это свидетельствует о том, что историкам пора предпринять конкретные шаги по исправлению сложившегося положения. Представленный в статье опыт реконструкции ставит перед собой задачу создать максимально непротиворечивую и полную, связную картину сражения на основании наиболее достоверных доступных данных...

К октябрю 1929 года советскому высшему руководству стало ясно, что ограниченные по масштабам военные операции в приграничных районах не оказывают на правительство Китайской Республики надлежащего воздействия и не приводят к восстановлению status quo на КВЖД. Результаты боёв ещё не выявили превосходства РККА над вооружёнными силами диктатора Маньчжурии Чжан Сюэляна, и китайское командование продолжало надеяться на благополучное для Китая развитие военного противостояния. Понимая сложность положения, 7 октября 1929 года И. В. Сталин написал в письме В. М. Молотову: «Отдельные отряды, посылаемые нами в Маньчжурию для выполнения отдельных, эпизодического характера, заданий, — дело, конечно, хорошее, но это не то. Теперь надо пойти на большее» [13, с. 374].

Анализ соотношения сил обеих сторон в приграничных районах давал понять — РККА имеет некоторое преимущество над китайцами в военной технике и выучке бойцов, но не настолько большое, чтобы быть стопроцентно уверенной

в успехе. Глобальное превосходство у СССР было только в одном — в военно-речных силах.

Флагманский корабль китайской Сунгарийской флотилии (канонерская лодка «Цзянхэн») именовался в советских пропагандистских материалах «речным крейсером». Но в этом случае советская Дальневосточная военная флотилия¹ (ДВВФ) должна была по праву называться «эскадрой речных броненосцев» — мощная артиллерия и противоснарядное бронирование советских мониторов позволяли не только разбить китайскую флотилию на Сунгари, но и дойти до Харбина. А ещё в ДВВФ был «речной авианосец» — из корпуса, повреждённого в годы Гражданской войны (1918–1922), монитора «Вихрь» осенью 1928 года по проекту инженера А. И. Килессо в Хабаровске построили речную несамоходную авиаматку «Амур»², на которую базировались гидросамолёты МР-1 68-го отдельного речного гидроавиотряда (ОРЕЧГАО) [25, с. 18].

Мониторы ДВВФ на стоянке. Конец 1920-х годов.

Однако гидрологический режим Сунгари таков, что безопасное прохождение по реке кораблей с достаточно большой осадкой возможно только до ноября³. Время уходило, а со стороны Нанкина и Мукдена не было сделано ни одного реального шага по восстановлению status quo⁴.

Тогда было принято решение об операции против китайских военно-речных сил. Однако при этом, исходя из положений пакта Бриана — Келлога (1928), не следовало предпринимать шагов, которые позволили бы мировому сообществу обвинить СССР в агрессии. Всё должно было произойти как ответная реакция на действия китайской стороны.

Следует сказать, что, вопреки постоянно повторяемым в разных печатных изданиях советского периода утвер-

1 Краснознамённая Амурская флотилия (КАФ) в 1929 г. называлась Дальневосточной военной флотилией (ДВВФ).

2 Класс авианесущих кораблей в начале XX в.

3 Осадка мониторов типа «Шквал», составлявших основную боевую силу ДВВФ, составляла 1,4 м [20, с. 12].

4 Обращение советника Чжан Сюэляна У. Дональда к Л. М. Карахану было неофициальным, поэтому реакция на него была отрицательной.

ждениям, что китайцы готовили большое наступление из района устья Сунгари, эта информация не соответствует истине, несмотря на то, что об этом заявляли напрямую даже непосредственные участники событий, находившиеся в больших чинах и званиях.

Так, комдив И. А. Онуфриев (1893–1938) писал в своих воспоминаниях: «К этому времени [к октябрю 1929 г.] в устье Сунгари, у Лахасусу, белокитайцы сосредоточили целую бригаду (от шести до семи тысяч бойцов) и большую военную флотилию. Мы на этом участке имели тогда один стрелковый батальон и речную военную флотилию. Перевес в живой силе был на стороне белокитайцев. *Благодаря превосходству своих сил белокитайцы создали прямую угрозу центру Дальневосточного края (Курсив наш. — Авт.)*» [16, с. 229]⁵.

Беспочвенность обвинений китайцев в подготовке наступления становится очевидной при первом же взгляде на карту: от устья Сунгари нет прямых выходов на крупные города советского приграничья. Наиболее близким крупным населённым пунктом от устья Сунгари на осень 1929 года являлось село Михайло-Семёновское, расположенное в изолированной пади⁶. С Амурской железной дорогой (ст. Тихонькая)⁷ оно было связано железной дорогой только в 1941 году. А до этого добраться в Михайло-Семёновское от станции можно было только по просёлочной дороге, петлявшей между поросших лесом сопок и болот. Наступать на Тихонькую китайским войскам пришлось бы в исключительно невыгодных условиях — 125 километров по разбитой грунтовке, при нехватке гужевого транспорта и вьючного скота, при активном противодействии противника, умеющего использовать рельеф местности в целях обороны. Советские же части могли оперативно маневрировать вдоль Амурской железной дороги, действуя из Хабаровска и Благовещенска в направлении станции Тихонькой, перебрасывая подкрепления, технику и боеприпасы на атакованный участок.

Чтобы действовать в направлении Хабаровска или Благовещенска, китайцы должны были господствовать на Амуре. Но любой советский монитор был вполне способен справиться в одиночку со всей китайской Сунгарийской флотилией. К тому же комдив Онуфриев чётко указывает, что в Михайло-Семёновском постоянно находились корабли ДВВФ и 2-й батальон 4-го Волочаевского стрелкового полка под командованием Ермолаева, приданный ДВВФ в 1927 году для отработки взаимодействия с кораблями флотилии и обучения проведению десантных операций. В

Бабстово (24 км от Михайло-Семёновского) располагался грунтовый аэродром, способный принимать основные типы самолётов, состоявшие на вооружении РККА в 1929 году. Слова Онуфриева подтверждаются заявлением китайского адмирала Шэнь Хунле⁸, сделанном для прессы: «...красное командование в самом начале борьбы... поставило до 5 канлодок в устье Сунгари» [16, с. 235].

Адмирал Шэнь Хунле, ответственный за оборону устья Сунгари.

В своём интервью китайским и зарубежным журналистам Шэнь Хунле утверждал, что китайцы не планировали наступления на данном участке: после того, как в конце июля 1929 года советскими военно-речными силами была захвачена часть китайских плавсредств на Амуре, китайские войска действительно готовились

к обороне: «Китайское командование не делало попытки предупредить вооруженным отпором действия красных по захвату ими китайских пароходов, плавающих по Амуру и Уссури. Но был дан приказ о заминировании устья Сунгари, отправке сухопутных сил в Лахасусу и военной флотилии в устье реки Сунгари» [16, с. 235].

К началу октября оборону в Лахасусу держали части 9-й пехотной бригады Дунбэйских войск под командованием генерал-лейтенанта Ли Ду (1880–1956)⁹.

Следует обратить внимание, что Ли Ду был не просто комбригом. С 1926 года он являлся *чжэньшоуши* области Илань¹⁰, которому подчинялась 9-я пехотная бригада¹¹. Фактически это был военно-полицейский начальник уезда.

8 Шэнь Хунле — заместитель главнокомандующего ВМФ Дунбэя. С началом конфликта на КВЖД назначен командующим обороной устья Сунгари. Сунгарийская флотилия, которой командовал Инь Цзуинь, перешла в оперативное подчинение Шэнь Хунле вместе с переброшенной из Циндао морской пехотой.

9 Дунбэйская армия представляла собой войска, ранее подчинявшиеся диктатору Маньчжурии Чжан Цзолиню, а затем — его сыну Чжан Сюэляну. По своей структуре, вооружению и обеспечению эти войска сильно отличались от вооружённых сил Нанкинского правительства.

10 С февраля 1929 г. — уезд II разряда провинции Гирин.

11 Бригада изначально именовалась 4-й Гиринской смешанной бригадой и стояла в области (*дао*) Илань с 1918 г. Командир бригады всегда совмещал свою должность с должностью *чжэньшоуши* области Илань.

5 Очевидец событий В. Воробьёв, вспоминая бой за Лахасусу, писал, что «в Лахасусу и окрестных приграничных деревнях сосредоточивается 9-я пехотная бригада в составе трёх пехотных полков, пулемётных и бомбометных частей» [4, с. 215].

6 До революции — станция Михайло-Семёновская, ныне село Ленинское в Еврейской автономной области.

7 Ныне ст. Биробиджан-1.

Части бригады размещались во всех крупных населённых пунктах уезда Илань и выполняли в первую очередь фискальные и полицейские задачи. По сведениям китайских источников, общая численность бригады составляла 5 500 солдат и офицеров при 8 горных и полевых орудиях и 18 пулемётах¹².

Кроме того, в условиях ожидания вторжения советских войск в Илань для усиления постоянных гарнизонов в конце лета 1929 года была введена 19-я пехотная бригада генерала Сунь Дэцюаня (1877–1950) в составе 6 000 солдат и офицеров, стоявшая ранее в окрестностях Тяньцзиня.

В самом Лахасусу размещались части пехотных полков Лу Юнцзя (1906–1946) и Чжан Цзочэня (годы жизни неизвестны), а также пехотный батальон Мэн Чжаолиня (?–1929). Также из Циндао, провинция Шаньдун, на Сунгари был переброшен батальон морской пехоты под командованием Ли Жуньцина (?–1929)¹³, составивший наиболее стойкую часть гарнизона Лахасусу, что является косвенным аргументом в пользу того, что 9-я пехотная бригада, по сути, мало чем отличалась от территориальных формирований по своей боевой ценности¹⁴. Батальоны Ли Жуньцина и Мэн Чжаолиня получили приказ оборонять приречные районы, части Лу Юнцзя и Чжан Цзочэня должны были оборонять сам город.

Однако к началу октября оборонительные мероприятия китайцев были существенно ослаблены по сравнению с концом лета 1929 года. Часть работ была заброшена, некоторые части выведены из Лахасусу. Причиной этому стала нерешительность советского руководства — осмелев, китайцы сочли, что крупного военного столкновения удастся избежать.

12 Общая численность войск Чжан Сюэляна, по японским разведданным на июль 1929 г., составляла 268 500 солдат и офицеров, имевших 205 500 винтовок, 1 003 пулемета и 498 полевых орудий, из них в провинции Хэйлуцзян — 47 000 солдат при 33 000 винтовок, 105 пулеметах и 46 полевых орудиях. Половину из них составляли территориальные части, имевшие худшую подготовку и вооружение, нежели кадровые части регулярной армии.

13 По одним данным, Ли Жуньцин погиб в бою. По другим — он попал в плен к советским войскам, вернулся в 1930 г. в Китай и продолжал командовать частями китайской морской пехоты даже в годы войны с Японией (1937–1945). Иногда его указывают под именем Ли Сытин, записывающимся разными иероглифами. Возможно, это второе имя Ли Жуньцина, под которым иногда в старых китайских источниках могут упоминать известного человека. Всё это указывает на неразбериху, царившую в делопроизводстве китайских вооружённых сил 1920-х годов, и ненадёжность в ряде случаев сведений китайских архивов.

14 Полк морской пехоты в Китае по состоянию на 1929 г. состоял из трёх стрелковых батальонов, пулемётной роты и миномётной батареи. Численность батальона составляла около 600 человек, в зависимости от укомплектованности части. Территориальная бригада состояла обычно из двух полков пехоты общей численностью около 3 000 человек, а армейская бригада армии Дунбэя — порядка 7 000 человек. Однако постоянно остро стоял вопрос о полном укомплектовании частей, а также их обеспечении штатным вооружением и боеприпасами.

К созданию береговых укреплений китайцы приступили буквально накануне советского наступления; комдив Онуфриев писал в своих воспоминаниях, что только 10–11 октября начались работы в устье Сунгари: «Ночью были получены донесения: белокитайцы готовятся к бою, их суда приняли боевой порядок. У деревень Могонхо и Чичихэ китайцы устанавливают артиллерию, из Лахасусу в сторону Чичихэ и Могонхо движется большое количество людей и повозок» [16, с. 230].

Сами Шэнь Хунле и Ли Ду впоследствии говорили в интервью иностранным журналистам, что, надеясь на соблюдение со стороны СССР пакта Бриана — Келлога, практически не предприняли каких-либо оборонительных мероприятий: «...китайские оборонительные мероприятия во время сражения в Лахасусу заключались только в постановке минных заграждений в устье Сунгари и сооружении заграждений из бревен¹⁵ на китайской территории»¹⁶.

Учитывая, что береговая оборона китайцев в деревнях Могонхо и Чичихэ¹⁷ состояла из полевых трёхдюймовых орудий (причём в одной из двух созданных спонтанно «батарей» насчитывалось всего два орудия), можно считать, что китайские командующие не сильно исказили сложившуюся к 12 октября 1929 года ситуацию в своём интервью¹⁸.

Кроме того, следует отметить, что китайцы имели серьёзные проблемы с боепитанием: на 5 400 винтовок в 9-й бригаде имелось всего 350 тысяч патронов, то есть по 64–65 патронов на ствол.

Китайские военно-речные силы в Лахасусу также были резко ослаблены. Наиболее сильный корабль флотилии — канлодка «Цзянхэн» — ушёл в г. Фугдин ещё в сентябре под предлогом проведения ремонтных работ. Командование китайской флотилией к 10 октября осуществлял оставшийся по приказу Шэнь Хунле в Лахасусу командир канлодки «Цзянхэн» Инь Цзоцян (1887–1964), перенёсший свой флаг на канонерку «Лицзе» [12, с. 47].

15 По всей видимости, имеются в виду боновые заграждения на рейде Лахасусу.

16 См. Дж. Пауэлл «Китай относит потери в битве на счет пакта Келлога, говоря, что «договор связывает руки, но не русским» // «Чикаго трибьюн», 30 октября 1929 г.

17 Правильные названия этих деревень по-китайски — Молихунку и Цицика. В советских документах 1929 г. упоминается ряд вариантов записи их названий, мы прибегаем к тем вариантам, которые использовал в своих воспоминаниях И. Онуфриев. Расстояние от Лахасусу до Цицика, согласно данным автора лоции Сунгари за 1904 г. Родевича, четыре версты, от Цицика до Молихунку — шесть вёрст [18, с. 77].

18 Кроме того, для береговой обороны китайское командование выделило шесть миномётов и четыре пулемёта. В целом, китайская артиллерия отличалась весьма слабым техническим оснащением — не хватало приборов для наведения орудий, телефонов и т. п. Большая часть орудий была способна вести огонь только на прямую наводку [3, с. 43].

Несмотря на то, что это был довольно удачный по конструкции военный корабль специальной постройки, его артиллерийское вооружение, даже усиленное незадолго до начала конфликта на КВЖД, уступало любому советскому монитору в разы, а бронирование практически отсутствовало. Так, если основной броневой пояс советских мониторов достигал толщины 76 мм, то «Лицзе» был прикрыт в ряде мест листами специальной стали толщиной всего 5 мм, обеспечивавшей лишь некоторую защиту от пуль винтовочного калибра [11, с. 45].

Остальные корабли китайцев боевой ценности не представляли, являясь в первую очередь речными полицейскими силами, предназначенными для патрулирования водных путей сообщения в Маньчжурии и борьбы с контрабандой. Как правило, это были мелкосидящие колёсные речные суда, зачастую — из числа бывших пароходов, принадлежавших КВЖД, лишённые бронирования и имевшие слабое вооружение.

Тем не менее форсирование такой значительной водной преграды, которой является Амур, в условиях активного противодействия со стороны противника требовало серьёзной подготовки. Постоянные полёты советских гидросамолётов над южным берегом Амура, выходы советских кораблей в районы напротив китайских населённых пунктов позволили советскому командованию составить некоторое представление о будущем театре военных действий.

Подготовка операции на Сунгари постоянно откладывалась, и китайское командование постепенно пришло к убеждению, что ДВВФ не готова к серьёзному сражению с основными силами китайской флотилии, стоящей на хороших минно-артиллерийских позициях у Лахасусу. Поэтому оборонительные мероприятия с китайской стороны были частично свёрнуты. Всё это играло на руку советскому командованию, в распоряжении которого оставалось слишком мало времени для проработки операции.

В планировании операции принял участие сам командующий Отдельной Дальневосточной Армией (ОДВА) В. К. Блюхер, а также начштаба А. Я. Лапин, командующий ДВВФ Я. И. Озолин, лётчики Э. М. Лухт и И. И. Карклин, комдив И. А. Онуфриев и другие советские военачальники.

К 10 октября 1929 года в расположенном напротив устья Сунгари селе Михайло-Семёновском началась концентрация советских войск: из Благовещенска и Хабаровска стягивались части от всех трёх полков 2-й Приамурской стрелковой дивизии (4-го Волочаевского, 5-го Амурского и 6-го Хабаровского).

Одновременно к 10 октября из Спасска через Хабаровск перебросили 40-ю бомбардировочную эскадрилью имени В. И. Ленина в составе 15 самолётов Р-1 под командованием старшего летнаба И. И. Карклина (1895–1938).

Во время остановки для дозаправки в Хабаровске лётчики эскадрильи, не имевшие опыта в поражении надводных целей, тренировались в бомбометании по неподвижной мишени — корпусу монитора «Смерч»¹⁹.

Появление на Сунгари мощной авиационной группировки РККА должно было стать неприятным сюрпризом для китайского командования. Для соблюдения секретности маршрут перелёта проложили в стороне от границы.

К полудню 10 октября 1929 года у Михайло-Семёновского собрались крупные силы РККА и ДВВФ. Тут же началась разработка конкретных мероприятий по овладению устьем реки Сунгари.

В этот же день лётчики 40-й эскадрильи изучили с воздуха район боевых действий, включая рейд Лахасусу, внешний вид и дислокацию целей. Возможные направления ветра на разных высотах внимательно изучались накануне дня операции. Лётчикам указали наземные ориентиры, облегчающие привязку к целям.

Для скрытности облёты Амура производились не на Р-1, а на их морском варианте МР-1. Гидросамолёты МР-1 входили в состав приданного ДВВФ в 1928 году 68-го ОРЕЧГАО под командованием опытного военлёта Э. М. Лухта (1893–1940). К полётам гидросамолётов над Амуром китайцы к тому времени уже привыкли и вряд ли заподозрили бы что-либо.

*Лётчики 68-го ОРЕЧГАО (третий слева в фуражке — командир отряда Э. М. Лухт) на фоне своих гидросамолётов и авиаматки «Амур». 1929 год.
Из семейного архива Э. Э. Лухта.*

Одновременно комиссары политотдела дивизии проводили разъяснительную работу среди советских бойцов о том, что нужно уважительно относиться к простому китайскому народу. То же самое происходило и на кораблях ДВВФ (по воспоминаниям ветерана-амурца М. М. Гуртова, после проведённых политбесед военморы подали 70 заявлений о приёме в партию [2, с. 94]).

¹⁹ Он будет восстановлен в 1932 г. под названием «Триандафиллов».

Не остались без работы и сотрудники ОГПУ: в связи с усилением «крестьянских настроений» в частях РККА приходилось оперативно отслеживать моральное состояние бойцов и принимать действенные меры для поддержания боеспособности частей. Особенно поражённым такими «крестьянскими настроениями» оказался 6-й Хабаровский стрелковый полк [6, с. 153].

Начало операции планировалось на утро 11 октября. Но затем его пришлось перенести на утро 12-го, поскольку 6-й Хабаровский полк запаздывал. До его подхода начинать десантную операцию не решились, боясь, что численное превосходство китайских войск может сыграть свою роль в бое на суше.

Появившийся в связи с опозданием стрелков-хабаровцев резерв времени использовали для дополнительной подготовки — после тренировок стрелковый батальон со станковыми пулемётами грузился на корабли по сходням в течение 6–8 минут, а высаживался в течение 1,5–2 [16, с. 230].

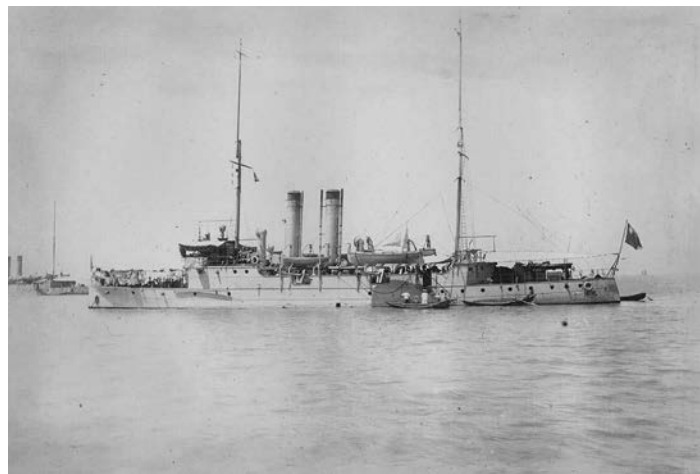
Для рекогносцировки устья Сунгари на самолёте МР-1 ещё раз поднялись в воздух командиры 4-го Волочаевского и 5-го Амурского стрелковых полков П. Г. Романовский и А. А. Ягунов. В ходе рекогносцировочных облётов велась аэрофотосъёмка, результаты которой сослужили советским войскам хорошую службу. К вечеру 11 октября в Михайло-Семёновское подтянулись из Благовещенска и части 6-го Хабаровского полка Я. И. Королёва. Состоялось совещание советского командования под руководством командующего сухопутной группировкой комкора А. Я. Лапина (1899–1937) и командующего ДВВФ Я. И. Озолина (1883–1938), на котором были распределены цели и указан способ действия для каждого рода войск. Общая задача войскам и флотилии была поставлена следующая: блокировать и уничтожить флотилию противника, а затем овладеть устьем Сунгари путём проведения десантной операции, заняв город Лахасусу. Перед всеми участвовавшими в операции частями 2-й Приамурской стрелковой дивизии были поставлены конкретные задачи.

Из полученных ранее разведанных было известно, что китайцы располагают в устье Сунгари всеми родами оружия — артиллерией, пехотой, военно-речными силами и даже авиацией [7, с. 103]. Всё это было учтено при разработке плана. Так, для противодействия китайским самолётам выделялось два самолёта 68-го ОРЕЧГАО.

Оставшиеся 12 самолётов 68-го ОРЕЧГАО и первое звено 40-й бомбардировочной эскадрильи должны были вылететь в 5 часов 45 минут 12 октября из района Михайло-Семёновского для бомбардировки кораблей противника и береговых батарей.

Бомбить китайскую флотилию поручили лётчикам 40-й эскадрильи, самолёты которой могли поднимать бомбы более крупного калибра, нежели гидропланы. Использовались

бомбы типа АФ-82, АФ-32, АФ-16²⁰ и АО-8²¹. При этом в первую очередь было приказано бомбить не вооружённые пароходы, а военные корабли специальной постройки — «Цзянхэн», «Лицзе» и «Лисуй».

Канонерская лодка «Цзяньюань», однотипная с канонерской лодкой «Цзянхэн». Хороших фотографий канонерской лодки «Цзянхэн» Сунгарийской флотилии не сохранилось.

На случай бегства кораблей противника, до начала боя самолётам 40-й эскадрильи ставилась задача бомбить запасную цель — деревню Чичихэ, около которой 10 октября 1929 года китайцы спешно возвели береговую батарею из двух трёхдюймовых орудий, а также создали позиции для нескольких пулемётов и миномётов.

Бомбить объекты следовало с высоты 700 метров — для нанесения наибольшего ущерба кораблям. Отступающие корабли китайцев предполагалось преследовать с воздуха до самого Фугдина.

68-й ОРЕЧГАО должен был бомбить и обстреливать минную станцию у деревни Чичихэ и осуществлять разведку вплоть до Фугдина. Для выполнения поставленных задач самолёты МР-1 имели бомбы АФ-32 и АО-8.

Сигналом к общему вылету должна была стать радиограмма с флагманского корабля: «Завтра собраться на совещание в школе». Этот сигнал должен был дублироваться двумя белыми ракетами, запускаемыми с самолёта командира объединённой авиагруппы.

После выполнения основной задачи самолёты должны были оказывать содействие сухопутным частям, производя штурмовку вражеских позиций, а также производить в интересах сухопутных частей разведку и осуществлять связь.

²⁰ Аббревиатура АФ-82 расшифровывается как «авиационная фугасная, 82 [кг]». Аббревиатуры остальных фугасных авиабомб расшифровываются аналогичным образом. Бомб АФ-82 было всего 23 шт. Их нехватку вынужденно восполнили менее мощными АФ-32.

²¹ Аббревиатура АО-08 расшифровывается как «авиационная осколочная 8 [кг]». Аббревиатуры остальных осколочных авиабомб расшифровываются аналогичным образом.

Сохранившиеся документы позволяют почти поминутно восстановить начало боя.

В 6:07 12 октября 1929 года, ещё до восхода солнца, над кораблями флотилии пролетело три самолета, что означало начало операции.

В 6:12 бомбардировщики первого звена были уже над устьем Сунгари.

В 6:13 монитор «Ленин» под командованием Ю. П. Бирнина, занявший заранее назначенную позицию в протоках между амурских островов, произвёл первый залп по противнику. Затем открыли огонь все корабли ДВВФ. Монитор «Красный Восток» под командованием Я. И. Яунзема обстреливал китайские позиции у деревни Чичихэ.

Канонерские лодки «Бурят», «Красное Знамя» направились к берегу для высадки десанта. На китайской флотилии началась тревога. Инь Цзоцян поднял на мачте флагманской «Лицзе» сигналы «Срочно сниматься с якоря» и «Открыть огонь». На этом организация боя с его стороны практически завершилась — первое звено советских самолётов, выйдя в точку бомбометания, сбросило бомбы на «Лицзе».

Корабли противника снялись с якоря и, маневрируя, открыли огонь по советским кораблям и самолётам.

Второе звено из-за слабого освещения не смогло найти канонерскую лодку «Лисуй» и поэтому отбомбилось по ближайшему вооружённому колёсному пароходу.

Третье звено сбросило бомбы на ещё один вооружённый пароход и вооружённую баржу «Дуньи».

В 6 часов 15 минут самолёты 68-го ОРЕЧГАО бомбили китайские укрепления в районе деревни Чичихэ. Стрелявшие по советским кораблям батареи замолчали, но противник не прекратил сопротивления. Поскольку зенитной артиллерии в Лахасусу не было, китайцы яростно обстреливали атакующие советские самолёты из пулемётов и винтовок²².

Канонерская лодка «Лицзе», получив попадание от монитора «Красный Восток», потеряла способность двигаться, но продолжала стрельбу, как и другие корабли противника.

В ходе боя три трёхдюймовых снаряда попали в монитор «Сунь Ятсен»²³, ещё один снаряд неустановленного калибра — в канонерскую лодку «Пролетарий», однако мощная броня спасла монитор от серьёзных повреждений. «Пролетарий», по проекту лишь частично прикрытый бронёй толщиной 9,5–12,7 мм [15, с. 5], также не получил повреждений, которые были бы способны вывести его из боя.

²² В срочном донесении в Москву было указано, что в ходе боёв за Лахасусу три советских самолёта получили пулевые пробоины, но остались в строю.

²³ Два снаряда попали в монитор «Сунь Ятсен», поразив его в мачту и пробив командирскую каюту навывлет. Ещё один снаряд поразил монитор в борт, однако мощное противоснарядное бронирование спасло «Сунь Ятсен» от серьёзных повреждений.

Канонерская лодка «Беднота» с самого начала боя попыталась выйти в тыл противника через проток Саксена, но ей помешала мель.

В 6:30 десант, высаженный с «Бурята» и «Красного Знамени», закрепился на берегу. В течение часа под огнём противника были переброшены главные силы. В результате короткого боя китайцев выбили из укрепленных пунктов и обратили в бегство.

В 6:33 флагман китайской флотилии — канонерская лодка «Лицзе» получила ряд попаданий с монитора «Свердлов» под командованием П. А. Трайнина и выбросилась на отмель. Носовое орудие канонерки было подбито. По обездвиженному кораблю продолжил стрелять монитор «Красный Восток».

Канонерская лодка «Лисуй» пришла на помощь своему гибнущему флагману и сняла остатки его экипажа. Инь Цзоцян также перешёл на «Лисуй». Но затем и «Лисуй» получила попадание со «Свердлова», которым был убит артиллерийский старшина Чэнь Дайсян, четыре комендора и сигнальщик, а орудие главного калибра выведено из строя. Накренившись, лодка отошла на километр вверх по течению, пытаясь исправить повреждения. Залпы с монитора «Свердлов» вновь накрыли её, после чего «Лисуй» начала сильно парить, однако сумела выйти из боя, а затем стала быстро уходить в направлении Фугдина.

В 6:43 метким огнём с монитора «Красный Восток» на рейде Лахасусу были потоплены вооружённый пароход «Цзянпин» и канонерская лодка «Лицзе», повреждённая огнём со «Свердлова». К тому времени советский монитор «Сунь Ятсен» перенёс огонь на горящий «Цзянтай» и удачным попаданием разбил рулевое управление корабля, после чего расстрелял лишённый возможности маневрировать пароход. Затем на «китайце» была сбита артиллерия. Временно исполняющий обязанности командира «Цзянтай» Мо Яомин погиб на своём боевом посту, пытаясь организовать борьбу за живучесть корабля. Вскоре «Цзянтай» затонул.

К 7:00 наступил кризис боевых действий. Под прикрытием мониторов и канлодок в бой вступили тральщики, которые протралили проход на реке под правым берегом, что позволило канонерским лодкам приступить к высадке основных сил десанта.

Одновременно с началом траления с бронекатера «Пика» высадили разведывательно-десантную группу. Когда она закрепилась на берегу, на помощь ей с минного заградителя «Сильный» был высажен десант, занявший минную станцию и захвативший позиции китайской береговой батареи. Высадка десанта происходила в условиях активного противодействия морской пехоты Ли Жуньцина, неоднократно пытавшейся перейти в штыковую контратаку. Несколько раз бронекатера были вынуждены подходить к

самому берегу и рассеивать накапливавшуюся китайскую морскую пехоту огнём своих орудий и пулемётов.

В 7:25 началась высадка главных сил. Вместе с пехотой на берег были высажены три батареи полевых орудий. Ещё две батареи были установлены на острове в устье Сунгари и открыли огонь по китайским позициям у Могонхо и Чичихэ.

Полковая школа 5-го Амурского полка была высажена с канлодки «Бурят» по сходням и начала наступление на Могонхо. Огонь китайцев заставил школу залечь. Продвигаться до подхода полка было признано рискованным. Примерно через четверть часа высадились главные силы амурцев.

В 7:35 после заправки и пополнения боезапаса два самолёта 68-го ОРЧГАО бомбили на рейде Лахасусу неустановленный корабль и плавучую батарею «Дуньи» — огонь батареи, прикрытой берегом от снарядов с наших кораблей, сильно мешал продвижению советских кораблей.

Несамоходная баржа «Дуньи» пыталась вести огонь из своих двух 120 мм орудий по советским мониторам, но, превратившись в мишень для советских кораблей и авиации, быстро сдалась. После выхода «Дуньи» из боя интенсивность огня со стороны китайцев заметно снизилась.

К 8 часам утра уцелевшие китайские корабли стали уходить вверх по реке. Бой речных сил завершился полной победой ДВВФ и бегством остатков Сунгарийской флотилии.

Однако следует признать, что китайские моряки мужественно сопротивлялись. Так, китайские исследователи считают, что советские мониторы и канонерки выпустили по китайским кораблям и укреплениям более 2 400 снарядов, на что избиваемые китайские корабли ответили не менее чем 600 выстрелами.

Примерно в то же время — ближе к 8 часам, на участке между местом высадки амурцев и волочаевцев высадились артиллерия и подразделения 6-го Хабаровского полка, в том числе полковая школа.

Тем временем перед 40-й эскадрилей были поставлены новые задачи с учётом изменений в обстановке. Первому отряду приказали бомбить «речной крейсер», стоявший на рейде Фугдина. Второй и третий отряды должны были атаковать вооружённые пароходы и канонерскую лодку «Лисуй», уходящие вверх по Сунгари.

Вылет состоялся в 8:40. Пристрелочная бомба «досталась» канонерской лодке «Лисуй». Наконец третьему отряду удалось накрыть канонерскую лодку несколькими попаданиями. По результатам своих визуальных наблюдений экипаж одного из самолётов ошибочно рапортовал о том, что канонерская лодка затонула²⁴.

Всего же до 11 часов утра, согласно докладу помощника начальника 1-го отдела штаба ОДВА Ю. Г. Рубена

(1899–1938), было произведено четыре вылета советской авиации. При этом три самолёта получили пулевые пробоины, но остались в строю [9, с. 128].

Полностью высадка частей 2-й Приамурской дивизии закончилась также только к 11:00. Десант насчитывал в общей сложности 1 117 штыков при 30 ручных и 48 станковых пулемётах и 21 полевом орудии. Наземная часть операции вступала в свою завершающую стадию.

При высадке основные силы десанта были обстреляны артиллерийско-пулемётным огнём, но, преодолевая сопротивление обороняющихся, продолжили наступление между деревнями Могонхо и Чичихэ, стремясь обойти Лахасусу с юга и взять город в кольцо.

Расположенный к востоку от города китайский батальон не стал переходить в контратаку, и комдив Онуфриев, лично возглавивший атаку хабаровцев, ограничился выделением заслона против китайцев, продолжив наступление. К 13:00 город был охвачен с юга частями Хабаровского полка.

Тогда же канлодка «Бурят» высадила ещё один десант у деревни Могонхо, который, при поддержке артиллерии «Бурята», рассеял отступивший в северо-восточном направлении китайский батальон, угрожавший продвижению хабаровцев.

Огромную роль в преодолении сопротивления китайского гарнизона сыграла полковая артиллерия, двигавшаяся вместе с пехотой и помогавшая десантникам методично подавлять очаги сопротивления.

Несмотря на то, что комдив Онуфриев впоследствии утверждал, что «никаких контратак в Лахасусу со стороны белокитайцев не было» [16, с. 236], китайцы довольно долго вели бой на суше. Из батальона морской пехоты под командованием Ли Жуньцина прорвалось и отступило к Фугдину, по словам самого Шэнь Хунле, не более 5-6 человек. Батальон Мэн Чжаолина также понёс большие потери. Сам он был убит. Однако сопротивление остатков китайских частей продолжалось примерно до 15:00, после чего Лахасусу был занят советскими войсками.

Командарм Блюхер докладывал Ворошилову о результатах боя и захваченных трофеях: «У противника выведено из строя 5 военных кораблей, из них 4 на рейде города, главным образом огнем нашей флотилии. Один пароход совершенно затонул, три разбитых сели на мель, из коих одна канлодка. ...С рейда ушла канлодка «Ли-Цзы»²⁵, как показывают пленные, с серьезными повреждениями. Взято 10 полевых орудий, из них 2 старых и 2 полевых, оставленных без замков — взорвано. Снято с судов и вывезено 13 орудий, из них 2 тяжелых. ... Бомбометов взято 11, пулеметов свыше 10 и 2 прожектора» [9, с. 129].

²⁴ Повреждённая канлодка «Лисуй» была затоплена китайцами 19 октября 1929 г. при создании заграждения на Сунгари перед Фугдином.

²⁵ Скорее всего, имеется в виду импровизированная канлодка «Лицзи», представлявшая собой вооружённый гражданский пароход.

Кроме того, трофеями советских войск стали плавбатарей «Дуньи», 4 обычные баржи, 2 моторных катера, а также собрано на берегу около 300 винтовок разных систем. В плен попало 98 человек, из них 68 — ранеными, причём большая часть раненых (около 40 человек) была морскими пехотинцами.

По оценке советского командования, китайские войска и флотилия потеряли около 200 человек убитыми²⁶. Китайцы же были склонны преувеличить свои потери для журналистов: «Наши потери — около 900 человек убитыми. Китайские силы, участвовавшие в бою, насчитывали 2 000 солдат пехоты, 300 человек морской пехоты и 300 человек моряков — итого 2 600 человек. Китайские потери во время боя следующие: солдат убитых 400–500 человек, морской пехоты — до 300 человек и матросов до 60 человек. Только 5 или 6 человек остались в живых из всей морской пехоты, которая занимала передовые позиции на берегу реки. Остальные все были убиты или ранены» [16, с. 236].

Правда, при этом китайские полководцы заявили, что со стороны ДВВФ было потеряно не менее трёх кораблей, убит командующий флотилией и не менее 70 человек из состава его штаба, а потери советского десанта составили не менее 400 человек, при этом также были сбиты два советских самолёта²⁷.

Абсурдность этих утверждений очевидна — ни один советский корабль в бою за Лахасусу не погиб. Остался жив и Я. И. Озолин. Что же касается потерь советской стороны, то официально было заявлено о потере пяти человек убитыми и 24 ранеными.

Высшее советское руководство и командование ОДВА считали, что после показательного избиения китайских «плавсредств» на рейде Лахасусу китайское правительство

должно одуматься и пойти на возобновление переговоров. Но этого не случилось — сам по себе факт быстрого отвода советских войск с китайской территории оказался умело использован пресс-службой Шэнь Хунле, объявившей 14 октября, что уже 13 октября китайские войска изгнали захватчиков с китайской территории.

По сути, эта крупномасштабная операция, проведённая против значительной группировки китайских войск и флота, оказалась не более действенной по своим последствиям, чем обычные «прогулки на маньчжурскую территорию», как называл набеговые действия РККА и ДВВФ в августе-сентябре нарком Г. В. Чичерин.

Немалую роль в распространении слухов и затушёвывании реальных масштабов побоища в устье Сунгари сыграла и боязнь иностранных журналистов посетить место побоища — никто не отважился выехать в Лахасусу из Харбина, чтобы лично ознакомиться с произошедшим. В связи с этим пресса удовлетворилась заявлением штаба Шэнь Хунле.

Для того чтобы усилить пропагандистский эффект, пресс-служба Шэнь Хунле живописала погром в городе, якобы учинённый советскими войсками, которые «перебили всех жителей и побросали трупы убитых в реку, а затем разграбили склады с продовольствием», в котором на советском берегу Амура «ощущался катастрофический недостаток».

Одну из наиболее одиозных версий событий у Лахасусу передал в Госдеп вице-консул США в Харбине Лиллестрём²⁸ 28 октября 1929 года [26, с. 337–338].

Что же происходило в занятом советскими войсками Лахасусу на самом деле? После занятия города трофейные команды собрали брошенное китайцами оружие и снаряжение. В Лахасусу был развёрнут мобильный санитарный пункт, куда сносили не только раненых красноармейцев, но и пленных, а также пострадавших при штурме жителей. С городских складов для беднейших слоёв местного населения раздавались масло, мука, рис, керосин.

Не обошлось и без эксцессов: некоторые красноармейцы, соблазнившись возможностью «прибарахлиться», снимали с убитых часы, собирали фуражки и другие вещи, имевшие реальную ценность. В перлюстрированном орга-

²⁶ Оценка, по всей видимости, основывается на количестве захваченных пленных и винтовок — суммарно получается около 300 винтовок при 98 пленных. Соответственно, по логике производивших подсчёты, оставшиеся 200 винтовок принадлежали погибшим. Однако часть стрелкового оружия могла быть повреждена в бою и поэтому не привлечь внимания трофейных команд, часть — просто брошена отступающими. К тому же не учитывается тот факт, что на кораблях китайской флотилии также были потери, но по количеству брошенных на берегу винтовок количество погибших матросов вычислить невозможно. Скорее всего, советская оценка достаточно близка к истине, но несколько занижает китайские потери.

²⁷ Это неверная информация, корни которой уходят в заявление иностранной прессе, сделанное 14 октября 1929 г. пресс-службой при штабе Шэнь Хунле. Так, основываясь на газетных материалах, китайские исследователи не просто утверждают о попадании командоров «Дуньи» в монитор «Свердлов», но и говорят, что на «Свердлове» погиб советский адмирал, командующий ДВВФ, и ещё 70 командиров и матросов, а сам «Свердлов» затонул. В качестве курьёза можно отметить, что «советского адмирала» в некоторых современных китайских исследованиях по данному вопросу называют «admiral Pstozhekov» (sic!) [24, с. 221].

²⁸ М. Алексеев в своей книге «Советская военная разведка в Китае и хроника «китайской смуты» (1922–1929)» пишет, что Тихо Леонард Лиллестрём (1885–1943) был агентом советской разведки под номером 1716 и псевдонимом «Американец». На посту вице-консула США в Харбине он передавал советской разведке сведения о содержании американских дипломатических депеш в США и указаний Госдепа американским дипломатам. Однако члены Центральной Контрольной Комиссии, проводившей чистку рядов сотрудников КВЖД после окончания конфликта, считали Лиллестрёма американским контрразведчиком, и связь с ним советских функционеров в Харбине рассматривалась какотягающее обстоятельство [13, с. 502].

нами ГПУ письме домой красноармейца Прокудина прямо говорится: «А в домах в городе рвали на портянки, что попало, намотали на ноги шелк, с убитых снимали часы и др. вещи... столько нагребил разных вещей: шляп, фуражек, ботинок, что и донести не мог...» [6, с. 153].

Случаи «барахольства» пресекались в РККА быстро и жёстко, но даже ничтожные факты недостойного поведения красноармейцев тут же стали достоянием слухов, стократно их преувеличивших и затем с радостью воспроизведённых на страницах иностранных газет.

После отвода советских войск, следовавшего к вечеру того же дня, рассеявшиеся в окрестностях китайские войска вновь заняли город. Однако восстанавливать береговую оборону в устье Сунгари китайцы не спешили — остатки гарнизона (около 400 человек) несли в основном патрульную службу и пытались восстановить порядок на местах.

Однако самым удивительным результатом боя у Ляхасусу, наверное, стали даже не хвастливые рассказы пресс-службы адмирала Шэнь Хунле, а заявление ТАСС от 18 октября 1929 года. Оно настолько искажало суть произошедшего, что уместно привести его здесь дословно, чтобы стало ясно, насколько официальная версия событий отличалась оттого, что произошло в реальности: «... 10 октября по Амуру появились плавучие мины, пущенные китайским командованием из устья р. Сунгари; часть мин была обнаружена близ стоянки наших военных и коммерческих судов, и лишь благодаря бдительности сторожевых катеров мины были своевременно замечены, и этим самым предупреждены потери и жертвы в нашем флоте²⁹. Все эти враждебные действия китайских войск и белогвардейских банд грозили полным прекращением нормального сообщения по р. Амуру.

11 октября огонь из китайских окопов в устье Сунгари по нашему войсковому охранению и сторожевым судам продолжался целый день. В результате мы насчитывали несколько убитых и раненых. Наконец, 12 октября, на рассвете караван проходящих по Амуру судов подвергся

внезапному обстрелу со стороны сунгарийской китайской речной флотилии, после чего при поддержке артиллерийского огня китайские войска пытались высадить десант на наш берег.

Эти последние действия не могли не встретить немедленного противодействия с нашей стороны. Расположенные против устья Сунгари наши красноармейские части совместно с амурской военной флотилией энергичным контрударом опрокинули китайский десант и преследовали его на китайский берег. Здесь, преодолев короткое сопротивление противника, наши части обезоружили китайские гарнизоны д. Чичиха и крепости Ляхасусу. В то же время наша флотилия привела к молчанию китайские речные суда. Проведя эту операцию, наши части в тот же день вернулись на советский берег.

В результате этого была предотвращена назревавшая угроза вторжения генеральских и белогвардейских банд и восстановлено беспрепятственное плавание по р. Амуру» [8, с. 560–561]...

С момента событий на КВЖД прошло 90 лет. Сегодня Россия и Китай поддерживают между собой добрососедские отношения, развивая всестороннее партнёрство. Современное руководство КНР не несёт ответственности за военно-политическую авантюру, предпринятую гоминьдановским правительством Китайской Республики в 1929 году. Поэтому к настоящему времени исследования по ситуации на КВЖД в этот период целиком и полностью перешли из политической в историческую плоскость, что позволяет начать их добросовестное и профессиональное изучение историками обеих стран.

Справедливая и всесторонняя оценка этих событий позволит избежать повторения подобных ситуаций в будущем. Надеемся, что этот опыт исторической реконструкции одного из крупнейших в истории военных флотов мира речных сражений позволит открыть новую страницу в исследованиях по истории Дальнего Востока первой половины XX века.

²⁹ По собранным исследователем дальневосточного речного пароходства Л. А. Яковенко данным, ситуация с минами разворачивалась так: «7 сентября также вблизи устья [Сунгари] обнаружены 4 плавучие мины, затем 7.10.1929 там же выловлено еще 7, а к 3.11. и к 5.11. еще 3 и 9 мин уже у Хабаровска». Но еще 11 сентября 1929 г. в газете «Красное Знамя» № 207 (3179) говорилось, что в связи с падением уровня воды в Сунгари существует опасность срыва мин, выставленных китайцами в устье Сунгари, с якорей и выноса их течением Сунгари в Амур, что может представлять собой угрозу судоходству на Амуре. Про специальный запуск мин в Амур не шло и речи. Подтверждением этой версии может служить и книга «На Дальневосточной вахте», вышедшая в 1931 г. В ней указывалось, что имел место всего один случай, когда сорванную с якоря мину обнаружил сторожевой катер и расстрелял её, предотвратив возможный подрыв советских кораблей [19, с. 17–18].

Список использованных источников

1. Алексеев, М. Е. Советская военная разведка в Китае и хроника «китайской смуты» (1922–1929) / М. Алексеев. — Москва : Кучково поле, 2010. — 606 с.
2. Багров, В. Н. Краснознаменная Амурская флотилия / В. Н. Багров, Н. Ф. Сунгоркин. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Воениздат, 1976. — 197 с.
3. Благодатов, А. В. Записки о китайской революции 1925–1927 гг. / А. В. Благодатов. — Москва : Наука, 1970. — 249 с.
4. Воробьёв, В. Лахасусу / В. Воробьёв // Форпост героев : Героические повествования о подвигах дальневосточников. — Хабаровск, 1969. — С. 215–220.
5. Глущенко, В. И. На Амуре и Сунгари / В. И. Глущенко // Цитадель. — 2016. — № 13. — С. 87–110.
6. Дацышен, В. Г. Благовещенск и советско-китайский конфликт на КВЖД 1929 г. // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества : материалы Междунар. науч.-практ. конф. — Благовещенск, 2016. — Вып. 6. — С. 148–155.
7. Дёмин, А. А. Авиация Великого соседа. Кн. 1 : У истоков китайской авиации / А. А. Дёмин. — Москва : Фонд содействия авиации «Русские витязи», 2008. — 543 с.
8. Документы внешней политики СССР. Т. 12 : 1 января – 31 декабря 1929 г. / ред. коллегия: И. И. Агаянц [и др.]. — Москва : Госполитиздат, 1957. — 816 с.
9. Дятлов, В. В. История артиллерии в военных конфликтах с участием РККА (1929–1940 гг.) : дис. ... докт. ист. наук : 07.00.02 / В. В. Дятлов ; [место защиты: Иркут. гос. ун-т]. — Иркутск, 2014. — 473 с.
10. Дятлов, В. В. Применение советской артиллерии на начальном этапе вооружённого конфликта на КВЖД / В. В. Дятлов // Вестн. ИрГТУ. — 2013. — № 7 (78). — С. 255–259.
11. Киселёв, Д. В. Германская «Выдра» для Янцзы. Речная канонерская лодка «Оттер». Ч. 1 / Д. В. Киселёв, В. А. Галыня // Арсенал-Коллекция. — 2014. — № 10. — С. 42–52.
12. Киселёв, Д. В. Германская «Выдра» для Янцзы. Речная канонерская лодка «Оттер». Ч. 2 / Д. В. Киселёв, В. А. Галыня // Арсенал-Коллекция. — 2014. — № 11. — С. 41–49.
13. Крюков, В. М. КВЖД 1929 : взрыв и эхо / В. М. Крюков, М. В. Крюков. — Москва : Ин-т востоковедения РАН, 2017. — 623 с.
14. Кулагин, В. М. Подвиг Особой Дальневосточной : [док. повесть] / В. М. Кулагин, Н. Н. Яковлев. — Москва : Мол. гвардия, 1970. — 190 с.
15. Лапшин, Р. В., Митюков, Н. В. Амурские канонерки. Речные канонерские лодки типов «Бурят» и «Вогул». Ч. 1 / Р. В. Лапшин, Н. В. Митюков // Морская коллекция. — 2016. — № 12. — С. 1–32. — Прил. к журн. «Моделист-конструктор».
16. Онуфриев, И. А. В боях против белокуитайцев (личные воспоминания комдива) / И. А. Онуфриев // Созвездие полководцев. — Благовещенск, 1972. — С. 211–250.
17. Пастухов, А. М. Канонерки, золото, хунхузы: отряд ВМФ Китая в Николаевском инциденте (1920) / А. М. Пастухов // Арсенал-Коллекция. — 2017. — № 9. — С. 37–56.
18. Родевич, Вс. М. Сунгари от истока до впадения в Амур : В 3 ч. Ч. 1–3 / На основании материалов по исследованию реки Сунгари партией М-ва пут. сообщ. в 1904 г. сост. нач. партии инж. пут. сообщ. Вс. М. Родевич. — Санкт-Петербург : тип. М.П.С. [М-ва пут. сообщ.] (т-ва И. Н. Кушнерев и К°), 1906. — 3 т.
19. Степанов, Ст. На Дальневосточной вахте / Ст. Степанов. — Москва : Огиз — Гос. воен. изд-во, 1931. — 54 с.
20. Черников, И. И. Мониторы типа «Шквал» / И. И. Черников. — Санкт-Петербург : Гангут, 2009. — 74 с. — (Мидель-Шпангоут ; № 16).
21. Черников, И. И. Речные дредноуты. Мониторы типа «Шквал» / И. И. Черников. — Москва : Яуза : Эксмо, 2012. — 95 с.
22. Миньго цзюньши ши 1929–1936 = (История вооружённых сил Китайской Республики 1929–1936). Т. 2 / сост. Цзян Кэфу. — Тайбэй : Сунбо чубань ши, 2016. — 348 с.
23. Цю Сихай. Миньго шици Дунбэй хайцзюнь ды синшуай = (Подъём и упадок военно-морских сил Маньчжурии в период Республики) / Цю Сихай // Цзюньши лиши = (Военная история). — 2009. — № 1. — С. 44–47.
24. Чжунхуа Миньго хайцзюнь лучжаньдуй фачжаньши = (История морской пехоты Китайской Республики) / сост. Сунь Цзяньчжун. — Табэй : Гофанбу (Министерство обороны), 2010. — 363 с.
25. Katorin Y. Aircraft carriers on the rivers / Y. Katorin // International Naval Journal. — 2015. — Vol. 1 (5). — Pp. 14–22.
26. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States 1929 (in Three Volumes). Vol. II. — Washington : United States Government Printing Office, 1943. — 1132 p.
27. Walker, Michael M. The 1929 Sino-Soviet war : the war nobody knew / Michael M Walker. — Lawrence, Kansas : Univ. press of Kansas, cop. 2017. — VIII, 400 p.

Фотографии предоставлены автором.
Материал поступил в редакцию 26.03.2019 г.

Сведения об авторе: Пастухов Алексей Михайлович, эксперт Министерства культуры Российской Федерации по предметам и коллекциям огнестрельного и холодного оружия XV–XX веков, член Российской Ассоциации Университетского Корееведения (РАУК), член Национальной Ассоциации Оружейных Экспертов (НАОЭ), автор более 50 статей по истории военного дела стран Дальнего Востока, соавтор книг на военно-историческую тематику «Золотой блеск эпохи. Крепости и вооружение Азии» (Москва, «Бук-Хаус», 2006 г.), «Очерки истории российского Дальнего Востока XVII–XVIII вв.» (Хабаровск, ДВАГС, 2009 г.), «Побеждённый дракон. Китайский флот в войне против Японии (1894–1895 гг.)» (Москва, «Яуза-Эксмо», 2016 г.), автор китайской части раздела каталога Государственного музея искусства народов Востока (ГМИНВ) «Смертельная красота. Оружие Индии и Китая» (Москва, 2015 г.) (г. Москва).
Контактные данные: e-mail: chinese warfare@inbox.ru.

ФЛИЕР АНДРЕЙ ЯКОВЛЕВИЧ

ЕЩЁ ОДНА ТИПОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Статья разворачивает ещё одну возможную типологию культуры, выделяющую типичные области культуры, которые наиболее способствуют социальной интеграции всякого локального сообщества, противопоставляя их нетипичным отраслям, не преследующим такой цели. Также автор рассматривает проблему социального выравнивания культуры и основные каналы, по которым осуществляется трансляция главных культурных понятий и смыслов, способствующих социальной интеграции сообщества.

Ключевые слова: культура, язык, обычаи, социальные ритуалы, религиозные ритуалы, образ жизни, верования, идеология, ценностная картина мира, искусство, философия.

Keywords: culture, language, mores, social rituals, religious rituals, lifestyle, beliefs, ideology, value picture of the world, art, philosophy.

Любая культурная типология — это условность, создаваемая учёными для удобства описания и исследования культуры. Сама же реальная культура (локальная культурная система) представляет собой информационное поле, некую информационную непрерывность, растекающуюся между людьми и связывающую их подобно цементному раствору в ту или иную социальную целостность. Конечно, конкретные культурные феномены обладают определёнными специфическими чертами, по которым и осуществляется их типологизация. Но большинство этих черт амбивалентно и ситуативно воздействует то на этническую консолидацию, то на сословную, то на религиозную. Поэтому в разных типологиях эти параметры относятся то к этническим, то к конфессиональным, то к иным типам.

Вместе с тем все культурные феномены так или иначе (непосредственно или опосредованно) работают на социальную интеграцию своего сообщества и одновременно на его размежевание с иными сообществами. Причины этой двойственной функции культуры, работающей одновременно и на интеграцию, и на дифференциацию, связаны с разделением человечества на разные народы, истоки которого являются одной из сложнейших и до сих пор нерешённых аналитических проблем в общественных науках и сейчас рассматриваться не будут.

Культуру обычно группируют в отрасли социально значимой деятельности, такие как религия, искусство, язык и т. п. Хотя я сам как учёный с большим сомнением отношусь к тому, что искусство является частью культуры, но поскольку эта включённость остаётся массовой точкой зрения, в данной статье я буду придерживаться этой массовой позиции.

Различные отрасли культуры в принципе можно разделить на типичные и нетипичные. Под типичными явлениями мной понимается высокая частотность использования соответствующих культурных феноменов в социальной жизни, их массовая распространённость, практическая внедрённость в культуру большей части населения, а также их непосредственная целеустановка на обеспечение социальной интеграции сообщества. Нетипичные явления культуры могут быть также широко распространены, но пользование ими является прерогативой ограниченной части населения, в первую очередь специалистов соответствующего профиля и некоторой группы поклонников, а главное в том, что, хотя они тоже активно участвуют в социальной интеграции, но специально этой цели не преследуют, а выполняют её латентно и ситуативно.

К типичным явлениям культуры относятся:

- язык (см. [6]), который как явление культуры делится на:
 - нормативный литературный язык (на котором написана большая часть классической национальной литературы, который преподаётся в школе, изучается иностранцами и т. п.),

- повседневный разговорный язык большей части населения,

- профессиональные сленги (например, у врачей, музыкантов и т. п.),

- социальные сленги (например, блатная «феня», ненормативная лексика и проч.),

- региональные диалекты;

- обычаи (см. [1]) (этнические и социальные), в которых можно выделить:

- домашние бытовые обычаи,

- соседские обычаи,

- профессиональные обычаи,

- этнические обычаи,

- сословные обычаи;

- социальные ритуалы (см. [1]), среди которых можно выделить:

- обыденные ритуалы (вежливость, этикет, гостеприимство и т. п.),

- праздничные ритуалы (нормы поведения на днях рождения, свадьбах и юбилеях брака, встречах Нового года, проводах в армию и проч.);

- религиозные ритуалы (см. [2]), которые с культурологических позиций можно разделить на:

- храмовые ритуалы (богослужения, жертвоприношения, инициация младенцев, отпевание покойников и проч.),

- внехрамовые ритуалы (индивидуальные молитвы, домашнее отмечание религиозных праздников, похороны, поминки и т. п.),

- религиозные ограничения в поведении и питании,

- паломничество;

- образ жизни (см. [5]), в котором выделяются:

- профессиональная деятельность, влияющая на обыденное сознание человека,

- домашнее хозяйство,

- семейные отношения,

- отношения с дружеским окружением,

- предпочитаемые формы досуга (туризм, занятия спортом, увлечения, игры, вечеринки, антисоциальные формы досуга и проч.),

- информационное (СМИ) и интеллектуально-культурное потребление (литературное и художественное),

- предпочитаемые предметы материального потребления (еда, одежда, обстановка дома, средства транспорта и связи и т. п.),

- пространственная организация образа жизни (включая жилище),

- временная организация образа жизни,

- витальное и бытовое обеспечение образа жизни (медицина, прачечные, ремонт, водо- и энергоснабжение и проч.);

- верования (см. [2]), которые можно поделить на:

– верования, основанные на письменных «священных текстах»,

– верования, основанные на устных народных преданиях;

• *идеологию* (см. [7]), которая делится на:

– системную политико-культурную идеологию, пропагандируемую государством через СМИ, религиозные и общественные движения, в образовательных учреждениях и проч.,

– массовую политическую мифологию, являющуюся «народной интерпретацией» официальной идеологии, приправленную слухами, сплетнями, мифами и т. п.;

• *ценностную картину мира* (см. [11]), в которой можно выделить:

– систему идеальных ценностей, предпочитаемых теоретически,

– систему утилитарных ценностей, предпочитаемых человеком в практической жизни,

– самоидентификацию индивида в этносоциальном, политическом и культурно-ценностном пространстве социальной реальности.

К нетипичным явлениям культуры, высоко специфичным по сравнению с типичными, относятся:

• *искусство* (см. [3]), которое с позиций культурологии можно разделить на:

– профессиональное художественное творчество, реализуемое в определённом социальном и политическом контексте,

– самодеятельное художественное творчество, фольклор, тоже подверженный большому влиянию социального контекста,

– интерпретацию искусства потребителями, в которой также можно выделить:

* толкование искусства профессиональными интерпретаторами, в той или иной мере ангажированными доминирующей идеологией или оппозиционными настроениями,

* интерпретацию искусства рядовыми потребителями, не искушёнными в профессиональных рефлексиях;

• *философию* (см. [8]), которую можно разделить на:

– богословие,

– внерелигиозную философию (включая этику и эстетику),

– околофилософскую публицистику.

Для нетипичных отраслей культуры характерно то, что они обладают социальной актуальностью только для ограниченного круга людей. Например, искусство в течение своей истории было доступно преимущественно аристократии, а для народных масс оно существовало в основном как сегмент религиозной культуры и в качестве искусства фактически не воспринималось (за исключением театра).

И даже в современную эпоху высокое искусство остаётся актуальным лишь для высококультурной части населения, а для остальных задействована массовая культура. Тем более народная масса не владела каким-либо знанием философии. Ну а задачи обеспечения социальной интеграции никогда не стояли ни перед искусством, ни перед философией, хотя ситуативно в разных случаях они этому способствовали.

Вне нашего рассмотрения остался ряд явлений, которые также обычно относят к отраслям культуры, но которые могут быть оценены как чисто технические инструменты, обеспечивающие функционирование культуры, но не порождающие новые культурные формы. Это, во-первых, воспитание и образование, транслирующие культуру следующим поколениям (межпоколенную трансляцию не нужно путать с социальной трансляцией, которая решает совсем другие задачи; межпоколенная трансляция решает задачу исторического воспроизводства культуры, а социальная — задачу актуальной социальной интеграции). И, во-вторых, гуманитарную науку, как инструмент саморефлексии культуры, познания ею самой себя. Они обслуживают имеющуюся культуру, но новую культуру не порождают (в том смысловом понимании культуры, что рассматривается в настоящей статье).

Цель построения этой типологии совершенно очевидна: выделить типичные области культуры — язык, обычаи, социальные ритуалы, религиозные ритуалы, образ жизни, верования, идеологию, ценностную картину мира, которые непосредственно способствуют социальной интеграции сообщества, что нормативной теорией культуры [9; 10] определяется главной социальной задачей культуры в целом. И противопоставить их нетипичным областям — искусству и философии, которые, конечно, играют значимую роль в интеграции, но специально к этому не стремятся.

Но не только это. Предложенная типология позволяет понять взаимосвязь системы идеальных ценностей с повседневным образом жизни. Идеальные ценности через идеологию влияют на обычаи, социальные и религиозные ритуалы, которые в совокупности составляют наиболее существенную часть образа жизни. А нормы образа жизни через язык пополняют систему идеальных ценностей и постепенно становятся её основой. Исследуя систему идеальных ценностей какой-либо локальной культуры, можно реконструировать основные параметры образа жизни населения, а исследуя его образ жизни, можно выстроить модель системы его идеальных ценностей. Локальная культура начинает пониматься как система взаимосвязанных сосудов. В качестве отрасли культуры мы выделяем тот или иной сосуд и сосредотачиваем на нём внимание. Но мы редко задумываемся над тем, что при этом работает вся система, где всё взаимосвязано и влияет друг на друга, что приводит к определённому выравниванию культуры.

Конечно, подобное социальное выравнивание культуры относительно. В истории между культурами аристократии (интеллектуалов) и простого малограмотного народа сохранялся существенный разрыв, в большой мере связанный с аналитическими задачами, которые им приходилось решать. И даже сейчас при отсутствии социального (сословного) неравенства культурное неравенство между людьми очень заметно. Но всё же определённое выравнивание понятий и смыслов в этническом (позднее национальном) масштабе происходило. Иначе культура не обладала бы целостными атрибутивными этническими/национальными чертами.

Главными каналами, по которым происходит это понятийно-смысловое выравнивание, являются идеология и язык. Если в первобытную эпоху большого разрыва между культурой вождей и остального племени не наблюдалось (см. [4]), то в аграрную эпоху разрыв между культурами аристократии и плебса уже был очень большим. Новые смыслы рождались преимущественно в культуре аристократии и транслировались «вниз» главным образом с помощью идеологии, функции которой в ту эпоху полностью монополизировала религия. Мы хорошо знаем о том, какую общекультурную выравнивающую роль в аграрную эпоху играла религия. Так было во всём мире, пожалуй, за исключением средиземноморской Античности, которая по ряду причин вообще являлась исключением из норм мировой истории.

В индустриальную эпоху информационный тренд поменялся. Новые понятия и смыслы рождались уже в низовой среде и транслировались «наверх» с помощью языка по каналам литературы, а позднее печатных и электронных СМИ. Конечно, писателями в основном были выходцы из высокообразованных слоёв (хотя бывали и исключения), но уж журналисты к аристократии отношения не имели. Так или иначе, но новые понятия и смыслы черпались в основном в массовой городской среде, попадали на страницы книг, газет и журналов и становились общекультурными. В индустриальную эпоху в общенациональном культурном выравнивании большую роль начало играть и массовое образование, внедрявшее в культуру национальные стандарты языка и общей эрудиции.

С наступлением постиндустриальной эпохи, стиранием последних следов социального неравенства и возобладанием массовой культуры трансляция новых культурных понятий и смыслов в общекультурном масштабе ещё больше закрепились за СМИ, а соответственно и за языком, на котором эти смыслы транслируются.

Вместе с тем нужно коснуться и особой роли искусства и философии в процессе социальной трансляции культурных смыслов. В аграрную эпоху полноценный контакт с искусством и философией могли иметь только высшие сословия.

Для низших сословий социальным транслятором культурных смыслов была религия, и основная масса населения видела искусство и философию преимущественно в религиозных формах и воспринимала их как часть религиозного культа.

В индустриальную эпоху новые культурные смыслы стали рождаться в народной массе, и их транслятором уже никак не могла быть религия, социальное влияние которой в ходе урбанизации и роста массовой грамотности с середины XIX века заметно упало. И религию в качестве транслятора культурных смыслов начало вытеснять искусство (в первую очередь художественная литература). Но это продолжалось недолго. «Торжество книги» в культуре масс продержалось примерно с середины XIX по середину XX века. Увлечение буржуазной среды классической музыкой, живописью, театром тоже было недолгим. Уже в конце XIX – начале XX века городское население Европы и Америки начало переключаться с высокой культуры на массовую художественную культуру, с литературы на кино, с симфоний на песни, с живописи на фотографию и т. п., во многих своих чертах родственных «бульварной журналистике». Массовая культура в XIX веке начиналась с оперетты, ресторанных куплетистов, увлечения «цыганщиной», в Америке родился негритянский джаз. В первой половине XX века постепенно оформилась эстрадная музыка, вместе с кино определившая стилистику массовой культуры.

Основными каналами социальной трансляции культурных смыслов стали массовая культура и СМИ, всё больше сближавшиеся по своим социальным чертам с массовой культурой, особенно на телевидении. Высокое искусство, как и философия, осталось предметом интереса в основном гуманитарной интеллигенции («людей книги»). До какой степени уместно сегодня говорить об искусстве и философии как социальных трансляторах культурных смыслов, не ясно. Они исполняют эту функцию только по отношению к гуманитарной интеллигенции. Рассуждать об этом тем более сложно в современной ситуации перехода от книжной культуры к экранной.

Не будем забывать, что и массовая художественная культура — это тоже искусство, но с принципиально иной социальной функцией. Высокое искусство на протяжении большей части своей истории было компонентом религиозного обряда и выполняло общую с ним функцию воспитания и умственного развития верующих. Эта функция культурного воспитания и развития сохранилась за высоким искусством и в новое время. Массовое же искусство предназначено только для развлечения. А развлечение никогда не требовало большой концентрации смыслов, и массовая культура не очень сосредотачивается на них. К функции развлечения тоже нужно относиться серьёзно, поскольку заполнение досуга людей сегодня является большой социальной проблемой.

Но это уже иная тема, не имеющая отношения к вопросам, обсуждаемым в этой статье.

Таким образом, предлагаемая типология позволяет глубже понять взаимосвязанность всех отраслевых составляющих культуры, процесс её содержательного выравнивания как компенсации социальной неравно-

мерности общества, ключевые каналы и передаточные механизмы трансляции основных культурных понятий и смыслов между социальным «верхом» и «низом». Всё это является важной характеристикой повседневного функционирования культуры, редко попадающей в зону внимания исследователей.

Список использованных источников

1. Арутюнов, С. А. Народы и культуры : Развитие и взаимодействие / С. А. Арутюнов. — Москва : Наука, 1989. — 247 с.
2. Зубов, А. Б. История религии : курс лекций. Кн. 1 : Доисторические и внеисторические религии / А. Б. Зубов. — Москва : МГИМО-Университет, 2006. — 436 с.
3. Каган, М. С. Морфология искусства. Ч. 1–3 : ист.-теорет. исследование внутр. строения мира искусств / М. С. Каган. — [Ленинград] : [Искусство, Ленингр. отд-ние], [1972]. — 440 с.
4. Малиновский, Б. Динамика культурных изменений. Исследование расовых отношений в Африке / Б. Малиновский // Избранное : Динамика культуры. — Москва : РОССПЭН, 2004. — С. 5–210.
5. Орлова, Э. А. Понятие «образ жизни» в контексте изучения социокультурной микродинамики / Э. А. Орлова // Обсерватория культуры. — 2011. — № 2. — С. 28–36.
6. Пинкер, С. Язык как инстинкт / С. Пинкер. — Москва : УРСС, 2004. — 455 с.
7. Семигин, Г. Ю. Идеология / Г. Ю. Семигин // Новая философская энциклопедия : в 4 т. Т. 2. — Москва, 2001. — С. 81–83.
8. Спиркин, А. Г. Основы философии : учеб. пособие для вузов / А. Г. Спиркин. — Москва : Политиздат, 1988. — 592 с.
9. Флиер, А. Я. Очерки теории исторической динамики культуры / А. Я. Флиер. — Москва : Согласие, 2012. — 528 с.
10. Флиер, А. Я. Предназначение культуры / А. Я. Флиер // Вестн. Моск. гос. ин-та культуры. — 2016. — № 3. — С. 24–31.
11. Ценности культуры и современная эпоха : [сб. ст.] / АН СССР, Ин-т философии ; [редкол.: Н. Н. Лебедева (отв. ред.), Е. В. Озобкина]. — Москва : ИФАН, 1990. — 132 с.

Материал поступил в редакцию 04.09.2018 г.

Сведения об авторе: Флиер Андрей Яковлевич, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Российского НИИ культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, профессор Московского государственного лингвистического университета (г. Москва).

Контактные данные: e-mail: andrey.flier@yandex.ru.

ЕРМАКОВА НАТАЛЬЯ ЛЕОНИДОВНА

СТАНОВЛЕНИЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ В РОССИИ И ЕЁ РАЗВИТИЕ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ

В данной работе проанализированы предпосылки возникновения первых кооперативов в мире, обозначены основные этапы развития потребительской кооперации в России и формирования государственной политики в сфере кооперации, а также проведён анализ деятельности системы потребительской кооперации в начальный период формирования рыночных отношений в России. На обширном архивном материале представлены данные о развитии и становлении системы потребительской кооперации на Дальнем Востоке России.

Ключевые слова: потребительская кооперация, государственная политика, национализация экономики, законодательная база.

Keywords: Consumers' co-operatives, Public policy, nationalization, the legislative framework.

Термин «кооперация» вошёл в обиход в начале XIX века и означал специфическую форму общественно-экономической организации потребителей и мелких товаропроизводителей в условиях капиталистического типа товарно-денежных отношений в целях защиты своих экономических интересов [17, с. 43]. Большинство исследователей кооперации связывали начало такого вида деятельности с 1844 года. Тогда рабочими-текстильщиками фабричного посёлка Рочдейль (Великобритания) был создан потребительский кооператив под названием «Рочдейльские пионеры». Основной идеей создания кооперативов послужила взаимопомощь в труде и быте его членов. Рост числа таких объединений постепенно привёл к кооперативному движению. Во всех секторах экономики создавались кооперативы в форме потребительских, кредитных и сельскохозяйственных обществ.

Кооперативное движение в Российской империи стало заметным явлением лишь в конце XIX века, но уже задолго до 1917 года вышло на первое место в мире по всем основным параметрам (число кооперативов, численность занятых в них людей, товарооборот, качество продукции). Динамика кооперативного движения представлена в таблице 1.

Таблица 1. Динамика кооперативного движения в России за 1875–1904 годы [21, с. 147]

Годы	Потребительские общества	Кредитные общества	Сельскохозяйственные общества	Маслодельные артели
1875	10	568	–	–
1885	29	988	–	–
1895	240	720	–	–
1904	951	1 461	425	300

В России впервые попытку классифицировать кооперативы предпринял экономист М. И. Туган-Барановский. Он выделял кооперативы в сфере собственности и в сфере производственных отношений. К 1917 году в России сложилась общепринятая классификация кооперативов: потребительские, кредитные, сельскохозяйственные кооперативы и производственные артели.

Анализ вышеприведённых данных показал, что наибольшее развитие в эти годы получила кредитная кооперация. Потребительские общества развивались медленными темпами. Более половины всех зарегистрировавшихся потребительских обществ были городскими, объединявшими главным образом мещанские и чиновничьи слои. Позднее такие кооперативы стали называться всесословными или общегражданскими, так как принимали в качестве своих членов всех граждан, независимо от сословной принадлежности. Создавались и однородные по социальному составу

рабочие потребительские общества при фабриках и заводах, в рабочих посёлках, промышленных центрах, ведомствах. В Западной Европе потребительская кооперация зародилась и получила наибольшее развитие в пролетарской среде. В России потребительская кооперация получила распространение среди рабочих и приняла при этом форму зависимых от администрации предприятий — фабрично-заводских обществ [7, с. 38].

Организационная структура потребительской кооперации в России стала складываться к концу XIX века. 16 июня 1898 года было утверждено Положение о Московском союзе потребительских обществ (МСПО). В его состав входило 18 потребительских обществ: «Взаимная польза» в г. Москве; «Бережливость» — общество служащих Московско-Ярославской железной дороги; экономическое общество офицеров Московского военного округа; общество служащих Московско-Казанской железной дороги; общество потребителей при мануфактуре ковровых изделий на станции Завидово Николаевской железной дороги (Московская губерния); Чердынское потребительское общество (Урал); Верхне-Уфалейское потребительское общество (Урал); Кыновское потребительское общество (Урал); Пашийское потребительское общество (Урал); Усольское-сельское потребительское общество (Урал); Тверское потребительское общество; Уфимское потребительское общество; Красноярское городское потребительское общество (на Енисее); Спасское потребительское общество (Тамбовская губерния); общество при Горбатовской писчебумажной фабрике Способина (Владимирская губерния); экономическое общество потребителей офицеров Первой закаспийской стрелковой бригады (г. Ашхабад); экономическое общество потребителей офицеров Одесского военного округа; общество потребителей при Кулебакском заводе (село Кулебаки Ардатовского уезда Нижегородской губернии) [19, с. 43]. Из приведённого списка обществ видно, что лишь пять из восемнадцати находились в Москве и Московской области, остальные тринадцать размещались за пределами Московского региона, в десяти губерниях России. По своему социальному составу учредители распределились следующим образом: одно потребительское общество было сельское, объединившее крестьян села Усолье и окрестных селений, а также рабочих и служащих соляных промыслов, два — железнодорожных, три потребительских общества были офицерские, шесть — фабрично-заводских и оставшиеся шесть обществ были городскими, в которые входили все сословия.

В 1903 году Центросоюз МСПО стал издавать свой журнал «Союз потребителей», а в 1908-м провёл I Всероссийский кооперативный съезд в Москве. Через четыре года, при поддержке всей потребительской кооперации

России, Центросоюз МСПО основал Московский народный банк, который занимался созданием, инвестированием, консультированием потребительских обществ, а также экспортно-импортными операциями.

Вскоре началось создание губернских союзов потребительских обществ, среди них: Киевский союз потребительских обществ, возник в 1909 году; в 1910 году образовались Кубанский союз потребительских обществ и Кавказское кооперативное товарищество; в 1912-м — Пермский союз потребительских обществ и Товарищество потребительских обществ Юга России [4, с. 112]. Хозяйственным и организационным центром оставался Московский союз потребительских обществ, который придавал кооперативному движению России необходимую устойчивость и силу.

Возникнув первоначально в городах и на промышленных предприятиях, в российской деревне потребительская кооперация долго оставалась малозаметным явлением. Но со временем потребительские общества получали всё более широкое распространение и там. К 1907 году на сельскую местность приходилось уже 40 процентов их общего числа. Позже, в последнее предреволюционное десятилетие, как пишет историк Л. Е. Файн, сельские общества становятся преобладающими в системе потребительской кооперации. По наиболее полным из сохранившихся данных — списку всех потребительских обществ, на 1 января 1912 года из общего числа — 7 276 на сельские приходилось 5 230, или 71,9 процента [18, с. 41].

К 1914 году Московский союз объединял 1 265 потребительских обществ и 24 губернских и районных союза. Оборот его собственных торговых и промышленных предприятий превысил 10 млн рублей [3, с. 3]. Ход развития кооперации в России к 1917 году представлен в таблице 2.

Таблица 2. Динамика кооперативного движения в России с 1905 по 1917 год [8, с. 35]

Год	Потребительские общества	Кредитные кооперативы	Сельскохозяйственные товарищества	Маслодельные артели
1905	1 100	1 629	6	—
1910	5 620	6 693	273	1 400
1915	14 500	15 573	1 669	2 700
1917	35 000	16 417	6 100	3 000

Как видно из данных таблицы, к 1917 году развитие потребительской кооперации приобрело массовый характер. Общее число обществ за двенадцать лет возросло в шесть раз, а количество членов в них — в тридцать три раза. В отличие от кредитной, которая обслуживала в основном производственные нужды крестьян, потреби-

тельская кооперация объединяла и крестьян, и рабочих, а также другие слои населения города и деревни, помогая им удовлетворять насущные потребности в пище, одежде, товарах повседневного обихода. В целом же потребительская кооперация стала не только серьёзным источником удовлетворения потребностей отдельных групп населения, но и важным фактором экономической жизни страны. Товарооборот потребительской кооперации в 1917 году составил 1 298 млн рублей [22, с. 89], а удельный вес товарооборота потребительской кооперации ко всему товарообороту потребительских товаров в России в этом же году составил около 10–13 процентов [16, с. 238]. Общим итогом развития российской потребительской кооперации к 1917 году стал её выход на первое место в мировом кооперативном движении по числу потребительских обществ и численности их членов.

После Октябрьской революции 1917 года произошло огосударствление потребительской кооперации: из общественно-хозяйственной системы она была превращена в технический аппарат государственных продовольственных органов [19, с. 56]. По мнению Л. Е. Файна, новая власть обусловила выдвижение максималистской утопической концепции организации функционирования общества как единой сети «потребительских-производственных коммун» [19, с. 120]. Изложена она была в написанном В. И. Лениным в конце декабря 1917 года документе, получившем название «Проект декрета о потребительских коммунах», и в ряде других материалов, подготовленных в конце 1917 – начале 1918 года.

Отметим непосредственную зависимость функционирования системы потребительской кооперации от государственной политики. В апреле 1918 года на заседаниях Совнаркома РСФСР в результате переговоров с руководящими деятелями кооперации был выработан и принят компромиссный Декрет о потребительских кооперативных организациях, в соответствии с которым кооперативные общества брали на себя выполнение государственных поручений по распределению предметов потребления среди всего населения. Для надзора за деятельностью субъектов системы потребительской кооперации были созданы кооперативные отделы в Наркомпроде и в Высшем совете народного хозяйства (ВСНХ). Партийные и государственные органы приняли решение о контроле за системой потребительской кооперации через правление Центросоюза. В марте 1919 года Совнаркомом РСФСР был принят Декрет о потребительских коммунах. Если в ходе принятия первого декрета был предварительно опубликован его проект, велось интенсивное обсуждение в течение более чем трёх месяцев, а его принятие шло на заседании СНК с участием представителей кооперативных организаций, то вторым декретом кооператоры были поставлены перед совершившимся фактом (7 марта было решено такой декрет разработать, а 16–17 марта 1919 года

СНК его уже принял). В январе 1920 года на очередном заседании СНК был принят Декрет об объединении всех видов кооперативных организаций. В результате принятия вышеназванных декретов произошла реорганизация кооперативной системы страны: от идейной основы компромисса с кооперацией до идеи «единого всенародного кооператива» при диктатуре государственных органов.

Итогом реорганизаций (1918–1920 гг.) стало ослабление самостоятельности системы управления потребительской кооперации. Новая государственная бюрократия получила право вмешиваться во внутреннюю жизнь субъектов кооперации. Единое рабоче-крестьянское потребительское общество (ЕПО) было лишено ряда черт кооператива. Перестал существовать такой источник собственных средств потребительских обществ, как паевые взносы [19, с. 156]. В такой обстановке возникали мнения в рядах партийных и государственных органов о ликвидации кооперации вследствие её ненадобности, поскольку она перестала осуществлять свои основные функции. Однако В. И. Ленин считал, что кооперация, которая находилась «в состоянии чрезмерного задушения», нужна [1, с. 147–149]. С 1921 года ведёт отсчёт становление советской потребительской кооперации, за время существования которой было проведено 12 всесоюзных съездов.

Государственная политика влияла на развитие системы потребительской кооперации в России в целом и на Дальнем Востоке в частности. Существует тесная взаимосвязь направлений государственной политики и эффективности развития субъектов потребительской кооперации.

Закон РФ «О потребительской кооперации», принятый 19 июня 1992 года, определил и закрепил правовые, экономические и социальные основы деятельности потребительской кооперации, установил принципы её взаимоотношений с государством. В соответствии с законом, потребительская кооперация была определена как «совокупность добровольных обществ пайщиков, их объединений, действующих на основании уставов с целью удовлетворения своих потребностей в товарах и услугах за счет денежных и материальных взносов» [12, с. 1788]. В связи с принятием Гражданского кодекса РФ были внесены изменения и дополнения в Закон РФ «О потребительской кооперации». В соответствии с Законом РФ «О внесении изменений в Закон РФ “О потребительской кооперации в РФ”», принятым 11 июля 1997 года, потребительская кооперация была определена как «система потребительских обществ и их союзов, созданных в целях удовлетворения материальных и иных потребностей их членов» [10, с. 3306]. Закон ввёл понятия потребительского общества, союза потребительских обществ, вступительного и паевого взносов, паевого, резервного и неделимого фондов и т. д.

В Законе РФ «О внесении изменений и дополнений в Закон РФ “О потребительской кооперации (потребительских обществах, их союзах) в РФ”» от 28 апреля 2000 года понятие «потребительская кооперация» было изложено в следующей редакции: «ПК — это система потребительских обществ и их союзов разных уровней, созданных в целях удовлетворения материальных и иных потребностей их членов» [11, с. 1910], а введение понятий районного, областного, краевого, республиканского и центрального союзов потребительских обществ изменило сам принцип системобразования в потребительской кооперации. Теперь потребительские общества получили право на образование союзов на любом уровне иерархии — районном, областном, федеральном, тем самым став основополагающим элементом системы потребительской кооперации.

В условиях административно-командной экономики потребительские общества образовывали районный потребительский союз, представители которого автоматически входили в областной союз потребительских обществ, а затем и в Российский потребительский союз.

Вхождение в те или иные союзы каждый раз требовало от потребительских обществ свободного волеизъявления. Потребительские общества могли, например, как это имеет место в Московской области, входить в районные и областные союзы и не входить в Центросоюз РФ. Стал возможен и такой вариант, при котором потребительское общество, не входя в районный и областной союз, напрямую входит в Центросоюз РФ. Произошла замена вертикальных отношений соподчинения равноправными горизонтальными отношениями сотрудничества. В потребительской кооперации возникло множество центров, в качестве которых выступали различные формы союзов и объединений потребительских обществ, не связанных между собой отношениями подчинения [2, с. 44].

По мнению экономистов Л. П. Наговициной и Л. А. Сипко, снижение роли потребительской кооперации в хозяйственном комплексе страны в начале 1990-х годов происходило от неэффективности организационной структуры и существования избыточного количества уровней управления: потребительское общество — союз потребительских обществ — союз союзов потребительских обществ — Центросоюз [9, с. 65].

В соответствии с Законом РФ № 97-ФЗ от 11 июля 1997 года, взаимоотношения потребительских обществ, их союзов и органов исполнительной власти определялись соглашениями. Соглашения о взаимном сотрудничестве между администрациями краёв, областей, районов и субъектами потребительской кооперации способствовали активизации деятельности потребительских обществ, поскольку были направлены на решение конкретных задач субъектов потребительской кооперации. Закон закрепил основные принципы

создания и деятельности потребительского общества, а также его правомочия.

Был введён новый орган управления потребительского общества — совет. Управление потребительским обществом осуществляло общее собрание, совет и правление потребительского общества. Высшим органом потребительского общества являлось общее собрание. В период между общими собраниями управление осуществлял совет, который являлся представительным органом. Исполнительным органом являлось правление. Контроль за соблюдением устава потребительского общества, его финансовой и хозяйственной деятельностью осуществляла ревизионная комиссия [11, с. 1910]. Закон разграничил функции и полномочия общего собрания пайщиков, совета и ревизионной комиссии потребительского общества. В свою очередь Закон РФ № 54-ФЗ от 28 апреля 2000 года был дополнен положением, определяющим понятие и функции правления потребительского общества.

В соответствии с Законом РФ № 3086-1 от 19 июня 1992 года, союз потребительских обществ не нес ответственности по обязательствам потребительских обществ и не был наделён по отношению к ним организационно-распорядительными и контрольными функциями [12, с. 1788], что наделило потребительские общества самостоятельностью при ведении финансово-хозяйственной деятельности. К сожалению, эта норма лишь ослабила систему потребительской кооперации, а именно привела к коммерциализации части собственности потребительских обществ. С принятием Закона РФ № 97-ФЗ от 11 июля 1997 года союз стал вправе осуществлять контрольные и распорядительные функции, предусмотренные учредительным договором или уставом союза, а в соответствии с Законом РФ № 54-ФЗ от 28 апреля 2000 года союз стал вправе осуществлять контрольные и распорядительные функции в отношении как потребительских обществ, которые являлись членами данного союза, так и созданных потребительскими обществами соответствующих союзов потребительских обществ. Проверки деятельности членов союза проводились не реже одного раза в два года и были направлены на усиление системы потребительской кооперации и возобновление ответственности хозяйствующих субъектов за результаты деятельности.

В соответствии с Законом РФ № 3086-1 от 19 июня 1992 года, распределение собственности потребительского общества определялось следующим положением: «Имущество потребительских обществ принадлежало пайщикам на праве частной (общей долевой, общей совместной) собственности. По решению пайщиков (или уполномоченных) работники потребительской кооперации могли иметь право на выдел части имущества. Условия и порядок выделения имущества определялся уставом» [12, с. 1788]. В результате

руководители и работники потребительских обществ имели возможность выделять часть имущества потребительского общества и переводить его в частное пользование. Закон РФ № 97-ФЗ от 11 июля 1997 года собственником имущества признал только потребительское общество. Кроме того, теперь имущество потребительского общества не распределялось по долям (вкладам) между пайщиками, работающими по трудовому договору в потребительской кооперации. Закон закрепил имущество потребительского общества за потребительским обществом как юридическим лицом, определил источники формирования имущества, порядок распределения доходов и имущественную ответственность потребительского общества и его членов. В целом данный законодательный акт определил правовые, экономические и социальные основы создания и деятельности потребительских обществ и их союзов, которые составляли потребительскую кооперацию в России, а также выделил её основные задачи.

Закон РФ № 54-ФЗ от 28 апреля 2000 года расширил задачи потребительской кооперации, ввёл понятийный аппарат: Центральный, республиканский, областной, краевой, районный союз потребительских обществ; организации потребительской кооперации, контрольно-ревизионное управление союза. Внёс дополнения в статью особенностей трудовых отношений в потребительском обществе, расширил функции совета и ужесточил требования к председателю и членам совета общества, ввёл понятие и функции правления, расширил сферу деятельности союза потребительских обществ.

На основании данного закона высшим органом управления потребительского общества и союзов было признано общее собрание пайщиков. В период между общими собраниями управление союзом и потребительским обществом осуществлялось через совет, который являлся представительным органом и органом общественного самоуправления пайщиков. В составе совета должно быть более 50 процентов пайщиков, не связанных с организациями потребительской кооперации. Деятельность совета направлена на осуществление социальной миссии (основного предназначения) потребительского общества или союза. Критерий оценки деятельности совета — защита интересов и удовлетворение спроса пайщиков на товары и услуги. Данный критерий конкретизировался в системе показателей: объём деятельности кооперативного хозяйства и оказания услуг, кооперативные выплаты (льготы для пайщиков), развитие материально-технической базы, социальной сферы. Исполнительным органом союза и потребительского общества являлось правление союза или потребительского общества. Правление — это орган профессионального менеджмента, оно не реже одного раза в квартал отчитывалось на засе-

дании совета о работе. Работа правления оценивалась по тому, как оно обеспечило создание экономических условий для выполнения социальной миссии, сформированной советом. Контроль за соблюдением устава союза или потребительского общества, их хозяйственной, финансовой или иной деятельности осуществляла ревизионная комиссия. Контрольно-ревизионные управления созданы в целях предотвращения злоупотреблений и защиты имущественных и иных прав потребительских обществ и их членов.

Задачами структуры управления в потребительской кооперации являлись: реализация единства и эффективного взаимодействия общественного самоуправления пайщиков и профессионального управления менеджеров, обеспечение эффективного менеджмента под контролем пайщиков. В единстве общественного самоуправления и профессионального менеджмента первенство принадлежало общественному самоуправлению. Основными позитивными оценочными показателями деятельности советов и правлений считалась прибыльная работа потребительских обществ и союзов.

Кроме того, этот закон ввёл понятие центрального союза потребительских обществ России, основными функциями которого являлись координация деятельности, обеспечение защиты имущественных и иных прав потребительских обществ и их членов, представление их интересов в государственных органах, органах местного самоуправления и международных организациях, а также оказание потребителям обществам и их союзам правовых, информационных и иных услуг [11, с. 1910].

В соответствии с Законом РФ, принятым 21 марта 2002 года, «О приведении законодательных актов в соответствие с Федеральным законом “О государственной регистрации юридических лиц”», были внесены изменения в Закон РФ № 54-ФЗ от 28 апреля 2000 года относительно документов, необходимых для государственной регистрации потребительских обществ. В статье восьмой исключён пункт первый о перечне документов, прилагаемых к заявлению о государственной регистрации [13, с. 1093].

По инициативе Центросоюза РФ в 1998 году была создана Ассоциация кооперативных организаций России (АКОР), куда вошли, кроме Центросоюза РФ, Ассоциация крестьянских (фермерских) хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов России, общественная организация «Союз старателей России», Союз сельских кредитных кооперативов, Союз потребительских обществ «Лига кредитных союзов», Агропромышленный союз России и иные некоммерческие самоуправляемые общества: некоммерческая организация «Общенациональная ассоциация организации финансовой помощи» и Общество российских аудиторов. Это объединение было призвано содействовать представлению и защите интересов организаций потребительской, производственной,

кредитной кооперации в правительственных органах, в Международном кооперативном движении; совершенствованию и развитию деятельности кооперативных организаций; широкой пропаганде идей, принципов и ценностей кооперативного движения; оказанию информационных, консультационных и иных услуг.

При участии Центросоюза РФ с 16 по 18 июня 1999 года на базе Белгородского университета потребительской кооперации состоялся Международный кооперативный форум «Совершенствование кооперативного управления, повышение эффективности деятельности и увеличение объёма услуг, оказываемых членам кооператива». В его работе приняли участие президент МКА Р. Родригеш, президент Европейского союза МКА Л. Холлбом, делегаты из 15 стран: Болгарии, Бразилии, Великобритании, Вьетнама, Греции, Молдовы, Польши, России, Румынии, Словакии, Украины, Чехии, Швейцарии, Швеции [15, с. 218].

Роль Центросоюза РФ выходила за рамки потребительской кооперации. Он выступал лидером кооперативного движения России в целом, инициатором интеграции различных видов кооперативов. Центросоюз систематически работал с министерствами и ведомствами, комиссиями комитета Госдумы РФ по формированию законодательной базы с учётом интересов потребительской кооперации. За 1998–2002 годы Центросоюзом было проведено 92 различных мероприятия, где была выработана стратегия развития потребительской кооперации и в которых в общей сложности приняло участие 550 тысяч человек. Среди этих мероприятий было проведено четыре научно-практические конференции: «Потребительская кооперация — социально ориентированная система» (1999 г.); «Кооперативная самобытность в новом тысячелетии» (2000 г.); «Самобытность потребительской кооперации: опыт и проблемы управления» (2001 г.); «Усиление борьбы с бедностью — стратегия и социальная миссия потребительской кооперации» (2002 г.).

К 2002 году Центросоюз представлял добровольное объединение свыше 3,5 тысячи сельских, районных, городских потребительских обществ, 213 районных и окружных потребительских союзов, 77 республиканских, краевых и областных союзов [5, с. 3].

Ситуация, сложившаяся в экономике страны и в социальной сфере сельской местности к 1998 году, а также кризисные явления в кооперативах потребовали коренного изменения организации не только их работы, но и системы потребительской кооперации в целом. Первый шаг в этом направлении был сделан в 1998 году на 119-м общем собрании представителей потребительских обществ России, где была утверждена программа стабилизации и развития потребительской кооперации на 1998–2002 годы, которая предусматривала повышение роли пайщиков, более полное

использование имевшихся резервов, обеспечение безубыточной деятельности, возрождение и развитие сферы бытового обслуживания, оптовой торговли в системе потребительской кооперации [14, с. 20].

В программе определялись конкретные меры и направления деятельности, обеспечивавшие выход потребительской кооперации из финансово-экономического кризиса. Она включала в себя пути решения наиболее важных проблем: укрепление социальной базы, реформирование организационной структуры, правовое обеспечение, кадровую политику, образование и социальную защищённость работников, рекомендации по развитию отдельных отраслей и видов деятельности. Программа также учитывала региональные особенности Сибири и Дальнего Востока.

В соответствии с ней восточные экономические районы (Западная Сибирь, Восточная Сибирь и Дальний Восток) разделялись на три зоны: «Дальний Север, Ближний Север и Южную зону. Для Дальнего Севера характерно очаговое освоение природных богатств, большая отдалённость от железных дорог, слабо развитая автомобильная сеть. Для Ближнего Севера — интенсивное развитие производственных сил в сочетании с освоением природных ресурсов. Южная зона, наиболее экономически развитая, характеризовалась сложившимися транспортно-экономическими связями. В каждой из них наблюдались особенности и различия в формировании спроса населения, выборе транспортных средств, вовлечении местных ресурсов в товарооборот, разработке системы мер экономического воздействия. К Южной зоне, наиболее благоприятной для экономического развития, относились местности, обслуживавшиеся потребительскими союзами следующих регионов: Амурской области, Еврейской автономной области, Приморского края. Хабаровский край относился к зоне Ближнего Севера» [14, с. 21].

Центральной идеей программы являлась социальная миссия кооперации, которая предполагала, прежде всего, борьбу с бедностью, создание социальной инфраструктуры на селе, повышение занятости населения, содействие развитию личных подсобных хозяйств, моральную и материальную помощь социально незащищённым категориям населения. Эффективным методом выполнения социальной миссии стали научно-практические конференции, позволившие всесторонне показать работу потребкооперации, возможности её дальнейшего развития. Для улучшения условий жизни сельского населения необходимо было создавать рабочие места на селе, возобновить закуп сельскохозяйственной продукции, а также обеспечить население различными товарами и услугами.

По мере стабилизации социально-экономического положения в потребительской кооперации увеличивалась потребность в профессиональных кадрах.

Таблица 3. Сведения о качественном составе работников на 1 января 2005 года [5, с. 101]

Наименование потребительских союзов	Всего работников списочного состава	Не имеют профессионального образования		Молодёжь	
		человек	в % к общей численности	человек	в % к общей численности
Хабаровский КПС	1 716	468	27,3	346	20,2
Приморский КПС	1 852	250	13,5	258	13,9
Приморский КРПС	624	91	14,6	118	18,9
Амурский ОПС	1 205	213	17,7	170	14,1
Облпотребсоюз ЕАО	329	82	24,9	45	13,7

Анализ данных таблицы свидетельствует, что наибольшая численность работников в Приморском КПС, здесь же самый маленький процент работников, не имевших профессионального образования, — 13,5%. Чуть выше этот показатель был в Приморском КРПС — 14,6%. В Хабаровском КПС этот показатель составлял 27,3% — самый высокий. Эффективность работы предприятий и потребительского союза во многом зависела от профессиональных качеств руководителей и специалистов. Анализ данных приведённой выше таблицы, показал, что важным аспектом в кадровой политике потребительских обществ являлось привлечение молодых людей и повышение образовательного уровня молодёжи.

Дальневосточная кооперация во всех её видах (потребительская, промысловая, сельскохозяйственная, кредитная) до 1917 года и в последующие периоды нуждалась в квалифицированных и грамотных специалистах. Кадровый «голод» в кооперации Хабаровского края продолжался до 1940-х годов. Краевые архивные источники свидетельствуют, что в 1939 году в регионе началось серьёзное обсуждение проблем кооперативного образования. 10 января 1940 года постановлением Комитета Президиума Верховного Совета РСФСР по Хабаровскому краю № 40 было принято решение об открытии в городе Свободном (тогда Хабаровского края) кооперативного техникума с контингентом 120 человек в один год обучения. В 1941 году крайпотребсоюз открыл в г. Хабаровске торгово-кооперативную школу, которая проработала 15 лет. Одновременно велась работа по предложению кооператоров об открытии кооперативного техникума. И в мае 1955 года по решению Хабаровского крайрыболовпотребсоюза в г. Хабаровске был произведён набор студентов в кооперативный техникум, где обучение проходило по дневной и заочной форме. На его базе проводились курсы повышения квалификации работников потребительской кооперации, а

также была создана инструкторско-ревизорская школа. С 1955 по 1992 год для кооперативной системы Хабаровского края, Якутии, Камчатки, Сахалина и других территорий Дальнего Востока было подготовлено более 12 тысяч специалистов, более 700 инструкторов-ревизоров, тысячи специалистов среднего звена повысили свою квалификацию [6, с. 28].

В 1992 году стала особенно остро ощущаться нехватка специалистов, хорошо ориентированных в условиях рыночной экономики и компетентных во внешнеэкономических отношениях со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. В связи с этим, а также в целях решения проблемы повышения квалификации руководящих работников правление Хабаровского КРПС создало Восточный Гуманитарный коммерческий колледж. С 1 июля 1992 года на базе учебно-производственного комплекса «ПТУ — техникум» начало действовать новое учебное заведение. В колледже готовили специалистов в области коммерции с углублённым изучением иностранных языков (английского, японского, корейского и китайского), в целях ориентации будущих специалистов на международный рынок стран АТР. Учредителем колледжа являлось правление КРПС [20, с. 38–39]. Таким образом правление Хабаровского КРПС решало задачу повышения квалификации своих работников и подготовки специалистов потребительской кооперации для рыночных отношений, ориентированных на страны АТР.

В условиях рыночных реформ изменилось требование к специалистам. Это привело к тому, что в конце 1993 года по инициативе преподавательского коллектива колледжа и крайпотребсоюза учебное заведение получило статус Дальневосточного факультета Московского университета потребительской кооперации, который с мая 1998 года был преобразован в Дальневосточный филиал, что дало новые возможности для развития учебного заведения. С 2000 года открылись новые выпускающие кафедры, которые стали готовить специалистов по пяти специальностям: коммерция, менеджмент, мировая экономика, бухгалтерский учёт и аудит, финансы и кредит.

Новый этап развития потребительской кооперации берёт начало с принятия Концепции развития потребительской кооперации в Российской Федерации на период до 2010 года. По сути это был второй документ, который определил основные направления развития потребительской кооперации России на перспективу.

Целью концепции являлся переход организаций потребительской кооперации к стадии устойчивого роста и активной реализации социальной миссии. Механизм реализации концепции предусматривает два этапа. Первый охватывал период с 2003 по 2005 год, второй — с 2006 по 2010-й. Концепция была основана на изменившихся условиях внешней среды, новых технических достижениях и технологиях, в том числе информационных, укреплении законодательно-правовой основы деятельности потребительской кооперации. Реализация концепции должна была содействовать потребительской кооперации в достаточно короткие сроки повысить эффективность социально-экономической деятельности и занять в экономике России место, соответствующее её потенциалу [5, с. 25].

Таким образом, изменение нормативно-правовых основ потребительской кооперации в России отражало поиск органами государственной власти норм, необходимых для успешной финансово-хозяйственной деятельности её субъектов. В законах отражались нормы международного кооперативного права и учитывалась специфика и особенности российской экономики. Программа стабилизации и развития потребительской кооперации в России на 1998–2002 годы и Концепция развития потребительской кооперации стали документами, которые определили направление развития этого сектора экономики страны. Если программа была направлена на стабилизацию хозяйственно-финансовой деятельности, то концепция определила основные направления развития и перехода организаций потребительской кооперации к стадии устойчивого роста.

Список использованных источников

1. Декреты Советской власти. Т. 7 : 10 декабря 1919 г. – 31 марта 1920 г. — Москва : Госполитиздат, 1975. — 675 с.
2. Идилов, И. И. Кооперативный менеджмент: исторические традиции, идеология и опыт реформирования : монография / И. И. Идилов. — Москва : Информ.-внедрен. центр «Маркетинг», 1999. — 188 с.
3. Информационный материал Центросоюза РФ «Об истории кооперативного движения в России», посвященный 165-летию потребительской кооперации России и 74-й годовщине Международного Дня кооперации. — Москва, 1996. — 23 с.
4. Кистанов, Я. А. Потребительская кооперация СССР : (исторический очерк) / Я. А. Кистанов. — Москва : Изд-во Центросоюза, 1951. — 418, [2] с.
5. Концепция развития потребительской кооперации Российской Федерации на период до 2010 года / Центр. союз потреб. о-в Рос. Федерации. — Москва : Центросоюз Рос. Федерации, 2001. — 109 с.
6. Кооперативное образование в Хабаровском крае // Текущее делопроизводство Хабаровского Крайпотребсоюза за 1998 год. — 54 с.
7. Макаренко, А. П. Первый этап зарождения потребительских кооперативов в России / А. П. Макаренко // *Соврем. торговля*. — 2001. — № 12. — С. 38–41.
8. Меркулов, А. В. Исторический очерк потребительской кооперации / А. В. Меркулов. — 3-е изд. — Омск, 1919. — 99 с.
9. Наговицина, Л. П. Реформирование организационного построения потребительской кооперации на основе Закона РФ «О потребительской кооперации (потребительских обществах, их союзах) в РФ / Л. П. Наговицина, Л. А. Сипко // *Кооперация Сибири в XX в. : потребительские союзы и общества*. Вып. 3. — Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, Сиб. ун-т потреб. кооперации. — 1998. — 215 с.

10. О внесении изменений и дополнений в Закон РФ «О потребительской кооперации (потребительских обществах, их союзах) в РФ» : Федер. закон от 11 июля 1997 года № 97-ФЗ // Собр. законодательства РФ. — 1997. — № 28. — Ст. 3306.
11. О внесении изменений и дополнений в Закон РФ «О потребительской кооперации (потребительских обществах, их союзах) в РФ» : Федер. закон от 29 марта 2000 г. № 54-ФЗ // Собр. законодательства РФ. — 2000. — № 18. — Ст. 1910.
12. О потребительской кооперации (потребительских обществах, их союзах) в Российской Федерации : Закон Рос. Федерации от 19 июня 1992 года № 3085-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. — 1992. — № 30. — Ст. 1788.
13. О приведении законодательных актов в соответствие с Федеральным законом «О государственной регистрации юридических лиц» : Федер. закон от 21 марта 2002 г. № 31-ФЗ // Собр. законодательства РФ. — 2002. — № 12. — Ст. 1093.
14. Программа стабилизации и развития потребительской кооперации РФ на 1998–2002 годы : материалы 119-го общего собрания представителей потребительских обществ РФ. — Москва, 1998. — 132 с.
15. Совершенствование кооперативного управления. Повышение эффективности деятельности и увеличение объема услуг, оказываемых членам кооперативов : материалы Междунар. кооператив. форума : приветствия, выступления, доклады. — Белгород : Из-во Белгор. ун-та потреб. кооперации, 1999. — 232 с.
16. Струмилин, С. Г. Очерки советской экономики : Ресурсы и перспективы / С. Г. Струмилин. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва ; Ленинград : Гос. изд-во, 1930 (Л. : тип. Печатный двор). — 534 с.
17. Туган-Барановский, М. И. Экономическая природа кооперативов и их классификация / М. И. Туган-Барановский. — 2-е изд. — Москва : Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1914. — 127 с.
18. Файн, Л. Е. Отечественная кооперация: исторический опыт / Л. Е. Файн. — Иваново : ИвГУ, 1994. — 275 с.
19. Файн, Л. Е. Российская кооперация: историко-теоретический очерк : 1861–1930 / Л. Е. Файн. — Иваново : Иван. гос. ун-т, 2002. — 598 с.
20. Хабаровский краевой союз рыболовецких и потребительских кооперативов (1939–1963 гг.), (1986–1996 гг.) // Государственный архив Хабаровского края. Ф. р-1742. Оп. 2. Д. 1450. Лл. 38, 39.
21. Хейсин, М. Л. История кооперации в России : все виды кооперации с начала ее существования до настоящего времени / М. Л. Хейсин. — Ленинград : Время, 1926. — 386 с.
22. Хейсин, М. Л. Кредитная кооперация в России : ист. очерк и соврем. положение / М. Л. Хейсин. — 2-е изд., доп. — Петроград : Мысль, [1919]. — 199 с.

Материал поступил в редакцию 29.08.2018 г.

Сведения об авторе: Ермакова Наталья Леонидовна, кандидат исторических наук, библиотекарь второй категории отдела «Центр корпоративных информационных библиотечных ресурсов» Дальневосточной государственной научной библиотеки (г. Хабаровск). Контактные данные: тел. 8-924-107-96-59.

КАВАЛЕРЧИК ТАТЬЯНА БОРИСОВНА

ИНФОРМАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА В ИЗУЧЕНИИ ЛИТЕРАТУРЫ РОДНОГО КРАЯ: ИТОГИ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

В статье рассматривается проблема формирования информационной культуры личности в контексте концепции общества знаний и конвергентной парадигмы образования. Автор представляет методику формирования информационной культуры учащихся в возрасте 12–14 лет, разработанную специалистами Сахалинской областной универсальной научной библиотеки (г. Южно-Сахалинск). Методические рекомендации в статье были изложены на основании результатов научно-исследовательского эксперимента, который проводился с целью оценки эффективности культурно-образовательной программы, направленной на формирование информационной культуры школьников Сахалинской области.

Ключевые слова: информационная культура, общество знаний, конвергентные процессы, междисциплинарный подход, метапредметность.

Keywords: information literacy, knowledge society, convergent processes, transdisciplinarity, metaknowledge, meta-subject matter.

В настоящее время знания становятся стратегическим ресурсом социума, обеспечивающим его динамичное развитие. Именно поэтому многие исследователи связывают перспективы модернизации современного культурно-образовательного пространства с утверждением концепции общества знаний, которая на сегодняшний день выступает одной из влиятельных парадигм социального развития. Ещё в 2015 году Н. Н. Шамардин, молодой российский исследователь, внёсший существенный вклад в изучение смысловых значений концепта «общество знаний», отмечал, что на сегодняшний день уже не представляется возможным вообразить науку, равнодушную к образованию, богатствам локального знания, или культуру, замкнутую «на себе» и закрытую для изучения и трансляции новых форм знания [8, с. 186]. В связи с этим особое значение приобретает формирование информационной культуры личности, так как сложно представить эффективно действующие механизмы распространения знаний без формирования системы ценностей, принципов, методов и технологий, обеспечивающих взаимодействие человека с информационной средой и способствующих его адаптации к условиям возрастающей информационной инфляции.

Процесс формирования информационной культуры личности как динамичное явление, связанное с историей и современным этапом общественного развития, можно изучать с позиции разных концептуальных подходов, используя для этих целей различные методы и средства. Многообразие подходов к рассмотрению данной категории позволяет расширить её понимание как системного феномена. В контексте концепции общества знаний информационную культуру личности можно рассматривать как систему когнитивных ресурсов, ценностей, представлений и способов деятельности, обеспечивающих её взаимодействие с информационным пространством и культурно-образовательной средой, которая развивается под влиянием конвергентных процессов. Данные процессы оказывают воздействие на многие сферы жизни современного общества и, в частности, способствуют появлению новых моделей развития сфер культуры и образования. Так, в 2010–2017 годах в научном сообществе активно высказывались предположения о становлении конвергентной парадигмы образования, которая основана на идее сближения гуманитарных, информационных, когнитивных и иных технологий, различных отраслей науки и предметных областей. А в 2016 году общественности был представлен проект концепции «Стратегия развития конвергентных технологий», разработанный в инициативном порядке НИЦ «Курчатовский институт» [7]. Данная концепция вызвала неоднозначный отклик среди представителей научного сообщества, и 27 января 2016 года Совет по науке при

Минобрнауки РФ опубликовал заявление, в котором было отмечено, что её реализация не поможет решению задачи обеспечения научно-технического развития России [1]. Вместе с тем многие отечественные исследователи соглашались с тем, что прежний линейный способ восприятия мира в настоящее время уступает место целостному системному восприятию окружающей действительности [4, с. 70]. В связи с этим уже на ступени среднего общего образования перед педагогом и библиотекарем устанавливается новая задача: содействовать процессу конвергенции гуманитарных и естественно-научных знаний учащихся с целью развития у подрастающего поколения системных представлений об окружающем мире. Поиск результативных методик, направленных на создание условий для формирования конвергентной культурно-образовательной среды, склоняет нас к изучению возможностей технологий и методов информационного образования, на основании которых могут разрабатываться интегративные курсы и программы, ориентированные на формирование информационной культуры подрастающего поколения и спроектированные в соответствии с принципами междисциплинарного и метапредметного подходов к организации просветительского процесса. В условиях становления общества знаний и формирования новой культурно-образовательной парадигмы потребность в их внедрении в практику работы школ и библиотек приобретает особую значимость. В связи с этим специалистами Сахалинской областной универсальной научной библиотеки (СахОУНБ, г. Южно-Сахалинск) была рассмотрена возможность разработки программы интегративного курса для учащихся общеобразовательных учреждений Сахалинской области, в основе которого было бы заложено метапредметное содержание образовательной программы, ориентированной на формирование информационной культуры детей школьного возраста, и предметное содержание, относящееся к определённой области знаний, в качестве которой было рассмотрено литературное краеведение.

В контексте программы среднего общего образования в школах Сахалинской области литературное краеведение чаще всего изучается в рамках блока внеурочной деятельности, расширяя учебный потенциал уроков литературы. Многие отечественные исследователи и специалисты сферы образования, изучающие вопросы, связанные с литературным краеведением, занимаются разработкой школьной методики данной специфической отрасли науки о литературе, тем не менее проблема преподавания литературного краеведения в школах области по-прежнему стоит как никогда остро. На сегодняшний день в общеобразовательных учреждениях региона реализуются лишь единичные учебные программы по данной дисциплине и представлены методические разработки отдельных уроков,

ориентированных на учащихся средней школы и в редких случаях — на младших школьников.

Мы полагаем, что литературное краеведение можно рассматривать как предметную область, через которую возможно проанализировать уровни сформированности информационной культуры личности. Цель междисциплинарной интеграции в первую очередь направлена на формирование у детей школьного возраста целостного информационного мировоззрения, которое служит основополагающим компонентом информационной культуры личности и объединяет другие элементы её структуры в комплексную динамично развивающуюся систему. В связи с тем, что знание имеет многоуровневый характер, а современная наука стремится к познанию частей целостной картины мира и закономерных связей между ними, формирование информационного мировоззрения как составного компонента информационной культуры личности в современных реалиях приобретает особую значимость. С целью выявления потребности во внедрении в практику работы библиотек и образовательных учреждений Сахалинской области программ, направленных на формирование информационной культуры школьников, СахОУНБ в течение 2016–2020 годов реализуется комплексное научное исследование «Информационная культура личности в системе непрерывного образования» [3, с. 142]. Оно предусматривает проведение диагностики уровня сформированности информационной культуры учащихся общеобразовательных учреждений региона, а также проведение серии научно-исследовательских экспериментов, направленных на оценку эффективности образовательных программ, ориентированных на формирование информационного мировоззрения, метапредметных и междисциплинарных умений, связанных с информационной деятельностью.

Ряд специалистов сфер культуры и образования занимается проектированием просветительских курсов по информационной культуре, но практика показывает, что на сегодняшний день опыт их реализации достаточно скромнен. Прежде всего, это связано с тем, что далеко не все учителя владеют методикой преподавания подобных дисциплин. Данное обстоятельство не позволяет выстроить оптимальную образовательную траекторию, ориентированную на формирование у школьников информационного мировоззрения, метапредметных и междисциплинарных умений информационного характера.

В рамках исследования, инициированного специалистами СахОУНБ, была разработана культурно-образовательная программа «Информационная культура в изучении литературы родного края». Она носит междисциплинарный, метапредметный характер и направлена на формирование основ информационной культуры учащихся в возрасте 12–14 лет в ходе знакомства детей с литературным творчеством писа-

телей Сахалина и Курильских островов. При проектировании этой программы особое внимание уделялось разработке её методической составляющей: подробному описанию структуры и содержания библиотечных уроков, выстроенных в соответствии с требованиями системно-деятельностного подхода к организации культурно-образовательного процесса, составлению практических рекомендаций для специалистов библиотек и общеобразовательных учреждений.

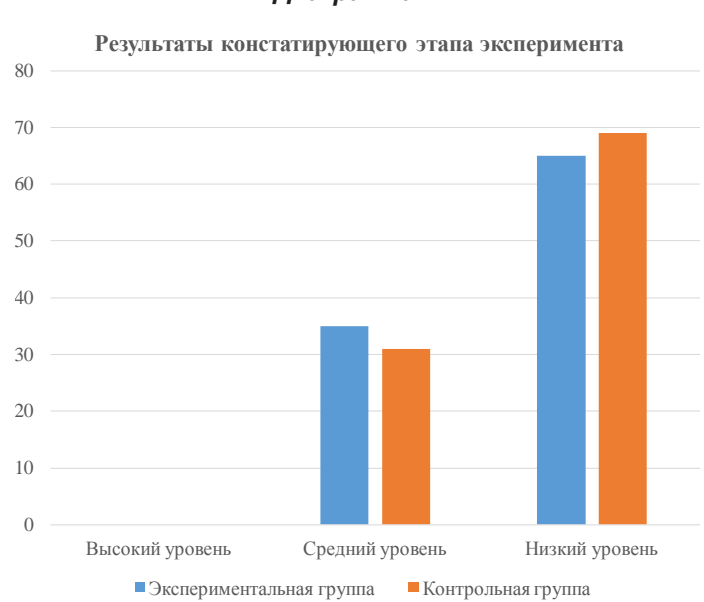
В 2017–2018 годах состоялось проведение серии экспериментов по апробированию программы «Информационная культура в изучении литературы родного края». Один из последних экспериментов, направленных на оценку её эффективности, проводился в течение восьми месяцев (в период с октября 2017 по май 2018 г.) на базе одного из общеобразовательных учреждений г. Южно-Сахалинска. Актуальность данного локального исследования определялась необходимостью рассмотрения проблемы формирования информационной культуры школьников с позиции современных социокультурных условий, связанных с возрастающей информационной инфляцией и конвергентными процессами в культурно-образовательном пространстве.

Эксперимент включал проведение диагностических мероприятий в двух выборках испытуемых. Для этого были выбраны дети со средними показателями успеваемости и уровня внимания. Первый «срез» проводился на констатирующем этапе, второй — после апробации культурно-образовательной программы. Статистическая достоверность результатов эксперимента была подтверждена в ходе анализа его основных этапов путём использования непараметрических и параметрических методов математической статистики. Обработка количественных данных на констатирующем этапе эксперимента осуществлялась с применением метода U-критерия Манна — Уитни, на формирующем и контрольном этапах использовался метод оценки значимости различий средних и относительных величин по Стьюденту (двухвыборочный t-критерий Стьюдента). Гипотеза, подтвердить которую был вызван этот эксперимент, сводилась к предположению о том, что проведение библиотечных уроков, интегрирующих элементы информационного и литературного образования, будет эффективно способствовать повышению уровня сформированности информационной культуры учащихся при условии реализации метапредметного и междисциплинарного подходов к организации их деятельности на занятиях. Данные подходы к организации культурно-образовательного процесса, на наш взгляд, позволят обеспечить его целостность и тем самым преодолеть разрозненность метапредметных и предметных знаний, сформировать устойчивую связь между ними для развития у подрастающего поколения системных представлений об окружающем мире.

В ходе проведения эксперимента была организована системная работа по формированию основных компонентов информационной культуры учащихся (когнитивного, мировоззренческого, технологического). На констатирующем этапе локального исследования в контрольной и экспериментальной группах было проведено тестирование с целью оценки исходного уровня сформированности информационной культуры. Диагностический инструментарий прежде всего был ориентирован на оценку степени понимания школьниками смысла таких метапредметных понятий, как «информация», «документ», «текст», и на определение уровня развития у учащихся базовых метапредметных и междисциплинарных умений информационного характера. Качественный анализ результатов тестирования продемонстрировал, что у участников обеих групп показатели сформированности информационной культуры находились на критическом и базовом уровнях.

При выполнении диагностического теста 35% учащихся экспериментального класса (31% обучающихся контрольного класса) продемонстрировали средний уровень сформированности информационной культуры. Напротив, 65% учащихся экспериментального класса (69% обучающихся контрольного класса) продемонстрировали низкий уровень сформированности информационной культуры (см. диаграмму 1).

Диаграмма 1.

Статистическая достоверность результатов выполнения теста была проверена с использованием U-критерия Манна — Уитни. Для его расчёта были сформулированы статистические гипотезы, данные всех испытуемых были перенесены на индивидуальные карточки, после чего все карточки были расположены в единый ряд по степени возрастания признака и проранжированы, а затем вновь разложены на две группы в соответствии с цветовыми обозначениями. По формуле нахождения U-критерия Ман-

на — Уитни было рассчитано его эмпирическое значение ($U_{\text{эмп}}$) и сопоставлено с критическими значениями ($U_{\text{кр}}$) при заданной численности сопоставляемых выборок. $U_{\text{эмп}}$ оказалось в зоне незначимости (при $P \leq 0,05$), на основании чего был сделан вывод о том, что различия в результатах выполнения диагностических тестов на констатирующем этапе не являлись статистически значимыми. Таким образом, количественный анализ результатов на данном этапе эксперимента продемонстрировал, что доля учащихся, обладающих критическим и базовым уровнями сформированности информационной культуры, в выборке экспериментальной группы была не больше, чем в выборке контрольной группы. Данное обстоятельство обеспечило чистоту проведения научно-исследовательского эксперимента.

На формирующем этапе для учащихся экспериментальной группы (по согласованию с общеобразовательным учреждением) были проведены библиотечные уроки по программе «Информационная культура в изучении литературы родного края». В основу занятий были положены метапредметный и междисциплинарный подходы к организации деятельности учащихся, так как прежде всего они были направлены на освоение школьниками универсальных действий информационного характера, а также на развитие у детей междисциплинарных умений, связанных с информационной деятельностью, которые закладывают необходимые основы для дальнейшего формирования основных компонентов информационной культуры личности.

На разных этапах реализации программы информационная деятельность учащихся оценивалась на соответствие критериям сформированности информационной культуры личности и степени освоения детьми следующих универсальных действий: 1) на этапе поиска и осмысления информации — ориентироваться в содержании текста, понимать его смысл, находить в нём необходимую информацию, решать познавательные и практические задачи, требующие критического понимания текста; 2) на этапе анализа источников информации — выявлять отражённые в них противоречивые сведения, применять опыт, полученный в ходе работы над художественным текстом, для восприятия других информационных объектов; 3) на этапе оценки информации — руководствуясь своими знаниями и жизненным опытом, подвергать сомнению достоверность медийной информации, обнаруживать недостоверность сведений, отражённых в тех или иных источниках информации, высказывать оценочные суждения относительно представленных в тексте сведений.

Учитывая скорость обращения информации в современном мире, перед культурно-образовательной программой были установлены следующие задачи: 1) обеспечить учащихся сведениями об основных этапах развития информационной культуры общества; 2) способствовать развитию у школьников

междисциплинарных умений, связанных с формированием основных компонентов информационной культуры личности (и, в частности, информационного мировоззрения); 3) обеспечить учащимся методами самостоятельной работы по поиску, аналитической обработке информации в целях её эффективного использования для решения познавательных и личностных задач; 4) развивать у школьников навыки критического мышления и содействовать формированию у них умений, необходимых для организации безопасной работы с информацией, циркулирующей по каналам глобальной информационной сети и в СМИ; 5) способствовать приобщению детей к книжной культуре через знакомство с её краеведческим контентом и проведение мероприятий, направленных на развитие интереса к чтению традиционной книги, имеющей фундаментальное значение для формирования основ информационной культуры личности.

Тематический план программы включал четыре основных раздела: 1) «Значение традиционных и современных информационных ресурсов общества для изучения литературы родного края»; 2) «Проблема достоверности информации и поиск объективных сведений, связанных с литературой Сахалина и Курильских островов»; 3) «Текст — фундамент знаний и средство общения: работа с текстом, направленная на изучение литературного наследия писателей Сахалинской области»; 4) «Осмысление и критический анализ информации: оценка и создание медиаинформационных материалов, посвящённых биографиям и литературному творчеству писателей Сахалина и Курильских островов». При планировании библиотечных уроков на основании методических рекомендаций, изложенных в публикации доцента кафедры филологического образования и журналистики Сургутского государственного педагогического университета Т. А. Сироткиной [6], которая ориентировалась в своих рассуждениях на идеи заведующего научно-исследовательской краеведческой лабораторией Оренбургского государственного педагогического университета А. Г. Прокофьевой, предложившей «пространственный подход» к литературному образованию школьников, в структуре культурно-образовательной программы были выделены следующие краеведческие блоки: 1) литература Сахалина и Курильских островов в культурном пространстве России; 2) природа и национальные образы в литературе Сахалина и Курильских островов; 3) художественное пространство произведений писателей Сахалина и Курильских островов и его локусы (дом, лес, море и другие); 4) информационное пространство литературно-краеведческих изданий, вышедших на территории Сахалинской области [5].

Библиотечные уроки по программе «Информационная культура в изучении литературы родного края» были ориентированы на последовательную интеллектуальную

и творческую работу с информационными материалами, соответствующими психофизиологическим возможностям детей в возрасте 12–14 лет. Реализация метапредметного и междисциплинарного подходов в контексте разработанной программы выражалась в выборе определённой структуры мероприятия. Каждое занятие включало в себя пять базовых этапов: 1) освоение универсального действия информационного характера (получение обобщённых представлений о методах, технологии его выполнения); 2) отработку и применение освоенного универсального действия на конкретном предметном материале из области литературного краеведения с целью осуществления практической деятельности по изучению литературного пространства Сахалинской области; 3) создание проблемной ситуации, направленной на проецирование знаний, связанных с одной предметной областью, на другую в ходе знакомства с литературным пространством Сахалина и Курильских островов; 4) соотнесение понятия или явления, изучаемого на занятии, со сведениями, полученными из различных источников информации, выполнение межпредметных упражнений с целью формирования у школьников представлений о закономерностях между определёнными информационными объектами (понятиями, явлениями); 5) формулировку вывода о том, что освоенное на занятии универсальное действие информационного характера можно применить в любой предметной области, а также о том, что обнаруженные в ходе анализа определённых фактов закономерности связывают многие информационные объекты.

В ходе знакомства с творчеством писателей Сахалина и Курильских островов участники экспериментальной группы научились грамотно конструировать тексты различного уровня сложности; оценивать собственные информационные сообщения и анализировать достоверность представленной в них информации; презентовать результаты своей творческой и интеллектуальной деятельности; обращать внимание на закономерности, объединяющие разные факты, события и явления; самостоятельно использовать материалы литературно-краеведческой тематики, представленные на страницах электронного информационного ресурса «Литературный мир Сахалина и Курил», который был разработан специалистами СахОУНБ с целью популяризации среди подрастающего поколения региональной литературы и представления литературного наследия островных писателей в глобальной информационной сети (режим доступа: <http://litmir.libsakhu.ru>) [2].

Анализ художественных произведений на занятиях осуществлялся в процессе интерактивного диалога со школьниками. После знакомства с заглавием и первым прочтением текста детям задавались наводящие вопросы для того, чтобы выяснить, насколько он был ими понят и каковы их общие впечатления о прочитанном. В дальнейшем специалист СахОУНБ предлагал учащимся поразмышлять,

прослеживаются ли в предложенном информационном материале основные признаки текста. После этого дети самостоятельно разбивали текст на структурные элементы, определяли, связаны ли между собой его начало и конец, доказывали или опровергали, отражены ли в отрывке, который предлагался им для изучения, основные свойства текста. В дальнейшем библиотекарь спрашивал у школьников о том, как они поняли основную мысль текста, как, на их взгляд, она соотносится с его заглавием и тематикой.

Помимо библиотечных уроков в рамках программы предусматривались различные варианты самостоятельной работы, которые позволяли школьникам решать конкретные практические задачи, используя полученные на занятиях теоретические знания. В ходе реализации программы участники экспериментальной группы выполняли задания, ориентированные на синтез, анализ, обобщение информации, самостоятельное восполнение недостающих элементов текста, на использование методов информационного поиска (в том числе с помощью компьютерных средств), на моделирование, на самостоятельное создание алгоритмов деятельности при решении познавательных и творческих задач, ориентированных на поиск, изучение и переработку информации, на понимание и адекватную оценку информации, представленной в СМИ, социальных медиа. Одной из форм представления результатов деятельности учащихся в процессе освоения культурно-образовательной программы являлось создание коллекций индивидуальных информационно-творческих материалов: эссе, информационных заметок, рецензий, электронных презентаций, видеороликов, посвящённых творческим биографиям и произведениям писателей Сахалина и Курильских островов, а также событиям литературной жизни островной области. Содержание этой коллекции отражало результаты выполнения интеллектуальных и творческих задач, предусмотренных программой.

После завершения формирующего этапа была проведена повторная диагностика участников экспериментальной группы. На данном этапе показатели уровня сформированности информационной культуры школьников возросли: у 33% учащихся они находились на высоком уровне, у 52% — на среднем, у 15% — на низком (см. диаграмму 2). В результате выполнения теста по итогам освоения культурно-образовательной программы школьники продемонстрировали понимание сущности основных метапредметных понятий, связанных с информационной деятельностью. Большинство детей справилось с заданиями, предполагающими интеллектуальную работу с информацией.

С целью проверки гипотезы о том, что проведение библиотечных уроков по программе оказало влияние на процесс формирования информационной культуры учащихся экспериментальной группы, был использован *t*-критерий Стьюдента (для случая связанных выборок). Для того чтобы убедиться в нормальности распределения результативного признака в генеральных совокупностях экспериментальной группы на констатирующем и контрольном этапах эксперимента были выполнены необходимые расчёты по следующему алгоритму: 1) определены показатели асимметрии и эксцесса по формулам Н. А. Плохинского и сопоставлены с критическими значениями; 2) рассчитаны критические значения показателей асимметрии и эксцесса по формулам Е. И. Пустыльника и сопоставлены с эмпирическими значениями. После того как были сформулированы статистические гипотезы, с целью определения показателей разности значений признака для каждого испытуемого (d_i), отклонения и квадратичного отклонения (d_i^2) от средней разности (M_d) была составлена сводная таблица. На основании результатов вычислений, произведённых согласно алгоритму

Н. А. Плохинского и по формулам Е. И. Пустыльника, было найдено эмпирическое значение *t*-критерия Стьюдента ($t_{эмп}$) и сопоставлено с критическими значениями. Эмпирическое значение *t*-критерия ($t_{эмп}$) оказалось в зоне значимости при $P \leq 0,001$. В связи с этим можно утверждать, что показатели уровня сформированности информационной культуры после проведения в экспериментальной группе библиотечных уроков увеличились статистически достоверно.

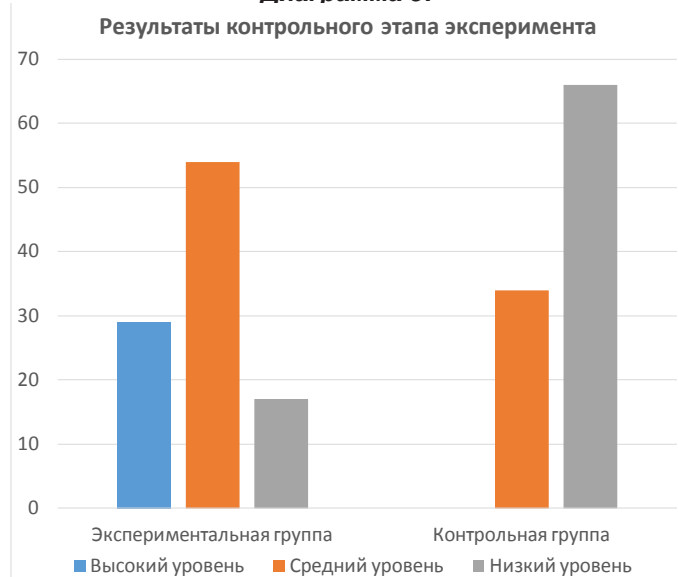
На итоговом этапе (спустя две недели после проведения занятий по программе «Информационная культура в изучении литературы родного края») диагностика среди участников экспериментальной и контрольной групп проводилась ещё раз для того, чтобы оценить, действительно ли эти занятия повлияли на результаты итогового тестирования. Повторная диагностика выявила, что показатели уровня сформированности информационной культуры в экспериментальной группе по-прежнему находились на достаточно высоком уровне, а в контрольной подверглись

Диаграмма 2.

лишь незначительным изменениям: 17% учащихся экспериментального класса и 66% контрольного класса продемонстрировали низкий уровень сформированности информационной культуры, 54% учащихся экспериментального класса и 34% учащихся контрольного класса — средний уровень, 29% учащихся экспериментального класса — высокий уровень (у учащихся контрольного класса данный показатель отсутствовал) (см. диаграмму 3). В ходе выполнения теста участники экспериментальной группы продемонстрировали умение применять универсальные действия, связанные с информационной деятельностью, а также междисциплинарные умения информационного характера. Для проверки предположения о том, что библиотечные уроки, проведённые специалистами СахОУНБ, оказали положительное влияние на качество выполнения итогового теста, был использован t-критерий Стьюдента (для случая несвязных выборок). Согласно результатам анализа количественных данных было обнаружено, что показатели уровня сформированности информационной культуры в экспериментальной группе повысились статистически достоверно (эмпирическое значение t-критерия оказалась в зоне значимости при $P \leq 0,001$). В связи с этим можно утверждать следующее: гипотеза, с целью подтверждения которой осуществлялось проведение экспериментальной работы, нашла своё подтверждение. На основании анализа качественных и количественных показателей, выявленных в ходе проведения эксперимента, можно сделать вывод о том, что в результате его проведения удалось обнаружить положительную динамику в формировании информационной культуры детей в возрасте 12–14 лет. Данный факт свидетельствует об эффективности культурно-образовательной программы «Информационная культура в изучении литературы родного края».

Диаграмма 3.

Руководствуясь результатами проведённого эксперимента, можно рекомендовать библиотекарям и педагогам осваивать методику, разработанную специалистами СахОУНБ, ориентированную на формирование информационной культуры детей среднего школьного возраста. С её помощью можно не только научить детей искать, интерпретировать, отбирать, перерабатывать информацию, но и расширить их знания, связанные с пониманием специфики информационных процессов, с осознанием ценности метапредметных и междисциплинарных умений для развития интеллектуального и творческого потенциала личности.

Опираясь на результаты экспериментальной работы, хотелось бы обратить внимание специалистов библиотек и образовательных учреждений на ряд рекомендаций, которыми можно руководствоваться при организации библиотечных уроков, апробировании существующих образовательных программ или разработке собственных программ, ориентированных на формирование информационной культуры школьников: 1) занятия должны быть нацелены на достижение конкретного результата (освоение определённого универсального действия, связанного с информационной деятельностью, с целью формирования составных компонентов информационной культуры личности); в связи с этим при подготовке каждого библиотечного урока следует чётко определить, какое универсальное действие информационного характера планируется освоить и какие приёмы, методы и средства будут использоваться с целью формирования каждого компонента информационной культуры школьника (в контексте усвоения определённого универсального действия с информацией); 2) при проектировании содержания образовательной программы следует стремиться к интеграции элементов книжной и цифровой культуры, гуманитарных и естественно-научных знаний (в результате посещения библиотечного урока у школьника должно сформироваться представление о том, что научно-технический прогресс неотделим от гуманитарных ценностей общества, и даже самые передовые информационно-коммуникативные технологии не отменяют необходимости владения умениями, связанными с освоением традиционных источников информации); 3) все дидактические материалы, используемые библиотекарем или педагогом в ходе реализации культурно-образовательной программы, должны проходить качественную оценку с целью определения целесообразности их использования для решения конкретной познавательной задачи; в ходе каждого занятия должны отбираться лучшие произведения отечественной и мировой литературы, качественные электронные ресурсы, ориентированные на детскую, подростково-юношескую аудитории; 4) в процессе организации и проведения библиотечных уроков необходимо ориентироваться на личность школьника (следование этой рекомен-

дации предполагает учёт интересов и потребностей детей, вовлечение их в диалог в ходе проведения мероприятия, предварительное изучение состава аудитории, специфики развития определённых типов мышления, уровня креативности и других индивидуальных особенностей участников мероприятия); 5) в ходе реализации культурно-образовательной программы необходимо ориентироваться на формирование креативных качеств учащихся, связанных с осуществлением информационной деятельности; 6) необходимо стремиться к осознанию школьниками определяющей роли информационного мировоззрения в формировании других компонентов информационной культуры личности (для достижения этой цели в ходе проведения библиотечных уроков следует стремиться к развитию у учащихся личностного отношения к современному информационному пространству, ответственного отношения к процессам поиска, переработки, трактовки, оценки информации и её этическому использованию); 7) к работе по реализации программ внеурочной деятельности, связанных с формированием информационной культуры учащихся, педагогам следует активно привлекать специалистов библиотек, которые расширят содержание внеурочных занятий за счёт проведения экскурсий, семинаров, интерактивных акций, мастер-классов, интеллектуальных игр, читательских конференций, творческих встреч с приглашением писателей, литературоведов, журналистов; 8) библиотечные уроки и внеурочные занятия должны

носить занимательный характер. Выполнение последней рекомендации предполагает рациональное использование практических методов с целью формирования у школьников положительных эмоций от осознания тех возможностей, которые перед ними открываются в результате освоения того или иного универсального действия информационного характера или междисциплинарного умения: возможности более рационально подходить к процессу поиска, анализа, интерпретации и оценки информации, возможности справляться со многими сложными задачами интеллектуального характера с целью приобретения новых знаний и умений, связанных с информационной деятельностью.

В заключение хотелось бы отметить, что информационная культура как системная категория со сложной структурой интегрирует знания как гуманитарных, так и технических научных областей, которые подвержены динамичным изменениям. В связи с этим специалисты библиотек и образовательных учреждений, которые возьмут на себя ответственность включить в план работы с детьми, подростками и юношеством образовательные программы, направленные на формирование информационной культуры подрастающего поколения, должны быть готовыми к необходимости непрерывного самообразования, стремиться к совершенствованию собственных метапредметных, междисциплинарных знаний и умений, связанных с овладением методами и технологиями информационного образования.

Список использованных источников

1. Заявление Совета по науке при Министерстве образования и науки Российской Федерации о проекте концепции «Стратегии развития конвергентных технологий» [Электронный ресурс] // Российская Академия наук : офиц. сайт. — Режим доступа: <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=2c2d76a3-24e6-418c-92a6-6fd28aedfbc8> (дата обращения: 21.02.2016).
2. Кавалерчик, Т. Б. Интеграция библиотек в виртуальную среду: представление литературного пространства Сахалинской области в глобальной информационной сети [Электронный ресурс] / Т. Б. Кавалерчик // Вестн. Дальневост. гос. науч. б-ки. — 2017. — № 3 (76). — Режим доступа: <https://www.fessl.ru/docs-downloads/bookpdf/DVGNB/76/115-124.pdf> (дата обращения: 10.12.2017).
3. Кавалерчик, Т. Б. Формирование информационной культуры личности в условиях конвергентной научной парадигмы и потенциал книжной культуры для развития доступа к знаниям / Т. Б. Кавалерчик // Берковские чтения – 2017. Книжная культура в контексте международных контактов : материалы IV Междунар. науч. конф. — Минск ; Москва, 2017. — С. 139–145.
4. Менг, Т. В. Средовый подход к организации образовательного процесса в современном вузе / Т. В. Менг // Изв. РГПУ им. А. И. Герцена. — 2008. — № 52. — С. 70–83.
5. Прокофьева, А. Г. Краеведение в школьном литературном образовании [Электронный ресурс] / А. Г. Прокофьева // СИСП. — № 5. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kraevedenie-v-shkolnom-literaturnom-obrazovanii> (дата обращения: 15.10.2015).
6. Сироткина, Т. А. Проблемы литературного краеведения в контексте школьного литературного образования / Т. А. Сироткина // Вестн. Челяб. гос. пед. ун-та. — 2017. — № 2. — С. 86–90.
7. Стратегия развития конвергентных технологий : проект концепции [Электронный ресурс] / НИЦ «Курчатовский институт» // Совет Министерства образования и науки Российской Федерации по науке. Документы Совета. — Режим доступа: https://sovnet-po-nauke.ru/sites/sovnet-po-nauke.ru/files/data/converg_concept_project.pdf (дата обращения: 10.02.2016).
8. Шамардин, Н. Н. «Общество знаний»: философско-методологическая критика понятия / Н. Н. Шамардин // Науч. ведомости БелГУ. Сер. «Философия. Социология. Право.» — 2015. — № 14 (211). — С. 185–192.

Материал поступил в редакцию 15.03.2019 г.

Сведения об авторе: Кавалерчик Татьяна Борисовна, главный библиотекарь Сахалинской областной универсальной научной библиотеки (г. Южно-Сахалинск).

Контактные данные: e-mail: t.kavalerchik@libsakh.ru.

索尔仁尼琴

—回归故里的流亡者

ЧЖАН СЯОЧАН (张晓强)

• 北京大学附属中学校长 赵钰琳 • 复旦大学附属中学校长 曹天任
• 清华大学附属中学校长 赵庆刚 • 著名教育家 特级教师 霍懋征

联名向全国中小學生推荐——

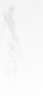
诺贝尔奖百年英杰

学生读本

柳鸣九 主编

索尔仁尼琴

张晓强 / 著 • 长春出版社

ЗНАКОМСТВО С ПРОИЗВЕДЕНИЯМИ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА В КИТАЕ

В статье представлен путь произведений Александра Исаевича Солженицына к китайскому читателю. Автор подробно рассматривает процесс продвижения книг писателя в Китае, начиная с первого перевода на китайский язык рассказа «Один день Ивана Денисовича» (1963 г.). Также Чжан Сяочан останавливается на литературоведческих трудах и биографических материалах о Солженицыне, вышедших в Поднебесной в последнее десятилетие.

Ключевые слова: Солженицын, Китай, переводческая деятельность, «Один день Ивана Денисовича», «Раковый корпус», «Бодался телёнок с дубом: очерки литературной жизни», «Архипелаг ГУЛаг», «Красное колесо», «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов. Очерки изгнания», «Литературная коллекция (очерки о писателях)».

Keywords: Solzhenitsyn, China, translation activity, "One Day in the Life of Ivan Denisovich", "Cancer Ward", "The Oak and the Calf, subtitled Sketches of Literary Life in the Soviet Union", "The Gulag Archipelago", "The Red Wheel", "The Mortal Danger: Misconceptions about Soviet Russia and the Threat to America", "Literary collection".

Процесс знакомства с творчеством русского советского писателя Александра Солженицына в Китае можно характеризовать как плавный, постепенный, последовательный и стабильный, словно течение тихой, спокойной реки, на поверхности которой никогда не бывает бушующих волн.

Имя великого русского писателя, лауреата Нобелевской премии в области литературы 1970 года становится всё более популярным у китайских читателей. Количество изданий и тиражи его книг постоянно и неуклонно растут, расширяется и круг его поклонников.

Такой умеренный процесс продвижения в Китай произведений А. И. Солженицына не привлекал к себе внимания международных книжных выставок, где очень мало либо вовсе не были представлены переведённые на китайский язык книги писателя. До 2016 года они не упоминались в ежегодном альманахе «Солженицынские тетради». Причина этого, видимо, в отсутствии (или недостаточной представленности) информации о выходе в свет переводов книг и их незначительные тиражи. Сложившаяся ситуация дала мне повод сделать обобщённый материал о движении произведений А. И. Солженицына к китайскому читателю.

Приход этого писателя на китайский книжный рынок можно разделить на два достаточно многолетних периода: с 1963 по 1978 год и с 1979 по 2018 год.

Первый период, я его условно называю «ознакомительный», начался с перевода на китайский язык повести А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», впервые опубликованной в Советском Союзе на страницах журнала «Новый мир» (1962 г., № 11). Уже в 1963 году одно из солидных китайских издательств «Писатели» (г. Пекин) подготовило и издало сборник под названием «Один день Ивана Денисовича». В его состав кроме самой повести было включено несколько литературоведческих статей о ней. Книгу перевели с русского языка на китайский Сун Гуаньин, Чэнь Сяоман, Ван Зиясян, Чен Дайси.

Сборник вызвал положительный отклик у читательской аудитории Китая, но необходимо всё же признать, что книга не очень распространялась. И этому было много разных причин.

В 1964 году издательство «Писатели» издало книгу «Повести и рассказы Солженицына», переведённые Сун Гуаньином.

После установления в Китае политического курса реформ и открытости (с 1978 г.) страна быстрыми темпами начинает развиваться в разных отраслях, в том числе развитие получило книгоиздательское дело. В тот период несколько издательств переиздало сборник «Один день Ивана Денисовича». И круг читателей Солженицына заметно расширился.

В настоящее время на страницах литературных журналов и вестников вузов публикуются произведения А. И. Солженицына, а также статьи о его жизни и творчестве. Так, неспешно, словно плавное течение реки, без каких-либо сенсаций, шло знакомство с произведениями этого замечательного писателя.

Второй период начинается с золотой осени 1979 года, года перелома в области знакомства с произведениями Солженицына. В сентябре 1979 года в г. Харбине состоялась научная конференция, посвящённая современной советской литературе, на которой преподаватель Хэйлунцзянского университета (г. Харбин) Шин Юн выступила с докладом «Солженицын и его произведения». В виде статьи он был включён в «Сборник трудов конференции» и вызвал огромный интерес. Шин Юн обильно цитировала материалы многих авторов книг, посвящённых творчеству Солженицына и написанных на английском и русском языках. Это стало настоящей сенсацией в литературных кругах! С той золотой осени на книжных прилавках появляется всё больше и больше произведений А. И. Солженицына, переведённых китайскими учёными, статей с литературным анализом его творчества, публикуются рецензии на книги.

В хрониках «Советская литература», составленных китайскими специалистами, собрана библиографическая информация, обзорно-рецензионные работы о Солженицыне и о его творческой деятельности. Количество наименований произведений и статей значительно возросло во втором периоде, но среди них пока нет романов и недостаточно литературоведческих статей с глубокими размышлениями о творчестве. Несмотря на эти недостатки, сам факт существования такой информации — верный признак того, что мы находимся на пороге рассвета переводов и изданий книг Солженицына. И практика показала, что это действительно так.

В одном из ведущих журналов Китая «Иностранная литература и искусство» (1979 г., № 6) (г. Шанхай) впервые были опубликованы отрывки из романа «Раковый корпус», переведённые Жон Жудэ. В комментариях к переводу он рассказал о том, что его перевод был основан на издании романа на английском и на русском языках. В 1980 году издательство «Переводы» в г. Шанхае издало роман «Раковый корпус», переведённый Жон Жудэ, целиком.

Различные издательства стали издавать и переиздавать книги А. И. Солженицына. Например, издательства «Ли Зцян» (провинция Гуанси), «Собрание переводов» (г. Нанкин) издали «Раковый корпус», а издательство «Народная литература» (г. Пекин) — «Один день Ивана Денисовича» и другие произведения писателя. Надо отметить, что переводы произведений были разными как уже издававшиеся ранее, так и вновь сделанные.

1998 год — год нового всплеска интереса к творчеству А. И. Солженицына: издательство «Литература и искусство эпохи» в г. Чанчуне впервые издало на китайском языке его книгу «Бодался телёнок с дубом: очерки литературной жизни».

Это издание послужило мощным толчком к увеличению переводов и появлению новых литературоведческих исследований его творчества. Читатели с интересом узнавали, как писатель-борец сражался на литературном фронте, и не только! Александр Исаевич Солженицын подробно рассказывал о своей горькой судьбе, о борьбе с властью, о невыносимой атмосфере, в которой он жил и работал. Перед взором китайского читателя поднялся не просто великий писатель, а легендарная личность.

С появлением «Телёнка» на китайском языке количество переводов произведений Солженицына стало расти как грибы после дождя! В 2000 году издательство «Масса» (г. Пекин) издало «Собрание сочинений Солженицына», в которое вошли «Бодался телёнок с дубом: очерки литературной жизни», романы «В круге первом», «Раковый корпус», повесть «Один день Ивана Денисовича».

До этого этим же издательством был выпущен ограниченный тираж художественного исследования «Архипелаг ГУЛаг». И это событие можно рассматривать, как этап завершения ознакомления с основными произведениями А. И. Солженицына. Далее следует стабильный этап — волна переизданий его книг.

С 2011 по 2013 год издательство «Литература и искусство в провинции Зяньсу» издало исторический роман «Красное колесо», который с грохотом «докатился» до коллективов русистов вузов провинций Цзилинь и Ляонин. Специалисты кропотливо и долго работали над переводами многотомного романа «Красное колесо», изданного французским издательством «УМСА» (1983–1991 гг.).

Надо отметить, что это был важный этап: переход от переводов рассказов к объёмному произведению — эпопее; от однотомного к многотомному произведению. Переводческая работа ведётся одним русистом, а затем переходит к переводческим коллективам.

Другой признак стабильного интереса к автору — книга «Бодался телёнок с дубом: очерки литературной жизни» не потеряла внимания читателей. Издательство «Литература и искусство эпохи» в г. Чанчуне переиздало её в новом оформлении и прекрасном переплёте. Кроме того, издательства «Масса» (2000 г.) и «Ассоциация художественно-литературных работников» в г. Пекине (2011 г.) также переиздали «Телёнка». Эти очерки стали принадлежать к числу наиболее часто переиздаваемых книг. В этом, несомненно, есть большая заслуга переводчиков. Это Чэнь Шусянь, Чжан Дабен и Чжан Сяочан.

В 2015 году издательство «Собрание переводов» издало «Абрикосовое варенье. Избранные повести и рассказы Солженицына», переведённые Ли Синмей. В том же году издательство «Масса» выпускает «Архипелаг ГУЛаг» (в серии «Популярное издание») и в 2016 году переиздаёт «В круге первом». Необходимо подчеркнуть, что несмотря на неоднократные переиздания произведений Солженицына вышеназванные книги появились на свет во всём блеске!

В 2016 году журнал «Иностранная литература и искусство» (г. Шанхай) впервые опубликовал отрывки из книги А. И. Солженицына «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов. Очерки изгнания», переведённые Чэнь Шусянь и Чжан Сяочаном. В 2017 году он же напечатал отрывки из «Литературной коллекции (очерки о писателях)», переведённые Чэнь Шусянь, Сый Чунем и Чжан Сяочаном.

Опубликованные фрагменты произведений вызвали большой интерес. Словно свежий ветер повеял на читателей, они с нетерпением ждали выхода обеих книг, которые проходили процесс редактирования в одном из издательств в г. Шанхае. Появление новых книг-очерков «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов» и «Литературной коллекции» ознаменовало новую веху знакомства с произведениями русского писателя.

С 2013 года поток мемуаров о Солженицыне хлынул из издательства: «Solzhenitsyn, A Soul. in EXILE» (автор — английский писатель Joseph Pearce, перевод на китайский — Чжан Гуйна, издательство «Санлянь» в г. Шанхае, 2013 г.), «Александр Солженицын» (автор — французский учёный Georges Nivat, перевод — Сун Чао, издательство «Новая звезда», 2016 г.), «Александр Солженицын» (автор — Людмила Сараскина, перевод — Жен Гуансюан, издательство «Народная литература» в г. Пекине, 2013 г.), «Неизвестный Солженицын» (автор — Владимир Бушин, перевод — Ян Ли, издательство «Масса» в г. Пекине, 2014 г.) и т. д.

По сравнению с достижениями в области переводческой работы произведений Солженицына сфера литературного обозрения (рецензии на книги, глубокие анализы и разборы произведений автора, исследования жизни и творчества писателя) выглядит сегодня заметно слабее.

Первая ласточка в этой области появилась в декабре 1996 года. Тогда издательство «Чанчунь» в г. Чанчуне выпустило монографию о творчестве Солженицына «Изгнанник, вернувшийся на Родину, Солженицын», написанную молодым литератором Чжан Сяочаном. В «Изгнаннике...» автор подробно изложил необычайную судьбу, творческий путь писателя, сделал детальный разбор содержания нескольких его книг. Эта монография стала первой в Китае о творческой судьбе Солженицына, ознаменовав собою начало научного исследования его произведений.

В 2001 году это же издательство переиздало эту монографию в популярной форме для молодых читателей.

В 2006 году издательство «Иностранные языки и исследование» (г. Пекин) издало книгу Ли Сяодой «Солженицын, который отдал жизнь за идею». В ней были изложены горькая участь писателя, его упорная борьба, показаны блестящие достижения в литературной деятельности. В 2014 году издательство «Общественная наука» при Академии общественных наук в г. Пекине выпустило книгу Фен Юйчжи «Разбор романа “Раковый корпус”», где автор обратил внимание читателя на цельность творчества Солженицына и огромное значение его достижений в области литературы. В 2015 году издательство «Университет в провинции Чжэцзян» издало книгу Лон Юйчэн «Под глыбой —

сопротивление Солженицына», в которой исследователю удалось сосредоточить основные политические взгляды А. И. Солженицына.

Кроме того, в вузах и научно-исследовательских институтах в последние годы немало диссертантов писало научные работы, где предметом исследования выступало творчество Солженицына. Темы научных трудов очень разнообразны и интересны.

Сфера чтения, изучения и исследования творчества этого легендарного писателя в Китае расширяется день ото дня. Это важные шаги на пути знакомства с литературным наследием Александра Исаевича Солженицына.

Материал поступил в редакцию 22.12.2018 г.

*Сведения об авторе: Чжан Сяочан (张晓强), магистр филологических наук, доцент института мировой литературы Академии общественных наук КНР (г. Пекин). Автор монографии «Изгнанник, вернувшийся на родину, Солженицын» (1996 г., издана издательством «Чанчунь» в г. Чанчуне, в 2001 г. переиздана этим же издательством в формате популярного издания для молодёжи «Солженицын»). Вместе с другими переводчиками перевёл три книги очерков Солженицына: «Бодался телёнок с дубом: очерки литературной жизни» (впервые издана издательством «Искусство эпохи» в г. Чанчуне в 1998 г., переиздана издательством «Масса» в г. Пекине в 2000 г. и издательством «Ассоциация художественно-литературных работников» в г. Пекине в 2011 г.), «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов. Очерки изгнания», «Литературная коллекция (очерки о писателях)». Последние две книги в настоящее время проходят процесс редактирования в одном из ведущих издательств Китая. Их выход в свет ожидается в 2019–2020 годах. Написал и перевёл ряд статей об А. И. Солженицыне и других писателях.
Контактные данные: e-mail: skyzxq@sohu.com.*

ШИШКИНА ВИКТОРИЯ АВЕНИРОВНА

НАНАЙ — «ЧЕЛОВЕК ЗЕМЛИ» В ТВОРЧЕСТВЕ ХУДОЖНИКА АНДРЕЯ БЕЛЬДЫ

В статье дан краткий обзор некоторых живописных композиций первого профессионального нанайского художника Андрея Иченгаевича Бельды (18 июля 1929 – 3 мая 1987); анализируются несколько произведений, написанных мастером в разные годы, и определяются особенности его индивидуальной манеры. Публикация приурочена к 90-летию со дня рождения художника и 60-летию художественно-графического факультета (ныне факультет искусств, рекламы и дизайна) Педагогического института Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск), где много лет работал мастер.

Ключевые слова: Андрей Иченгаевич Бельды, первый профессиональный нанайский художник, Дальний Восток, Хабаровск, живопись, портрет, культовая скульптура.

Keywords: Andrei Ichengaevich Beldy, first professional Nanai painter, Far East, Khabarovsk, painting, portrait, cult sculpture.

Светлой памяти художника и педагога Андрея Иченгаевича Бельды...

Изобразительное искусство Хабаровского края, его многоплановость и разнообразие нельзя оценить без вклада художника Андрея Иченгаевича Бельды (18 июля 1929 – 3 мая 1987). Трудно представить, как много ему пришлось пережить в молодости, пришедшейся на голодные послевоенные годы [3, с. 362–363]. Только непреодолимое желание продолжать учиться несмотря ни на что и постоянная напряжённая работа помогли Андрею Иченгаевичу, родившемуся в маленьком стойбище, достичь, казалось бы, невозможной цели — получить диплом живописца одного из ведущих художественных вузов Советского Союза — института имени И. Е. Репина. Учился А. И. Бельды в мастерской известного советского мастера живописи, профессора Б. В. Иогансона, академика Академии художеств СССР.

Учёба в таком институте многое дала живописцу в профессиональном плане. За долгие академические часы, проведённые за мольбертом, им был хорошо освоен рисунок, то есть «поставлены» глаз и рука. Нормой стало тщательное графическое продумывание композиции в поиске оптимального варианта решения творческой задачи. Конечно, годы учёбы, прожитые в Ленинграде, были временем интенсивного постижения отечественной и мировой художественной культуры, впитывания и осмысления новых эстетических впечатлений. Изучение богатых собраний Эрмитажа, Русского музея и посещение многочисленных выставок помогали профессиональному становлению молодого художника. В эти годы несколько акварелей одарённого студента Андрея Бельды, написанных на дальневосточную тему, были приобретены музеями этнографии народов СССР (ныне Российский этнографический музей Санкт-Петербурга) и Арктики и

А. И. Бельды. «Сдача пушнины», х., м. Краеведческий музей Нанайского района Хабаровского края (с. Троицкое). Инв. № 495.

Антарктики Ленинграда (ныне Российский государственный музей Арктики и Антарктики Санкт-Петербурга) [5, с. 30].

В Хабаровске Андрей Иченгаевич полностью погрузился в творческую и педагогическую деятельность на открывшемся в 1959 году художественно-графическом факультете (худграффе). Жизнь в городе не прервала его связей и общения с близкими людьми из национальных сёл края. Постоянные пленэрные поездки и работа в мастерской стали приносить плоды. Художник в поиске героев творчества обращается к тем, кто ему особенно дорог, — к своим соотечественникам, их жизни и быту.

К числу ранних произведений можно отнести холст «Сдача пушнины». Своим композиционным решением он несколько иллюстративен и напоминает постановочную сцену. Это достаточно характерно для бытового жанра советской живописи того времени, создававшейся преимущественно в русле традиций социалистического реализма. Живописный «рассказ» художника поддерживается движением и пластикой фигур, выразительной мимикой изображённых на холсте людей. Колористическое решение картины отмечено сильными цветовыми контрастами. В полной мере раскрепощается кисть Андрея Бельды в прописывании мелкими скользящими мазками натюрморта на переднем плане. В композиции совмещается два типа освещения: тёплый, исходящий от стен бревенчатого сруба, и яркий, вливающийся через открытую дверь от залитого солнцем снега. Хотя сцена написана в интерьере, холст у А. И. Бельды получился ярким, словно излучающим сильное дальневосточное солнце.

А. И. Бельды. «Портрет поэта Андрея Пассара», х., м., 108x115 см, 1967 год. Краеведческий музей Нанайского района Хабаровского края (с. Троицкое).

Как педагог вуза, Андрей Иченгаевич всегда экспонировал на отчётных творческих выставках преподавателей в стенах художественно-графического факультета свои летние этюды и уже завершённые работы. Именно в этом пространстве им сначала был показан портрет нанайского поэта Андрея Александровича Пассара (1925–2013). Широкий круг зрителей смог увидеть это произведение на II зональной художественной выставке «Советский Дальний Восток» в 1967 году во Владивостоке. Композиция «Портрет поэта Пассара» (название дано по каталогу 1967 г.) отмечена ошеломляюще резкими цветовыми контрастами [4, с. 14]. На фоне заснеженного, сияющего за окном импрессионистической свежестью пейзажа кажется просто наложенным силуэт фигуры А. Пассара. Неожиданное сочетание ярких цветовых пятен в одежде сразу акцентирует внимание на лице героя, написанном подчёркнуто рельефно в контражуре теней. Книга в руке — «говорящая» деталь к образу поэта. Андрею Пассару на портрете чуть больше сорока. Уже вышли в свет его книги. В портрете-медитации запечатлены не только узнаваемые черты, но и состояние глубокой творческой сосредоточенности. Помогает прочтению замысла энергичное прописывание лица и фигуры. Простор залитого солнцем снега подчёркивает состояние самоуглублённости героя, его духовную энергию и ощущение внутренней свободы.

Андрей Бельды писал не только портреты творческой интеллигенции, но и тех, кого обычно называют «людьми из народа». Как правило, они воплощают в его живописи всё лучшее, что присуще людям. Одним из самых известных холстов в наследии художника стал «Портрет проводника В. Арсеньева Гейкера Комбоки», написанный в 1973 году. Комбока Гейкер — личность легендарная. Он, как известно,

А. И. Бельды. «Портрет проводника В. Арсеньева Гейкера Комбоки», х., м., 140х100 см, 1973 год. Дальневосточный художественный музей (г. Хабаровск).

был опытным охотником-следопытом и после Дерсу Узала проводником Владимира Арсеньева. В дебрях дальневосточной тайги Комбока Гейкер помогал исследователю пройти Сихотэ-Алиньский перевал на пути к Императорской

Краткая биографическая справка¹

Первый профессиональный нанайский художник-станковист Андрей Иченгаевич Бельды родился в стойбище Дондон Хабаровского края. В 1945 году он поступил во Владивостокское художественное училище, где смог проучиться всего два года из-за тяжёлого материального положения. В 1948 году будущий художник продолжил учёбу на факультете народов Крайнего Севера в Ленинградском ордена Ленина государственном университете имени А. А. Жданова (ныне Санкт-Петербургский государственный университет). В 1949 году А. И. Бельды поступил на художественно-педагогическое отделение Ленинградского художественного училища при Институте живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина. В 1954 году, успешно окончив училище, А. И. Бельды стал студентом знаменитой Репинки.

По окончании института в 1960 году Андрей Иченгаевич вернулся на Дальний Восток и стал работать в Хабаровском государственном педагогическом институте. С 1960 по 1979 год на художественно-графическом факультете он преподавал специальные дисциплины: рисунок, живопись и композицию.

В члены Союза художников СССР А. И. Бельды был принят в 1971 году. Начиная с 1958 года Андрей Иченгаевич постоянно участвовал в художественных выставках различного уровня, в их числе городские, краевые, региональные и республиканские. Произведения Бельды находятся в Российском государственном музее Арктики и Антарктики (г. Санкт-Петербург), Российском этнографическом музее (г. Санкт-Петербург), в собрании Дальневосточного художественного музея (г. Хабаровск), Картинной галерее имени А. М. Федотова (г. Хабаровск). Большая часть произведений художника находится в Краеведческом музее Нанайского района Хабаровского края (с. Троицкое).

¹ Краткая биографическая справка составлена на основании альбома «Художники Хабаровского края» [5, с. 30].

Гавани (ныне Советская Гавань) [1, с. 118]. Седобородый старик, сидящий с трубочкой у чуть тлеющего костерка с нанизанной на прутики запекающейся рыбой, только с первого взгляда кажется глубоко задумавшимся. Комбока словно присматривается к каждому зрителю, приглашая к своей нехитрой, но добытой и приготовленной собственными руками обильной для одного человека трапезе. Изрытое морщинами лицо и руки такие же древние с позиций человеческого короткого жизненного пути, как и наскальные неолитические изображения Сикачи-Аляна за его спиной. Базальтовые валуны с рисунками сдвинуты по воле художника в сплошную каменную стену. Такое композиционное решение придаёт прочтению полотна особый смысл. Петроглифы — свидетели древнейших истоков культуры дальневосточных народов. Гейкер Комбока — сухонький старичок, прошедший таёжные дебри вдоль и поперёк, испытавший такие превратности жизни в уссурийской тайге, о которых вряд ли кому снилось, является наследником и носителем многовекового культурного опыта нанайцев. В композиции прочитывается глубокое уважение художника к истокам национальной культуры, её глубинным корням. Неслучайно первое название произведения, как об этом сообщает искусствовед Т. А. Давыдова, было «Таёжный философ» [5, с. 30]. Особо следует сказать о сложной живописной фактуре холста, осязаемо рельефной и выразительной. Краски взяты художником пастозно в гармоничных отношениях. Тёплые цветовые акценты, словно отблески угасающих углей, создают ощущение уходящего заката и настраивают на общение с интересным собеседником. При этом у зрителя не утрачивается чувство новизны, когда он в очередной раз может увидеть это произведение на выставке (впервые полотно было показано на IV зональной художественной выставке «Советский Дальний Восток» в 1974 г. во Владивостоке). Всегда в живописи этого холста открывается что-то новое. Изменчивое освещение заставляет рельефно проложенные художником краски по-разному светиться, создавая каждый раз особенное настроение. Таким качеством обычно обладают произведения, написанные рукой большого мастера. Холст был «одет» Андреем Иченгаевичем в раму авторской работы. Он обтянул её рыбьей кожей. Такой эффектный приём презентации картины ненавязчиво подчёркивает её национальный колорит и мотивационно связан с темой и содержанием произведения.

Одна из ведущих тем в творчестве художника — образы стариков, чья долгая жизнь уже на исходе. Замечательно то, что никто из них нарочито не позирует зрителю, словно они отрешены от всего в своих размышлениях. На V зональной художественной выставке «Советский Дальний Восток», проходившей в 1980 году в Чите, зритель впервые увидел картину «Портрет старика» (написана в этом же году). Сно-

А. И. Бельды. «Портрет старика», х., м., 100x130 см, 1980 год.
Картинная галерея имени А. М. Федотова (г. Хабаровск).

ва перед нами герой, проживший долгую и трудную жизнь, оставившую отметины на иссохшем лице и натруженных руках. Холст-размышление, останавливающий зрителя настроением, полным покоя, и каким-то особым состоянием уединённости. «Портрет старика» вопреки здравому смыслу мне всегда хочется назвать «парным». Задумавшийся старик на самом деле не один. Рядом с ним написан чуть затенённый «таёжный человек». Массивный, вырубленный давным-давно из дерева точными и сильными ударами топора медведь почти того же роста, что и сидящий с трубочкой его погружённый в мысли хозяин. Культовая скульптура, потемневшая от времени и следов кормления, для старика, безусловно, живое существо, наделённое душой и сакральной силой. «Таёжный медведь» (На Дуэнтэни) — вместилище духов, «хозяев отдельных мест, гор, промысловой деятельности, помощников шамана» [2, с. 15]. Трещины, рассёкшие древесину, словно глубокие морщины, изрезавшие лицо старого человека, — свидетельство долгих лет, проведённых вместе. Рядом скромный натюрморт, полный значения и смысла, — жертвенная пища в синей чашке и кружечка со спиртным для «таёжного медведя», всегда до глубокой старости помогающего своему хозяину и его роду выживать в тайге. Для старого нанайца он — живое и сакральное существо, первый помощник в охоте и полной трудностей и лишений жизни в тайге, способный к тому же излечивать тяжкие недуги.

Художнику удалось без излишней занимательности передать на холсте только языком живописи (композиция, форма, цвет, колорит) состояние внутреннего диалога. В композиции действительно «звучит» скрытая от посторонних речь, скорее спокойное размышление о длинной прожитой

жизни. Холст, носящий незатейливое название «Портрет старика», совсем не дань экзотическому для европейцев традиционному быту нанайцев. Он не так прост для прочтения, как это кажется на первый взгляд. Картина — о мудрости и глубине многовековой духовной культуры нанайцев, об их полном слиянии с природой и о понимании её тайного и неясного для посторонних языка.

А. И. Бельды. «Старый солдат», х., м.
Краеведческий музей Нанайского района Хабаровского края
(с. Троицкое). Инв. № 1. Изо1.

В своём творчестве Андрей Иченгаевич обращался также к большим, героическим темам. События Великой Отечественной прочитываются с первого взгляда на композицию «Старый солдат». Тема, близкая и ясная каждому россиянину, — она о неисчислимых трагедиях войны, пережитых сейчас уже почти ушедшим от нас поколением победителей. Не обошло стороной это бедствие род Андрея Бельды. Перед нами не парадный портрет, а камерная композиция. Герой, чья грудь в застиранной гимнастёрке с медалями и орденом, показан художником неподвизтым взглядом из семьи, скромного родового гнезда. Усохший от времени дедушка — носитель горькой и честной правды войны, прошедшей и по судьбе нанайского народа тяжким испытанием и болью невозможных потерь, на мгновение задумался. Глядя на холст, мы явно чувствуем паузу, словно вспомнилось рассказчику что-то мучительно страшное и тяжёлое, о чём не хочется говорить хрупкой и светлой, воплощающей обновление жизни девочке-подростку. Холст —

память о тех, кто уцелел и вернулся, а также об унесённых войной солдатах, кому так и не было суждено вернуться в непроходимую тайгу родной земли, на берега быстрых проток и кормильца Амура. Художник снова убедительно использует возможности фактурного насыщения холста. Пастозно написана выцветшая гимнастёрка, резко вылеплено красочным рельефом посечённое временем лицо и руки старого солдата, а на контрасте с ним — осторожное касание кистью изображения девочки в светлом национальном халате. Размышляя над жанровой принадлежностью композиции, можно заметить, что она по своей сути отражает ёмкую историческую тему, написанную деликатно и без

А. И. Бельды. «Бабушка», х., м.
Краеведческий музей Нанайского района
Хабаровского края (с. Троицкое).
Инв. № 228/1.

шумного пафоса в обыденном сфокусированном эпизоде жизни одной нанайской семьи. В зрелом творчестве Андрея Иченгаевича явно намечается перелом, связанный с тем, что художник словно предлагает зрителю самому задуматься над изображённым в картине, оставляя ему пространство недосказанности и возможность продолжать размышлять об увиденном. А. И. Бельды успешно использует приёмы, характерные для классического искусства: выразительное композиционное и цветовое решение, совмещение контрастов, фактурное насыщение холста и т. д. — всё то, что служит для зрителя основой для понимания сути сюжета произведения, его глубины, взаимосвязи между

персонажами и т. д. Главная героиня холста «Бабушка» в символическом смысле — воплощение истока древнего нанайского рода. Узкий вертикальный холст композиции, одетый в глубокую тёмную раму, напоминает ствол дерева, а подчёркнуто решённые в перспективе ступени крыльца, словно на трон «возносят» почти бесплотную от прожитых лет героиню. Лицо бабушки — воплощение доброты и величия, а маленькая внучка — листик на ветви ствола старинного нанайского рода, его надежда и счастливое продолжение. Холст решён на эмоциональном и возрастном контрасте героинь. Счастливая детская непосредственность и простота мудрой женщины, пережившей многое на своём веку и познавшей глубины и тайны жизни. Казалось бы, в незамысловатой житейской сценке, которую можно видеть в любой семье, Андрей Иченгаевич, используя возможности живописи, органично смог соединить обыденное и вечное. Перед нами естественность и сложность бесконечно ветвящейся жизни, щедро дающей новые ростки. Они несут силу и радость продолжения жизни, дают опору родовому дереву. Смысловую протяжённость запечатлённого времени, цикличность человеческой жизни, безмерное счастье её обновления и вечное созидательное начало женщины отразил в своих героинях мастер. Смысл и содержание холста раскрываются зрителем постепенно в сопоставлении частных, и культурная составляющая, органично наполнившая холст, играет в этом не последнюю роль.

Почти 20 лет было отдано Андреем Иченгаевичем педагогической работе на художественно-графическом факультете, постоянно отвлекавшей его от творчества. В нашей группе 642 «А» (четвёртый курс) в 1970–1971 годы А. И. Бельды вёл живопись и был с нами на пленэре. Задания уже были сложными, так как мы писали маслом одетую или обнажённую фигуру в интерьере. Наш педагог всегда был спокоен, по-восточному мудр и невозмутим. Он требовал от нас хороший подготовительный рисунок, а тем, кто не мог эту задачу одолеть, обязательно подсказывал, как исправить ошибки. В педагогической работе, связанной с изучением и освоением каких-либо художественных или технологических приёмов, часто возникают «нестандартные» ситуации. Моя уверенно рисовавшая подруга, как-то раз сделала хороший подготовительный рисунок натурщицы, не угадала с общим композиционным решением холста. А. И. Бельды, заметив просчёт, подсказал перерисовать ноги модели, так как при работе цветом обязательно усилится эффект пустого пространства внизу холста. Помогать не стал. Знал, что студентка сильная и быстро справится сама. Девушке уж очень хотелось перейти к следующему этапу — работе маслом, и исправлять ошибку она не стала. Увидев такое своеволие, Андрей Иченгаевич не сказал ни слова и даже виду не подал, словно ничего не случилось. Однако ослушница вскоре

сама стала ощущать непродуманность своего поступка. При подготовке к просмотру этот холст, явно проигрывавший в композиционном решении, окончательно ей разонравился. Принесённый домой, он в последнюю ночь после недолгих сомнений, но сильных переживаний получил неожиданное дополнение — у ног натурщицы была просто дописана пухлая домашняя кошка. Утром перед просмотром студенты столпились у «обновлённого» учебного задания. Всем было интересно, как воспримет и отнесётся к такой новации ничего не подозревающий Андрей Иченгаевич. В академических заданиях такие вольности были просто недопустимы. Наш педагог с минуту ошеломлённо рассматривал холст и даже склонился к ещё влажному и резко пахнущему маслом изображению кошки и... разразился громким и заразительным смехом, приговаривая: «А ведь задание было только на одну натурщицу». Назревавшая конфликтная ситуация была полностью растворена в непосредственной и мудрой реакции Андрея Иченгаевича.

Как педагог, А. И. Бельды был доброжелателен и доступен. Рядом с ним всегда было комфортно. Крепкая коренастая фигура и мягкий тембр голоса с лёгким акцентом просто излучали уверенность и спокойствие. Он был немногословен, но, если речь шла о каких-либо спорных вопросах в живописи или композиции, то мгновенно преобразился. Исчезала невозмутимость, и Андрей Иченгаевич с готовностью погружался в профессиональную дискуссию. На переменах он часто приходил в кабинет истории искусства, всегда долго рассматривая новые художественные журналы и альбомы по искусству.

Андрей Бельды всегда был сторонником опоры на принципы классической живописи, и этому, конечно, способствовали его прекрасное базовое образование и творческий опыт. Своих учеников, насколько это позволяла учебная программа художественно-графического факультета, он всегда старался приблизить к пониманию и освоению эстетических законов классического искусства. Как художник, он постоянно работал и развивался на протяжении всего творческого пути. В зрелом творчестве Андрей Иченгаевич достигал глубины исключительно живописными средствами. Его холсты содержательно насыщены, полны мысли и глубины. Можно полностью согласиться с мнением искусствоведа Т. А. Давыдовой, что художнику А. И. Бельды действительно «удалось, казалось бы, соединить невозможное: высокие живописные традиции русского искусства и искреннее желание привнести в культуру материальное ощущение традиций нанайского народа, передать другим его великую мудрость» [5, с. 30]. Художник деликатно совместил в своём творчестве специфику классической живописи, технические возможности и приёмы работы масляными красками и национальный колорит Приамурья.

Андрей Бельды в Сикачи-Аляне.
Фотография из Краеведческого музея Нанайского района
Хабаровского края (с. Троицкое).

Андрей Иченгаевич Бельды был и навсегда останется первым профессиональным нанайским художником. В этимологии слова «нанай» заключены два ключевых

слова — «человек земли». Оба они абсолютно значимы для понимания творчества художника. Истоки и нравственное начало его живописи открываются в индивидуальном и неповторимом опыте личности, генетически содержащем культурное начало древнего этноса, и, конечно, в глубоком сознании этнического и языкового единства с теми, кого он всегда рисовал и писал. С перспективы прошедшего времени отчётливо видно, что А. И. Бельды — один из самых интересных дальневосточных живописцев, открывший и написавший на холсте новую художественную страницу в изобразительном искусстве края. Избегая пустой занимательности, мастер никогда не манифестировал в творчестве или беседах со студентами каких-то высокопарных или конъюнктурных идей. А. И. Бельды мало работал на заказ. Писал только то, что его глубоко волновало, и от этого произведения живописца только выигрывают в притягательности для зрителя. Он был интеллигентным, абсолютно честным и очень искренним человеком, большим художником и внимательным педагогом. Прошли долгие годы и живописные произведения Андрея Иченгаевича, не постановочные и надуманные, а жизненные и правдивые, по-прежнему свежи цветом и естественны чувством.

Список использованных источников

1. Люди Амура : Этнокультурные традиции народов Приамурья в творчестве художников России : XX век : альбом-каталог : выставка живописи и графики из собраний музеев Хабаровского края / авт. вступ. ст. Т. В. Лементович. — Хабаровск : Платина, 2008. — 127 с.
2. Мальцева, О. В. Образ медведя в культовой скульптуре нанайцев / О. В. Мальцева // Записки Гродековского музея. — Хабаровск, 2010. — Вып. 22. — С. 13–19.
3. Мастера кисти и резца : сб. док. Гос. архива Хабар. края об истории изобразит. искусства Хабар. края. — Хабаровск : Изд. дом «Частная коллекция», 2007. — 448 с.
4. Советский Дальний Восток : каталог [второй зональной] художественной выставки. 50 лет Октября. Владивосток, 1967 / М-во культуры РСФСР, СХ РСФСР. — Владивосток : Дальневост. кн. изд-во, 1968. — 131 с.
5. Художники Хабаровского края : альбом / [авт.-сост.: Т. А. Давыдова, Т. А. Давидова, В. А. Шишкина, Е. В. Быкова, Т. В. Лементович]. — Хабаровск : М-во культуры Хабаровского края, 2011. — 400 с.

Фотографии предоставлены автором.
Материал поступил в редакцию 26.03.2019 г.

Сведения об авторе: Шишкина Виктория Авенировна, искусствовед, член Союза художников России, доктор педагогических наук, профессор кафедры изобразительного искусства Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: Shish15@yandex.ru; тел. 8-909-876-59-67.

ВЛАДИСЛАВ ЦАП: «МНЕ НАИБОЛЕЕ БЛИЗКА ЕВРЕЙСКАЯ ТЕМАТИКА»

Интервью с биробиджанским художником Владиславом Абрамовичем Цапом знакомит читателя с вехами его творчества, предпочтениями в художественных жанрах, материалах и тематике, его отношением к своим произведениям. Автор памятнику Шолом-Алейхему в Биробиджане предстаёт не отстранённой художественной личностью, а творческим человеком со своим кредо, исканиями и критической самооценкой. Материал приурочен к 65-летию художника.

Ключевые слова: Владислав Цап, Биробиджан, Шолом-Алейхем, скульптура, иллюстрация, персональная выставка, Издательский дом «Биробиджан».

Keywords: Vladislav TSap, Birobidzhan, Sholem Aleichem, sculpture, illustration, personal exhibition, Publishing House "Birobidzhan".

СПРАВКА

Цап Владислав Абрамович родился 18 октября 1954 года в городе Облучье Еврейской автономной области. В 1974 году окончил художественно-графическое отделение Благовещенского педагогического училища (ныне Амурский педагогический колледж).

Работал учителем рисования, черчения и трудового обучения в Среднебельской восьмилетней школе и в Облученской средней школе № 2, художником-оформителем на Биробиджанской обувной фабрике. С 1994 года является художественным редактором газеты «Биробиджанер штерн», после объединения газет «Биробиджанер штерн» и «Биробиджанская звезда» с областной типографией — художественным редактором Издательского дома «Биробиджан».

Четыре года (с 2011 по 2015 г.) редактировал детскую газету «Восемь ёжиков», выпускаемую Издательским домом «Биробиджан».

Член Союза художников России с 2005 года.

Постоянный участник городских, областных, региональных, российских и международных выставок.

Автор более 20 персональных выставок, проводившихся в Биробиджане, Хабаровске, Чите, Красноярске, Москве, Харбине, Балтиморе, Париже.

Автор пяти памятников в Биробиджане: Шолом-Алейхему, первостроителям города, хоккеисту команды «Надежда», участникам локальных войн и военных конфликтов, пограничникам — защитникам амурских рубежей.

Проиллюстрировал свыше сорока книг.

За время работы в СМИ опубликовал свыше пяти тысяч иллюстраций, рисунков, карикатур, кроссвордов.

Работы находятся в Музее современного искусства и Областном краеведческом музее (г. Биробиджан), в ряде российских и зарубежных музеев, в Министерстве культуры Российской Федерации, в собраниях президентов России и Израиля, видных политиков, деятелей культуры, руководителей регионов и т. д.

Когда начал рисовать, не помню, но зато хорошо помню, кто повлиял на выбор профессии. Однажды в наш двор зашёл художник, который тогда в городе изготавливал памятник погибшим воинам. Он был подвыпившим и добрым. И стал рисовать портреты обступивших его детей нашего двора. Кто-то из ребят сказал, что я рисую. Художник попросил показать рисунки и заметил, что в моём возрасте он так рисовать не умел (наверное, соврал) и посоветовал учиться на художника. Мне тогда было 12 лет.

Впервые я попал на пленэр в 14 лет с учителем рисования школы № 70 г. Облучья, Столбовым (имя не помню). Я учился в другой школе. Столбов — молодой педагог, приехал по распределению и жил в нашем доме. Это был мой первый профессиональный педагог. В училище ими стали В. Захарчук, В. Третьяков, Н. Девятериков и другие. Учеников у меня нет. А те уроки рисования, что я вёл не продолжительное время в школе, не считаются.

Моя выпускная работа в училище (диплом я защитал по живописи) называлась «Перед объективом». На ней были изображены три мальчика и девочка, стоявшие на фоне развешенного для сушки белья. Работа мне не понравилась.

На защите дипломного проекта.

Ещё в студенческие годы одна моя работа попала на областную выставку амурских художников. Я этим очень гордился. В Биробиджане стал выставляться с 1984 года. Сначала это были пейзажи, выполненные гуашью. Через 10 лет появились иллюстрации к Шолом-Алейхему и другим авторам. Тоже гуашь. Потом перешёл на масло. Последние лет шесть работаю с акриловыми красками. Они быстро сохнут и не имеют запаха — можно работать в квартире. Также продолжаю работать гуашью, здесь я применяю всего

ПЕРСОНА

две краски — оранжевую и синюю (железную лазурь). Двух красок вполне достаточно для живописи.

Моё жизненное кредо можно проиллюстрировать отрывком из «Двенадцати стульев»:

«[Остап Бендер]:

— Ваше политическое кредо?

— Всегда! — восторженно ответил Полесов».

Мне легче даются иллюстрации, но больше люблю заниматься живописью. Скульптурой — только по необходимости.

У меня много живописных работ по сюжетам Шолом-Алейхема, но это не иллюстрации, а работы по темам литературного произведения, которые допускают более вольное прочтение, с добавлением своего отношения к прочитанному. Писатель задаёт тему, а я её развиваю.

Иллюстрировать мне более всего нравится авторов, в чьих произведениях присутствует юмор. Это Шолом-

Алейхем, Менделе Мойхер-Сфорим, Бабель, Эфраим Севела (мой любимый автор). Из современных иллюстраторов нравятся те, кто работает руками (без компьютера). Их много: Г. Зинько, Л. Каплан, Э. Булатов. Ближе, наверное, работы Д. Резчикова.

К Шолом-Алейхему впервые обратился в 1994 году. Затем иллюстрировал Бабеля, Мойхер-Сфорима, Севелу. Это были иллюстрации для выставок. Есть ещё вид иллюстраций, которые специально готовятся для издающихся книг. В основном это поэтические сборники местных авторов, краеведческая литература. Есть учебники: «Букварь языка идиш», «Хрестоматия по литературе ЕАО» и т. д. Наиболее интересны две серии еврейских сказок «Волшебные истории». Десять книг из этой серии вышли в Москве и пять — в Израиле. Это немногие книжки с цветными иллюстрациями, большинство — чёрно-белые.

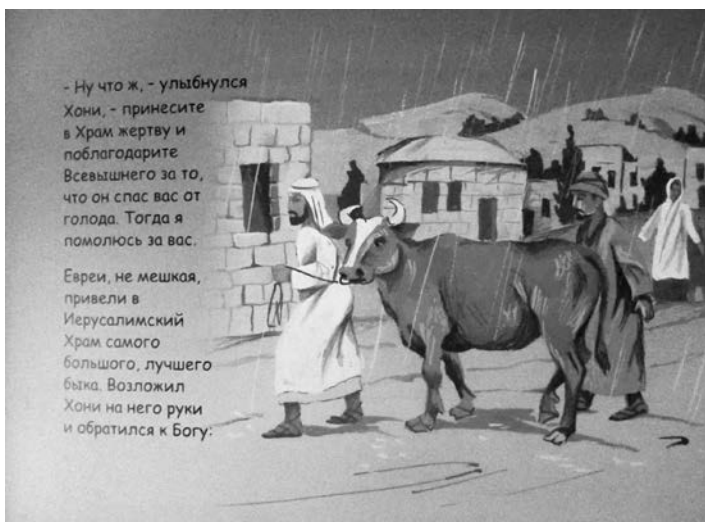
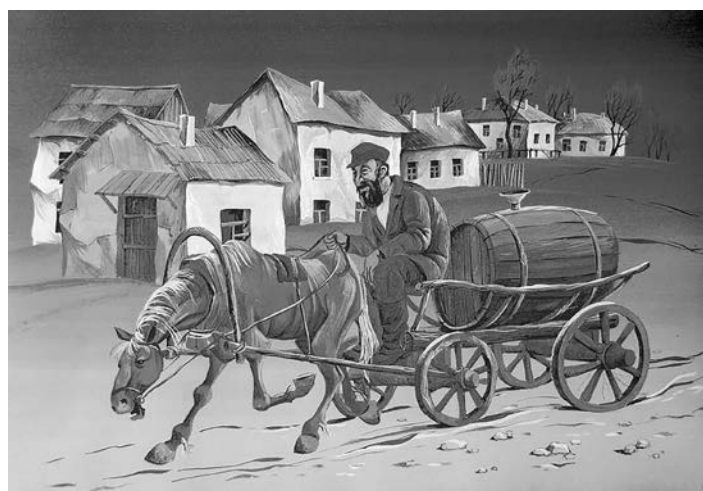

Иллюстрация по мотивам рассказа Э. Севеллы «Моня Цацкес-знаменосец».

Иллюстрации к еврейским сказкам «Волшебные истории».

«Мафусаил». Иллюстрация к Шолом-Алейхему.

Раньше я иногда выставял пейзажи. За последний год не написал ни одного. Пейзажистов у нас много, а хочется быть непохожим на других. Хотя пейзажи писать нравится.

Еврейская тематика мне наиболее близка. Лучше, как я считаю, удаются не реалистические работы, а гротесковые. Темы: еврейские праздники, традиции, бытовые сценки. Иногда парадоксальные сюжеты. Еврейская тема появилась в моих работах в 1994 году. Сначала это были иллюстрации к произведениям Шолом-Алейхема и Менделя Мойхем-Сфорима: к повести «Мальчик Мотл», детским рассказам «Юла», «Мафусаил», «Скрипка» и другим. Затем появились работы по обычаям, традициям, бытовые сцены и т. д. Но все равно ощущается влияние Шолом-Алейхема — это присутствие юмора.

Люблю рисовать животных. Даже года три назад делал в областном художественном музее персональную выставку на полсотни работ «Братья наши меньшие и мы». Здесь были анималистические работы и портреты. Животные невыдуманные. Это соседский спаниель Гита, дворовый пёс

«Балагула-скрипач», холст, акрил.

«Скрипач на крыше».

Батон, овчарка Радж из Хабаровска, коты столяра Архипыча и моей внучки и другие. А вот герои работ на еврейскую тему в основном вымышленные.

Могу сказать, что в творчестве самое лёгкое. Это изготовление подрамников для работ (я люблю столярничать). Самое сложное — не само написание работы, а поиск удачного сюжета для картины. Поэтому некоторые удачные идеи я тиражирую по два-три раза, к примеру, «Скрипача на крыше» я писал в различных вариантах аж пять раз!

Про мои биробиджанские памятники пишут много небылиц. Так, сообщалось, что среди фигур переселенцев [Памятник первым переселенцам. — Ред.] я изобразил свою бабушку. В Китай в ходе работы над памятниками я действительно ездил много раз, но голову Шолом-Алейхема не лепил [Памятник Шолом-Алейхему. — Ред.] — я вылепливал из скульптурного пластилина макет примерно в одну четвёртую от натурального размера.

Инициатором установки многих памятников в городе является Валерий Соломонович Гуревич [Председатель совета Федерации еврейских организаций Дальнего Востока России, заведующий лабораторией истории еврейской культуры и еврейского миграционного движения ИКАРП

Работа над макетом памятника «Пограничник».

ПЕРСОНА

ДВО РАН. — Ред.]. Например, он договорился с китайцами, и они оба памятника отлили бесплатно [Памятник первым переселенцам и памятник Шолом-Алейхему. — Ред.]. Рассказывать о них особо нечего. Я не профессиональный скульптор. До этого иногда отливал из гипса медальоны, барельефы и другую мелочь. Меня попросили взяться за Шолом-Алейхему, затем попросили хоккеиста [Скульптура хоккеиста команды «Надежда». — Ред.], и пошло-поехало... Я считаю себя автором пяти скульптур в Биробиджане, но мне они не нравятся. Ведь я не профессионал в этом деле. Наиболее удачной считаю ограду с литьём у синагоги и общины «Фрейд», но это всё же не совсем скульптура...

Лепка хоккеиста.

В Биробиджан я приехал в 1987 году. Город впечатлил своим парком. Это был настоящий лес с качелями-каруселями. Ещё зеленью на улицах и девушками. В Биробиджане тогда были мед-пед-культпросветучилища, много предприятий лёгкой промышленности. Это был женский город. Город невест, как Иваново. Сейчас он заметно изменился. На тихих улочках вырубали огромные тополя. Ведётся какая-то война с зеленью. Исчезли деревянные дома. Появились новые площади, фонтаны, памятники, современные здания, набережная, одетая в камень. Город стал красивее, но исчез дух старого Биробиджана. Старый город мне всё-таки ближе.

Мне нравится жить здесь, в Биробиджане. Я, как кулик, хвалю своё болото. Хотя все мои друзья разъехались кто куда... Близких друзей у меня здесь не осталось. Есть лишь хорошие приятели.

Что касается хобби, то в разное время я коллекционировал значки, карманные календари, ластики, киноафиши и т. д., но быстро остывал. Сейчас в моём кабинете висит стенд, на который наклеено около пятисот различных пробок от пива, но это не коллекция, а лёгкое собирательство. Ещё

собираю сувенирные и необычные карандаши, их у меня немного, наверное, чуть более сотни.

Вечером после работы занимаюсь живописью или графикой. Бывает, немного смотрю телевизор. Читаю очень мало, и то не бумажную литературу, а с компьютера. Конечно, мог бы наврать, что читаю взахлёб... Но это не так. В молодости (даже не верится!) я читал много, более тысячи страниц в неделю.

Персональная выставка в Биробиджане, январь, 2019 год.

До недавнего времени у меня было 28 «персоналок». Иногда устраивалось по две персональные выставки в год. Одна из последних — на 85 работ (задействовали два зала) — была три года назад в Московском доме национальностей. В Биробиджане последние три-четыре года персональные выставки не делал. И поэтому решил, что это положение нужно исправлять. В январе-феврале провёл «персоналку», посвящённую будущему юбилею области. Количество работ в ней было, разумеется, 85 штук — как и лет автономии. Все работы были написаны в последние три года. Более старые я предоставить не мог, так как вся прежняя живопись и графика остались в Москве и Московской области (были куплены) после моей выставки в Московском доме национальностей.

Как-то собирался делать выставку прессованной флористики. Это картины, где вместо красок используются засушенные листья деревьев. Хватило терпения только на шесть работ. Бросил. Так что планов на длительный период у меня нет.

Трудно сказать, какое из достижений самое дорогое и тёплое... Их много. Несколько лет назад в Биробиджане работала съёмочная группа из Бельгии во главе с режиссёром Ги Марком Инаном. Они общались с жителями нашего

Прессованная флористика.

города, записывали их воспоминания. Особо им понравился рассказ Валентина Пасманика о дворе своего детства. Двор по улице Калинина был шумный, с множеством детей, колоритными еврейскими женщинами. Вечером на улицу выходил парикмахер дядя Миша и бесплатно стриг всех мальчишек своего двора.

В составе съёмочной группы была художница по имени Доминик. Она предложила мне совместно сделать рисунки к будущему фильму.

Идея была такова: мы по очереди рисуем двор Валентина Пасманика; когда свободного места на листе не будет, стираем рисунки и выполняем новые... Полный бред.

Сначала Доминик нарисовала дом и парикмахера, потом я — стол с мужиками, забивающими «козла». Доминик стирает одну фигуру и вместо неё рисует мальчика. Я убираю стул у парикмахера и вместо него рисую табуретку...

Изобразили мы и девочек, играющих в классики, и женщин с вёдрами, и пьющих мужиков, и мальчишку с рогаткой. Вскоре весь лист был заполнен рисунками; мы их стирали и наносили новые.

Рисовали часа два-три, а потом в две руки всё это стерли. По чистому, а, вернее, грязному от рисования, листу должны были пойти титры фильма.

Оператор, поразительно похожий на художника Ван Гога, дал посмотреть заключительный фрагмент нашей работы. Скорость воспроизведения была увеличена. Тут я понял, насколько я был неправ, не согласившись сразу с творческой задумкой Доминик, которая оказалась настоящим мыслящим художником. Да, рисование по очереди с отталкиванием друг друга локтями (вошли в азарт) было захватывающим занятием, а результат работы непредсказуемым (для меня).

Фильм «Биробиджан: тлен и возрождение» стал победителем фестиваля авторского документального кино в Европе. В титрах фильма есть и моя фамилия.

Через некоторое время я вернулся к этой теме и написал серию работ под названием «Старый двор». Сейчас эти холсты находятся у одного из московских коллекционеров.

*Подготовила Ольга Волкотрубова.
Фотографии из архива Владислава Цапа.*

ПАВЛОВ ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ

ЧЁРНЫЙ КВАДРАТ ИСКУССТВА

Настоящая публикация является рецензией на статью В. Ф. Бабурова «Что такое искусство и как его понимать? (Попытка популярного размышления на тему)», опубликованную в выпусках журнала «Культура и наука Дальнего Востока» (№ 2 (20) / 2016¹, №№ 1 (21), 2 (22) / 2017, №№ 1 (23), 2 (25) / 2018). Автор даёт общую оценку и подробно останавливается на проблеме трактовки картины Казимира Малевича «Чёрный квадрат».

Ключевые слова: Владимир Бабуров, «Чёрный квадрат», искусство, монография, художественная форма, восприятие искусства, эстетика формы.

Keywords: Vladimir Baburov, "The Black Square", art, monograph, art form, art perception, aesthetics form.

¹ В данном номере журнала было опубликовано интервью с В. Ф. Бабуровым. — Ред.

Многогранный философско-психологический труд художника Владимира Бабурова «Что такое искусство и как его понимать? (Попытка популярного размышления на тему)», опубликованный на страницах научно-практического журнала «Культура и наука Дальнего Востока» в 2017–2018 годах, представляет большой интерес для людей, причастных к изобразительному искусству. Также он будет полезен для всех людей любых творческих профессий. Тот, кто хочет стать настоящим художником или профессиональным мастером в любом жанре искусства, тот найдёт здесь для себя ответы на большинство вопросов, встающих перед творческой личностью в начале пути. Да и профессионал прочтёт в статье глубокие ответы на возникающие вопросы. Или, по крайней мере, может увидеть другие обоснованные взгляды на свою тему. Труд может быть полезен для преподавателей факультетов изобразительного искусства в качестве пособий для спецкурсов, курсового и дипломного проектирования.

В работе Владимира Бабурова, кроме обширного обобщающего материала, подробно и всесторонне рассмотрены основополагающие постулаты и методы изобразительного искусства, содержится их многогранный психологический анализ, приведены сравнительные аналогии с другими формами искусств. Подняты, обсуждены и найдены ответы на многие полемические вопросы. Смело и реалистически рассмотрены проблемы современного изобразительного искусства, интересны рассуждения о будущем искусства.

Монография Владимира Бабурова предоставляет широкий материал для научных работников и других профессионалов от искусства, будит много вопросов для полемических бесед и споров по проблемам изобразительного искусства. Также работа В. Ф. Бабурова предоставляет обширное поле для рецензирования. Хочется, конечно, охватить все проблемные аспекты данного труда, но это будет целая работа не на один месяц. Поэтому рассмотрим проблему самого скандально известного произведения изобразительного искусства — «Чёрного квадрата»

К. С. Малевича, тем более что и сам Владимир Бабуров не оставил его без внимания.

О содержании картины

Владимир Бабуров даёт такое определение содержания знаменитой картины: «Сколько можно увидеть содержательного в “Чёрном квадрате”? Фактически это пиксель. Кирпичик мироздания, из которого состоит всё остальное» [1, с. 95].

Вообще-то, «пиксель» — это элементарный неделимый элемент двумерного пространства (где формой является изображение) и имеет всего два значения — чёрный и белый.

Содержание пикселя определяется следующим образом:

- чёрный — нет информации (нет света (или цвета));
- белый — есть информация (есть свет (белый цвет)).

Так что же хотел высказать Малевич, создавая свой «Чёрный квадрат»?

Если исходить из физики и физического видения изображения глазами человека, то мы видим излучаемый свет (солнце, луна, фонарь, огонь спички и проч.) или отражённый свет от поверхности объекта (предмета, плоскости, местности, неба, здания, человека и т. д.). Днём светит солнце, и мы видим всё окружающее в его отражённых лучах. Причём цвет предмета определяется именно той частью света, которая отражается от объекта и достигает наших глаз. Все, кто помнит школьную физику, знают, что белый свет разлагается на знаменитую семицветную гамму: красный, оранжевый, жёлтый, зелёный, голубой, синий, фиолетовый (в природе это радуга). Листья деревьев, кустарника и травы нам кажутся зелёными, потому что они отражают только зелёный цвет, а остальные поглощают. Ночью (тем более в безлунную) в кромешной тьме мы ничего не видим, хотя знаем, что вокруг нас что-то есть. Если ночью мы включаем фонарик, то в пределах досягаемости его луча мы видим фрагменты окружающей местности и другие объекты. Причём ввиду малой мощности света мы видим всё в черно-белом свете — действует только функция отображения — поглощения. Вне досягаемости луча фонаря для нас нет изображения!

Вывод: мы видим только то, что излучает или отображает свет. Малевич, как художник, наверняка понимал эту физику восприятия света и цвета человеческим глазом. Да и знал, наверное, и корпускулярную теорию света. То есть он понимал, что чёрный цвет для человека означает, что он ничего не видит — это для человека «чёрная дыра» в изображении! Естественно, на Земле абсолютно чёрного цвета, возможно, нет (кроме искусственно созданного — бункера глубоко под землёй с выключенным светом). Но и тут человек, обладая своим биологическим инфракрасным излучением, на некотором расстоянии будет чувствовать своим «внутренним зрением» приближение стены, от которой отражается его собственное инфракрасное излучение!..

Абсолютно чёрный цвет существует, видимо, в космосе — это так называемые чёрные дыры, создаваемые чёрными карликами гигантских размеров. Эти чёрные дыры поглощают безвозвратно любое излучение, в том числе и световое.

В нашей же земной реальности человеческому глазу абсолютно чёрный цвет недостижим. Всё равно что-то отображает свет... на чёрном небе — звёзды или атмосфера (космическая пыль). У женщины в чёрном платье мы явно видим её фигуру — свет отражается от ткани и от самих кристалликов краски.

На том же шедевре Малевича мы ясно видим полотно, на которое нанесено изображение. То есть внешний свет отображается от ниток полотна и ранее нанесённых грунтовок. Вот почему люди, разглядывая «Чёрный квадрат» под разными углами зрения, видят каждый своё. Притом эти «видения» зависят также и от расположения источников освещения, где демонстрируется этот шедевр. Вот почему, во-первых, в каждой конкретной обстановке экспозиции картины «Чёрного квадрата», во-вторых, с конкретного места созерцания, и, в-третьих, следуя своим интуитивным чувствам и фантазии, человек может видеть совершенно разные изображения, которые, в-четвёртых, зависят ещё и от собственного эмоционального состояния.

Так что же Малевич представил человечеству своим произведением «Чёрный квадрат»? Шедевр ли это или элементарная мазня в симбиозе с великой мистификацией, раскрученная (распиаренная) «знатоками» изобразительного искусства в своих корыстных бизнес-целях?! Попытаемся разобраться...

Бабуров Владимир Филиппович в соответствии с теорией искусств определяет, что шедевр — это творческое произведение человека (картина, музыка, текстовое произведение, скульптура, любое изделие), которое отличается от всех остальных подобных высочайшим классом исполнения, яркой ауди- или видеовизуальностью и глубокой эмоциональной выразительностью, способных воздействовать на разум и душу человека. Но самое главное, что определяет шедевр, — это его НЕПОВТОРИМОСТЬ! То есть шедевр — это единственная уникальная вещь на земном шаре!

Ну что же, давайте рассмотрим «Чёрный квадрат» в соответствии с теми критериями, которые определяют предмет искусства. Это художественное содержание и эстетика формы, психологическая основа художественного образа, эстетика художественного восприятия, смысловое и композиционное содержание.

Художественное содержание «Чёрного квадрата»

В. Ф. Бабуров согласен с В. А. Фаворским в определении основополагающей роли художественной формы, кроме изобразительной: «Во-первых, эта форма должна давать неглубокое и поверхностное, как бы самодовлеющее удовлетворение чисто чувственного порядка и служить приманкой, обещанной премией или, правильнее сказать, предварительным наслаждением, заманивающим читателей в трудное и тяжёлое дело отреагирования бессознательного. Во-вторых, её назначение состоит в том, чтобы создать искусственную маскировку, компромисс, позволяющий и обнаружиться запретным желанием, и тем не менее обмануть вытесняющую цензуру сознания» [Цит. по: 3, с. 123].

Автор определяет, что «связь характера формы с её эмоциональной нагрузкой является основой возникновения эмоциональной выразительности в искусстве» [3, с. 123].

В чём же особенность художественной формы «Чёрного квадрата»? Давайте внимательно посмотрим... Совершенно плоское изображение без переднего, среднего и заднего планов. Никакой перспективы и глубины нет. Однообразный монотонный одноцветный (не считая фона) образ элементарной плоской геометрической фигуры, который больше подошёл бы в качестве иллюстрации формулы расчёта площади квадрата для школьного учебника геометрии.

Чёрный квадрат изображён в канонической фронтальной форме без всяких художественных приёмов. О цветовой гармонии, как об истоке эстетического восприятия его художественной формы, не приходится говорить, так как здесь, кроме сочетания чёрного цвета образа на белом фоне полотна, гармоничных сочетаний нет. Притом эта гармония противоположности чёрного и белого в данной форме играет скорее психологическую роль, а не художественную (об этом мы ещё скажем...).

Эстетика художественной формы «Чёрного квадрата»

Физический облик «Чёрного квадрата», то есть квадратная (прямоугольная) форма применяется человечеством давно, с момента появления элементов цивилизации в его истории развития: отёсанные камни в строительстве жилья, выделяемые и измеряемые наделы земли и прочее... А до этого человек жил в естественных условиях природы, где квадратных вещей природа не создаёт! Природа предпочитает создавать круглые, овальные, дугообразные и «кривые» образы её объектов, как живых, так и материальных. Есть, конечно, исключения — кристаллические формы в недрах земли. Но они настолько редко проявляются на поверхности Земли, что, как говорится, только подтверждают общее правило. Поэтому и в культурном наследии в доцивилизованной эпохе в художественных образах «древних художников», например, на скальных рисунках, мы не видим квадратных форм. Человек ещё не создал этих форм, поэтому не видит и не изображает ни чёрных, ни белых квадратов. Он живёт в «круглых» жилищах (пещерах, вигвамах, фанзах, чумах, шатрах). Пользуется посудой, сделанной из круглого дерева, скрученной коры, выдолбленной из круглого камня, вылепленной из глиняного шара. Даже современные гончары-художники сначала лепят глиняный шар, а потом из него ваяют задуманное. Человечество любит естественными «круглыми» формами: небосводом, солнцем, луной, морскими заливами, изгибами реки, плавными гармоничными линиями звериных тел, женской и мужской фигур. Отсюда

следует, что «эстетика круга», как художественной формы, является первоначальной в истории культуры человечества. И в силу своей исторической длительности является первичной генетически заложенной в подсознании человека.

Но с ростом численности людей и появления осёдлости возникла необходимость постройки искусственных жилищ. Первым материалом для этого, естественно, был камень. Человек быстро сообразил, что из квадратных камней строить жилище гораздо лучше, чем из круглых. И начал обтёсывать камни до квадратных форм, лепить из глины квадратные кирпичи. Из «квадратуры» строительных материалов лучше всего получаются и «квадратные» дома, и соответствующая архитектура. Отсюда последовала и «квадратная» элементность художественных образов: прямолинейность, плоскостность, блочность, мозаичность, которые вошли сначала в архитектуру, а затем и в изобразительное искусство.

Мы пришли к тому, что эстетика «квадрата», как художественной формы, является уже вторичной в генетической памяти человека, искусственно наведённой уже им самим, в отличие от первичной «круглой» эстетики, наведённой естественной природой. В психологии достаточно приведено опытов, где людям демонстрируются «круглые» и «квадратные» фигуры или предметы и предлагается оценить их сравнительную эстетику. Результаты показывают, что большинство предпочитает «круг».

Вывод: в этом произведении Малевич выбрал почему-то не самый эстетичный художественный образ из окружающих человека. А выбрал квадратную форму, которая преобладает в ближайшем окружении человека (большинство вещей, мебель, дома, улицы, город).

Посмотрим на «Чёрный квадрат» как на произведение искусства, оценивая его по трём художественным критериям, которые определяет Владимир Бабуров. Это смысловое, эмоциональное и эстетическое содержание.

Смысл и идея содержания «Чёрного квадрата» совершенно не определены. Наверное, прав автор, когда говорит, что «Чёрный квадрат» Малевича — это образ пикселя мироздания. Но другие профессиональные ценители искусства определяют смысловое содержание иначе, притом совершенно по-разному... И каждый считает себя правым! Что отсюда следует?.. То, что до сих пор смысловое содержание «Чёрного квадрата» не поддается анализу даже корифеям искусства? Или можно прямо спросить: есть ли оно в данном произведении? Но в природе всё имеет какой-то смысл. В реалии, конечно, и тут есть: абсолютное смысловое содержание — это просто элементарный квадрат!

Рассмотрим «Чёрный квадрат» с точки зрения эмоционального содержания. Язык картины — вид элементарной геометрической фигуры, представленной в одном цвете, то

есть уровень «художника» возраста детского сада. Композиция — на той же высоте. Профессионализм и творческие возможности Малевича чувствуются здесь только в том, что изображён правильный квадрат (есть наверняка критики, которые линейкой проверяли точность фигуры!). Естественно, мы верим, что «Чёрный квадрат» нарисован от руки, а не по линейке! Также закрашка площади квадрата выполнена на уровне маляра высшего разряда с сохранением стопроцентной монотонности чёрного цвета, как говорится, одним взмахом кисти. Вообще-то, классность художника также определяется и тем, что он в своих произведениях никогда не применяет чисто чёрную краску (кроме каллиграфии). Верю, что Малевич знал этот канон. Значит, здесь он специально игнорировал его. Тогда на какие же эмоции зрителя рассчитывал художник? Какие эмоционально-образные ассоциации он хотел вызвать своим произведением? И какое эмоционально-образное содержание вложил в свой квадрат? К сожалению, об этом Малевич не оставил комментариев.

К слову сказать, в настоящее время этот недостаток в искусстве исправлен художником Ириной Ивановной Оркиной, которая ввела в искусство новый стиль — стихографику, где прямо на полотнах изобразительного искусства предполагается писать комментарии о смысловом и эмоциональном содержании в виде стихов. Традиционное иллюстрирование стихов существовало с испокон веков, но никто не додумался до обратного. Но в этом-то и заключается талант творческого человека, что он способен на обыденную вещь взглянуть совершенно с другой стороны или даже изнутри... (Осталась ещё свободная ниша — прозографика (не путать с фонографикой — когда текст просто располагается на фоне изображения)...

Поразмышляем о третьей стороне — эстетическом содержании «Чёрного квадрата». Гармония художественной формы полная — квадрат есть квадрат! Изображение строго по центру! Впечатляет строгая параллельность сторон квадрата и границ фона. Профессионализм автора виден даже в том, что композиция и соразмерность изображения и полей фона выбраны очень близко к принципу гармонии — «золотого сечения». Поэтому эстетика «Чёрного квадрата» предоставляет ему широкую возможность выставляться, начиная от мировых гранд-выставок изобразительного искусства до школьных учебников.

Таким образом, из анализа трёх основных аспектов содержания художественной формы «Чёрного квадрата» разумному человеку трудно сделать положительный вывод в пользу признания его шедевром.

Теперь проанализируем «Чёрный квадрат» на соответствие энциклопедическому определению шедевра: «Шедевр (фр. chef-d'œuvre — «высшая работа», «венец труда») — уникальное, непревзойдённое творение, высшее

достижение искусства, мастерства или чего-либо другого» [6]. Следовательно, главное, что определяет шедевр, — это его НЕПОВТОРИМОСТЬ! То есть шедевр — это единственная УНИКАЛЬНАЯ вещь на земном шаре!

Рассмотрим и разложим, как говорится, по полочкам.

Во-первых, Малевич не первый и не последний, кто изображал квадрат. За тысячи лет до него рисовали квадратные изображения. И тысячи лет после него будут изображать эти же самые квадраты... И никто и никогда не признавал их шедеврами. Кроме родителей, когда их любимое чадо после черчения кривых и прямых линий впервые нарисовало квадрат. Или в случае, когда их художественная форма исполнения приобретала значимость для автора (и для автора этой статьи тоже). В школьные годы имярек четыре года посещал изостудию при городском Доме пионеров. В конце занятий надо было мыть кисти, стаканы и палитры. В случае споров, кому мыть, проблема решалась следующим образом. Руководитель давал задание: от руки нарисовать квадрат со стороной, например, 50 сантиметров. На классной доске все рисовали по квадрату. Каждый квадрат измерялся на точность сторон, а его правильность проверялась равенством его диагоналей. Все отклонения суммировались. Кто набирал большую сумму — тот и шёл мыть принадлежности (и хотя ваш покорный слуга ни разу не мыл кисти, он не стал художником). Или когда в дружественной компании художников возникала необходимость в дополнительном сосуде с веселящей жидкостью, то гонца выбирали с помощью следующего теста на профессионализм. Рисовали круг (тоже элементарная фигура) заданного диаметра с точкой в центре. Затем циркулем или линейкой проверяли на точность. Кто больше «согрешил» — тот и бежал в магазин.

Во-вторых, я уверен, что если бы таким мастерам, как Владимир Бабуров или Никас Сафронов, заказали написать «Чёрный квадрат» за соответствующее вознаграждение, то за месяц-другой непрерывного труда и полного погружения в творческий процесс каждый бы создал произведение не хуже Малевича. А реплику, совершенно не отличимую от оригинала, может создать любой студент художественного училища, например, в качестве курсовой или дипломной работы.

Из вышесказанного следует, что с точки зрения высокого искусства и трезвого человеческого разума говорить об уникальности «Чёрного квадрата», как художественного произведения, довольно затруднительно и несколько сомнительно.

Так в чём же феномен «Чёрного квадрата»? Если это не шутка Малевича в «воодушевлённом» состоянии, или наоборот, бессознательное «произведение» в меланхолическом (задумчивом) состоянии, когда рука неосознанно профессионально чертит какой-то контур, а потом также

неосознанно закрашивает его подсознательно выбранной краской (которую не жалко). При этом состоянии краем сознания выбирается случайная, легко контролируемая цель. Например, методично закрасить весь квадрат, не допуская пробелов. А в это время мозг занят обдумыванием какой-то проблемы. Подобное часто можно наблюдать у женщин, когда они вяжут какую-нибудь вещь. В это время они могут думать о чём угодно или долго разговаривать с кем-нибудь совершенно о других вещах! Их руки работают автоматически, в то же время весь процесс бессознательно контролируется: число петель, их затяжка и прочее... Ещё круче такой процесс можно наблюдать у профессиональных наборщиков текстов на компьютерах. Две машинистки сидят рядом, каждая набирает свой текст со скоростью восемь-десять букв в секунду... И в то же время они обе что-то оживлённо обсуждают, поглядывая друг на друга!.. Но в итоге качество набранного текста на высоте — не более одной ошибки на листе! При этом ошибки такой, которая не контролируется (не отмечает красным цветом) компьютером, на котором набирается текст. Всё красное исправляется сразу в ходе набора!

Тогда остаётся третий вариант: Малевич написал свой квадрат специально в целях «одурачивания» зрителя, то есть для «умников» в искусстве, о которых пишет Бабуров в своей статье в разделе «Культурный диапазон человечества» [3, с. 131]. И разыграл всех: и художников, и зрителей, и посредников между художниками и зрителями (критиков, коллекционеров, экспертов и проч.). И в этих целях он в своём произведении применил специальные психологические приёмы воздействия на эмоции человека.

Известно, что экстрасенсы, астрологи, колдуны, гадалки в целях завладения и отключения внимания человека используют всякие «магические» предметы, типа блестящих шаров, чёрных пирамид или кубиков, кристаллов, зеркал и других необычных предметов, на которых заставляют сосредоточивать взгляд и внимание своих клиентов. С помощью наговоров и внушений они вводят клиента в ступорное гипнотическое состояние и могут совершать и внушать ему всё что угодно, в том числе и желаемое самим клиентом. Они прекрасно понимают, что люди всегда идут к экстрасенсу с тайным или нетайным желанием и с единственной целью — услышать от мага подтверждение исполнения этого желания.

А так как талантливые художники являются в некоторой степени и психологами (иначе, как отмечает Бабуров, они не были бы настоящими художниками) [2, с. 84], то Малевич в своём «Чёрном квадрате» применил подобный метод завладения вниманием человека. Что такое чёрный квадрат с точки зрения психологии? Это «чёрная дыра» для взгляда человека. Чернота ничего не отражает — взгляд проваливается сквозь картину в бесконечность. Человек

пытается сосредоточить взгляд на плоскости картины, но через миг он ловит себя на том, что его взгляд опять устремлён в бесконечность! К примеру, все неоднократно испытывали подобные чувства: когда ты задумываешься о чём-то и «уходишь в себя», то твой взгляд устремляется в бесконечность... Ты вроде бы всё видишь, но в то же время и не видишь! А в голове в это время крутятся свои видения... Вот поэтому у всех созерцающих «Чёрный квадрат» своё мнение и видение этой картины. Восприятие художественной формы в этом случае зависит не от картины, а от психологической устойчивости человека, от его личного эмоционального состояния в данный момент, от степени его «ухода в себя», то есть человек видит не картину Малевича, а погружён в собственные грезы!..

Вот, дописал до сего момента и задумался... Может быть, в этом магическом воздействии и заключается феномен «Чёрного квадрата»?!

В итоге своей монографии В. Ф. Бабуров делает вывод: «Объективным критерием оценки художественного произведения может служить только профессионализм его исполнения, воплощённый в гармонии формы, эстетической культуре выражения эмоций и целостном выражении смыслового содержания. То есть — грамотное сочетание всех трёх слагаемых художественного содержания: **смыслового, эмоционально-ассоциативного и эстетического**» [5, с. 127].

Я думаю, что многие профессионалы и любители изобразительного искусства согласятся с этим выводом, так как в монографии данные критерии широко рассмотрены и глубоко обоснованы автором. Притом показана их системная взаимосвязь и взаимовлияние. Мы уже выше рассматривали «Чёрный квадрат» с точки зрения этих постулатов и сделали соответствующие выводы. Да, данное произведение Малевича формально и реально соответствует этим критериям. Но только это соответствие отвечает элементарному уровню детского возраста. Вспоминаю случай, когда мой сын впервые принёс из детского сада и с гордостью показал мне лист с рисунком, где были изображены квадрат и рядом человечек в виде двух кружков (тело, голова) и четырёх палочек (руки, ноги). На вопрос, что это такое, он, глядя на меня, как на самого тупого в мире папу, с гордостью объяснил: «Это бабушкин дом. А это я!» (он летом жил у бабушки в деревне). И кто мне скажет, что в этом «произведении» не было художественной композиции, не было смыслового содержания и эмоционально-ассоциативного образа?..

Где истина, я думаю, что время тут НЕ РАССУДИТ... Надеюсь только на то, что когда Всевышний удостоит забрать меня к себе в свой светлый мир, то я там обязательно встречу с Казимиром Севериновичем, где в дружественной беседе за бутылочкой божественного вина мы с ним выясним, прав я или нет.

Список использованных источников

1. Бабуров, В. Ф. Владимир Бабуров: «Моё бытие мне нравится»: [интервью] / В. Ф. Бабуров; подгот. О. Волкотрубова // *Культура и наука Дальнего Востока*. — 2016. — № 2 (20). — С. 89–98.
2. Бабуров, В. Ф. Что такое искусство и как его понимать? (Попытка популярного размышления на тему): монография [первая часть] // *Культура и наука Дальнего Востока*. — 2017. — № 1 (21). — С. 82–90.
3. Бабуров, В. Ф. Что такое искусство и как его понимать? (Попытка популярного размышления на тему): монография [вторая часть] // *Культура и наука Дальнего Востока*. — 2017. — № 2 (22). — С. 122–132.
4. Бабуров, В. Ф. Что такое искусство и как его понимать? (Попытка популярного размышления на тему): монография [третья часть] // *Культура и наука Дальнего Востока*. — 2018. — № 1 (23). — С. 89–98.
5. Бабуров, В. Ф. Что такое искусство и как его понимать? (Попытка популярного размышления на тему): монография [четвёртая часть] // *Культура и наука Дальнего Востока*. — 2018. — № 2 (25). — С. 121–127.
6. Шедевр [Электронный ресурс] // Википедия, Свободная энциклопедия. — Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Шедевр>, свободный.

Материал поступил в редакцию 25.02.2019 г.

Сведения об авторе: Павлов Владимир Николаевич (творческий псевдоним: Владимир Вяземский), выпускник Хабаровского государственного политехнического института (ныне Тихоокеанский государственный университет) и Новосибирского государственного университета (ныне Новосибирский национальный исследовательский государственный университет). Литературную деятельность начал в 1996 году с написания учебных пособий по информационным технологиям (более десяти книг) и художественных рассказов. Печатался в поэтических сборниках и литературных альманахах, изданных литературными организациями Хабаровска и Москвы, а также в местной периодической печати. Является автором книги поэтических переводов стихов хайку «Дневник самурая» (издана в 2017 г. в честь 50-летия дружбы городов-побратимов Хабаровска и Ниигаты) и книги переводов стихов танка «Сто стихотворений ста поэтов» (подготовлена в 2018 г. в честь Года российско-японской дружбы). Контактные данные: e-mail: pvn77777@mail.ru; тел. 8-914-199-45-58.

ЗАГОРОДНЯЯ КРИСТИНА АНДРЕЕВНА

КОЛЛЕКЦИЯ ФОТОАЛЬБОМОВ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА КАК ОБЪЕКТ ХРАНЕНИЯ И ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В данной статье рассматривается коллекция фотодокументов Центра консервации документов и изучения книжных памятников Дальневосточной государственной научной библиотеки как исторический источник. Предлагается классификация фотоальбомов, входящих в коллекцию, описываются их особенности, анализируются состав и содержание коллекции.

Ключевые слова: фотодокумент, коллекция фотодокументов, коллекция фотоальбомов, фотоотпечаток, исторический источник, классификация фотодокументов.

Keywords: Documentary photography, documentary photographs' collection, photoalbums' collection, photo print, primary source, documentary photographs' classification.

В современном обществе наблюдается постоянный рост спроса на ретроспективную документную информацию. Удовлетворение данной потребности возможно через использование комплекса аудиовизуальных документов, в состав которых входят фотодокументы. По этой причине в настоящее время заметно возрос интерес к изучению фотографических источников. Исследователями рассматриваются методология аудиовизуальных документов, их состав и содержание. Делаются попытки классифицировать фотодокументы отдельных хранилищ: музеев, архивов, библиотек. Проводятся конференции, выпускаются сборники научных статей по вопросам хранения и использования аудиовизуальных источников. Благодаря этому информация о коллекциях и об отдельных фотодокументах становится доступнее для исследователей.

В последние годы написан ряд серьёзных научных работ, посвящённых изучению фотодокументов, хранящихся в различных учреждениях России. Г. В. Длужневская в диссертации на степень доктора исторических наук «Историко-археологическое наследие Азиатской России в фотодокументах второй половины XIX – первой половины XX в.: по фондам научного архива Института истории материальной культуры Российской Академии наук» рассматривает историю фотоискусства, применение фотосъёмки в научных исследованиях. В этой работе историк описывает особенности коллекции фотодокументов научного архива Института истории материальной культуры Российской Академии наук в Санкт-Петербурге.

Несколько серьёзных научных исследований раскрывают состав и содержание фотографического фонда Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН. Это диссертация Е. Б. Толмачёвой «Фотография как этнографический источник», монография В. А. Прищеповой «Иллюстративные коллекции по народам Центральной Азии второй половины XIX – начала XX века в собраниях Кунсткамеры», а также ряд статей в научных сборниках.

В поле исследования учёных попадает и семейная фотография, которая в кандидатской диссертации В. П. Чистяковой «Семейная фотография второй половины XIX – начала XX в. в России: опыт этнологического и источниковедческого анализа» рассматривается в качестве источника информации по этнологии. Фотография изучается как документ, рассказывающий об отдельно взятой семье, супружеских, детско-родительских, межпоколенческих отношениях.

Фотодокументы обладают широким полем информативности, и то, как раскроется эта информация и какой она будет, зависит от субъекта, воспринимающего изображение. В. П. Чистякова замечает: «исследователи пришли к выводу о том, что фотография — это в первую очередь документ, источник визуальной информации, сохранивший социальные “коды” своей эпохи и требующий специфиче-

ского комплексного подхода. Своеобразие фотографий в качестве источника заключается в том, что их информативность неоднородна и меняется в зависимости от того, кто рассматривает (изучает) эти визуальные источники: человек, для которого они являются автобиографическими, или исследователь» [11, с. 16]. В первом случае фотография будет представлять собой биографический материал, являясь стимулом для размышлений и воспоминаний. Во втором — она остаётся предметом интереса и источником информации общеисторического плана.

Исследователь Р. О. Абилова обращалась к фотодокументам как историческим источникам. В работе «Фотография как источник по изучению истории повседневности: анализ современной российской историографии» автор отмечает: «В современной российской историографии произошло заметное количественное увеличение исследований фотографии. В первую очередь, это оказалось возможным благодаря росту доступности фотодокументов для сообщества историков и развитию источниковедческих исследований. Значительную роль в этом процессе сыграло также обращение исследователей к зарубежным разработкам в области теории и методологии фотографии» [1, с. 3].

Проблемы источниковедения и архивоведения аудиовизуальных документов очерчены в фундаментальном монографическом исследовании В. М. Магидова «Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания». Историк замечает: «Центральное место в изучении КФФД¹ Архивного фонда Российской Федерации в качестве источниковой базы исторических исследований занимает вопрос об их составе и содержании» [6, с. 102]. Он отмечает, что необходимо раскрывать информацию о фотографических коллекциях учреждений для исследователей, вводить в научный оборот новые сведения о фотодокументах.

В Дальневосточной государственной научной библиотеке (ДВГНБ) уже несколько лет ведётся работа по изучению коллекции фотодокументов. Её систематическое изучение началось в 2014 году в рамках фундаментального научного исследования «Книга как социокультурный феномен». Так как фотоальбомы не были описаны и специально не изучались, на первом этапе исследования решено было разработать форму описания фотоальбома. В последующие годы фотодокументы изучались в аспекте какой-либо определённой темы. Были рассмотрены фотографии города Хабаровска, этнографические фотографии народов Сибири и Дальнего Востока России. Затем была описана краеведческая часть коллекции фотоальбомов. А в 2018 году предпринята попытка рассмотреть всю коллекцию фотодокументов ДВГНБ конца XIX – начала XX века в её целостности.

¹ Кинофотофонодокументы.

Для начала разберёмся в терминологии.

Коллекция фотодокументов — это целостное собрание документов определённого вида и способа изготовления, имеющее научную, историческую и художественную ценность.

Коллекция фотодокументов конца XIX – начала XX века хранится в Центре консервации документов и изучения книжных памятников Хабаровского края (ЦКДиИКП). Она, несомненно, обладает духовной и материальной ценностью, имеет особое историческое, научное и культурное значение. Очень важны высокие познавательные и эстетические свойства фотодокументов, входящих в коллекцию.

Термин «фотодокумент» имеет такое значение: «аудиовизуальный документ, содержащий информацию, зафиксированную на нём посредством фотографической техники, предметы в виде отдельных фотоизображений. Фотодокумент на плёночном или другом носителе, который для изготовления и использования требует соответствующего увеличения при помощи микрографической техники» [5, с. 16].

Так как коллекция фотодокументов ДВГНБ конца XIX – начала XX века содержит только фотоотпечатки, приведём определение этого термина: «**Фотопозитив (фотоотпечаток)** — копия фотодокумента, полученная печатью с фотонегатива на фотобумагу или фотоплёнку с последующей химико-фотографической обработкой» [5, с. 16].

Важно также определиться с тем, что мы будем называть единицей хранения фотодокументов. В книге «Основные правила работы государственных архивов Российской Федерации» находим: «**Единица хранения фотодокументов** — физически обособленный кадр, несколько кадров панорамной съёмки, фотоотпечаток, рулон диафильма, фотоальбом» [7, с. 99]. Коллекция фотодокументов ЦКДиИКП состоит из фотоальбомов и папок с планшетами (картонными листами с наклеенными на них фотографиями), поэтому единицей хранения фотодокументов в нашем случае будет фотоальбом или папка.

Коллекция фотоальбомов Центра консервации документов и изучения книжных памятников ДВГНБ является региональной. В неё входят коллекционные и тиражированные русские и зарубежные альбомы с фотографиями. Коллекция насчитывает 216 единиц хранения, то есть альбомов и папок с фотоотпечатками, наклеенными на картонные листы. Хронологические границы коллекции: конец XIX – начало XX века, приблизительно с 1870-х годов по 1923 год.

В чём же ценность фотоальбомов этого периода как исторического источника? На этот вопрос находим ответ в монографическом исследовании В. М. Магидова: «Полезная, а в ряде случаев уникальная информация содержится в фотоальбомах, сформированных в середине XIX – начале XX в. Часть из них издана типографским способом. Они отложились в федеральных архивах и государственных архивах субъектов РФ, музеях и библиотеках... Альбомный

фонд этого периода отличается разнообразием тематики. Фотоальбомы принадлежат к различным фотографическим школам, сложившимся в России начиная с конца 1850-х годов. Значительная их часть связана с именами императоров Александра II, Александра III, Николая II и их ближайшего окружения. Кроме того, в них содержатся снимки, выходящие за рамки жизни царской семьи. Они воссоздают облик российских городов и их окрестностей, монастырей и храмов, дают представление о транспортных средствах и др.» [6, с. 153].

Фотодокументы ЦКДиИКП дают возможность наглядно представить состояние городских улиц и зданий на момент съёмки, различного рода сооружений, состав тех или иных военных частей, отрядов, облик участников обороны, похода, бытовые реалии различных народов. Снимки свидетельствуют об условиях жизни заключённых на Сахалинской каторге, о жизни и быте первых переселенцев на Дальний Восток, событиях культурной и общественной жизни, военных действиях в Китае и Средней Азии.

*Неизвестный фотограф. Без названия. [1895–1899].
Чёрно-белая фотография, альбуминовый отпечаток. 16,5x22,4.
ДВГНБ. Фотоальбом «Как устраиваются русские люди
в Приморской области 1895–1899 г.» (№ 3549699).*

Фотографии становятся важными источниками для изучения истории, этнографии, культуры, а также истории фотоискусства.

Немаловажным является вопрос о принадлежности фотодокументов тому или иному лицу. Личные коллекции фотографий и фотоальбомов — это «результат сознательного отбора и хранения определённых фотоматериалов, коллекция, выражающая позицию человека, его ценности, привязанности и представления: чему он придаёт смысл, как относится к своему непосредственному окружению и миру, который видит вокруг себя» [11, с. 17–18]. Состав и содержание фотоальбомов нашей коллекции даёт возможность судить об интересах владельцев фотодокументов: цесаревича Николая Александровича (будущего импера-

тора Николая II), купцов Д. А. Старцева и В. Ф. Плюсина, приамурского генерал-губернатора Н. И. Гродекова.

Так как большинство фотоальбомов не имеет владельческих знаков, исследователям остаётся только предполагать, кому они принадлежали, опираясь на дополнительные источники информации. Например, ряд альбомов коллекции ДВГНБ имеет похожие названия: «Макао. 1896 год», «Корея. Октябрь 1896 года», «Китай. По Янгтсекиангу. 1897 год», «Филиппинские острова. Декабрь 1896 года». Изучение биографии Николая Ивановича Гродекова подтверждает предположение о том, что все вышеназванные альбомы когда-то принадлежали именно ему. Историк Н. И. Дубинина пишет: «Зимой 1896–1897 гг. Н. И. Гродеков совершил большую поездку по странам Азии. 26 октября на пароходе “Владимир” он выехал из Владивостока и посетил порты Кореи, затем Японию... Из Японии Гродеков направился на Филиппины, побывал в португальской колонии Макао, затем в Камбодже, Сиаме (Таиланде), Гонконге. В Китае он посетил Кантон, Шанхай и Ханькоу» [3, с. 101–102]. Маршрут Н. И. Гродекова и время его путешествия совпадают с названиями альбомов. Они содержат в основном снимки с видами городов, достопримечательностями, портретами местных жителей.

Таким образом, фотодокумент является ценнейшим визуальным историческим источником. Фотографические коллекции тех или иных учреждений — уникальными собраниями таких источников. Количественный рост научных исследований по данной тематике свидетельствует о том, что визуальные документы востребованы. Читатели, краеведы, учёные часто обращаются в ДВГНБ с вопросами, касающимися содержания фотоальбомов, и, чтобы качественно на них отвечать, необходимо знать состав нашей коллекции. Структурировать эти сведения поможет классификация фотодокументов.

Классификация фотоальбомов Центра консервации документов и изучения книжных памятников

Вопрос о классификации фотодокументов до сих пор остаётся одним из слабо разработанных в теории и методике источниковедения и архивоведения. В. М. Магидов замечает, что «до настоящего времени отсутствует единая для всех документов, входящих в состав Архивного фонда Российской Федерации, учётная и классификационная единица. Именно этим немаловажным обстоятельством объясняется, что в большинстве государственных и ведомственных архивов, хранящих КФФД, не налажен должный учёт принятых на хранение документов, практически нет точных данных об их объёме, не унифицирован порядок описания документов, не создана рациональная система учёта, не обеспечены нужные условия сохранности, преемственности в работе государственных и ведомственных архивов и др.» [6, с. 209].

Типологизация и классификация фотодокументов осуществляются с заранее определённой целью. Существует множество классификаций таких источников, они строятся на основе тематики, авторства, видовых и других признаков.

По видовому признаку коллекцию ЦКДиИКП не получится классифицировать, так как она состоит только из позитивов. Фотоотпечатки либо наклеены на альбомные листы, либо — на отдельные планшеты.

Классификация по автору весьма затруднена, так как авторство некоторых снимков установить практически невозможно. А иные альбомы, наоборот, содержат снимки сразу нескольких авторов. Из-за большого массива неописанных фотоснимков классифицировать их по автору пока не представляется возможным. Это можно будет сделать только после того, как будут описаны и внесены в реестр все фотографии. В настоящее время такая работа ещё ведётся.

По происхождению также не удаётся классифицировать фотоальбомы коллекции ЦКДиИКП, так как история поступления большинства из них в фонд ДВГНБ не ясна. Отсутствует сопроводительная документация на фотодокументы. На большинстве фотоальбомов нет владельческих знаков или подписей, поэтому можно лишь предполагать, кому принадлежали те или иные альбомы. Например, можно предположить, что некоторые альбомы по Средней Азии, Японии, Китаю принадлежали Н. И. Гродекову. Данное предположение базируется на оформлении переплётов, рукописных подписях под снимками, тематике фотоальбомов. Известно, что Н. И. Гродеков служил в Средней Азии, он мог привезти оттуда фотоальбомы и фотоснимки в Хабаровск.

По содержанию коллекцию фотоальбомов ЦКДиИКП можно классифицировать следующим образом:

1. Виды городов.
2. Фотоальбомы, представляющие этнографический интерес (занятия, одежда, типы жителей разных стран, обряды и т. д.).
3. Исторические события: Русско-японская война 1904–1905 годов, Хивинский поход 1873 года, пребывание русских в Маньчжурии, строительство дорог.
4. Сельскохозяйственные и промышленные выставки.
5. Образование.
6. Фоторепродукции с картин и экспонатов музеев (например, в альбоме «Armeria real» помещаются фотографии экспонатов Королевского Арсенала в Мадриде, а альбом «Храм Христа Спасителя в Москве» содержит снимки с настенных росписей храма).

Классификация фотоальбомов по географическому признаку на данном этапе исследования кажется нам самой удобной. Она позволяет чётко разграничить практически все фотоальбомы коллекции. Наглядно можно представить географическую классификацию фотоальбомов в виде таблицы.

Классификация фотоальбомов по географическому признаку

Дальний Восток России	71
Европейская часть России	9
Забайкалье	15
Кавказ	2
Средняя Азия	33
Китай и Маньчжурия	36
Япония	13
Корея	2
Шри-Ланка	5
Египет	3
Франция	2
Украина	1
Греция	1
Испания	3
Африка	3
Монголия	1
США	1
Турция (г. Стамбул)	2
Индокитай (Таиланд, Вьетнам, Камбоджа)	5
О. Мальта	1
Республика Сингапур	2
Германия	2
Италия	1
Филиппинские острова	1
Аравийский п-ов (Республика Йемен)	1
Всего:	216

Благодаря этой классификации можно составить представление о географическом охвате коллекции фотоальбомов и о том, какие страны и области представлены в ней наиболее обширно. Самая многочисленная группа — «Дальний Восток России», она составляет более 30 процентов всей коллекции. Вторая по численности — «Китай и Маньчжурия», чуть меньше — «Средняя Азия», в неё входит 33 фотоальбома.

По хронологическому признаку все фотодокументы коллекции можно разделить на пять основных групп:

- 1870-е – 1890-е годы (снимки дальневосточных сёл, фотоальбомы по Средней Азии, восточным странам, документы, посвящённые строительству железных дорог и др.);
- 1900–1901 годы (Маньчжурский поход, виды дальневосточных городов и др.);
- 1904–1905 годы (Русско-японская война);
- 1910-е годы (строительство и эксплуатация дорог);
- 1923 год (фотографические виды дорог Амурской губернии).

Таким образом, фотодокументы коллекции можно классифицировать по-разному, в зависимости от того, какой признак брать за основу. Наша классификация в некоторой степени условна, так как ещё не все фотодокументы атрибутированы, некоторые сведения установлены лишь приблизительно. Работа по описанию снимков ещё не закончена.

Состав и содержание коллекции фотоальбомов Центра консервации документов и изучения книжных памятников

Содержание коллекции достаточно разнообразно. Фотодокументы иллюстрируют историю России и зарубежных стран, дают возможность воссоздать облик городов, увидеть, как они выглядели в конце XIX – начале XX века. На страницах альбомов встречаются портреты известных государственных деятелей, как отечественных, так и зарубежных: Н. И. Гродекова, С. М. Духовского, Н. П. Ломакина², К. И. Вебера³, Ли Хунчжана⁴, ряд портретов среднеазиатских эмиров⁵ и других. Много групповых портретов военных частей, участвовавших в значимых для истории России походах: Хивинский поход 1873 года, Маньчжурский поход 1900–1901 годов.

В фотоальбомах ДВГНБ помещаются снимки следующих фотографов: М. П. Дмитриева, Э. Нино, А. С. Лейбина, Р. С. Пророкова, Я. А. Окунева, У. Л. Скина, И. Арну, В. Ф. Козловского, Г. Е. Кривцова, Н. А. Чарушина, А. К. Кузнецова, М. И. Грибова и других.

Города европейской части России представлены рядом фотодокументов, передающих облик Москвы, Смоленска, Астрахани. Привлекают внимание живописные виды острова Валаама и Валаамского монастыря в альбомах «Виды Валаамского монастыря» и «Скиты Валаамского монастыря». Их плотные картонные листы сложены в форме гармошки и приклеены к папкам, в которых находятся. В одной из папок помещаются видовые фотографии острова Валаам. В основном зафиксированы скалы и пейзажи острова. Часто на фоне пейзажа появляются люди — монахи — обитатели острова. Во втором фотоальбоме «Скиты Валаамского монастыря» содержатся изображения малых монастырей и мест жительства монахов. Благодаря этому фотоальбому мы можем увидеть, как выглядели Германский, Тихвинский, Сергиевский, Авраамиевский, Ильинский и другие скиты острова в конце XIX – начале XX века.

Забайкальская область России представлена фотоальбомами: «Верхнеудинск», «Виды Троицкосавска и Кяхты»,

² Русский военачальник, участник Туркестанских походов.

³ Первый официальный русский дипломатический представитель в Корее.

⁴ Китайский государственный деятель и дипломат.

⁵ В мусульманских странах — военачальник, правитель, князь.

«Виды Забайкалья», «Этнографический альбом малых народностей Сибири и Дальнего Востока», «Альбом Забайкальской области», «Альбом этнографии» и другими.

Эти фотодокументы содержат виды городов Забайкалья, а также снимки культовых построек данной местности. На страницах этих альбомов встречаются фотографии, иллюстрирующие буддийские обряды и портреты бурятских лам.

В фотоальбоме «Виды Троицкосавска и Кяхты» изображены общие виды города Троицкосавска, различные городские здания: училище, богадельня, больница, церковь. Кроме того, в альбоме помещаются виды Кяхтинской торговой слободы конца XIX века.

К этой группе фотодокументов относятся также планшеты с фотографиями путешествия наследника цесаревича Николая Александровича (будущего императора Николая II) по Забайкалью в 1890–1891 годах. Фотоснимки были сделаны Руфином Самойловичем Пророковым — иркутским фотографом, членом Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества.

Примерно треть всей коллекции фотодокументов ДВГНБ составляют материалы дальневосточной тематики⁶: виды городов, этнографические снимки малых народностей Дальнего Востока России, фотоальбомы, посвящённые культурной и общественной жизни дальневосточников, военным событиям, строительству дорог, исследованию и изучению дальневосточной окраины.

Довольно много фотоальбомов посвящено среднеазиатским владениям Российской империи. Среди них: «Семиреченская область», «Самаркандская область», «Сыр-Дарьинская область», «Ферганская область», «Ташкент», «Типы народностей Средней Азии» и другие. В коллекции есть известные тиражные фотоальбомы «Типы и виды Хивинского ханства», составленный подпоручиком Григорием Кривцовым, и «Типы народностей Средней Азии» с фотографиями В. Ф. Козловского.

Переплёт альбома «Типы народностей Средней Азии» с фотографиями В. Ф. Козловского (№ 261113).

⁶ О содержании краеведческой части коллекции написана и опубликована статья: Загородняя К. А. Краеведческая часть коллекции фотоальбомов фонда редких и ценных изданий Дальневосточной государственной научной библиотеки (общее описание) // Культура и наука Дальнего Востока. — 2018. — № 1 (23). — С. 135–146. Поэтому в данной статье не будет подробно освещаться эта часть коллекции.

Этот блок фотоальбомов представлен такими фотографиями, как А. С. Лейбин, В. Ф. Козловский, С. Ф. Николая, К. Ф. Маурер, Я. Г. Виноградов, Н. Ордэ, К. К. Андерсон, братья Рудневы, Г. Кривцов, Я. А. Окунев и другие.

В период с 1867 по 1882 год проходило завоевание и колонизация Центральной Азии Российской империей. В этот период в состав российских земель вошло Кокандское ханство, а над Хивинским и Бухарским ханствами был установлен протекторат. Образовалось Туркестанское генерал-губернаторство, главой которого стал генерал-адъютант Константин Петрович фон Кауфман. С 1886 года эта область получила название Туркестанский край.

По сюжету фотодокументы, относящиеся к истории Средней Азии, можно разделить на следующие группы:

1. История завоевания Средней Азии русскими.
2. Этнография Средней Азии.
3. Культура Средней Азии.

В фотоальбомах помещены снимки с видами городов Средней Азии: Самарканда, Бухары, Ташкента, Алма-Аты, Ферганы. Некоторые альбомы представляют этнографический и культурный интерес, так как содержат не только виды городов, но и фотографии медресе, мечетей, бытовых сцен из городской жизни, открывают перед нами галерею народов Средней Азии.

Упоминание о некоторых фотоальбомах, входящих в коллекцию ДВГНБ, встречается в научной литературе. Очень ценную информацию содержат монография В. А. Прищеповой⁷ «Иллюстративные коллекции по народам Центральной Азии второй половины XIX – начала XX века в собраниях Кунсткамеры» и ряд её статей по данной тематике.

Интересен фотоальбом «Хивинский поход 1873 г.», возможно, он был составлен Н. И. Гродековым, участником этой военной экспедиции. На групповых портретах сам Николай Иванович запечатлён несколько раз.

В этот фотоальбом входят снимки разных фотографов, разных форматов, какие-то наклеены на альбомный лист вместе с фотографическим бланком, все подписи к снимкам сделаны от руки чёрными чернилами — всё это даёт основание полагать, что фотоальбом не куплен в фотоателье, а составлен частным лицом. К сожалению, никаких владельческих знаков в альбоме нет, но известно, что Николай Иванович Гродеков около 20 лет служил в Средней Азии. Он участвовал в Хивинском походе 1873 года, возглавляя мангышлакский отряд.

В вышеозначенную группу входит папка с портретами прокажённых из кишлака⁸ «Махау» (лепрозория близ Ташкента), выполненными фотографом Я. А. Окуневым.

⁷ Прищепова Валерия Александровна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург.
⁸ Зимнее жильё, зимовка, постоянный сельский населённый пункт.

Неизвестный фотограф. [Групповой портрет участников Хивинского похода 1873 г.]. В центре — генерал Н. П. Ломакин. Второй ряд: крайний слева — М. Д. Скобелев, второй слева — Н. И. Гродеков. 1873 год. Чёрно-белая фотография, альбуминовый отпечаток. 15,5x18,4. ДВГНБ. Фотоальбом «Хивинский поход 1873 г.» (№ 2706195).

В коллекции фотоальбомов ДВГНБ содержится очень ценный экземпляр — «Виды и типы Северо-Западной Монголии». Фотоальбом представляет собой собрание этнографических фотографий, полученных во время экспедиции Г. Н. Потанина в Северо-Западную Монголию. Все 50 фотоотпечатков к этому альбому сделаны с негативов А. В. Адрианова.

Александр Васильевич Адрианов — сибирский путешественник, этнограф, археолог, ботаник. С 1879 года — член Императорского Русского географического общества. Адрианов отправился с Потаниным в экспедицию в качестве фотографа, ботаника и собирателя фольклора. Фотографии, сделанные им, получили высокую оценку Императорского Русского географического общества.

Географ и этнограф Г. Н. Потанин описал результаты полученных наблюдений в многотомнике «Очерки Северо-Западной Монголии». Фотоальбом может расцениваться как отличный иллюстративный материал к четвёртому выпуску этого труда: «Материалы этнографические», вышедшего в Санкт-Петербурге в 1883 году. Выпуск снабжён довольно большим количеством рисунков. Среди них — бубен алтайского шамана, доставленный в музей Императорского Русского географического общества в Санкт-Петербурге. В альбоме «Виды и типы Северо-Западной Монголии» есть фотография этого бубна с внутренней стороны. На одном из рисунков изображён теленгитский шаман Таран в плаще и шапке спереди. На другом рисунке тот же шаман изображён сзади; на спине видны две круглые медные бляхи, так называемые кудзюнго [8, с. [16] (1-й ряд)]. В фотоальбоме имеются два аналогичных снимка, они подписаны: «Кам Таран (родом теленгит) близ Курдека на Балкаше (в долине р. Чуи) 78 лет.

Спереди» и «Кам Таран (родом теленгит) близ Курдека на Балкаше (в долине р. Чуи) 78 лет. Сзади». В книге даётся описание бубна, шаманского одеяния и шаманских обрядов.

Сотрудник Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН (МАЭ) Д. В. Иванов изучал самые ранние фотографии Монголии, которые хранятся в МАЭ и других учреждениях Санкт-Петербурга. В их число входят снимки А. В. Адрианова, помещённые в альбом «Виды и типы Северо-Западной Монголии».

Ряд фотоальбомов иллюстрирует исторические события и достопримечательности Китая: «Кульджа», «Шанхай», «Харбин. 1899», «Пекин», «Китай. Ханькоу. 1897 г.», «Китай. Этнография. 1897 г.», «Гон-Конг», «Тянь-Цзинь», «Дальний Восток. 1906 года» и другие.

ПЕКИНЬ
Дворец предков в запретн. городе

А. Р. Янец. Пекин. Дворец предков в запретном городе. [После 1900]. Чёрно-белая фотография, альбуминовый отпечаток. 12,2x17,4. ДВГНБ. Фотоальбом «Пекин» (№ 1954884).

Неизвестный фотограф. Храм пяти гениев. [1890]. Чёрно-белая фотография, альбуминовый отпечаток. 20,1x25,6. ДВГНБ. Фотоальбом «Китай. Кантон. 1896 год» (№ 3549708).

Возьмём для примера фотоальбом «Кульджа». Предположительное время его создания — 70-е годы XIX века.

На фотографиях запечатлены кумирни, базар, китайские идолы, ламайское духовенство. В альбоме есть фотографии маньчжуров в парадной одежде, чиновников, китайянок, дунган, дунганских детей, на одном из снимков изображены калмыки и торгоуты⁹. Встречаются снимки, представляющие интерес для изучения быта жителей Кульджи.

В фотоальбом под названием «Шанхай» вложены три листа машинописного текста. Сопроводительный материал создан приблизительно в 1970–1980 годах. В нём заключена информация о содержании снимков фотоальбома, об объектах, изображённых на них, и о состоянии этих объектов на момент описания. Цитируем небольшой фрагмент машинописного текста: «Очень ценный материал, посвящённый старому Шанхаю, в конце 1890-х годов, который может служить материалом для какого-нибудь будущего исследователя развития империализма в Китае». Данный отрывок помогает сделать вывод о том, что создатель этого текста не только описал содержание фотоальбома, но также попытался определить ценность фотодокумента как источника информации.

Снимки фотоальбома «Шанхай» пронумерованы карандашом. На них изображены улицы китайского города, базар, пристань, канал, чайные дома, пагода Лунгво, французская и английская церкви, набережная, памятник английскому послу сэру Гарри Паркесу¹⁰. Ряд снимков запечатлел бытовую жизнь китайцев: цирюльник, мама с ребёнком, торговцы, женщины в национальных одеждах.

Большинство фотоальбомов, посвящённых Китаю, содержат снимки видов китайских городов, улиц, соборов, идолов, бытовые снимки, ценные для этнографии. Ряд фотографий передаёт внешний вид заключённых, а также моменты казни китайцев-преступников.

Несколько фотоальбомов иллюстрируют события в Маньчжурии 1900–1901 годов. Фотографии «рассказывают» историю пребывания русских войск на Северо-Востоке Китая во время Боксёрского восстания. В альбомах помещаются групповые портреты русских военных, кадры из жизни в Маньчжурии. Не менее ценны бытовые снимки китайской жизни, сооружений, кумирен, храмов.

Некоторые фотоальбомы хранят снимки, запечатлевшие внешний облик городов, основанных русскими в Китае, — это Харбин и Дальний.

Японские фотоальбомы интересны своим оформлением. Они изготавливались как сувениры на продажу для туристов, поэтому сразу привлекают своей красотой. Переплётные крышки таких фотоальбомов создавались японскими

мастерами в традиционной лаковой технике, украшались перламутровыми вставками, слоновой костью и другими элементами. Фотографии для таких альбомов раскрашивались вручную акварельными красками, так как именно раскрашенные снимки пользовались большим спросом у иностранцев. Чаще всего на таких фотографиях изображены достопримечательности японских городов, портреты местных жителей, причём акцент делался на экзотику: изображались самураи, женщины в традиционной японской одежде, бытовые сценки. Как правило, негативы и фотоотпечатки для японских альбомов не подписывались, поэтому установить авторство снимков во многих случаях не представляется возможным.

Фотоальбом «Япония. Киото, озеро Бива. 1896 года» позволяет увидеть достопримечательности Киото такими, какими они были на момент съёмки. Фотографии запечатлели храм Роккаку-до (Тёхо-дзи), храмовый комплекс с садами Тофукудзи в осенний период, парк Маруяма, тории и другие культовые постройки. В альбоме можно найти портреты, жанровые сценки, пейзажи, городские виды. Перед зрителем предстают пожилые люди, убирающие листву, нищие священники, сборщицы чая, лучник, рикша, танцовщицы.

Неизвестный фотограф.
[Женский портрет].
Конец XIX века.
Фотография раскрашена вручную, альбуминовый отпечаток.
25,6x19,7. ДВГНБ.
Фотоальбом «Япония. Киото, озеро Бива. 1896 года» (№ 1954930).

Фотоальбом «Япония. Гор. Осака и Нагоя. 1896 год» интересен тем, что в нём встречаются как чёрно-белые, так и цветные фотографии. Альбом включает снимки с видами японских городов, пейзажами и улицами Осаки. Также здесь есть фотографии с бытовыми сценками, групповые портреты японских девушек в национальных костюмах.

Корея представлена двумя альбомами. На переплёт первого золотыми буквами вытиснено: «Корея». Он включает снимки разного формата, созданные в 1897–1902 годах. Фотографии Кореи имеют большое значение как исторический источник, так как отражают состояние этой страны на момент съёмки, иллюстрируют события, которые происходили в это время.

⁹ Представители одного из монгольских народов.

¹⁰ Сэр Гарри Смит Паркес (1828–1885) — британский дипломат, служил чрезвычайным посланником, министром и Генеральным консулом Соединённого Королевства в Китайской империи Цин с 1883 по 1885 год.

*Неизвестный фотограф.
Без названия.
Конец XIX века.
Фотография раскрашена вручную, альбуминовый отпечаток.
25,6x19,8. ДВГНБ.
Фотоальбом «Япония. Киото, озеро Бива. 1896 года» (№ 1954930).*

В альбоме находятся общие виды Сеула. На одном из снимков запечатлены английское и американское консульства на фоне города. Фотографии дают представление о том, как выглядели западная и центральная части Сеула, каким было здание русской миссии в этом городе в 1897 году. Есть снимки, представляющие этнографический интерес: «Жених и невеста в уборе», «Придворные танцовщицы в Сеуле». Ряд фотографий представляет исторический интерес: «Старое корейское войско. 1897 год», «Русский десант в Сеуле. 1897 год», «Часть японского гарнизона в Сеуле. 1897 год», «Японские жандармы в Сеуле. 1897 год», «Город Фузан¹¹ (японский). 1902 год», «Город Гензан. 1902 год» и другие.

Второй альбом с названием «Корея. Октябрь 1896 года» содержит снимки 1896 года создания. Открывает альбом портрет Карла Ивановича Вебера — поверенного в делах русской дипломатической миссии в Корее во время Японо-китайской войны и последующих переворотов. Фотография наклеена на оборотную сторону складного панорамного снимка с видом порта Фузан (Пусан). Далее помещены портреты высокопоставленных корейских чиновников, женщин в корейских национальных одеждах, музыкантов, фотография процесса обучения детей в школе. Бытовые снимки из жизни корейцев: базар, наказание женщины (секут розгой), работники на рисовом поле.

Государство Шри-Ланка представлено несколькими фотоальбомами, три из них имеют одинаковые названия: «Цейлон». Ещё два альбома отражают историю и внешний облик Шри-Ланки конца XIX века — это «Дорога в Кенди¹²» и «Колombo». В этих фотоальбомах помещаются снимки английского фотографа Уильяма Луиса Генри Скина, который работал на

Цейлоне с 1860 по 1903 год. Он занимался коммерческой фотографией, у него была своя фотостудия и фирма под названием «W. L. H. Skeen & Co». На наших фотографиях встречаются надписи: «Skeen & Co» и порядковые номера снимков. Фотограф запечатлел виды городов Цейлона, живописные пейзажи, он фотографировал культовые постройки и скульптуры, интерьеры храмов, местных жителей, выращивание и фасовку чая.

*Вильям Луис Генри Скин [Талипотовые пальмы в цвету]. [189-?].
Чёрно-белая фотография, альбуминовый отпечаток.
20,6x26,7. ДВГНБ. Фотоальбом «Цейлон» (№ 1954879).*

Вьетнам представлен в фотоальбоме «Сайгон». Здесь помещены фотографии с видами города Хошимина (до 1975 г. — Сайгон), его улицами и достопримечательностями, местных жителей за работой, портреты богатых вьетнамцев, арестантов, вьетнамских актеров.

Фотоальбомом «Мальта» иллюстрирует историю и внешний облик островного государства Республика Мальта. Он состоит из фотографий и открыток, наклеенных на альбомные листы. Автора фотографий не удалось установить. Создан фотоальбом в конце XIX века. На снимках изображены достопримечательности, культурные сооружения, памятники крупных городов Мальты.

Переплет альбома «Мальта» (№ 1954887).

¹¹ Сейчас это город Пусан.

¹² Канди (Kandy) — город в центральной части Шри-Ланки.

Фотоальбом «Сингапур. 1894 г.» включает в себя ряд снимков жителей Республики Сингапур конца XIX века:

индусов, яванцев, сиамцев, китайцев. В альбом помещаются фотографии Густава Ричарда Ламберта — сингапурского фотографа и основателя фотографической фирмы «G. R. Lambert & Co». Он делал коммерческие снимки жителей и видов Сингапура.

Такие государства, как Греция, Франция, Таиланд, Египет, представлены в основном фотодокументами, запечатлевшими виды и достопримечательности городов, встречаются этнографические снимки жителей этих стран, их занятий и обычаев.

Рассмотрев коллекцию ЦКДиИКП целиком, можно сделать следующие выводы о её составе и содержании: 1) большую часть коллекции составляют фотоальбомы дальневосточной тематики, также одними из самых многочисленных являются группы «Средняя Азия» и «Китай и Маньчжурия»; 2) подавляющее большинство фотоснимков иллюстрирует виды и достопримечательности русских и иностранных городов; 3) в коллекции представлены ценные снимки этнографического характера: портреты жителей

разных стран, моменты бытовой жизни, ритуалы и обряды из разных культур.

В данном исследовании была предпринята попытка описать коллекцию фотодокументов ЦКДиИКП ДВГНБ в её целостности. Входящие в состав коллекции документы рассматривались как исторический источник, они были классифицированы и структурированы по различным признакам. Часть данной статьи была отведена под описание содержания фотоальбомов, входящих в коллекцию. Каждому фотоальбому можно посвящать отдельное исследование. Работа по описанию и атрибуции фотоснимков будет продолжена. История коллекции фотоальбомов, не получившая на данный момент должного описания, также требует самостоятельного изучения.

Фотодокументы — это застывшие мгновения истории, и, чтобы они служили во благо науке, их нужно изучать, описывать, вводить в научный оборот. Только тогда они обретут новую жизнь и дополнят любое историческое исследование визуальными образами.

Список использованных источников

1. Абилова, Р. О. Фотография как источник по изучению истории повседневности: анализ современной российской историографии : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / Р. О. Абилова ; [Место защиты: Казан. (Приволж.) федер. ун-т]. — Казань, 2017. — 27 с.
2. Длужневская, Г. В. Историко-археологическое наследие Азиатской России в фотодокументах второй половины XIX – первой половины XX в. : по фондам научного архива Института истории материальной культуры Российской Академии наук : дис. ... докт. ист. наук : 07.00.06 / Г. В. Длужневская ; [Место защиты: Ин-т истории мат. культуры РАН]. — Санкт-Петербург, 2008. — 796 с. + Прил. (с. 375–796: ил.).
3. Дубинина, Н. И. Приамурский генерал-губернатор Н. И. Гродеков : историко-биографический очерк / Н. И. Дубинина. — Хабаровск : Изд. дом «Приамур. ведомости», 2001. — 352 с., ил.
4. Иванов, Д. В. Первые фотографии, сделанные в Монголии русскими путешественниками / Д. В. Иванов // Страны и народы Востока. Вып. XXXV : коллекции, тексты и их «биографии». — Москва, 2014. — С. 170–185.
5. Кабашов, С. Ю. Делопроизводство и архивное дело в терминах и определениях / С. Ю. Кабашов, И. Г. Асфандиярова. — 2-е изд., перераб. и доп. — Уфа : ДизайнПолиграфСервис, 2008. — 328 с.
6. Магидов, В. М. Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания / В. М. Магидов. — Москва : [Рос. гос. гуманитар. ун-т], 2005. — 394 с., 48 с. ил.
7. Основные правила работы государственных архивов Российской Федерации / Росархив, ВНИИДАД. — Москва : РОССПЭН, 2002. — 304 с.
8. Потанин, Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии: результаты путешествия, исполненного в 1879 году по поручению Императорского Русского Географического Общества членом сотрудником оного Г. Н. Потаниным. Вып. IV : материалы этнографические / Г. Н. Потанин. — Санкт-Петербург : Тип. В. Киршбаума, 1883. — [18], 1026 с., XXIV л. ил.
9. Прищепова, В. А. Иллюстративные коллекции по народам Центральной Азии второй половины XIX – начала XX века в собраниях Кунсткамеры / В. А. Прищепова. — Санкт-Петербург : Наука, 2011. — 452 с., ил.
10. Толмачёва, Е. Б. Фотография как этнографический источник (по материалам фотоколлекции Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.07 : [защищена 26.12.11] / Е. Б. Толмачёва. — Санкт-Петербург, 2011. — 246 с. — Библиогр.: с. 187–201.
11. Чистякова, В. П. Семейная фотография второй половины XIX – начала XX в. в России: опыт этнологического и источниковедческого анализа : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.07 / В. П. Чистякова ; [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Ист. фак.]. — Москва, 2012. — 26 с.

Фотографии из фондов Дальневосточной государственной научной библиотеки.
Материал поступил в редакцию 09.01.2019 г.

Сведения об авторе: Загородняя Кристина Андреевна, библиотекарь второй категории отдела «Центр консервации документов и изучения книжных памятников Хабаровского края» Дальневосточной государственной научной библиотеки (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: struk_christina@mail.ru; тел. 8-924-918-24-60.

ВОРОПАЕВА АЛЕКСАНДРА ВАЛЕРЬЕВНА

ДОКУМЕНТЫ САХАЛИНСКОЙ КАТОРГИ

В статье представлены результаты изучения документов сахалинской каторги, хранящихся в коллекции автографов Дальневосточной государственной научной библиотеки (г. Хабаровск).

Ключевые слова: ссыльнокаторжные, сахалинская каторга, Николай Иванович Гродеков, остров Сахалин, рукописные документы.

Keywords: the exiled convicts, Sakhalin katonga, Nikolai Ivanovich Grodekov, Sakhalin, manuscript (handwritten documents).

Статья подготовлена в рамках фундаментального научного исследования Дальневосточной государственной научной библиотеки «Книга как социокультурный феномен в контексте исторического развития Дальнего Востока».

Императором Александром II 18 апреля 1869 года¹ было утверждено Положение Комитета об устройстве каторжных работ, согласно которому остров Сахалин официально определялся как место каторги и ссылки. Генерал-губернатору Восточной Сибири было поручено немедленно приступить к высылке на Сахалин до 800 ссыльнокаторжных для употребления их в работах, в том числе на каменноугольных копях. На расходы по перемещению, содержанию каторжных и организацию временного над ними управления было отпущено из казны 120 тысяч рублей [8, с. 330].

Основанием для сосредоточения каторги на острове послужили потребность в тяжёлых работах по добыче угля, проведению дорог, постройке казённых зданий, подготовке мест для организации поселений, а также изолированное положение острова. Высылка преступников на Сахалин усилилась в начале 1880-х годов, когда была установлена перевозка их на судах Добровольного флота [3, с. 127]. К концу девяностых годов XIX века ежегодно на остров ссылались более 2 000 каторжных. Так, с 1891 по 1896 год на Сахалин прибыло 14 370 человек [12, с. 87].

В коллекции «Автографы» Дальневосточной государственной научной библиотеки (г. Хабаровск) хранится восемь рукописных документов под общим названием «Сахалинская каторга». Они представляют собой показания, справки и статейные списки на шестерых ссыльнокаторжных Сахалина, прибывших на остров в 1871–1893 годах. Документы пронумерованы простым карандашом, начиная с номера 173 по 180²:

№ 173: «Статейный список на ссыльнокаторжного Матвея Васильева Соколова (копия). Составлен в Забайкальском областном правлении 19 ноября 1892 года»;

№ 174: «Путешествия и происхождения ссыльнокаторжного острова Сахалин ...» М. Соколова (копия);

№ 175: «Родоприсхождение 1-е» ссыльнокаторжного Виноградова (копия);

№ 176: «Андреев Степан»;

№ 177: «Воронович Карл»;

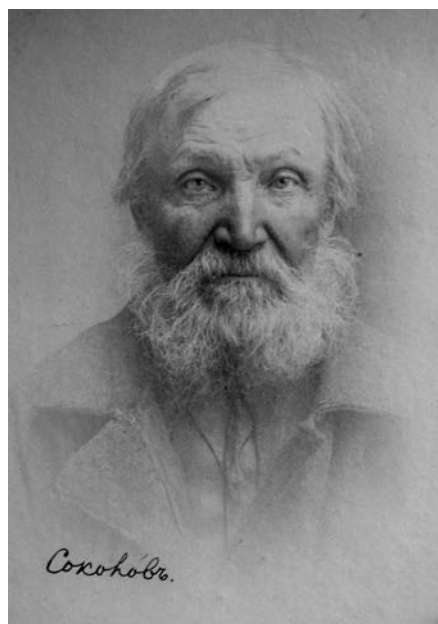
№ 178: «Петр Филькин / он же Чикушкин Кирилл»;

№ 179: «Справка о поселенце-богадельщике Иване Павлове Васильеве»;

№ 180: «Статейный список: О бродяге Иване Павлове Васильеве» (копия).

Матвей Васильевич Соколов

Первые два документа составлены на ссыльнокаторжного Матвея Васильевича Соколова. Документ под

Матвей Васильевич Соколов.

номером 173 представляет собой статейный список³, а под номером 174 — показания под необычным названием «Путешествия и происхождения ссыльнокаторжного острова Сахалина Александровской тюрьмы и я же бывший крестьянин Орловской губернии Елецкого уезда Соколов Матвей отроду 71го года».

Известный русский журналист конца XIX – начала XX века Влас Дорошевич называл Матвея Васильевича Соколова «дедушкой русской каторги». Он познакомился и подружился с Соколовым во время своей поездки на Сахалин в 1897 году и считал, что старше Соколова на каторге никого не было. По его подсчётам, этот человек отбыл на каторге в целом 50 лет, в том числе пять лет на Сахалине. Три раза он был приговорён к бессрочной каторге [4, с. 87–88].

М. В. Соколов родился в 1822 году в городе Ельце. Он был крепостным, из богатой торговой семьи, жившей на оброке. В 1846 году был осуждён за убийство своей девушки. Девушку, которую звали Афимья, Матвей Соколов очень любил, они собирались венчаться, но, так как они встречались до свадьбы, его родители были категорически против этого брака. Видя, что свадьбы не будет, Афимья стала гнать от себя Матвея, а он с горя запил. Во время масленичных гуляний он увидел, как девушка катается с горы с другим парнем. В хмельном состоянии Соколов решил, что убьёт его и ему ничего за это не будет. Взяв дома ружьё, он вернулся и выстрелил в соперника, но попал в Афимью.

Семья Соколова была богатая, гордая, и вдруг сын такой «срам на всех нагнал». Острожника знать никто не хотел — ни родители, ни братья, ни другие родственники. Все от него отвернулись [4, с. 90].

Из Ельца Соколова отправили в Москву. По словам Дорошевича, он хорошо помнил тот день, как его «на Конную везли». Ехал он на телеге, спиной к лошади. День был базарный, народу было очень много. За телегой бежали

³ Статейный список — документ, составлявшийся на каждого арестанта, ссылаемого в Сибирь. В нём указывались фамилия, имя, отчество ссыльного, звание, вероисповедание, приметы, к какому наказанию приговорён и проч.

¹ Здесь и далее по тексту даты приведены по старому стилю.

² Кем и когда проставлена нумерация — неизвестно.

мальчишки, показывали на него пальцами, купцы выходили из лавок, смотрели, некоторые кидали ему деньги в телегу [4, с. 91]. Владимир Гиляровский в своей книге «Москва и москвичи» описал это место и процесс публичных наказаний преступников: «И двигалась по Тверской из колымажного двора страшная черная, запряженная обязательно вороной без отметин лошадей телега с черным столбом. Под ним на возвышении стояла скамья, а на ней сидел, спиной к лошади, прикованный железной цепью к столбу, в черном халате и такой же бескозырке, осужденный преступник. На груди у него висела черная доска с крупной меловой надписью его преступления: разбойник, убийца, поджигатель и так далее. Везли его из тюрьмы главными улицами через Красную площадь за Москву-реку, на Конную, где еще в шестидесятых годах наказывали преступников на эшафоте плетью, а если он дворянин, то палач в красной рубахе ломал шпагу над головой, лишая его этим чинов, орденов и звания дворянского» [2, с. 441].

Дорошевич утверждает, что Соколов получил за это преступление десять лет каторжных работ и десять ударов кнутом [4, с. 91], а в «Путешествиях и происхождениях», записанных со слов самого Соколова, — 20 лет каторжных работ и 30 ударов плетью.

После наказания кнутом или плетью Соколов оказался в госпитале, а затем был отправлен по этапу на каторгу в Троицкий солеваренный завод Красноярской губернии. В то время каторжники составляли большую часть рабочих этого завода. Прожив там до 1850 года и изучив местность, Соколов совершил первый побег, но был задержан в городе Енисейске и отправлен обратно. За этот побег он получил наказание только в виде 60 ударов плетью и оставлен в том же заводе. Затем Соколов сумел сбежать во второй раз, но был задержан в городе Томске, назвался другим именем и был осужден на чужое имя и фамилию. Обман был раскрыт. За сокрытие своего имени и побег он был приговорен к каторжным работам бессрочно и 80 ударам плетью. Отбывать наказание его отправили в Александровский винокуренный завод Иркутской губернии, где также использовался труд каторжных.

Пожив какое-то время при заводе, он бежал в третий раз и был задержан в городе Каинске Томской губернии и возвращен в Троицкий солеваренный завод. Начальству уже было известно, что в Томске Соколов был осужден на чужое имя и фамилию. За это он получил 1 000 палок сквозь строй и был приговорен бессрочно на каторжные работы с переводом в рудниковый завод.

С рудников он совершил четвертый побег, но был пойман в городе Шадринске Пермской губернии, получил 95 ударов плетью, был отправлен обратно в рудники. Оттуда он совершил пятый побег, был задержан в городе Екатерин-

бурге Пермской губернии, получил 400 палок сквозь строй⁴ и был опять приговорен к бессрочной работе в рудниках.

После шестого побега Соколова задержали в Верхнеудинском округе Иркутской губернии, наказали 90 ударами плетью и послали обратно на работу в рудники, но он сбежал и в седьмой раз, попался в том же округе, но по медицинскому свидетельству был избавлен от наказания, а только приговорен «к высылке на 13 лет в тюрьме при том же и закован цепями».

В «Путешествиях и происхождениях» Соколов не указал, в какие годы он совершал побеги (кроме первого в 1850 году), но вспомнил, что «по коронации Государя Императора срок уменьшили на 20 лет и освободили Вольную команду и до сего времени совсем и заключением прошло 15 лет». Освободить в «вольную команду» означало перевестись во внетюремный разряд, жить за пределами тюрьмы. С момента заключения Соколова и до конца его жизни в России сменилось четыре императора и прошло три коронации — Александра II в 1856-м, Александра III в 1883-м и Николая II в 1896 году. Вероятно, речь идет о коронации Александра III, так как при Николае II он уже был на Сахалине, а к моменту коронации Александра II прошло только 10 лет его заключения.

За каждый из побегов Соколову накладывались клейма, из-за этого было невозможно долго скрываться от правосудия. Он вспоминал, что во время побегов ничего интересного не видел, только редко занимался мелкой кражей у крестьян, и то «только по недоховаткам... наготы или обуви», а для пропитания просил милостыню.

Соколов сумел сбежать и в восьмой раз. Неизвестно, сколько он тогда «путешествовал», но пойман он был в 1892 году. В тот год ему исполнилось 70 лет. В Забайкальском областном правлении на него был составлен статейный список, в котором было указано, что за очередной побег с места каторги он приговаривается к наказанию плетью в количестве восьмидесяти ударов с приковыванием к тележке на один год и содержанием в отряде испытуемых пятнадцать лет. Все каторжные по прибытии на каторгу зачислялись в разряд «испытуемых». При удовлетворительном поведении через несколько лет они, как правило, переводились в разряд «исправляющихся», с более легким режимом отбывания наказания. Приговор был утвержден, но с условием, «чтобы Матвея Соколова ввиду имеющегося в деле удостоверения телесному наказанию не подвергать».

В декабре 1892 года Соколов был отправлен на Нерчинскую каторгу в Сретенск. В январе 1893 года его перевели на Горный Зерентуй, в марте отправили в Усть-Кару для

⁴ Удары палками (шпицрутенами) — наказание, когда провинившегося гнали ударами палок сквозь двойной строй солдат или матросов. Назначалось оно за разные преступления, в том числе за побеги. Назначение 3 000 шпицрутенов считалось равным смертной казни.

высылки на остров Сахалин. В мае того же года он был прикован к тележке и отправлен на остров.

Таким образом, за 47 лет заключения, с 1846 по 1893 год, до отправки на Сахалин, Матвей Соколов совершил восемь побегов, получил 355 плетями и 1 400 палок, пройдя два раза сквозь строй.

На вопрос Дорошевича, почему он совершал побеги, Соколов отвечал: «На траву я всё ходил! <...> зиму ничего, маячу в тюрьме. А придёт весна, на траву и потянет. И бегу. Так кое-где лето шляюсь, в работниках служу. А осень придёт, — опять по тюрьме скучно станет. К товарищам иду» [4, с. 92]. Этими отлучками «на траву» Соколов и заработал три бессрочных каторги.

Дорошевич отмечал, что, кроме бесчисленных побегов, за Соколовым никаких других преступлений не было. Человек он был честнейший. На каторге он выучился столярному ремеслу, стал замечательным мастером. Служащие давали ему на покупку материалов деньги, иногда большие суммы, но он никогда не пользовался ни копейкой.

Прибыв в 1893 году на Сахалин, этот человек, трижды приговорённый к бессрочной каторге, с бессрочной «испытуемостью», должен бы был до конца жизни содержаться в кандалной тюрьме. Но ему разрешали жить в столярной мастерской безо всякого надзора. Он спал на верстаке, «зиму и лето кутаясь в старый полушубок, дрожа своим старческим телом».

Была у Соколова и своя особенность. Дорошевичу он говорил: «Я, ваше высокоблагородие, пьяница природный!» Каторжные, работавшие в столярной мастерской, подшучивали над ним: «Матвей Васильевич потому и работать не могут, что они лак пьют!» Он ухитрялся добывать из лака спирт: «...лак отстоится, снизу-то муть, а сверху чистый спирт. Я его водицей разбавлю и пью» [4, с. 88].

В богадельню Соколов не хотел переходить. Говорил, что он человек мастеровой и хочет работать. Смотрители во всех тюрьмах, где он побывал, за это его ценили. «Но за это же ему и больнее доставалось, когда он бегал. Этаким столяр сбежал, — поневоле злость возьмёт» [4, с. 88].

Дорошевич называл его милым, добрым, славным дедушкой и отмечал, что все каторжане относились к нему с каким-то невольным почтением, звали его тоже «дедушкой» или по имени-отчеству. Писатель вспоминал, что не раз, боясь сойти с ума от ужасов сахалинской каторги, он «приходил к этому старику и отходил душой под его неторопливую старческую речь», милую, кроткую улыбку [4, с. 92].

В статейном списке есть описание Соколова: рост — 2 ар. 5 в. (около 165 см), чистое лицо, серо-голубые глаза, нос, рот и подбородок обыкновенные, среди особых примет — клейма «СК»⁵ на обеих руках.

По словам Дорошевича, почувствовав приближение смерти, Матвей Васильевич пришёл в лазарет Александровского поста и, «окружённый попечениями», пролежав там два дня, он «тихо и безболезненно скончался, словно заснул, от старческой дряхлости» [4, с. 93].

В 1898 году в приказе военного губернатора острова Сахалин № 142 от 15 июля, в графе «Нижепоименованные ссыльные Александровского округа, за смертью исключаются из наличного числа ссыльного населения о. Сахалина» под номером 12 было напечатано: «Соколов Матвей, 76 л., от хронического воспаления легких, умер 8 мая 1898 г.» [10, с. 202].

Дорошевич вспоминал, что однажды Соколову дали бумагу, чернила, перья и попросили составить своё жизнеописание. Соколов с удовольствием согласился, а на следующий день принёс «четвертушку бумаги», на которой было написано: «Жизнеописание сс.-каторжного Матвея Васильева Соколова. Приговорён к трём бессрочным каторгам. Чистой каторги отбыл пятьдесят лет. Получил:

Кнута — десять ударов.

Плетями — столько-то тысяч.

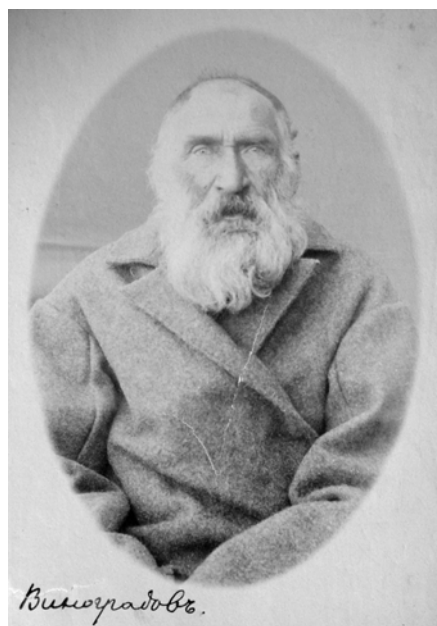
Палок — столько-то тысяч.

Розог — не припомню сколько.

Сс.-каторжный Матвей Соколов» [4, с. 94–95].

«Путешествия и происхождения» были записаны со слов Соколова в 1893 году, в год, когда он попал на Сахалин.

Виноградов

Виноградов.

Под номером 175 значится документ «Родопроисхождение 1-е» ссыльнокаторжного Виноградова. Имя этого человека неизвестно. Родился он 24 июня 1812 года в деревне Благодать Изюмского уезда Харьковской губернии. Родители его были крепостными господ Левшиновых⁶.

В 1812 году, до его рождения, отца забрали на военную службу. До восьми лет воспитанием мальчика занималась

⁵ Клеймо «СК» означало ссыльнокаторжный.

⁶ Помещики Левшиновы — прапорщик Алексей Андреевич и его жена, Пелагея Афанасьевна.

мать. В 1820 году Виноградова взяли в кантонисты в Киевское отделение, где он находился до 18 лет. Кантонистами в то время называли всех сыновей нижних воинских чинов, не достигших совершеннолетия, которые в силу своего происхождения принадлежали к военному ведомству и были обязаны служить. Освобождение солдатских детей от этой повинности было даровано императором Александром II в 1856 году [14, с. 318–319].

В 1831 году его отправили на действительную службу в 6-й корпус 18-й дивизии в пехотный генерал-фельдмаршала герцога Веллингтона полк, откуда он «сделал отлучку». Виноградов дошёл до Могилёвской губернии и был задержан в Гомеле. Он скрыл своё имя, его судили Непомнящим Иваном⁷ и приговорили к наказанию 30-ю ударами розог и к наложению на правую руку клейма «Б»⁸.

В 1833 году он был отправлен в Чернигов в исправительное отделение, а в 1834-м поступил в Черниговский гарнизонный батальон. В тот же год он самовольно отлучился на десять дней, за что по приказу командира батальона был наказан 200-ми розгами, переведён в другую роту, где, будучи в нетрезвом состоянии, совершил убийство одного майора.

В конце 1835 года Виноградов был осуждён за это преступление. Его приговорили к 2 000 шпицрутенов, лишили солдатского звания, а в 1837-м сослали бессрочно в каторжные работы в Усть-Кутский солеваренный завод. Через три года, в 1841-м, Виноградов совершил побег, дошёл до города Ачинска Красноярской губернии, где и был пойман. По неопытности он сказал, откуда сбежал, за что Красноярская Палата осудила его как перворазрядного каторжного⁹, приговорила к 100 ударам плетью, приковыванию к тачке на три года и к пребыванию в разряде испытуемых на двадцать лет.

По окончании суда в 1843 году Виноградова выслали в Иркутск, затем в Усольский солеваренный завод, где приковали к тачке. По окончании срока тачки он прожил там ещё два года, а в 1849 году совершил побег по реке Ангаре до города Енисейска, где его арестовали. За этот побег Виноградов был снова наказан 100 ударами плетью, снова прикован на три года к тачке и переведён в разряд испытуемых уже навсегда.

В 1855 году он опять сбежал, три года проживал в Красноярской губернии, достал там билет иркутского поселенца, а в 1859-м был арестован в городе Мариинске, где назвал себя поселенцем Оскской волости Иркутской губернии. Полиция навела справки, но сведения не подтвердились.

7 Преступники, бежавшие с каторги, попадая в руки полиции и желая скрыть своё прошлое, нередко называли себя «Иванами», а на вопросы о родителях отвечали, что не помнят своего родства. Поэтому их записывали в полицейские протоколы «Иванами Непомнящими».

8 Клеймо «Б» означало беглый.

9 В то время все каторжные были разделены на три разряда. К первому относились «бессрочные» и приговорённые на сроки от 12 до 20 лет, ко второму — на сроки от 8 до 12 лет, к третьему — от 4 до 8 лет.

Виноградов был наказан 25-ю ударами плетью с наложением клейма «СП»¹⁰ на левой руке и лопатке.

В 1860 году Виноградов нанялся на золотые промыслы в Олёкминский округ Якутской области в компанию Соловьёва¹¹, где прожил семь лет.

В 1867 году он перешёл в компанию Басина¹², проработал два года и «попал с золотом 5 фунтами». Олёкминское полицейское управление передало дело в Якутский окружной суд, который вынес решение о наказании Виноградова 60-ю ударами плетью и отправил его на полтора года «на высебку в одиночный карцер в тяжкие ножные и ручные оковы».

После отбытия срока он опять был послан в Оскскую волость на старое место причисления. С 1871 по 1873 год Виноградов работал на золотом прииске Аканак в Киренском округе. Потом за нанесение смертельной раны становому приставу он был отправлен в Якутскую область, где окружной суд приговорил его к ссылке в рудокопный завод на 12 лет с шестью годами в разряде испытуемых и наказанию 80-ю ударами плетью. В 1874 году его выслали на Карийские промыслы, а в 1875-м он был отправлен на Сахалин. В 1880 году в селе Дербинское он «сделал преступление над наложницей», за что ему прибавили шесть с половиной лет и наказали 60-ю ударами плетью.

Виноградов был физически сильным человеком. Доктора говорили, что у него «конская внутренность», и не находили причины помещать его в богадельню. В богадельню на Сахалине зачислялись ссыльнокаторжные, признанные по дряхлости, увечью и болезням неспособными к работам. Они должны были пройти освидетельствование сначала в окружных комиссиях при полицейских управлениях, затем в медицинской части. Членам окружных комиссий вменялось в обязанности относиться к освидетельствованию с особой разборчивостью и строгостью и предоставлять право на зачисление в богадельню лишь в случае крайней необходимости. При положительном решении ссыльнокаторжные, у которых закончился срок тюремного заключения, переводились в богадельню, а остальные призривались в тюрьме, с употреблением на лёгкие работы, за исключением тех, которые не могли двигаться из-за дряхлости, тяжёлых болезней или увечий [11, с. 175].

В 1884 году, когда Виноградову было уже 72 года, в богадельню представили человека моложе его. И так как ему надоело «это тиранство», он «вздумал проститься с белым светом». В это время Виноградов работал в порту камерным старостой. Он взял сапожный нож, вышел за

10 Клеймо «СП» означало ссыльнопоселенец.

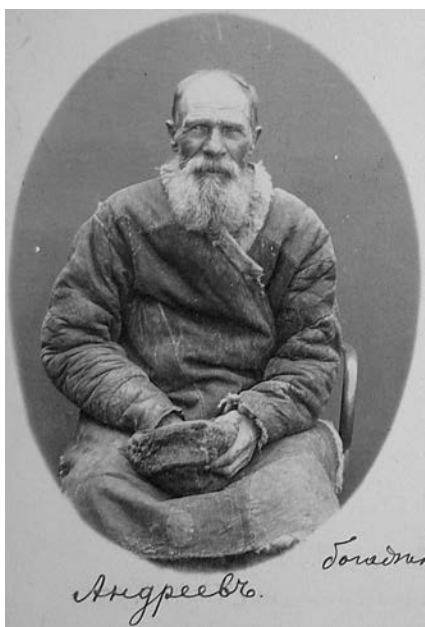
11 Соловьёв Степан Фёдорович (1819–1867) — русский купец и золотопромышленник, меценат.

12 Басин Пётр Павлович — иркутский купец 1-й гильдии, потомственный почётный гражданин Иркутска, владелец золотых приисков. В 1862 г. был директором иркутского губернского комитета попечительства о тюрьмах.

казарму и вскрыл себе вены. Очнулся в лазарете, где его привели в чувство. В 1885 году окружная комиссия обратила внимание на его годы и представила в богадельню. Но в 1889 году он «по глупости принял фальшивый кредит 25-ти рублевого достоинства, сбыл и попал». За это преступление его осудили в 1891 году на 20 лет и 100 ударов плетью. Плетни были отменены. В тот год ему исполнилось 79 лет.

Степан Андреев

Под номером 176 записаны показания ссыльнокаторжно-

Степан Андреев.

го Степана Андреева. Родился он в деревне Шаниной¹³ Макарьевского уезда Нижегородской губернии предположительно в 1822 году. О семье его ничего не известно. До 14 лет он занимался хлебопашеством, помогал по хозяйству. В 14 лет по собственному желанию отправился в Нижний Новгород и поступил работать подносчиком к печникам, учился ремеслу. Через три года

подрядчик нашёл его способным к печному делу и поручил самостоятельно класть печи. У этого подрядчика Андреев проработал до 21 года. Однажды он зашёл в дом одного жителя Нижнего Новгорода. На столе он увидел шкатулку с деньгами. В ней оказалось 1 400 рублей. Забрав шкатулку, он отправился в трактир пить чай, но полиция его быстро отыскала. Так, в 1843 году Андреев оказался в тюрьме. За эту кражу его приговорили к ссылке в Сибирь на поселение. Из Нижнего Новгорода он был отправлен в Иркутскую губернию, Нижнеудинский округ, в Братско-острожную волость.

Прибыв на поселение, Андреев был назначен сторожем при волостном правлении. Проработав не более полугода, он, посредством взлома, совершил кражу казённых денег на сумму 4 800 рублей, принадлежащих волостному правлению. Уйти после совершения кражи он не успел, и на следующий день был арестован. За это преступление Степан получил 12 лет каторжных работ и 50 ударов плетью.

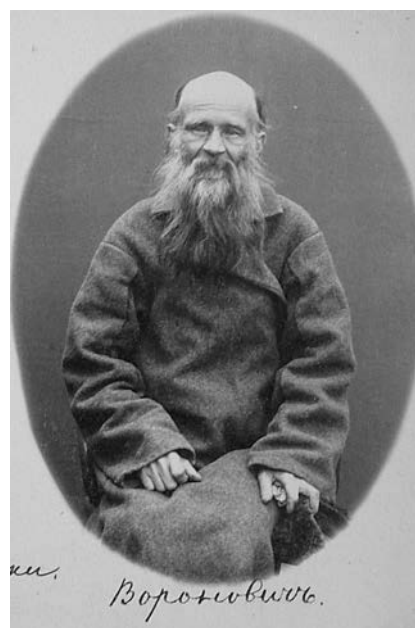
В 1844 году Андреев был отправлен в Карийские рудники. Пробыв там около полугода, он бежал в Томскую

губернию. Как бродяга он 17 лет прожил в селении Красный Яр. Если бродяги «жили смиренно и покойно», местные их не выдавали. Андреев занимался хлебопашеством, печным делом и другими работами. Вместе с ним жили и другие бродяги, которые «по лености работать не хотели и ушли из селения», но на дороге были арестованы. Назло крестьянам села Красный Яр они указали полицейским, что крестьяне «передерживают у себя бродяг», и указали на Андреева. При повальном обыске Андреев был арестован. Это был 1862 год. Андреев был отправлен в Томск, а оттуда в Нижнеудинск Иркутской губернии, на место своей первоначальной ссылки. За бродяжничество он был приговорён к десяти годам каторжных работ, 25 ударам розог и отправлен в Карийские рудники.

По окончании срока Андреев был уволен от работ, перечислен на поселение и остался работать в рудниках по найму. Прожив поселенцем до весны 1882 года, он бежал, а осенью того же года был задержан в Чите Забайкальской области. Из-за наличия клейм Андреев не стал скрывать своего имени. В 1883 году он был приговорён к 15 годам каторжных работ, 25 ударам розог и был отправлен в Усть-Кару. В 1885 году из Усть-Кары он был переведён в Хабаровку, а в 1887-м — на остров Сахалин.

В 1888 году по старости лет (ему исполнилось 66 лет) Андреев был зачислен в богадельню, а в марте 1895-го перечислен в разряд поселенцев. Показания свои Андреев дал, когда ему было 76 лет.

Карл Воронович

Карл Воронович.

Под номером 177 записаны показания Карла Вороновича. Этот человек был жителем города Вильна¹⁴. Его отец работал печником, и Карл с ранних лет помогал ему и сам учился ремеслу. Но в 19 лет Воронович бросил своего родителя, связался с шайкой бандитов и, как он сам говорил, «пошёл шататься», занимаясь кражей и разгульной жизнью. За кражу 600 рублей

¹³ Современное название — Шамино.

¹⁴ Современное название — Вильнюс.

и драгоценностей у предводителя дворянства Воронович был посажен в тюрьму на 11 месяцев. Вот как он описывает обстоятельства кражи: «...я вошел в переднюю, никого не было только спал лакей, я вошел дальше, лакей не проснулся, я вошел в комнату и на столе стояло 2 шкатулки одна большая, а другая поменьше, большая оказалась тяжелее, которую я и взял, меньшая же полегче я и оставил, в шкатулке оказались часы, кольца и деньги, на суде же оказалось, что в легкой шкатулке сберегалось 6 000 рублей, понятно в свое время я пожалел, что не взял ее».

После отбытия наказания Воронович нанялся на работы по проведению канала около Царского Зверинца в Гатчине, где проработал лето. По окончании работ он вернулся в Вильно и принялся за старый образ жизни — игру в карты, кражи, разгул. В начале 1850 года Воронович вновь был арестован. В показаниях он вспоминал: «...в Вильно у нас была баня Кошеров в которой все подобные мне собирались для игр, пьянства и разврата; собралось в одно время нас 4 человека, денег ни у кого не оказалось, а выпить и поиграть страсть всегдашняя, посоветовавшись с собою где бы разжиться, порешили отправиться к дому полицмейстера и совершить кражу; прийдя к месту около 10 или 11 часов ночи, мы залезли в конюшню, украли хомуты и прочую сбрую и все это успели продать торговцу краденого за 5 руб., когда же пришли обратно в баню, то уже игроков не было, а потому решили между собою, отправиться купить за город...».

За городом, в корчме, они пробыли до рассвета, затем все разошлись по домам. В эту ночь в противоположной стороне от места, где они находились, было совершено убийство еврейской семьи. Утром начались полицейские розыски и расспросы. Выяснилось, что в ту ночь Воронович с компанией был в корчме за заставой. На основании этого они были арестованы и допрошены. Воронович на допросе не признавал себя виновным, за что был посажен в холодный подвал, где пробыл трое суток без хлеба и воды. Затем он вновь был вызван на допрос, на котором применялись пытки. Когда его мучения перешли все пределы, он принял на себя преступление.

Из убитой семьи в живых остался десятилетний мальчик, который утверждал, что преступление было совершено солдатами местного батальона, но всё это во внимание не было принято. В 1854 году, после четырёхлетнего тюремного ожидания, Воронович был приговорён к лицевому клеймению, 80 ударам плетьюми и к ссылке в каторжные работы на 15 лет.

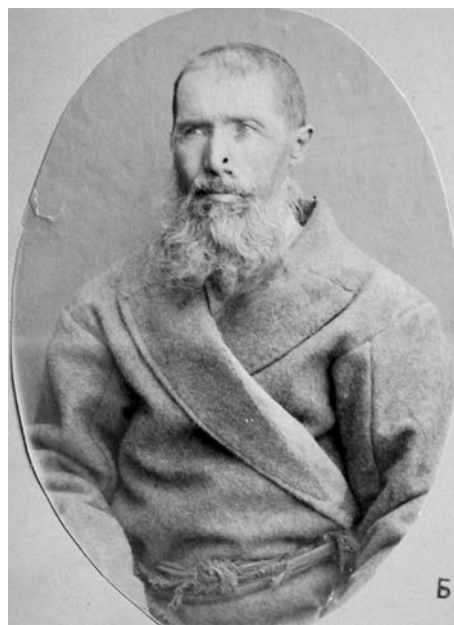
Он был отправлен в Николаевский завод Иркутской губернии, где проработал пять лет, с 1856 до 1861 год. В 1861 он бежал и около полугода бродяжничал, проживал в разных селениях, где выполнял всевозможные работы, дольше месяца нигде не задерживался. В 1863 году он был арестован в Барнаульском уезде Томской губернии как

бродяга, но из-за лицевых клейм ему пришлось признаться, кто он и откуда. Его отправили в Томск, где приговорили к 50 ударам плетьюми и продолжению срока каторжных работ на десять лет. Наказание плетьюми было отменено.

В 1865 году из Томска Воронович был отправлен в Усть-Кару, оттуда в 1870-м — в Николаевск, а в 1872 году — на Сахалин. Воронович точно не помнил, в 1874-м или 1875 году он был уволен на поселение в Николаевск¹⁵. В тёплое время года он работал на золотых приисках купца Х. П. Тетюкова¹⁶, а к зиме вернулся в Николаевск, где работал подённо. Зимой работы в Николаевске было мало, и Воронович с товарищем отправился в дом одного чиновника просить подыскать им какую-нибудь работу. Хозяина в доме не оказалось, была только одна женщина. Воронович вспоминал: «...товарищ мой сел около плиты, на плите лежал нож, товарищ хотел нож украсть, но женщина заметив это выбежала на двор наделала шуму и заявила, что ее хотели убить; собрался народ, нас арестовали и суд признал нас виновными; меня приговорили в работы на 10 лет и к телесному наказанию 60 плетьюми».

Так, в 1877 году Воронович вернулся на Сахалин. Через 10 лет, в 1887 году, он был переведён на поселение и «по расстроенному здоровью и старости лет» был зачислен в богадельню. На момент записи показаний ему было 70 лет¹⁷.

Пётр Филькин

Пётр Филькин.

Под номером 178 числятся показания человека с двойным именем «Петр Филькин / он же Чичушкин Кирилл». Настоящее его имя — Пётр Филькин. Он родился в 1821 году в селении Турдек Качкуровской волости Саранского уезда Пензенской губернии в крестьянской семье. Вместе с родителями занимался

¹⁵ В то время поселенцев на Сахалине не оставляли, а отправляли в Николаевск.

¹⁶ Тетюков Харлампий Петрович (?–1901) — благовещенский купец 1-й гильдии

¹⁷ Год, когда были записаны показания, не указан.

хлебопашеством. В 19 лет женился, имел шестерых детей. По словам Филькина, он проживал в селении «безотлучно и беспорочно», в 1855 году был выбран сотским¹⁸, состоял в этой должности два года, а в 1857-м в состоянии алкогольного опьянения совершил преступление, о котором и не помнил: «В 1857 году в престольный праздник Кузьмы и Демьяна в кабаке в пьяном виде завязалась ссора во время коей набил палкой своего односельца, который выбежав из кабака побежал и в переулке упал в колодец; по сложившимся обстоятельствам следствие и затем суд признали, что побитый односелец брошен в колодец мною же, за что на 36 году отроду приговорен был к каторжным работам на 20 лет, с наказанием телесно 90 ударов плетьюми и с наложением лицевых клейм».

После приведения приговора в исполнение Филькин был отправлен в Сибирь в Николаевский завод Нижнеудинского округа Иркутской губернии. Через два месяца он совершил побег, около года бродяжничал, просил милостыню, иногда работал. В Томске он был арестован, наказан за побег 50-ю ударами плетьюми с продолжением срока на десять лет. Из Томска его отправили в Карийские рудники, откуда через полгода он опять сбежал. В течение пяти лет Филькин проживал как бродяга в разных местах. Долгое время работал «в районе заведывания полковника Шастова», около Байкальского озера. Рассчитавшись с этих работ, он ушёл в Оренбургскую губернию и там был арестован. Вследствие лицевых клейм он был уличён. За бродяжничество его приговорили к бессрочным каторжным работам, 90 ударам плетьюми и отправили в Кару. В 1872–1875 годах он находился на работах в Хабаровке, затем был отправлен на Сахалин. В 1878 году Филькин бежал с острова, был задержан около Софийска, а при аресте выдал себя за Чикушкина Кирилла. Справки подтвердились, но опять из-за лицевых клейм он был уличён.

За побег с Сахалина его приговорили к бессрочным каторжным работам, с пребыванием в разряде испытуемых 12 лет, 90 ударам плетьюми. После решения суда его отправили из Николаевска обратно на остров, где он работал пильщиком. В 1894 году, в 73 года, он был зачислен в богадельню «по слабости лет». Показания он дал в том же 1894 году.

Иван Павлович Васильев

Документы под номерами 179 (справка) и 180 (статейный список) были составлены на ссыльнокаторжного Ивана Павловича Васильева. Родился он предположительно в 1848 году в деревне Перфильевской Самбатуской волости

Олонечкой губернии. Васильев совершил там какое-то преступление и после отбытия тюремного заключения крестьянское общество его не приняло. В 1866 году он был сослан в Енисейскую область и причислен в Назарьевскую волость Ачинского округа, где прожил до 1871 года. В тот год он отлучился без письменного вида в другую волость, находящуюся в 25 вёрстах, где был арестован и доставлен в Ачинск. Несмотря на то что он назвал свою фамилию, звание и место жительства, его в том же году выслали на Сахалин в общей арестантской партии с ссыльнокаторжными. Там его приняли за каторжного и отправляли на работы наравне со всеми. Васильев неоднократно подавал письменные жалобы, но они оставались без ответа. Вследствие этого он в 1875 году бежал с острова. Он добрался до Николаевска, где добровольно сдался, но это не было принято во внимание. В 1876 году Васильева осудили за побег в каторжные работы на пять лет, наказали 25-ю ударами плетьюми и вернули на Сахалин, где он проработал до 1878 года. В тот год после освидетельствования его уволили от работ и поместили в богадельню в селении Ново-Михайловском. На тот момент ему исполнилось только тридцать лет, а в богадельню, как было сказано выше, помещали лишь неспособных к труду. Возможно, он попал туда из-за расстроенного здоровья или какой-то травмы. В 1881 году он был перечислен в поселенцы, с оставлением в богадельне.

В. М. Дорошевич, побывав в богадельне села Дербинского, населённой нищими, шулерами и ростовщиками, написал: «Какие странные и страшные фигуры есть среди этих людей, вся жизнь которых прошла среди розг, плетей, тюрем, каторги, побегов и погонь» [4, с. 187]. Действительно, все шестеро ссыльнокаторжных с молодости скитались по тюрьмам, каторгам, совершали побег, попадали в руки полиции, получали новые сроки и наказания плетьюми, розгами и шпигрутенами, приковывались к тачке. Больше всего телесных наказаний получили Виноградов (2 000 палок, 230 розог, 425 ударов плетьюми) и Соколов (1 400 палок, 355 ударов плетьюми). Автор записок «На далёкий север» И. Акифьев, побывавший на Сахалине в 1910 году, описывал эти орудия наказания так: «Розга — это четыре деревянных прута в полпальца толщины каждый, скрученные вместе. Так как они по большей части сучковаты, то немудрено, что ими с первого же удара просекают кожу. Плеть тройная, ременная, длиною аршина в два и довольно тяжелая. Каждый конец в мизинец толщины. Про этот страшный инструмент палач выразился так. — “Плетью с пяти ударов можно забить до смерти”» [1, с. 164].

Нередко преступников приковывали к тачке, которая весила около 80 килограммов. Длинная цепь прикреплялась

18 В XIX – начале XX века сотские — один из низших чинов полиции на селе.

Прикованные
к тачке.

к поясу, и, куда бы заключённый ни шёл, он тащил тачку за собой, а ложась спать, клал её под нары. Двое ссыльнокаторжных в разное время своего заключения были прикованы к тачке: Виноградов в общей сложности был «тачечным» шесть лет (два раза по три года), Соколов — один год.

Во всеподданнейшем отчёте за 1898–1900 годы приамурский генерал-губернатор Н. И. Гродеков обратил особое внимание императора Николая II на то, что в числе желательных мер по реорганизации каторги необходимо отменить наказания плетью и приковывания к тележке, которые составляют остаток той жестокой системы наказаний, «которая явилась у нас, как наследие владычества татар, и характеризовалась обилием членовредительных и причиняющих физическое страдание наказаний». Он писал, что это не соответствует гуманным началам. Плетни — жестокое и неравномерное наказание, зависящее от ловкости и силы палача, а приковывание к тележке — не менее жестокое и крайне унижительное истязание для человеческой личности [3, с. 133].

2 июня 1903 года вышел указ «Об отмене тягчайших видов телесных наказаний для ссыльных». Установленные для ссыльнокаторжных и ссыльнопоселенцев бритьё головы, наказание лозами, плетью и приковывание к тачке были отменены [9, с. 581].

Все шестеро ссыльнокаторжных совершали побег с каторги хотя бы один раз. Филькин и Васильев смогли сбежать с Сахалина. Упомянутый выше И. Акифьев считал, что ничего удивительного нет, что люди бегут с острова:

«Сколько тут народу, который должен сидеть здесь до самой смерти, и какова должна быть жизнь их, если у них нет ни малейшей надежды на сколько-нибудь лучшее будущее. А настоящее ужасно, отвратительно!» [1, с. 163].

По данным Главного тюремного управления, с 1898 по 1901 год с острова сбежало около 1 100 человек, причём только половина была поймана или вернулась назад добровольно [7, с. 402].

А. П. Чехов в своей книге «Остров Сахалин» писал, что «причиной, побуждающею преступника искать спасения в бегах, а не в труде и не в покаянии, служит главным образом не засыпающее в нем сознание жизни. Если он не философ, которому везде и при всех обстоятельствах живется одинаково хорошо, то не хотеть бежать он не может и не должен» [13, с. 281]. Среди общих причин побегов он выделял страстную любовь к родине, стремление к свободе, пожизненность наказания и проч.

Путевые записки А. П. Чехова, написанные после посещения им Сахалина и напечатанные в журнале «Русская мысль» в 1893–1894 годах¹⁹, вызвали большой общественный резонанс, и на остров обрушилась лавина проверок и ревизий. В апреле 1894 года с поручением приамурского генерал-губернатора С. М. Духовского «произвести под-

¹⁹ В 1893–1894 гг. в журнале «Русская мысль» были напечатаны первые девятнадцать глав, а в 1895 г. вышло в свет первое издание книги «Остров Сахалин», включающее все двадцать три главы.

робную ревизию острова Сахалина во всех отношениях» прибыл генерал-лейтенант Н. И. Гродеков [5, с. 150]. Во время этой поездки он осмотрел поселения, тюрьмы, встречался как с ссыльными, так и с людьми «свободного состояния». Он хотел узнать всю изнанку сахалинской жизни не по «малоговорящим бумагам канцелярии, а от самой действительности». Помощники генерала работали днём и ночью, разбираясь в массе накопившихся дел [15, с. 218]. По результатам ревизии Н. И. Гродеков составил ряд докладов. В одном из них — «Лечебные заведения. Богадельня» — он упомянул и Матвея Соколова, находящегося на каторге почти столетия и клеймённого 23 раза [6, с. 55].

На одном из вышеописанных документов (№ 175, «Родоисхождение 1-е» ссыльнокаторжного Виноградова) есть надпись, сделанная простым карандашом: «Препроводить при письме с фотографическими снимками к Генералу Гродекову. 21 мая». Очевидно, для Н. И. Гродекова были сделаны копии документов²⁰ на некоторых богадельщиков, с которыми он, возможно, лично встретился во время своей поездки в 1894 году. Эта надпись объясняет и название самого документа «Родоисхождение 1-е» — первое из отобранных Гродековым или для него показаний ссыльнокаторжных.

Помимо рукописных документов «Сахалинская каторга», в ДВГНБ хранятся два альбома с одинаковым названием «Са-

халин 1894», которые, по мнению исследователей, были сделаны специально для Н. И. Гродекова в память о его поездке на остров. И в этих альбомах есть фотографии всех упомянутых в статье ссыльнокаторжных, кроме Васильева. Вероятно, это и есть те самые снимки, которые нужно было «препроводить при письме». Показания у каторжан были взяты, когда они уже были в преклонном возрасте — некоторые «родоисхождения» заканчиваются фразой: «Ныне мне 70 / 73 / 76 лет от роду». Фотографии, скорее всего, сделаны в то же время, на снимках — уже глубокие старики. Под фотографиями Андреева и Вороновича есть надпись: «богадельщики».

Для какой цели были отобраны эти документы — отчёта о командировке, для коллекции «Автографы» или чего-то другого, — сегодня трудно сказать, но нахождение их в фонде Дальневосточной государственной научной библиотеки не вызывает удивления. Коллекция рукописных документов была организована ещё в первые годы существования Николаевской публичной библиотеки²¹, и её наполнением занимался лично Н. И. Гродеков. Помимо автографов знаменитых российских и иностранных деятелей науки, культуры, он включал в неё и документы, отражавшие важные события как в Дальневосточном регионе, так и в России в целом, а документы сахалинской каторги — отражение мрачной и в то же время уникальной страницы российской истории.

Список использованных источников

1. Акифьев, И. Н. На Далекий Север : из дневника кругосветного путешествия / И. Акифьев. — Санкт-Петербург : типо-литография «Е. Тиле преемн.», 1904. — [4], 200 с.
2. Гиляровский, В. А. Москва и москвичи : репортажи из прошлого / В. А. Гиляровский. — Москва : Изд-во АСТ, 2018. — 1264 с.
3. Гродеков, Н. И. Всеподданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора генерала от инфантерии Гродекова : 1898–1900 годы / Н. И. Гродеков. — Хабаровск : тип. канцелярии Приамур. ген.-губ., 1901. — 148, II с.
4. Дорошевич, В. М. Сахалин. (Каторга). Ч. 2. / В. М. Дорошевич. Москва : Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1903. — 199 С.
5. Духовской, С. М. Всеподданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора генерал-лейтенанта Духовского : 1893, 1894 и 1895 годы / С. М. Духовской. — Санкт-Петербург : тип. Ю. Н. Эрлих, 1895. — II, 172 с.
6. Коваленко, С. В. Архивные источники в изучении истории женщин на сахалинской каторге (по материалам РГИА ДВ) / С. В. Коваленко // XVIII Чеховские чтения. Проблемы и перспективы сохранения чеховского наследия : материалы науч.-практ. конф. 29–30 янв. 2015 года. — Южно-Сахалинск, 2015. — С. 49–61.
7. Отмена ссылки на о. Сахалин // Тюрем. вестн. — 1906. — № 6. — С. 398–405.
8. Полное собрание законов Российской Империи : собрание второе. Т. 44, отд-ние 1 : 1869 г. — Санкт-Петербург : [тип. II отд-ния собств. Его имп. величества канцелярии], 1873. — [2], 962 с.
9. Полное собрание законов Российской Империи : собрание третье. Т. 23, отд-ние 1 : 1903. — Санкт-Петербург : [тип. II отд-ния собств. Его имп. величества канцелярии], 1905. — [2], 1168, 136 с.
10. [Приказы военного губернатора острова Сахалина. 1898 г. Часть распорядительная]. — [Б. м. : б. и., 1898]. — [780] с.
11. [Разъяснения о порядке помещения в богадельни ссыльнокаторжных] // Тюрем. вестн. — 1895. — № 4. — С. 174–177.
12. Сахалинский календарь. — [Б. м.] : тип. на о-ве Сахалине, 1897. — III, 234, 196 с.
13. Чехов, А. П. Остров Сахалин (из путевых записок) / А. П. Чехов. — Владивосток : Рубеж ; Южно-Сахалинск : [б. и.], 2010. — 352 с.
14. Энциклопедический словарь. Т. 14, [ч. 27] / под ред. К. К. Арсеньева и Ф. Ф. Петрушевского. — Санкт-Петербург : Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1895. — [6], 480 с.
15. Ювачев, И. П. Восемь лет на Сахалине / [соч.] И. П. Миролюбова. — Санкт-Петербург : Тип. А. С. Суворина, 1901. — XV, 287 с.

Фотографии взяты из альбома «Сахалин 1894», хранящегося в Дальневосточной государственной научной библиотеке. Материал поступил в редакцию 23.01.2019 г.

Сведения об авторе: Воропаева Александра Валерьевна, заведующий отделом «Центр консервации документов и изучения книжных памятников Хабаровского края» Дальневосточной государственной научной библиотеки (г. Хабаровск). Контактные данные: e-mail: red-dvgnb@mail.ru; тел. (4212) 31-23-23.

²⁰ На четырёх документах имеется надпись «Копия».

²¹ Сегодня — Дальневосточная государственная научная библиотека.

Информация для авторов

Общие требования к авторским материалам

Материалы для публикаций отбираются с учётом актуальности тематики, научно-практической значимости, логичности изложения текста в соответствии с профилем журнала и его стилем. Печатаются оригинальные материалы, не публиковавшиеся ранее, в виде статей, сообщений, аналитических обзоров, рецензий, библиографических указателей и списков.

Текст должен быть тщательно отредактирован, все цитаты и список использованных источников — выверены. Авторы несут ответственность за неточность воспроизведения приведённых экономико-статистических данных, собственных имён, географических названий и прочих заимствованных сведений, а также за отсутствие или некорректность необходимых ссылок на работы других авторов.

Требования к содержанию и объёму

Объём рукописи не должен превышать 1,0 авт. л. (40 000 печатных знаков, включая знаки препинания, цифры и пробелы между словами, а также список использованных источников, таблицы, рисунки и фотографии). Статьи большего объёма могут разбиваться на части для публикации в двух и более номерах журнала.

Присланный в редакцию материал должен быть снабжён аннотацией, раскрывающей его содержание, на русском и английском языках.

К статье должен прилагаться перечень ключевых слов, т. е. понятий, используемых в статье, на русском и английском языках.

Обязательно наличие цифрового фото автора (требования: портретное фото в формате JPEG с разрешением не менее 300 pixels) и краткого резюме автора, в котором должна быть указана следующая информация:

- фамилия, имя, отчество;
- занимаемая в настоящее время должность и место работы;
- учёная степень;
- учёное звание;
- контактный телефон (рабочий, мобильный);
- e-mail.

Технические требования к оформлению рукописи

Все таблицы, иллюстрации, рисунки и фотографии должны иметь порядковый номер и заголовок. Иллюстрации, рисунки, фотографии не включаются в текст, а предоставляются в виде отдельного приложения (рис. 1, рис. 2 и т. д.). В тексте на таблицу, иллюстрацию, рисунок и фотографию должна быть дана ссылка. Данные таблиц и рисунков не должны дублировать текст.

Цитаты тщательно сверяются с первоисточниками.

Рукопись должна быть тщательно вычитана. Обращаем внимание авторов на соблюдение ряда **требований при наборе текста**:

- Необходимость использования буквы ё.
- Правильное применения **дефиса** (-), тире (–) и длинного

тире (—):

Дефис (-) — орфографический знак переноса, который разделяет части слова. Графически дефис короче тире. Он делит слово на

слоги при переносе на новую строку, а также делит части составных слов, например: юго-запад, Мамин-Сибиряк, Ростов-на-Дону. Также через дефис пишутся сокращения *о-во* (общество), *д-р* (доктор) и т. д. Дефис используется для присоединения некоторых приставок или частиц к слову: скажи-ка, по-английски. Через дефис пишутся частицы -то, -либо, кое-, -нибудь.

Дефис пишется слитно со словами как предшествующими ему, так и с последующими.

Тире (–) проставляется одновременным нажатием клавиш Ctrl+знак (–) в верхнем правом углу на дополнительной клавиатуре, а длинное тире (—) проставляется одновременным нажатием клавиш Ctrl+ Alt +знак (–) в верхнем правом углу на дополнительной клавиатуре.

Тире ставится между цифрами (без пробелов), например, 5–10; 2013–2014 годы, XIX–XX века. Пробелы ставятся в том случае, когда тире стоит между цифрой и словом, например: начало 2013 – конец 2014 года.

В остальных случаях ставится **длинное тире** (—), которое от окружающих слов отделяется пробелами.

При маркировании списка в тексте используются не дефисы, а только тире.

Оформление списка использованных источников

Список использованных источников является необходимым элементом оформления научной статьи. Основные правила составления списка:

- список помещается в конце статьи;
- в список не включаются источники, на которые нет ссылок в основном тексте и которые фактически не были использованы;
- в начале списка располагаются официальные документы (федеральные законы, указы президента, постановления, положения, приказы и т. д.). Внутри группы однотипных документов описание располагается по хронологии;
- далее — остальные источники в алфавитном порядке по фамилии автора или названия (если автор не указан);
- если в списке литературы есть источники на иностранных языках, то они располагаются после изданий на русском языке также в алфавитном порядке;
- в тексте ссылка на источник даётся с помощью цифры в квадратных скобках, соответствующей порядковому номеру источника в списке литературы: [5], [24, с. 7–8];
- нумерация в списке сквозная (от 1 до ***).

Примечания в тексте статьи приводятся в постраничных ссылках и должны иметь сквозную нумерацию.

Электронная версия статьи присылается по электронной почте: volkotrubova.olga@yandex.ru.

Информация об опубликованных статьях предоставляется в систему Российского индекса научного цитирования. Редакционная коллегия оставляет за собой право при необходимости сокращать статьи, редактировать и отсылать авторам на доработку или не принимать их к опубликованию.

Рукописи, фотографии, рисунки не рецензируются и не возвращаются.
Перепечатка материала разрешается только по согласованию с редакцией,
ссылка на журнал «Культура и наука Дальнего Востока» обязательна.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Предпечатная подготовка и печать
ООО «Антар».
Хабаровск, ул. Пушкина, 47.
Формат 60x90/8. Бумага офсетная.
Тираж 500 экз.
Цена свободная.